

И.В. Чуркина

**РОССИЯ,
СЛАВЯНОФИЛЫ
И ЗАРУБЕЖНЫЕ
СЛАВЯНЕ**

Очерки истории

УДК 94(367), 94(47)
ББК 63.3(0)5, 63.3(2)5
Ч 93

Утверждено к печати
Ученым советом Института славяноведения РАН
(Протокол № 3 заседания Ученого совета ФГБУН
Института славяноведения РАН от 11.06.2020)

Ответственный редактор
кандидат исторических наук К.В. Мельчакова

Рецензенты:
кандидат исторических наук О.А. Дубовик
кандидат исторических наук П.А. Искендеров

Чуркина И.В.
Россия, славянофилы и зарубежные славяне.
Очерки истории. – М.: Индрик, 2020. – 368 с.: ил.

ISBN 978-5-91674-589-4
DOI 10.31168/91674-589-4

Монография И.В. Чуркиной посвящена славянофильскому движению в России, в ней рассматриваются различные варианты идеологии славянофилов и основные аспекты их деятельности. Особо изучены связи славянофилов с представителями зарубежных славян и выделены отличительные черты их взаимодействия во второй половине XIX – начале XX в. Автору удалось выявить новых идеологов славянофильства, анализ взглядов которых позволяет расширить понимание сущности и специфики этого течения мысли и его влияния на дальнейшую судьбу России.

Книга рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся славянофилами в России и их взаимосвязями с национальными движениями зарубежных славян.

© Чуркина И.В., текст, 2020
© Институт славяноведения РАН, 2020
© Издательство «Индрик», оформление, 2020

Предисловие

С самого появления славянофилов российское общество спорит об их идеологии. Связано это прежде всего с неординарностью их взглядов, которые нельзя втиснуть ни в одни принятые социологами рамки. Перед историками вставал вопрос: либералы ли они, поскольку стояли за освобождение крестьян от крепостного права, за проведение либеральных реформ, за свободу печати, или консерваторы, поскольку являлись сторонниками самодержавия и выступали против введения конституции. Не существует ни одного общественного движения, которое вызвало бы столь противоречивые оценки в русской историографии, как славянофильство. Ему посвящено много статей и монографий, трактующих его с противоположных позиций. Кто же были славянофилы?

С.А. Никитин и Н.И. Цимбаев относят к славянофилам ряд культурных и общественных деятелей России второй половины XIX – начала XX века: А.С. Хомякова, И.В. и П.И. Киреевских, К.С. и И.С. Аксаковых, Ю.Ф. Самарина, А.И. Кошелева, Ф.В. Чижова, В.А. Черкасского, а также А.А. Киреева, С.Н. Трубецкого, А.Н. Толстого, Ф.И. Тютчева, Ф.М. Достоевского, В.И. Ламанского, А.Ф. Гильфердинга, Н.М. Петровского, А.И. Харузина, А.И. Яцемирского и др. Помимо этого С.А. Никитин называл среди сочувствовавших славянофильским идеям публициста Н.П. Гилярова-Платонова, адвоката Ф.Н. Плевако, директора Московской консерватории Н.Г. Рубинштейна, историка Д.И. Иловайского. И этими именами список сторонников славянофильских идей не исчерпывается. Славянофилам сочувствовали члены славянских комитетов, многие деятели, связанные с православными организациями, ряд интеллигентов из разночинцев и купечества и т.д. Таким образом состав славянофилов был достаточно пестрым, но преобладали среди них все же дворяне.

В представляемой монографии автор полагает дать свое понимание славянофильства, его теорий и их значение для современного мира. Особое внимание уделяется тем взглядам славянофилов, которые не рассматривались подробно в историографии, а именно их отношению к различным славянским народам. Они сочувствовали всем славянам, находившимся под чужеземной властью, но существовала определенная градация в этих отношениях. Несомненно, наибольшее сочувствие вызывали у них православные славяне (сербы, болгары, черногорцы, униаты-русины), но и оно в разное время претерпевало изменения, особенно это касается полунезависимого княжества Сербии. С католическими славянами (чехи, словаки, хорваты, поляки) отношения были не столь тесные и более сложные.

Для того чтобы точнее определить роль славянофилов в истории России автор подробно остановится на их взаимоотношениях с различными представителями российского общества того времени: с демократами, революционерами, либералами, консерваторами, реакционными кругами. Особый интерес вызывает у него общение их с правительством, очень неоднозначное в разное время.

Наконец, в монографии рассматриваются подробно взгляды тех русских славянофилов, которые недостаточно освещены в историографии. Это, прежде всего – А.А. Киреев, О.А. Киреева (Новикова), Н.А. Киреев, В.С. Соловьев, Ф.М. Достоевский и др. Их теории расширяют круг интересов славянофилов, включая в себя вопрос об объединении христианских церквей.

Русское общество и славянофилы

Для того чтобы оценить сущность славянофильства, необходимо прежде всего рассмотреть взгляды представителей этого течения мысли. Российский ученый Н.И. Цимбаев, посвятивший славянофилам несколько монографий, считает, что для них основополагающими идеями были несколько постулатов: 1. Вера в особый путь русского исторического развития и убеждение, что Россия призвана исполнить особую миссию по отношению к Западной Европе. 2. Уверенность, что народ является главным двигателем исторического развития. 3. Убеждение, что для общественной жизни страны важное значение имеет наличие свободного общественного мнения. 4. Интерес к прошлому и настоящему славянских народов¹. Несомненно, Цимбаев отметил главные черты славянофильского учения. Однако важное значение имело еще одно положение славянофильской идеологии: крестьянская община и обеспечение каждого крестьянина собственным наделом, что было необходимо для успешного социально-экономического развития страны. И именно эти вопросы стали главными в отношении различных общественных групп России к славянофилам. Отношение славянофилов к проведению внутренних реформ четко определил А.С. Хомяков.

Алексей Степанович Хомяков (1804–1860), заложивший основы идеологии славянофилов, в своей программной статье «О новом и старом», опубликованной в 1839 г., указал на те перемены, которые необходимо произвести в России. Он полагал установить в ней порядки, соединяющие сильную центральную власть с патриархальным бытом областей. Для этого он считал необходимым уничтожить

¹ Цимбаев Н.И. Славянофильство. Из истории русской общественно-политической мысли XIX века. М., 1986. С. 67–68.

крепостное право, добавив: «...если только можно назвать правом такое наглое нарушение всех прав». Затем, опираясь на учреждения, которые якобы существовали на Руси до Петра I, Хомяков предлагал распространить грамотность в селах, распределить должности, создать заведения, которые облегчили бы низшим классам доступ к высшим судам, ввести публичный суд и суд присяжных, установить равенство всех сословий с тем, чтобы в учреждениях «люди могли переходить все степени службы государственной и достичь высших званий и почестей». Хомяков призвал создать «сбор всех сословий для обсуждения важнейших вопросов государственных», установить свободу церкви. Тогда, по его мнению, «мы будем продвигаться вперед смело и безошибочно, занимая случайные открытия Запада [...], но придавая им смысл более глубокий [...], воскрешая древние формы жизни русской». Это будет способствовать воскрешению древней Руси, полной живых сил и «не колеблющейся вечно между бытием и смертью»².

Уже современники по-разному оценивали отношение славянофилов к проведению реформ в стране. С западниками у них шла постоянная дискуссия, начиная с 1840-х годов. Соглашаясь в основном, что в России должно быть отменено крепостное право, они спорили о том, по какому пути должна она идти дальше. «В разгар споров 1844–1845 гг., – пишет Н.И. Цимбаев, – западники и славянофилы разделяли общие принципы раннего российского либерализма, сохраняли не только идейную, но и дружескую близость»³. Достаточно позитивно оценивали взгляды славянофилов русские революционные деятели.

А.И. Герцен (1812–1870) в 1850-е годы активно сотрудничал со славянофилами. В 1840-е годы он вместе

² Хомяков А.С. Сочинения: в 2 т. М., 1994. Т. 1. С. 470.

³ Там же. С. 58.

с западниками полемизировал с ними. Покинув Россию в 1847 г., Герцен перебрался в Европу. Но после революций 1848–1849 гг. он разочаровался в порядках, установившихся там, поскольку увидел, что капитализм породил идеологию собственничества, накопительства, тотального мещанства⁴. После разочарования в буржуазных порядках на Западе Герцен стал полагать, что Россия может их избежать, используя русскую общину. И в этом он нашел союзников среди славянофилов. Герцен прямо признавал близость к ним в некрологе, посвященном главным идеологам славянофильства А.С. Хомякову и К.С. Аксакову. «Рано умер Хомяков, еще раньше Аксаков, – писал Герцен, – больно людям, любившим их, знать, что нет больше этих противников, которые были нам ближе многих своих». И далее Герцен подчеркивал заслуги первых славянофилов перед русским народом: «Они остановили увлеченное общественное мнение, заставили призадуматься всех серьезных людей. С них начинается перелом русской мысли [...] Да, мы были противниками их, но очень странными. У нас была одна любовь, но не одинаковая [...] У них и у нас запало с ранних лет одно сильное безотчетное, физиологическое страстное чувство, чувство безграничной, охватывающей все существование любви к русскому народу, к русскому быту, к русскому складу ума. И мы, как Янус или двуглавый орел, смотрели в разные стороны, в то время как сердце билось одно»⁵. Вспоминая баталии, развернувшиеся между славянофилами и западниками в 1840-е годы, Герцен подчеркивал, что время и история сблизили его со славянофилами и «они и мы ближе стали к истинному воззрению теперь, чем были тогда, когда беспощадно терзали друг друга в журнальных статьях,

⁴ Балуев Б.П. Споры о судьбах России: Н.Я. Данилевский и его книга «Россия и Европа». М., 1999. С. 145.

⁵ Колокол. 13.01.1861.

хотя и тогда я не помню, чтобы мы сомневались в их горячей любви к России или они в нашей»⁶. Герцен отмечал важную заслугу славянофилов в истории русской общественной мысли. «Нам надо было противопоставить нашу народность против онемеченного правительства и своих ренегатов. Появление славянофилов как школы и как особого учения было совершенно на месте»⁷.

Славянофилы использовали периодическую печать Герцена, издававшуюся им за рубежом, чтобы открыто высказывать свои взгляды. Большой интерес к Герцену проявлял И.С. Аксаков, который писал в его издания в 1858–1863 гг. под псевдонимом «Касьянов». Всего им было опубликовано там 37 статей и заметок. Славянофилы считали «Колокол» «исключительным органом общественной мысли в России»⁸. Помимо И.С. Аксакова с Герценом общались и сотрудничали В.А. Черкасский, Ю.Ф. Самарин, А.Ф. Гильфердинг, А.И. Кошелев и др. Они посылали ему материалы заседаний Редакционных комиссий, разоблачение деятельности чиновников высокого ранга, тормозивших дело освобождения крестьян и другие либеральные реформы. Герцен откликался на нелегально изданные труды славянофилов. Так он поместил отзыв на брошюру А.И. Кошелева, опубликованную за рубежом, «Депутаты и редакционные комиссии по крестьянскому делу».

Герцен интересовался мнением российского общества о своих изданиях и неоднократно спрашивал об этом в письмах И.С. Аксакова. Тот отвечал, что влияние лондонских изданий огромно, что «мир чиновников их ненавидит

⁶ Герцен А.И. И.С. Аксаков // Колокол. 13.01.1862.

⁷ Цит. по: Галактионов А.А., Никандров Т.Ф. Славянофильство, его национальные истоки и место в истории русской мысли // Вопросы философии. 1966. № 6. С. 124.

⁸ Там же. С. 142–145.

и боится, но вся молодежь не желает ничего признавать кроме “Полярной звезды” и “Колокола”»⁹. В письме к Герцену Ю.Ф. Самарин отмечал, что «“Колокол” теперь единственный голос, к которому прислушивается правительство»¹⁰. Герцен следил и за развитием славянофильской печати, в частности ему нравился журнал «Русская беседа». Когда встал вопрос о соредакторстве И.С. Аксакова в ней, он в начале 1858 г. уговаривал Ивана Сергеевича принять это предложение¹¹.

После Крымской войны Герцен мечтал об объединении славян и даже надеялся на помощь в этом деле царя. В 1859 г. в статье «Война» он призывал Александра II порвать с прошлым и заявить, что Россия больше не хочет быть завоевательной империей с немецким устройством, а станет славянским государством и главой славянского союза¹². Сотрудничество славянофилов с Герценом продолжалось с 1856 по 1864 г. Оно окончилось с началом польского восстания 1863 г. Однако и тогда Герцен указывал на положительные стороны учения славянофилов. В статье «“День” и “Колокол”» он писал: «По счастью сущность их учения не зависит от них. Московские могоикане славянофильства пройдут скоро, а то, что было истинным в их мировоззрении, найдет мозги и сердца больше человеческие и меньше патриотические»¹³.

⁹ Дудзинская Е.А. Славянофилы в общественной борьбе. М., 1983. С. 136–137.

¹⁰ Курилов А.С. Константин и Иван Аксаковы // Аксаков К.С., Аксаков И.С. Литературная критика. М., 1982. С. 142–145.

¹¹ Греков В.Н. Иван Аксаков – сотрудник и редактор // «Русская беседа»: история славянофильского журнала: исследования, материалы, постатейная роспись. СПб., 2011. С. 134.

¹² Никитин С.А. Шестидесятые годы. Раздел II. Панславистские теории и их критика // Россия и славяне: К 110-летию со дня рождения С.А. Никитина. М., 2013. С. 250.

¹³ Колокол. 1.08.1863.

В идеологии славянофилов демократических деятелей России особо привлекали два момента: их взгляды на русскую общину и отношение к просвещению народа. Будущее России славянофилы видели в распространении в ней общинных порядков. Об этом писал А.С. Хомяков в своей статье «О сельской общине», написанной им в 1848–1849 гг. Несомненно, его размышления о ней были связаны с разразившимися в Европе революциями. «Всеобщее стремление по всей Европе, – указывал Хомяков, – свидетельствует об одном, о борьбе капитала и труда и о необходимости помирить или слить их выгоды». В качестве отрицательного примера он приводил Англию, где «безземелие большинства и антагонизм капитала и труда [...] доводят язву пролетарства до бесчеловечной и непременно разрушительной крайности». По мнению Хомякова, этого в России возможно избежать, если выгоды помещиков и крестьян соединить с помощью общины. В этой же статье Хомяков упоминал об общине промышленной, которую он называл фаланстером, и добавлял, что хотя в России в настоящее время такой общины нет, но есть много похожего¹⁴. Об общине писали и другие славянофилы: А.И. Кошелев, Ю.Ф. Самарин, К.С. и И.С. Аксаковы. К.С. Аксаков в газете «Молва» подчеркивал: «В общинном союзе не уничтожаются личности, но отрываются лишь от своей исключительности, дабы составить согласное целое, дабы явить желанное сочетание». И затем К.С. Аксаков добавлял: «Начало общины есть, по преимуществу, начало славянского племени и в особенности русского народа»¹⁵. В «Заключительном слове» журнала «Русская беседа» И.С. Аксаков, являвшийся в то время ее редактором, утверждал: «Только общинное устройство может дать

¹⁴ Цит. по: Цимбаев Н.И. Славянофильство. С. 172–173.

¹⁵ Константин Сергеевич Аксаков, Иван Сергеевич Аксаков. Избранные труды. М., 2010. С. 271–272.

народу самостоятельность жизни, только оно одно в состоянии доставить всему крестьянству благо землевладения и наибольшее, по возможности, общее благосостояние [...], кроме поруки ничто не в силах оградить общественный быт крестьянства от вмешательства в него власти внешней»¹⁶. Как можно видеть, И.С. Аксаков считал крестьянскую общину не только способом обеспечить экономическое благодействие крестьян, спасение их от разорения, но и способом защиты их от вмешательства в крестьянскую жизнь «власти внешней», то есть государственной бюрократии.

В отличие от Герцена и революционных демократов славянофилы были решительными противниками революционных методов борьбы, а достичь своих целей стремились с помощью просвещения и воспитания самых широких народных масс. Это отмечали как сторонники славянофилов, так и их противники. Н.Г. Чернышевский, возглавлявший революционных демократов в России, ввел термин «истинные славянофилы», к которым относил круг лиц, придерживавшихся взглядов Аксаковых, Хомякова, Киреевских. Во многом не согласный со славянофилами, Чернышевский высоко ценил их стремление просветить народ. «Горячая ревность к основному началу всякого блага, просвещению, – писал он об Аксаковых, Киреевских, Хомякове, А.И. Кошелеве, – одушевляет их. Нет нужды лично знать их, чтобы быть твердо убежденным, что они принадлежат к числу образованнейших, благороднейших и даровитейших людей в русском обществе»¹⁷. Чернышевский оценивал взгляды славянофилов значительно выше взглядов многих западников¹⁸.

¹⁶ Там же. С. 350.

¹⁷ Цит. по: Егоров Б. Проблема, которую необходимо решить // Вопросы литературы. 1969. № 5. С. 133.

¹⁸ Дьяков В.А. Славянский вопрос в общественной жизни дореволюционной России. М., 1993. С. 90.

В просвещении народа славянофилы видели не только возможность достижения своих целей, но и смысл жизни человека. И.С. Аксаков утверждал: «Просвещение – вот смысл жизни человека [...] Точно так же, как солнце есть общее достояние, так точно просвещение есть достояние всех людей»¹⁹. Безграмотность народа славянофилы считали главным препятствием немедленному введению конституции в России. Для этого, по их мнению, нужно распространять просвещение среди народа и в то же время готовить к принятию конституции и высшие круги.

По-иному относились к славянофилам многие представители русского высшего общества, некоторые либералы. Это было связано с отрицательным отношением к славянофилам царя Николая I. В 1849 г. были арестованы Третьим отделением собственной его императорского величества канцелярии И.С. Аксаков и Ю.Ф. Самарин (1819–1876). Публицист и историк Самарин был арестован за «Письма из Риги», в которых он осуждал отношение немецких помещиков в Прибалтике к эстонским и латышским крестьянам. В статье он предлагал оказать поддержку латышам и эстонцам в их стремлении освободиться от немецкого влияния²⁰. Николай I допрашивал Самарина лично, поскольку тот являлся крестником Александра I. Согласно записям в дневнике профессора Санкт-Петербургского университета цензора А.В. Никитенко, Николай I сказал Самарину: «Ты пустишь в народ опасную идею, толкуя, что русские цари со времен Петра Великого действовали только по внушению и под влиянием немцев. Если эта мысль пройдет в народ,

¹⁹ Константин Сергеевич Аксаков, Иван Сергеевич Аксаков. Избранные труды. С. 271.

²⁰ *Ширина А.А., Мырникова А.В., Фурсова Е.Б.* Константин Сергеевич и Иван Сергеевич Аксаковы // Константин Сергеевич Аксаков, Иван Сергеевич Аксаков. Избранные труды. М., 2010. С. 104.

она произведет ужасные бедствия»²¹. И.С. Аксакова обвинили за его положительный отзыв на эту статью Самарина, который он высказал в частном письме. Он был должен ответить в письменном виде на ряд вопросов Третьего отделения. Ответам И.С. Аксакова, выдержанным во вполне легитимном духе, царь не поверил. На слова И.С. Аксакова, что в отношении западных славян славянофилы испытывают только участие, Николай I написал свое мнение: «Потому что под видом участия к мнимому утеснению славян тмится (подразумевается. – И.Ч.) преступная мысль соединения с этими племенами, несмотря на подданство их соседним и частью союзным государствам, а достижение сего ожидали не от Божьего промысла, а от возмутительных покушений на гибель самой России»²².

Но уже до истории со статьей Самарина правящие круги России отрицательно относились к славянофилам. Об этом свидетельствует письмо Ю.Ф. Самарина, посланное им из Петербурга А.С. Хомякову и К.С. Аксакову в 1844 г. «Мы дошли до того, – писал он, – что московское направление (так называли себя славянофилы в 1840-х годах. – И.Ч.) еще ни в чем не успевшее выразиться вполне и оправдать себя, навлекло на себя сильное незаслуженное подозрение со стороны власти и недоверчивость со стороны общества [...] Власть убеждена, что в Москве образуется политическая партия решительно враждебная правительству»²³. Это недоверие правительства к славянофилам выразилось уже в 1847 г. в аресте славянофила, предпринимателя, математика и искусствоведа Ф.В. Чижова (1811–1877), возвращавшегося на родину из-за рубежа. Его заподозрили в участии в славянском заговоре против австрийского императора.

²¹ Цит. по: *Цимбаев Н.И.* Славянофильство. С. 129–130.

²² Там же. С. 36.

²³ Там же. С. 123–124.

После ареста Ф.В. Чижова, Ю.Ф. Самарина, И.С. Аксакова за славянофилами утвердилась слава оппозиционеров николаевскому режиму. Их поставили под полицейский надзор, под которым они находились до 1857 г. Однако на этом неприятности славянофилов с властями не закончились. По указанию генерал-губернатора Москвы А.А. Закревского за домами Хомякова, Аксаковых, Кошелева была установлена слежка, а славянофилам было запрещено появляться в общественных местах в русской одежде²⁴.

Ни одно издание в России не проходило столь строгую цензуру как славянофильские. Еще до революции 1848 г. славянофилам удалось издать в 1846 и 1847 г. два «Московских сборника». Третий «Московский сборник» славянофилов вышел в свет в 1852 г. Он имел успех у читателей. Помимо славянофилов в нем участвовали такие видные западники как Т.Н. Грановский, С.М. Соловьев, И.С. Тургенев. Третий «Московский сборник» по приказанию Николая I был запрещен. Цензор дал следующий отзыв на него: «Славянофилы смешивают приверженность свою к русской старине с такими началами, которые не могут существовать в монархическом государстве, и явно недоброжелательствуют нынешнему порядку вещей»²⁵. В качестве одной из важных причин запрета сборника цензор указывал на утверждение в одной из его статей, что общинное начало неразрывно связано с сущностью славянина. Цензор полагал, что это «совершенно коммунистическая мысль»²⁶. С 1853 г. Хомяков,

²⁴ Пирожкова Т.Ф. А.С. Хомяков – главный распорядитель журнала «Русская беседа» // «Русская беседа»: история славянофильского журнала. С. 12.

²⁵ Цимбаев Н.И. И.С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. М., 1978. С. 46.

²⁶ Ширинянц А.А., Мырникова А.В., Фурсова Е.Б. Константин Сергеевич и Иван Сергеевич Аксаковы. С. 35.

И. Киреевский, братья Аксаковы и Черкасский не могли печатать свои труды, не получив разрешения не только московской цензуры, но и Главного управления по делам цензуры в Петербурге²⁷.

Положение изменилось после смерти 28 февраля (2 марта) 1855 г. Николая I. Славянофилы решили начать издавать свой журнал. Инициатором выступил Хомяков. Согласно письму И.С. Аксакова от 7 апреля 1855 г. родственникам Хомяков говорил о необходимости организации славянофилами своего литературного журнала²⁸. После долгих хлопот славянофилов в декабре 1855 г. журнал «Русская беседа» был разрешен, однако официальное дозволение пришло только 3 февраля 1856 г. 3 марта Кошелев опубликовал программу журнала. У «Русской беседы» было четверо издателей: Кошелев, Хомяков, Самарин, Черкасский. На их паи осуществлялась печать. Но самый внушительный вклад сделал Кошелев: за пять лет существования журнала он вложил в его издание 40 тысяч руб. серебром²⁹. «Русская беседа» была единственным периодическим изданием славянофилов, которое избежало репрессий со стороны правительства и окончило существование по решению редколлегии.

В 1857 г. была запрещена славянофильская газета «Молва» из-за статьи К.С. Аксакова «Опыт синонимов. Публика – народ». Цензор Волков в 1857 г. находил в передовых «Молвы», которые старательно проверялись, «идеи коммунизма и равенства». В 1859 г. после выхода первого номера был остановлен выпуск газеты «Парус» И.С. Аксакова, в котором он критиковал правительство, высказывался против

²⁷ Пирожкова Т.Ф. А.С. Хомяков – главный распорядитель журнала «Русская беседа». С. 12.

²⁸ Там же. С. 9.

²⁹ Там же. С. 19–22.

крепостного права, за свободу слова и печати. По настоянию шефа жандармов В.А. Долгорукова газета была запрещена³⁰.

Журнал «Русская беседа» просуществовал пять лет и был закрыт по решению редакции, а не цензуры. В этом была во многом заслуга ее главного редактора А.И. Кошелева. Он проводил всегда свою политику, несмотря на то, что часть издателей и соредакторов журнала были ею недовольны. Так, приглашая И.С. Аксакова в соредакторы «Русской беседы», Кошелев выдвигал ему свои условия в июне 1858 г. «Одно меня тревожит: это Ваше болезненное нерасположение к власти. В “Парусе” кутите, как хотите, но в “Беседе” [...] будьте в примечаниях от редакции крайне воздержаны, ибо скорее соглашусь закрыть “Беседу”, чем дать ей оппозиционный характер [...] Я в душе за власть. С прискорбием вижу, когда она спотыкается [...] Я желаю слыть органом правительства, только либерального правительства»³¹. Помимо И.С. Аксакова не со всеми действиями Кошелева были согласны Черкасский и Самарин³².

«Русская беседа» носила культурно-просветительский характер, хотя в ней публиковались и статьи, ставящие перед Россией политические задачи. Так в одной из заметок редколлегии указывалось: «Отселе законная задача России – освобождение греко-славянского мира на Востоке и вместе с тем посредничество и примирение двух национальностей между собою на началах разумных, честных, справедливых для той и другой стороны»³³. «Русская беседа» печатала исторические очерки о Степане Разине, о Лютере и Гусе, о Пушкине. В журнале публиковались очерки

³⁰ Цимбаев Н.И. И.С. Аксаков. С. 65.

³¹ Греков В.Н. Иван Аксаков – сотрудник и редактор. С. 124.

³² Пирожкова Т.Ф. Хомяков – главный распорядитель журнала «Русская беседа». С. 24.

³³ Русская беседа. 1858. № 4. С. 91.

о славянских народах, написанные как славянскими деятелями (словенцем В. Клуном, сербом М. Миличевичем), так и русскими учеными (А.Ф. Гильфердингом, Е.П. Ковалевским). Но главной заслугой «Русской беседы» перед русской культурой являлась публикация ею сочинений российских писателей И.С. Тургенева, М.Ф. Салтыкова-Щедрина, драматурга А.Н. Островского, поэтов А.С. Хомякова, Я.П. Полонского, А.К. Толстого, Т.Г. Шевченко и др. С произведениями некоторых из них российское общество знакомилось впервые именно благодаря «Русской беседе».

После закрытия «Русской беседы» главную роль в большинстве славянофильских изданий играл И.С. Аксаков, который практически и стал главным идеологом славянофилов. Этому способствовала и смерть в 1860 г. А.С. Хомякова и К.С. Аксакова. Все передовые статьи в самой популярной славянофильской газете «День» (1861–1865), написанные ее главным редактором И.С. Аксаковым, были подвергнуты цензурным искажениям. На них обычно стояла пометка «Дозволено к печати, за исключением мест, отмеченных красным карандашом»³⁴. В 1868–1869 гг. И.С. Аксаков издавал газету «Москва», в которой помещалось большое количество корреспонденций с мест, обличавших произвол местных властей, критиковалась деятельность официальной церкви. Особое внимание газета уделяла положению населения в Остзейских губерниях. И.С. Аксаков решительно отстаивал право прибалтийских народов на самостоятельное развитие, осуждал действия российского правительства, направленные на укрепление там позиций немецкого меньшинства, считал необходимым наделение прибалтийских крестьян землей. Эти статьи вызывали недовольство Александра II, о чем министр внутренних

³⁴ Цимбаев Н.И. И.С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. С. 6, 8.

дел А.Е. Тимашев сообщал московскому генерал-губернатору В.А. Долгорукову, указывая, что царь недоволен «злоупотреблением печатного слова в прибалтийском вопросе». «Главной причиной цензурных гонений на газету, – справедливо считает Н.И. Цимбаев, – была критика Аксаковым всех сторон деятельности царской администрации. Он критиковал министров внутренних дел, финансов, московского генерал-губернатора, власти прибалтийских губерний, цензуру, русскую дипломатию и прочих». Московские цензоры писали об И.С. Аксакове своему начальству: «Отличается деспотическим упорством и своею нескрываемою ненавистью к администрации, которую он старается унижить в глазах общества всякий раз, как распоряжения ее не согласуются с его личными и односторонними воззрениями». Тимашев требовал закрытия газеты «Москва», как имеющей вредное направление. 23 января 1869 г. этот вопрос обсуждался в сенате. 7 сенаторов из 10-ти поддержали Тимашева. В конце апреля 1869 г. И.С. Аксаков получил из канцелярии московского генерал-губернатора указ о запрещении издания газеты «Москва», а также о запрете самому Аксакову в течение 12 лет заниматься журналистской деятельностью³⁵.

Отношение цензоров к славянофилам отражало отношение к ним властных структур и высших слоев общества. По свидетельству А.И. Кошелева, после революций 1848–1849 гг. генерал-губернатор Москвы граф А.А. Закревский называл членов кружка А.С. Хомякова то «славянофилами», то «красными», то «коммунистами»³⁶. В 1859 г. И.С. Акса-

³⁵ Цимбаев Н.И. И.С. Аксаков. С. 143–145, 153–154; Ширинянец А.А., Мырникова А.В., Фурсова Е.Б. Константин Сергеевич и Иван Сергеевич Аксаковы. С. 67–68.

³⁶ Кошелев А.И. Записки Александра Ивановича Кошелева (1812–1883 годы). Берлин, 1884. С. 67.

ков писал М.Ф. Раевскому, настоятелю посольской церкви в Вене и агенту славянофилов в Австрийской империи: «Ни один западник, ни один русский социалист так не страшен правительству, как московский славянофил»³⁷. 3 ноября 1865 г. И.С. Аксаков сообщил Е.А. Черкасской, жене видного славянофила князя В.А. Черкасского, о своей женитьбе на Анне Федоровне Тютчевой (дочери поэта Ф.И. Тютчева), являвшейся фрейлиной императрицы. «Несмотря на гнусность придворной среды, на звание фрейлины, в моих глазах менее, чем непочтенное, – писал он, – я найду в ней все, что моей душе и нравственному существованию на потребу». И далее И.С. Аксаков рассказывал княгине, как высшее общество неодобрительно отнеслось к замужеству Анны Федоровны: «Фрейлина выходит замуж за редактора журнала, по их мнению, демократического, демагогического, социалистического, красного»³⁸.

Насколько правы были представители властных кругов, обвиняя славянофилов в приверженности к социалистическим и коммунистическим идеям? Хомяков оценивал их достаточно сдержанно. «По сущности мысли своей, – писал он в июле 1846 г. историку А.Н. Попову, – мы не только выше политики, но и выше социализма, который есть не что иное как вывод и вывод односторонний»³⁹. В марте 1848 г. Самарин делился своими мыслями по этому поводу с отцом: «Слово коммунизм служит теперь пугалом для всех, я не думаю его оправдывать; но коммунизм есть только карикатура мысли прекрасной и плодотворной.

³⁷ Цимбаев Н.И. И.С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. С. 66.

³⁸ Отдел рукописей Российской Государственной библиотеки (далее – ОР РГБ). Ф. 327. К. 4. Д. 2. Л. 26–26 об.

³⁹ Константин Сергеевич Аксаков, Иван Сергеевич Аксаков. Избранные труды. С. 146.

Коммунизм относится к учению об ассоциации, об организации промышленности и земледелия, о приобщении рабочего класса к выгодам производительности». И далее Самарин делал вывод, что в России нельзя сидеть сложа руки, а лучше признать чистосердечно необходимость коренного преобразования и совершить его правомерным порядком. «Это по-моему, – заключал Самарин, – лучшее и единственно возможное средство обессилить и побороть коммунизм»⁴⁰. И.С. Аксаков в письмах к Кошелеву выражал уверенность, что социализм совместим с христианством, доказательство чего он видел в ранних христианских обществах и братствах⁴¹. Таким образом, хотя славянофилы и не являлись сторонниками социалистических идей, но относились к ним достаточно объективно.

Значительная часть высших кругов была настроена недоброжелательно по отношению к славянофилам, однако в их рядах имелись и сторонники некоторых взглядов славянофилов, с которыми последние сотрудничали. Это были представители дворянской интеллигенции, сочувствовавшие славянам. В их число входили даже некоторые члены высшего общества, группировавшиеся вокруг графини Антонины Дмитриевны Блудовой, великой княгини Елены Павловны, жены младшего брата царя Михаила, великого князя Константина Николаевича.

Сочувствие православным славянам в русском обществе наблюдалось с древнейших времен, но особенно оно стало проявляться с XVIII в., когда русско-турецкие войны познакомили русских с южными славянами. С начала XIX в. русские стали проявлять интерес и к австрийским славянам. Этому способствовали путешествия в Габсбургскую монархию русских ученых: А.С. Кайсарова, П.И. Кеппена,

⁴⁰ Там же. С. 165.

⁴¹ Цимбаев Н.И. И.С. Аксаков. С. 247.

Ю.И. Венелина, М.П. Погодина, О.М. Бодянского, В.И. Григоровича, П.И. Прейса, И.И. Срезневского, Н.И. Надеждина и др. Славянам помогали в России спорадически отдельные лица, церковь, научные учреждения.

Положение изменилось после революции 1848–1849 гг. в Австрийской империи. Всплеск славянских национальных движений в габсбургских владениях привлек к себе внимание ряда русских общественных деятелей, сочувствовавших славянам. Среди них выделялись Михаил Федорович Раевский и графиня Антонина Дмитриевна Блудова.

Михаил Федорович Раевский (1811–1884) являлся протоиереем русской посольской церкви в Вене с 1843 г. до своей смерти. Человек умный и образованный, он с симпатией относился к национальным движениям славянских народов Австрии и уже до революции охотно брал на себя труд быть посредником между славянскими учеными и общественными деятелями и русскими славистами. Авторитет Раевского среди славянских деятелей Австрии был достаточно велик, на что указывает факт его приглашения на Славянский съезд в Праге (июнь 1848 г.). При этом среди приглашенных русских его имя стояло на первом месте. Кроме российских славистов Раевский был в добрых отношениях с некоторыми образованными государственными деятелями России. Среди них выделялся граф Дмитрий Николаевич Блудов, главноуправляющий Вторым отделением собственной его императорского величества канцелярии, и его дочь графиня Антонина Дмитриевна Блудова. Оба они проявляли большой интерес к славянам. С Блудовой Раевский переписывался с 1848 по 1883 г.

Во время революции активные военные действия происходили на территории сербской Воеводины, Военной границы, было разрушено много православных церквей. Сербский патриарх Й. Раячич обратился к М.Ф. Раевскому с просьбой о содействии их восстановлению со стороны

русской православной церкви. Тот в свою очередь написал об этом графине А.Д. Блудовой. Для сбора помощи в пользу иностранных подданных было необходимо разрешение на это официальных властей. 1 декабря 1849 г. Блудова сообщала Раевскому о переговорах по этому вопросу с обер-прокурором Св. Синода графом Н.А. Протасовым. Тот посоветовал ей рекомендовать патриарху Раячичу направить русским властям просьбу о помощи⁴². 8 (20) октября 1849 г. Блудова просила Раевского передать патриарху от нее лично налож для евангелия и пелену. Далее графиня рассказывала, какое впечатление на высшее общество произвело разорение православных церквей в Воеводине, особенно Ковильского монастыря. «Несколько из наших знакомых дам, – продолжала она, – начали заниматься собранием и работою разных церковных вещей [...] Великая княжна и великая княгиня сами способствовали или своею работою или дарами к этому сбору». Тут же Блудова сообщала, что 20 молодых дам решили пожертвовать монастырю (Ковильскому) свои рукоделия и церковную утварь⁴³. Так было положено начало кружку графини Блудовой, занимавшемуся сбором пожертвований в пользу православных церквей, разоренных в 1848–1849 гг.

Антонина Дмитриевна Блудова (1813–1891) в 1850 г. стала инициатором создания этого кружка. В него входили крупные петербургские чиновники, дамы из высшего петербургского общества. Первоначально он возник для сбора вспомоществования сербам Воеводины и Военной Границы. После обращения Раячича и разрешения российских властей был проведен сбор пожертвований для сербских церквей.

⁴² Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 1274. Д. 2424. Л. 187.

⁴³ Отдел письменных источников Государственного исторического музея (далее – ОПИ ГИМ). Ф. 347. Д. 14.

В нем приняли участие лица из царской семьи, а именно великие княгини Елена Павловна, Мария Николаевна, Александра Иосифовна, великая княжна Екатерина Михайловна⁴⁴. Помимо самой графини и ее отца графа Д.Н. Блудова среди жертвователей были генерал-адъютант Берг, фрейлина А.А. Воейкова, статский советник Ф.Ф. Вигель, граф Д.А. Толстой, граф К.В. Нессельроде, историк А.Н. Попов и др. О сборе пожертвований объявляли в церквях, писала газета «Северная пчела». В успехе этого мероприятия особо большую роль сыграла деятельность А.Д. Блудовой и М.Ф. Раевского. Спустя 34 года газета И.С. Аксакова «Русь» на основании материалов, предоставленных сыном М.Ф. Раевского Федором, опубликовала следующие данные о пожертвованиях: «В 1850 г. ему (М.Ф. Раевскому. – И.Ч.) было поручено обществом благотворителей и Св. Синодом заняться устройством разоренных церквей в Воеводине. При активном его содействии восстановлено и устроено там 47 православных церквей, более 60 церквей снабжено утварью и церковными книгами, восстановлено несколько народных школ»⁴⁵.

О деятельности этого кружка и лицах, входивших в него, свидетельствует переписка М.Ф. Раевского с Блудовой и рядом других российских корреспондентов. 5 апреля 1849 г. А.С. Норов (государственный деятель, ученый, в 1853–1858 гг. министр народного просвещения в России) сообщал Михаилу Федоровичу о книгах для далматинских церквей, которые он собрал с помощью великой княгини Елены Павловны⁴⁶. Через Раевского Блудова оказывала помощь в начале 1850-х годов настоятелю православной церкви в Дубровнике Георгию Николаевичу, издававшему

⁴⁴ РГАДА. Ф. 1274. Д. 2423а. Л. 4, 7–7 об.

⁴⁵ «Русь». М. 01.11.1884. С. 27.

⁴⁶ Чуркина И.В. Протоиерей Михаил Федорович Раевский и югославяне. М., 2011. С. 52–53.

ежегодник «Србско-далматински магазин», Д. Медаковичу, редактору газеты «Србски дневник», выходившей в Нови Саде, И. Поповичу, выпускавшему «Србске новине» в Белграде. Так в 1850 г. Раевский просил Блудову присылать в «Србске новине» статьи о России. В марте 1851 г. в газете появилась статья «Панславизм и политическое верование русского». В ней говорилось, что славян спасут не польский демократизм, не славянская федерация, а смирение, любовь и самопожертвование, которые проповедует православная церковь. Автор отмечал, что искренними славянскими патриотами могут быть и славяне-католики. В качестве примера приводились имена хорватского епископа Штросмайера и ряда чешских национальных деятелей⁴⁷. О получении этой статьи от русского консула в Сербии Левшина Раевский сообщал Блудовой 12 ноября 1850 г., добавив, что сам перевел ее на сербский язык⁴⁸. В 1852 г. в «Србских новинах» был напечатан цикл статей «Письма из России о славянском вопросе», в которых рассказывалось об отношении разных кругов русского общества к славянскому вопросу. Простой народ, говорилось в одной из статей, не знает о славянах, но считает: «если он (славянин. – И.Ч.) православный [...] одинаково с нами молится богу на нашем языке, то он наш родной брат»⁴⁹. Первая статья по всей вероятности принадлежала Блудовой, авторами цикла статей были скорее всего несколько человек.

Особенной симпатией Раевского пользовалась газета Д. Медаковича «Србски дневник», которую он характеризовал Блудовой в своих «Записках» от 1853 г. «Славяне имеют только одну газету, из которой могут научиться

⁴⁷ Србске новине. 1851. № 28.

⁴⁸ РГАДА. Ф. 1274. Д. 2423а. Л. 42.

⁴⁹ Србске новине. 1852. № 75, 82, 135.

доброму, – писал Раевский. – Это “Сербский дневник” г. Медаковича, издаваемый в Новом Саде. Для него Россия – единственное спасение славян; все, что получили славяне – получили через Россию; в справедливом гневе вооружается против сербского правительства, против Франции и Англии». Раевский был убежден, что австрийские власти ее закроют⁵⁰. Однако газету не закрыли. Властные круги Австрии придумали другой способ избавиться от неугодного издания. Как писал в своих «Записках» от 1854 г. Раевский, на газету был наложен штраф в 5000 гульденов, который она не в состоянии была заплатить. Однако, отмечал Раевский: «Князь Михаил (Обренович. – И.Ч.), приверженный к России и сам находящий свой интерес в таком духе газеты и много помогающий славянским предприятиям, мог это сделать, думаю, что и сделал»⁵¹.

Большим вниманием Блудовой и ее кружка пользовался литературный ежегодник Г. Николаевича «Србско-далматински магазин». Графиня организовала подписку на него среди своих знакомых. 7 (19) февраля 1850 г., 20 марта (1 апреля) 1850 г., 8 (20) мая 1850 г., 17 (29) мая 1850 г., 10 (22) октября 1851 г. она посылала Раевскому сведения о подписчиках на ежегодник и деньги за подписку. 27 июня (8 июля) 1851 г. Блудова просила Раевского подписать на «Србско-далматински магазин» следующих лиц: «папеньку на 40 экземпляров, меня на 5, полковницу Шевич (родная сестра А.Д. Блудовой. – И.Ч.), графа Андрея Дмитриевича Толстого на 1, Александра Николаевича Попова – на 1, статского сов[етника] Вигеля – на 1»⁵².

⁵⁰ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее – ОР РНБ). Ф. 627. Записки Раевского. 1853. Л. 22 об.

⁵¹ ОР РНБ. Ф. 627. Записки Раевского. 1854. Л. 11.

⁵² Југословени и Русија: документи из архива М.Ф. Рајевског. 40–80 године XIX века. Београд, 1989. Т. II. Књ. 1. С. 48, 54–56, 75.

Через Раевского Блудова посылала книги Илирской и Далматинской матицам. Графиня установила контакты и со словенскими национальными деятелями Радославом Разлагом и Йосипиной Турноградской, одной из первых прозаиков в словенской литературе⁵³. Это говорит о том, что Антонина Дмитриевна благожелательно относилась не только к православным, но и к католическим славянам. «Я не понимаю, – писала она Раевскому 3 (15) декабря 1849 г. – как могут южные славяне не быть веротерпимы, как русские. Это, кажись, в славянской крови. Мне кажется, надобно им смотреть на две церкви их, как на две сестры одна (из которых. – *И.Ч.*) вышла замуж за иностранца. И жаль, что она не говорит уже почти на милом родном языке, и жаль, что пошла она в подданство чужому государю, а не менее того, она все-таки сестра родная и не перестать же любить родную! Мы видим, что в самом начале христианства было некоторое разногласие между апостолами Петром и Павлом, но мешало ли оно любви и почитанию взаимному? Ах! Кажется долг каждого из нас, и малого, и великого, и во всяком звании и в каждой стране стремиться вселять чувство любви и согласия между людьми!»⁵⁴. То, что это не являлось пустыми словами, доказывает статья Блудовой, опубликованная в газете «Србске новине».

Блудова имела сношения и с княжеством Сербия прежде всего через русского консула в Белграде Д.С. Левшина. Значение Блудовой в российских правящих структурах несколько преувеличивали ее зарубежные корреспонденты, в частности сербские. В княжестве Сербия большое влияние на политику оказывали группировавшиеся вокруг И. Гарашанина политики, которые стремились противопоставить влиянию России опору на Францию. Они поддерживали

⁵³ Там же. С. 62, 85–86, 95.

⁵⁴ Там же. С. 44.

Александра Карагеоргиевича, которого поставили князем после свержения Михаила Обреновича в 1842 г. уставобранители, которым сочувствовал Гарашанин. Консул Левшин сообщал об этом российскому правительству. Это привело к отставке Гарашанина с министерского поста в 1853 г. при содействии нового консула Ф.А. Туманского. В защиту Гарашанина выступил его сподвижник Й. Маринович, отправивший 12 мая 1853 г. из Парижа письмо Блудовой. «Но может ли серб, – писал он – не любить братьев русских, когда еще в колыбели он слышит от матери рассказы о том, какие у него братья русские, какой у них царь могучий и добрый, и как они помогли нам освободиться от турок». Вместе с тем Маринович подчеркивал: «мы люди, которые не позволяют, чтобы на них верхом садились, а дружбою и ласковым обращением всегда можно вести нас куда захочешь. Вы старшие в роде в отношении ко всем славянам, мы добровольно и охотно как младшие братья будем следовать Вашим советам, только докажите нам искренность и дайте нам слово, что по-прежнему будете бескорыстны с нами и не захотите завоевать нас и сделать свою провинциею». Далее Маринович решительно отвергал обвинение Гарашанину в сочувствии революции. Затем он характеризовал отношение сербов к другим государствам: в турках и немцах он видел непримиримых врагов славян, французов он обвинял в том, что для них нет ничего святого, англичан он считал погруженными в материальный эгоизм. Маринович уверял, что югославянские государства или государство должны быть естественной сильной опорой России против духа Запада, «авангардом России против всем нам враждебного элемента». Во всех недоразумениях между Россией и Сербией он обвинял русских консулов, которые «часто так себя ведут, что нельзя не думать, что они желают произвести бунт в Сербии».

и покровительствуют всем революционерам»⁵⁵. Маринович несомненно не был откровенен с графиней. На это указывает отзыв о нем Левшина, который характеризовал его как приверженца Гарашанина, «воспитанного в Париже и совершенно зараженного враждебными идеями польской пропаганды»⁵⁶. Летом 1853 г. Маринович побывал в России, где встретился с Блудовой. Поездкой он остался доволен.

На Блудову письмо Мариновича и разговоры с ним оказали некоторое влияние. Уже в письме Раевскому от 5 (17) мая она откровенно изложила свою позицию относительно отставки Гарашанина, отметив, что Россия проводит немецкую политику и верит Австрии. В качестве примера она приводила ее действия по отношению к Гарашанину. Она полагала, что ненависть Гарашанина к России преувеличена, а на сербского политика оказали влияние заносчивость Туманского, ласки французов, щекотливость национальная, боязнь, что Россия уступит Сербию Австрии. Далее Блудова сообщала Раевскому, что Николай I в случае разгрома Турции не желает присоединения Сербии к России или Австрии. «В случае катастрофы окончательной [...], – утверждала она, – думают округлить княжество (хотя, разумеется, не дадут ни Царьграда, ни Душанова царства), но если пойдут крутить против нас на революционный лад польско-французский, Вы знаете, что эта мысль, быть представителями антиреволюционного духа есть единое непоколебимое правило у нас». В конце письма Блудова просила Раевского сообщить Гарашанину о намерениях царя. И далее добавляла: «Если Гарашанин в самом деле, как о нем говорят,

⁵⁵ Рукописный отдел Института русской литературы Российской академии наук «Пушкинский дом» (РО ИРЛИ РАН). Ф. 22. Д. 398. Л. 1–7.

⁵⁶ Никифоров К.В. Сербия в середине XIX в. (начало деятельности по объединению сербских земель). М., 1995. С. 159.

человек практический и дельный, и что он искренне, желает добро своему отечеству, он поймет, что нужны осторожность и некоторые уступки»⁵⁷. Уже летом 1853 г. Гарашанин стал менять свое отношение к России. На это повлияло, по-видимому, сочувствие, которое высказывали ему Блудова и некоторые представители русских высших кругов.

После начала Крымской войны деятельность Блудовой и ее сторонников приобрела другое направление, а именно стремление привлечь славян помочь России в борьбе против Османской империи.

В 1856 г. кружок Блудовой получил официальный статус и стал называться Петербургский благотворительный комитет. Его возглавили три титулованные дамы: княгиня Т.В. Васильчикова, графиня И.Д. Протасова (жена обер-прокурора Св. Синода Н.А. Протасова) и графиня А.Д. Блудова. Целью комитета официально провозглашалось снабжение книгами и богослужебными предметами православных церквей и школ на Балканах⁵⁸. Но Петербургский комитет занимался и другими вопросами. Особенно его интересовали Босния и Герцеговина, ее сербское население, борьба его против засилья греческого духовенства. В конце 1850-х годов там был голод. Посредниками в сношениях Петербургского благотворительного комитета с босняками выступили Блудова и А.Ф. Гильфердинг. Последний в 1857–1858 гг. занимал должность русского консула в Сараеве, он много путешествовал по стране и опубликовал книгу «Босния, Герцеговина и Старая Сербия». Петербургскому благотворительному комитету удалось собрать

⁵⁷ ОПИ ГИМ. Ф. 347. Д. 12.

⁵⁸ Чуркина И.В. К вопросу о первом русском обществе помощи югославянским народам // Общественные и культурные связи народов СССР и Балкан XVIII–XX вв. М., 1987. (Балканские исследования. Вып. 10). С. 62–75.

значительную сумму в помощь голодающим. В письме Раевскому Блудова называла 1200 руб. Жертвователями выступали не только лица из круга Блудовой, но чиновники гражданского суда в Казани, крестьяне из села Волковины из-под Владимира, офицеры штаба 2-ой пехотной дивизии и камчатского полка и др.⁵⁹ Как можно видеть, на призыв Петербургского благотворительного комитета откликнулись из разных слоев русского общества.

В 1858 г. был основан Московский Славянский благотворительный комитет. В первое время его виднейшие деятели И.С. Аксаков, М.Ф. Раевский пытались наладить с Петербургским благотворительным комитетом сотрудничество. В этом отношении любопытно письмо И.С. Аксакова А.Д. Блудовой от 15/16 января 1862 г., в котором он пытался разъяснить ей суть славянофильского учения. «Сущность воззрения брата моего (и Хомякова), – писал он, – состоит в том, что русский народ не политический, никогда не бунтовал за свои политические права, а народ социальный, имеющий задачею внутреннюю жизнь, жизнь земскую. Его идеал не государственное совершенство, а создание христианского общества. Следовательно, его идеал выше идеала западных народов, которые веруют в государство [...] Русская свобода есть свобода внутренняя, духовная; Запад же, гонясь за свободой внешней, государственной (политической) погружен в духовное рабство. Разумеется, к внутренней свободе я отношу свободу мнения, свободу слова и совести. Вы никогда не докажете, что самодержавие хорошо: это только одно из меньших зол, или меньшее из зол, и то с нашей точки зрения, потому что дает возможность народу оставаться вне государственной внешней деятельности. Начало государства есть начало принуждения,

⁵⁹ Чуркина И.В. Протоиерей Михаил Федорович Раевский и югославяне. М., 2011. С. 104–106.

неволи: начало закона (по Апостолу) есть грех. Начало христианства есть освобождение от закона, внутренняя свобода». И далее И.С. Аксаков указывал, что статьи о земских соборах имели своею целью удержать народ и общество от честолюбивых политических мечтаний, чтобы народ не захотел участвовать в управлении государством. «Но должен Вам сознаться, – заключал Аксаков, – что цензурные стеснения способны меня выводить из себя и заставить смотреть на правительство как на орду татарскую. Что может быть гаже цензуры! И что за дело царю, что вот так-то думал Константин Аксаков и так-то думает надворный советник Иван Сергеевич Аксаков! Государство что ли от этого развалится? Хрупкое же оно! Нечего тогда за него и стоять!»⁶⁰ Начав письмо во вполне легитимном духе, Аксаков заканчивал его достаточно резко по отношению к царю и правительству. Все же вплоть до польского восстания отношения между славянофилами и Петербургским благотворительным комитетом были достаточно благожелательными.

⁶⁰ Отдел архивных документов Российской национальной библиотеки (далее – ОАД РНБ). Ф. 14. Д. 71.

Попытка организации восстания славян во время Крымской войны

Вопрос о Крымской войне исследовался многими русскими историками, такими, как Е.В. Тарле, С.А. Никитин, В.Н. Виноградов и др. Он привлекал к себе особое внимание, потому что Крымская война явилась как бы рубежом в отношениях России и Европы: во время нее практически вся Европа впервые откровенно противопоставила себя России. Во многом этот факт объясняет попытку, предпринятую Россией, освободить православное население Балкан от власти Османской империи, объединив свои военные действия с его восстанием против турок.

Связи Русского государства с сербами, болгарами, греками фиксируются уже с раннего средневековья, а после захвата турками Балканского полуострова они приняли характер покровительства православным народам со стороны России. Во время русско-турецких войн XVIII – первой половины XIX в. русское правительство всегда включало в мирные договоры с Османской империей статьи, ведущие к улучшению положения ее православного населения, а во время его выступлений против турецкого владычества старалось помочь ему легальными и нелегальными способами.

В первой половине XIX в. в образованных кругах русского общества были распространены симпатии к славянским народам, как находящимся в Османской империи, так и тем, кто проживал в империи Габсбургов. Идеологом этих кругов выступал историк и публицист Михаил Петрович Погодин (1800–1875). В 1835–1844 гг. он возглавлял кафедру русской истории в Московском университете, в 1841 г. стал членом Академии наук. Затем активно занимался журналистской деятельностью. Погодин не только в печати защищал права славянских народов, но и писал представителям русских властных структур записки, в которых излагал свои

мнения по славянскому вопросу. Так в письме к министру народного просвещения от 1839 г. Погодин развивал план сотрудничества России со славянами, чтобы привлечь их на сторону России. Давая характеристику различным славянским народам, он особое внимание обращал на турецких славян. Болгары, по его мнению, занимают среди них первое место, так как стонут под двойным гнетом – турецким и греческим. А они ведь являются для русских единоплеменниками и единоверцами и дали им грамоту и первые книги. На второе место Погодин ставил сербов, тоже единоплеменников и единоверцев русских. Погодин считал необходимым принимать и сербов, и болгар в русские учебные заведения, чтобы их интеллигенция воспитывалась в духе благодарности и преданности России⁶¹. Погодин видел в славянах верных союзников России. Подобных взглядов придерживались некоторые представители русской интеллигенции, прежде всего славянофилы, деятели православной церкви, а также ряд представителей правящих кругов, особенно из числа военных и дипломатов и даже вплоть до членов императорской фамилии.

Эта часть русского общества приветствовала Крымскую войну. Она не сомневалась в победе русских над Османской империей даже в случае поддержки турок западными державами. «Есть слухи о войне с Англией и Францией, – писал К.С. Аксаков Н.А. Елагиной накануне войны. – Нам бояться нечего. В русском народе есть страх Божий, а страх Божий избавляет от всякого страха, надеясь на милость Божию, вижу я вдали новое величие России, и внутреннее и внешнее». А.И. Кошелев 25 мая 1854 г. написал в письме И.С. Аксакову: «Задача, предлагаемая России, слишком красна и ясна, чтобы не одушевить каждого

⁶¹ Погодин М.Н. Историко-политические письма и записки в продолжении Крымской войны 1853–1856. М., 1874. Т. IV. С. 26–27.

русского»⁶². Еще в начале конфликта в 1853 г. было напечатано стихотворение А.Н. Майкова «Клермонтский собор», в котором поэт писал о новом крестовом походе, который предприняла Россия против мусульман, продолжив тем самым дело, начатое западными державами. Ф.М. Достоевский в письме к Майкову замечал по поводу его стихотворения: «Вполне разделяю с Вами патриотическое чувство нравственного освобождения славян. Это роль России, благородной великой России, святой нашей матери. Разделяю с Вами идею, что Европу и назначение ее окончит Россия»⁶³. На страницах популярной газеты «Северная пчела» появлялись многочисленные стихотворения, прославлявшие войну с Турцией: Е.П. Ростопчиной, Ф.Н. Глинки, А.Н. Майкова, А.С. Хомякова и др. В них предвещалась гибель Турции и освобождение славян. Особой популярностью среди широких масс городского населения пользовалось стихотворение «Вот в воинственном азарте воевода Пальмерстон» (Пальмерстон – английский государственный деятель, видевший в России главного соперника Великобритании на Ближнем Востоке. – *И.Ч.*). Оно было послано в газету «Северная пчела» в сопровождении записки министра императорского двора, в которой говорилось: «Государю угодно, чтобы оные были напечатаны в означенной газете»⁶⁴. Как можно видеть патриотические настроения в русском обществе поощрялись царем.

Начало войны одобряли и некоторые представители западников⁶⁵. Значительная часть русского общества видела в ней способ укрепить положение России на Балканах,

⁶² Никитин С.А. Крымская война // Славяне и Россия: К 110-летию со дня рождения С.А. Никитина. М., 2013. С. 167.

⁶³ Там же. С. 167.

⁶⁴ Там же. С. 165

⁶⁵ Там же. С. 163–166.

а наряду с этим возможность освободить славянские народы от турецкого ига.

Близкой по взглядам к Погодину и другим деятелям, сочувствующим славянам, была графиня Антонина Дмитриевна Блудова. Она хорошо знала мнение членов императорской фамилии и самого царя относительно войны. Ее переписка с протоиереем церкви при русском посольстве в Вене М.Ф. Раевским указывает на то, что уже с начала Крымской войны русский царь проявлял интерес к возможности освобождения балканских славян от турецкого ига. Так в письме от 17 (29) ноября 1853 г. А.Д. Блудова сообщала своему корреспонденту: «Государь с самого начала на эту войну смотрел как на святую войну и искренно желает лишь помочь православным»⁶⁶.

Графиня Блудова с самого начала войны по мере сил пыталась способствовать организации вооруженного восстания подвластных Турции славян, а именно болгар и сербов, в которых Погодин видел главных союзников России в Османской империи. Одним из наиболее активных агентов Блудовой в Болгарии был Константин Дмитриевич Петкович (1824–1898). Он родился в Македонии. В 1842–1846 гг. учился в Ришельевском лицее Одессы, в 1846–1848 гг. – в Одесской семинарии. В 1848–1852 гг. прошел курс славянской филологии в Петербургском университете. В 1852 г. Петкович отправился на средства министерства народного просвещения с научной целью в славянские земли. Он посетил Стамбул (Константинополь), Македонию, Сербию, Хорватию, Словению, Австрию, Чехию, Польшу. Во время Крымской войны Петкович активно сотрудничал с Блудовой, с которой близко познакомился, проходя обучение в университете. Во время поездки по славянским землям

⁶⁶ Југословени и Русија: документи из архива М.Ф. Рајевског. 40–80 године XIX века. Београд, 1989. Т. II. Књ. 1. С. 96.

Петкович регулярно сообщал ей о встречах со славянскими национальными деятелями и беседах с ними.

Надежда русского общества на то, что славянские народы Османской империи поддержат русских в случае ее войны с турками, не была беспочвенной. Проведение турецким правительством реформ (танзимат, 1839–1876) тяжело отразилось на положении подвластного христианского населения, вызвав среди него волнения. Особенно они были сильны в болгарских землях. Самым крупным болгарским выступлением явилось Видинское восстание, которое вспыхнуло летом 1850 г. и охватило районы Видина, Белградчика, Лома, сербского Ниша. Всего в нем участвовало 15–16 тыс. человек⁶⁷ и продолжалось месяц. Турки разбили повстанцев, однако их руководство сумело уйти в княжество Сербию, население которой сочувствовало болгарам. Несмотря на требования турок, сербские власти не выдали их Османской империи. Этому восстанию сочувствовали и русские, один из них сумел пробраться к повстанцам, которые передали ему петицию для русского царя. После подавления восстания тысячи повстанцев бежали в Сербию и Дунайские княжества. Русские войска обеспечили им переход через Дунай⁶⁸.

Уже в начале 1853 г. отношения между Россией и Турцией были напряженными. Ожидалось начало боевых действий, на что надеялись болгары. Одним из последствий этих настроений явилось основание болгарским революционером Георгием Раковским Стойковым (1821–1867) в начале 1853 г. в Константинополе первой болгарской революционной организации – Тайное общество, целью которого было

⁶⁷ Макарова И.Ф. Болгары и Танзимат. М., 2010. С. 68.

⁶⁸ Червенков Н.Н. Крымская война и Юго-Восточная Европа // Международные отношения на Балканах. 1830–1856. М., 1990. С. 302.

освобождение от турецкого ига. Для этого создавались комитеты в различных городах Болгарии.

В мае 1853 г. в Константинополь приехал русский посол князь А.С. Меншиков. По словам Раковского, «когда приехал князь Меншиков, общий восторг охватил болгарский народ, и каждый болгарин ждал и уже был уверен в своем освобождении от турецкого рабства». Представители болгарской общины в Константинополе передали петицию царю. В петиции представителей болгарской общины в Константинополе содержалась просьба избавить болгар от турецкого ига, включить в договор с Османской империей требование предоставления болгарам автономии по примеру соседних народов, даровать им религиозную свободу и равные с турками гражданские права. В создании этой петиции принял участие Г. Раковский.

Переговоры Меншикова с турками не увенчались успехом, и он покинул Константинополь, так и не сойдя с корабля на берег.

21 июня (3 июля) 1853 г. русские войска заняли Молдавию и Валахию. У православного населения усилилась надежда на то, что близко освобождение от турецкого гнета. К.Д. Петкович описал в письме графине Блудовой от 24 июля 1853 г. восприятие местным православным населением Константинополя манифеста Николая I по поводу перехода русских войск через Прут и занятия ими Молдавии и Валахии: «Когда манифест Государя императора в разных переводах сделался известным здесь, то произошло неописанное сотрясение душ и сердец [...] в это мгновение исчезли вековая тайная отчужденность, исчезло различие между греком и славянином в чувствах и стремлениях – все славянские сердца, все греческие сердца, одним словом все православные слились как бы в одно сердце, в одну душу, в одну мысль под магическою силою слов православного царя: “Пойдем вперед за веру православную” [...] сердце невольно

шептало, что уже настала минута исполнения пророчеств, настала минута исполнения надежд, вековых чаяний»⁶⁹.

В середине августа 1853 г. царю было направлено «Прощение болгарского народа, населяющего европейскую часть Турции». В нем содержались жалобы на насилие турок, на антиболгарскую деятельность греческого духовенства, просьба предоставить болгарам автономию подобно «братьям нашим сербам и молдо-валахам», высказывалась надежда на скорое освобождение болгар с помощью России.

После занятия русскими войсками Молдавии и Валахии и протестов по этому поводу Франции и Англии стало неизбежным приближение военных действий между Россией и Османской империей. Этого не боялось русское правительство и военные. Не только круг лиц, сочувствующих славянам, строил планы использования славян в этой войне, но и вполне равнодушные к славянскому вопросу военные деятели. Так, в сентябре 1853 г. фельдмаршал И.Ф. Паскевич, назначенный главнокомандующим русской армией на Балканах, написал две записки Николаю I, в которых рекомендовал вооружить и возбудить к восстанию христианские племена Османской империи. «У нас есть [...], – говорилось в одной из записок, – более страшное для Турецкой империи оружие [...]. Это влияние наше на христианские племена [...] Мы не возмущаем подданных против своего государя; но если христиане, подданные султана захотят свергнуть с себя иго мусульман, когда мы с ними в войне, то нельзя без несправедливости отказать им в помощи»⁷⁰.

27 сентября (9 октября) 1853 г. с согласия Франции и Англии главнокомандующий турецкой армией на Балканах Омер-паша предъявил М.Д. Горчакову, возглавлявшему

⁶⁹ РГАДА. Ф. 1274. Д. 2203. Л. 37 об.

⁷⁰ Тарле Е.В. Крымская война // Сочинения: в 12 т. М., 1959. Т. 9. С. 252–254.

русские войска в Дунайских княжествах, требование немедленно вывести русскую армию из Молдавии и Валахии. После отказа 4 (16) октября 1853 г. Турция объявила войну России. 2 ноября (26 октября) 1853 г. царь опубликовал манифест об объявлении войны Турции⁷¹.

Амбициозные планы победы над Турцией и освобождения славян казались в начале русско-турецкой войны вполне реальными: в ноябре 1853 г. П.С. Нахимов уничтожил турецкий флот в Синопе. Успешно действовали русские и в Закавказье.

В декабре 1853 г. Главная квартира в Бухаресте работала «Положение для формирования батальона волонтеров в Придунайских княжествах». Батальон должен был включать 4 роты. Волонтерам полагалось нести караульную и гарнизонную службу в населенных пунктах, освобожденных русскими войсками, а также вести вооруженную борьбу в тылу противника. Каждому добровольцу (болгарину, сербу, греку) «дано будет оружие, порох, провиант и деньги, платимые ежемесячно»⁷².

Активизировал свою деятельность и Раковский. Он разработал план болгарского вооруженного восстания, центром которого должны были стать Тырново и Габрово, где повстанцы соединились бы с русской армией. Раковский послал своего соратника П. Громадова в Эпир, Фессалию, Македонию, чтобы договориться с греческими повстанцами о совместном выступлении. А в декабре 1853 г. член Тайного общества И. Гацов выехал в Сербию, где встречался с русским консулом в Белграде Н.Я. Мухиным и советником русского посольства в Вене Ф.П. Фонтоном. Затем он отправился в Бухарест и посетил там И.Ф. Паскевича. Последний

⁷¹ Виноградов В.Н. Миссия А.С. Меншикова // Международные отношения на Балканах. 1830–1856 гг. М., 1990. С. 272.

⁷² Червенков Н.Н. Крымская война и Юго-Восточная Европа. С. 307.

посоветовал болгарам готовиться к бою, но ничего не предпринимать без указания России. В сводках русского командования указывалось, что болгары «с нетерпением ждут перехода наших войск через Дунай и готовы по первому сигналу взяться за оружие». И далее сообщалось: «русские войска будут встречены добровольцами, для которых уже готово оружие [...] Делегаты сел Западной Болгарии обещают организовать сразу после перехода нашими войсками Дуная до 3000 добровольцев и их вооружить»⁷³.

К набору добровольцев подключились представители болгарских эмигрантских организаций Болгарский центральный революционный комитет в Бухаресте и представители Одесского болгарского настоятельства. 1 января 1854 г. была начата официальная запись в ряды добровольцев. Н.Х. Палаузов, один из создателей Одесского болгарского настоятельства, с воодушевлением писал об этом: «Наши волонтеры молодцы и их собирается довольно количество. Многие бросают свои занятия, торговлю, многие отцы с детьми записываются в волонтеры. Энтузиазм велик»⁷⁴.

В начале 1854 г. Садык-паша организовал отряды из поляков и местных славян. Раковский со своими единомышленниками поступил на службу к туркам, чтобы подготовить болгар к совместным действиям вместе с русскими, когда те перейдут Дунай в районе Видина. После принятия присяги Раковский со своим отрядом был отправлен к главнокомандующему турецкими войсками Мехмед-паше, который его назначил главным переводчиком. Однако при встрече с русским отрядом болгары потеряли 5 или 6 человек. После этого Раковского отправили в Шумен,

⁷³ Там же.

⁷⁴ Фролова М.М. Болгарские отряды в русско-турецких войнах XIX века // Россия и Болгария: К 125-летию русско-турецкой войны 1877–1878 гг. М., 2006. С. 65–79.

где хотели расстрелять, однако в конце концов его заковали и отправили в Стамбул. Там он сумел освободиться. Узнав о переходе русских войск через Дунай, Раковский собрал чету из 12 человек и отправился на встречу с русскими войсками. Но они пришли к Силистрии 19 июля 1854 г., когда русские уже покинули город. Тогда, распустив отряд, Раковский перебрался в Бухарест⁷⁵.

5 декабря 1853 г. Франция, Англия и примкнувшие к ним союзники России по Священному союзу Австрия и Пруссия совместно направили ноту Турции, в которой ей предлагалось вступить в мирные переговоры с Россией. Эта совместная нота была воспринята русским правительством как переход Австрии и Пруссии на сторону Франции и Англии в русско-турецком конфликте.

Блудова, скорее всего по указанию царя, обратилась к Погодину с просьбой высказать свое мнение по поводу новой расстановки сил. 27 декабря 1853 г. Погодин написал ответ, в котором отметил разные подходы к событиям, которые западные державы применяют по отношению к себе и России: Россию они призывают уступить Турции все преимущества, которые добыли ее предки, в то время как сами захватывают турецкие земли в Африке и королевства в Индии. Почти все европейские правительства враждебны России. Особенно ее ненавидит Австрия, которую Россия спасла от распада. Союз с ней для России противоестественен. «Союзники наши в Европе и единственные и надежные, и могущественные – славяне, родные нам по крови, по языку, по сердцу, по истории, по вере, а их десять миллионов в Турции и двадцать миллионов в Австрии». Погодин был уверен, что в случае войны на сторону России встанут поголовно черногорцы, сербы, босняки, а также австрийские подданные: жители Военной Границы,

⁷⁵ Там же. С. 65–79.

кроаты, далматинцы, славонцы. «Покажите им, – продолжал он, – святую цель освобождения от несносного ига, под которым они стонут четыреста лет, умеете управлять их силами, живыми могучими, восторженными, и вы увидите, какие чудеса ими сотворятся». Погодин давал совет: Турции надо сказать: «Вы объявили нам войну и провозгласили уничтожение всех прежних трактатов для нового определения наших отношений, так мы требуем теперь освобождения славян, и пусть война, избранное вами средство по собственному вашему желанию, решит наш новый спор». Если Россия не сделает этого, то это сделают ее враги Англия и Франция, которые уже сейчас действуют в Сербии, Болгарии, Боснии. Если Россия сейчас пожертвует славянскими интересами, то вместо одной Польши она будет иметь их десять. «Самая великая и торжественная минута наступила для нее, – заключал Погодин, – какой не бывало, может быть, с Полтавского и Бородинского дня»⁷⁶. Кроме освобождения славян Погодина волновало укрепление влияния России на Балканах.

Говоря о деятельности Англии и Франции среди православного населения Османской империи, Погодин не преувеличивал. В цитированном выше письме от 24 июля 1853 г. Петкович прямо указывал, что французы и англичане увидели угрозу свободе их миссионерской деятельности среди незащищенных народов Турецкой империи. Их министры посещают греческого и армянского патриархов, еврейского раввина и заставляют их писать благодарственные адреса Порте «с засвидетельствованием, что их народы вполне блаженствуют и не имеют нужды в чужом покровительстве»⁷⁷. Такая политика французских и английских властей была явно нацелена на то, чтобы с помощью самих православных

⁷⁶ Там же. С. 70–79.

⁷⁷ РГАДА. Ф. 1274. Д. 2263. Л. 57 а.

народов Османской империи вытеснить Россию с Балкан, лишив ее статуса их покровительницы.

На основании этого письма Погодина, а также записок протоиерея Раевского и мнений ряда других корреспондентов, была составлена записка для императора и его наследника. Автором ее, по мнению Е.В. Тарле, являлся историк А.Н. Попов, член-корреспондент Императорской Санкт-Петербургской Академии наук, многолетний сотрудник графа Блудова⁷⁸. В письме к Раевскому от 8 января 1854 г. графиня Блудова излагала ее суть. Она написана, подчеркивала графиня, «в совершенно русском и православном духе, т.е. о надобности России освободить все племена славянские в нынешнюю войну и с ними вместе громить Царьград, потом составить конфедерацию из Греции, Болгарии и Сербии с Черногорией и Молдовахией по языкам и народностям под покровительством России». По мнению Блудовой, эта записка понравилась царю⁷⁹.

В начале января 1854 г. англо-французский флот вошел в Черное море. Франция и Англия потребовали вывода русских войск из Валахии и Молдавии. Срок исполнения этого был определен 15–30 апреля. Николай I 9 (21) февраля опубликовал манифест, в котором объявил о разрыве дипломатических отношений с Францией и Англией. Это означало начало войны с ними. 11 (23) марта 1854 г. русская армия перешла Дунай и осадила Силистрию.

К подготовке восстания болгар активно подключилась графиня Блудова, которая к тому времени имела связи как с отдельными зарубежными славянскими политиками, так и с представителями болгарской эмиграции,

⁷⁸ Тарле Е.В. Крымская война. С. 462.

⁷⁹ Чуркина И.В. Протоиерей Михаил Федорович Раевский и югославяне. М., 2011. С. 92.

проживавшей в Бухаресте. Болгарская эмиграция в Бухаресте с начала 1854 г. имела свою организацию – Болгарский центральный комитет, руководили которым местные зажиточные болгары. Они поставили перед собой цель собрать средства для экипировки болгарских волонтеров, которые должны были помогать русской армии. О событиях в Бухаресте графине Блудовой сообщал К.П. Петкович, который прибыл туда вскоре после занятия русскими княжеств Молдавии и Валахии. По-видимому, он здесь пытался разузнать о настроениях как в самой Болгарии, так и в эмигрантских кругах. 27 февраля 1854 г. он сообщал Блудовой: «Болгары мои по ту сторону Дуная ожидают с нетерпением желанного часа видеть русских между собою, поднять немного головы из-под тяжелого и несносного гнета мусульманского и идти вместе со своими братьями против кровопийц наших». Относительно болгар, проживавших в Дунайских княжествах, он сообщал, что некоторые из них записываются в волонтеры, другие жертвуют средства для обмундирования. Уже 1000 волонтеров почти полностью обмундированы⁸⁰.

В феврале 1854 г. царь собственноручно написал воззвание к болгарам, в котором говорилось: «Цель моего всемогущественнейшего государя есть защита христианской церкви, защита вашего поруганного существования неистовыми врагами. Настало время вам, соединяясь, общими усилиями, поборствовать за свое существование»⁸¹. Войну России с европейскими государствами четко охарактеризовал поэт Ф.И. Тютчев, долгое время проведенный в Европе на дипломатической службе. «Давно уже можно было ожидать, – писал он, – что эта бешеная ненависть, которая с каждым годом все сильнее и сильнее разжигалась на Западе против

⁸⁰ РГАДА. Ф. 1274. Д. 2263. Л. 50, 51.

⁸¹ Тарле Е.В. Крымская война. С. 430–431.

России, сорвется когда-нибудь с цепи [...] Этот миг и настал. Это весь Запад пришел высказать свое порицание России и преградить ей путь в будущее»⁸².

В марте 1854 г. Петкович с воодушевлением рассказывал Блудовой о дальнейших приготовлениях болгарских эмигрантов к действиям в Болгарии. Он сообщал о приезде советника русского посольства в Вене Феликса Петровича Фонтонна, который являлся видным чиновником Азиатского департамента министерства иностранных дел. Он был знаком с Антониной Дмитриевной Блудовой, которая уже в 1850 г. предлагала Раевскому использовать приезд Фонтонна в Вену для исполнения его просьбы об увеличении числа певчих в посольской церкви. В октябре 1851 г. графиня так характеризовала Раевскому Фонтонна, которого предполагалось послать в Австрию: «Фонтон, которого лично очень мало знаю, взялся помогать мне во всех пересылках для церквей. Это мне очень приятно, потому что буду на его имя посылать все, что нужно доставлять Вам. Итак, Вы, с Вашей стороны, пожалуйста, адресуйтесь к Фонтону прямо, когда что-нибудь можно просить или делать в пользу православных наших братий. С ним в таких случаях можно и посоветоваться, а он уладит с бароном (послом в Вене бароном П.К. Мейендорфом. – И.Ч.) [...] Он в случае нужды будет иметь возможность и право защитить Вас от главного шваба наших тевтонов (министра иностранных дел К.В. Нессельроде. – И.Ч.) [...] А Вы будьте осторожны с немцами, а с Фонтонном доверчивее»⁸³. И в других письмах начала 1850-х годов Блудова не раз рекомендовала Раевскому обращаться к Фонтону по поводу пересылки книг и прочих дел.

Еще до приезда в Бухарест в сентябре 1853 г. Фонтон успешно выполнил поручение русского правительства

⁸² Цит. по: Леонтьев М.В. Большая игра. М.; СПб., 2009. С. 134.

⁸³ Југословени и Русија. С. 77.

в Белграде, добившись нейтралитета Сербии. Скорее всего и в Бухарест он прибыл по указанию русского правительства. Имея в виду добрые отношения, завязавшиеся у Блудовой с Фонтоном, можно предположить, что он приехал в Бухарест и с ее поручениями. Именно поэтому он по прибытии в Бухарест сразу же связался с Петковичем. Оба они активно общались в течении трех дней и даже составили, по словам Петковича, «планы дальнейших наших занятий в кругу южных славян». Однако вскоре Петковича перевели в канцелярию Главной квартиры русских войск, а Фонтон уехал. Можно предположить, что их деятельность не пришлась по вкусу Главной квартире, т.е. главному штабу русских войск.

Но контакты Петковича с Блудовой не прекращались. 17 марта 1854 г. он сообщал ей о захвате русскими войсками крепостей Тульча, Исынча, Мачин. «Болгары отовсюду с радостью спешат навстречу родным братьям, – писал он, – ища защиты под крылом русского орла». С гордостью Петкович отмечал, что при переходе в Болгарию отличились болгарские волонтеры. Наиболее воодушевленным было его письмо графине от 6 апреля 1854 г. В Бухаресте, по его словам, все ждут прибытия генерала Паскевича и надеются на важные события после его приезда. Русские войска, продолжал Петкович, со стороны Черного моря достигли Черной воды и Кюстендила, а со стороны Дуная – Силистрии. «Мусульманами овладел панический страх, они бегут перед нашими войсками без обзира и начинают уже убеждать на деле, что французы и англичане не спасут их [...] Придется им расплачиваться за все! [...] Это поняли они уже хорошо и это пугает их больше всего, потому что борьба за свободу уже началась на юге, а вскоре она вспыхнет и на западе и на севере Балканского полуострова. Славяне и вообще православные одного только боятся, что-бы Великий Царь по влечению своего [...] сердца не простил

врагам и не заключил мир, если они станут просить. Этим отсрочится на несколько лет избавление наше».

Объявление войны России в марте 1854 г. Францией и Англией, переход русских войск через Дунай и захват ими ряда населенных пунктов изменили положение. И это отразилось на письмах Петковича. Уже 13 апреля 1854 г., он сообщил графине, что получил от нее письма к Паскевичу и сербам Протичу и Николаевичу и постарается их им передать. Здесь же он указывал, что о войне пока нет сведений, но газета из Нови Сада пишет, что в Болгарии вспыхнуло восстание, и этому он склонен верить. Свое письмо Петкович заканчивал следующим неопределенным пожеланием: «Я чувствую сердцем и думаю, что все славяне почтут себя счастливыми стать под знамена Великого православного Царя». В мае 1854 г. Петкович находился под Силистрией. Сведения, которые он сообщил А.Д. Блудовой были лишены того радостного ожидания, которое чувствовалось в его предыдущих письмах. 15 мая он писал, что русские отступили из Молдаво-Валахии, но по слухам турки оставили Туртукай, Русчук, Никополь. Одновременно он сообщал, что греческие и румынские волонтеры стали грабить мирных болгар. Не радовало Петковича и само положение в болгарской колонии в Бухаресте. Он указывал на создание в Одессе нового болгарского общества, которое снаряжает волонтеров и к которому примкнули братья Палаузовы – один из Одессы, другой из Петербурга. Этим обществом руководят вроде бы тоже болгары, которые не знают ни болгар, ни их языка и обычаев. Прежнее болгарское общество потеряло влияние. От всего этого, заключал Петкович, не будет прока для болгар⁸⁴. Говоря о новом болгарском обществе, Петкович имел в виду основанное 2 февраля

⁸⁴ РГАДА. Ф. 1274. Д. 2263. Л. 52–52 об, 54 об, 55, 56–57, 58–59 об, 61, 62 об.

1854 г. болгарскими эмигрантами в Одессе Одесское болгарское настоятельство, одной из целей которого было «позаботиться об угнетенных своих братьях и возможности помочь им»⁸⁵. Уже с самого начала появления членов Одесского настоятельства в Бухаресте они начали стремиться к созданию из волонтеров самостоятельных военных единиц. В записке «О формировании болгарских волонтеров», поданной русскому командованию, они выступали за образование из болгарских волонтеров особого военного подразделения с тем, чтобы отправить его за Дунай. Они должны были объединиться с восставшим болгарским населением и обеспечить продвижение русских войск в глубь Болгарии. В мае 1854 г. Палаузов писал профессору Московского университета С.П. Шевыреву: «В Габрово готовы 3000 имеют оружие, в Тырново готовы 9000 (частью имеют оружие), в Елене – 6000, в Мелеше гайдуки также готовы, и скоро начнется “малая война”». 1 июня Горчаков высказывал военному министру прямо противоположное мнение: «христианские племена вовсе не высказывают готовности взяться серьезно за оружие, они молят Бога за Русского Царя, но жертвовать собой для успеха святого дела боятся и не хотят»⁸⁶.

Далее вопрос о восстании болгар исчезает из писем Петковича. Но болгарские вооруженные отряды, созданные Раковским и его сподвижниками по всей Болгарии, еще ожидали сигнала к выступлению. Им должно было послужить падение Силистрии. Под городом вместе с русскими войсками находились роты болгарских и сербских волонтеров. Однако в июне 1854 г. русские отошли от города после

⁸⁵ Червенков Н.Н. Крымская война и Юго-Восточная Европа. С. 306–307.

⁸⁶ Фролова М.М. Болгарские отряды в русско-турецких войнах XIX века. С. 65–79.

того, как к нему пришли на помощь туркам французские и английские войска. Вместе с русскими отступили за Дунай отряды сербов и болгар, а также несколько тысяч болгарских семей, переселившихся затем в Россию. К сентябрю русские войска покинули княжества. Туда вошли войска Австрии. Победа над Турцией стала проблематичной особенно после высадки в Крыму десанта англичан и французов в сентябре 1854 г. Вопрос о восстании болгар сошел с повестки дня. Болгарские волонтеры частью покинули ряды русской армии, но некоторые остались и сражались против французо-английских войск в Крыму, участвовали в обороне Севастополя. В мае-июне 1855 г. все они были уволены из армии, получив свидетельства о службе в русских войсках, паспорта и пособия. 450 волонтеров наградили золотыми и серебряными медалями. Болгарским добровольцам была предоставлена возможность остаться на временное или постоянное жительство в России⁸⁷.

То, что болгары так горячо откликнулись на начало русско-турецкой войны, было связано не только с тяжелым положением в подвластных туркам областях. Известную роль в организации болгарского восстания сыграли болгарские эмигранты, проживавшие в Дунайских княжествах, и их общества, действовавшие в Бухаресте и Одессе.

Российские власти пытались втянуть в военные действия против Турции и полунезависимое княжество Сербия. Однако дела здесь шли не так гладко как среди болгар. Во-первых, Сербия не так страдала от турецкого гнета, поскольку почти вся ее территория уже была освобождена от турецких войск. Исключение представляли четыре крепости, в которых находились турецкие гарнизоны. Во-вторых, сербы не были так едины в отношении России как болгары. В Сербии имела значительная часть политиков,

⁸⁷ Червенков Н.Н. Крымская война и Юго-Восточная Европа. С. 307.

которые ориентировались на Францию. Отношения с правящими кругами Сербии русского правительства в начале 1850-х годов ухудшились. В феврале 1853 г. оно добилося отставки Илии Гарашанина, возглавлявшего франкофильские круги сербов, с поста премьер-министра. Вместе с тем широкие народные массы были настроены начать войну с турками после того как 4 (16) февраля 1853 г. Турция объявила России войну. Они восприняли это как сигнал к военному сопротивлению туркам. И сербский князь должен был с этим считаться. Когда Омер-паша после занятия русскими Дунайских княжеств потребовал от сербского князя Александра Карагеоргиевича предоставить ему вспомогательные войска, тот отказался сделать это, опираясь на решение Сената. Он заявил, что сербское правительство решило соблюдать строжайший нейтралитет по отношению к России и Турции⁸⁸. Такая позиция Сербии устраивала русское правительство. Однако в Триесте был опубликован циркуляр свергнутого князя Михаила Обреновича, в котором он заявлял, что в случае пожелания народа он готов занять княжеский престол⁸⁹.

Для укрепления отношений с сербами в княжество в августе 1853 г. был послан Фонтон, который также должен был убедить сербов не начинать войну с Турцией, что повлекло бы за собой ввод в княжество турецких и австрийских войск. В донесении министерству иностранных дел России он писал, что был поражен неизменностью чувств сербского народа по отношению к России. Сербы стекались толпами в места, которые он посещал, и проявляли чувства «восхищения, признательности и уважения по отношению к особе нашего августейшего государя и привязанности к России, изъявления этих чувств были

⁸⁸ Северная пчела. 24.06.1853.

⁸⁹ Северная пчела. 24.07.1853.

неподготовленными, самопроизвольными и шли от всего сердца». Фонтон указывал, что часто сербы его просили: «Поздравьте нашего царя Николая!»⁹⁰.

Графиня имела особые отношения в княжестве с Мило-славом Протичем – сербским государственным деятелем, председателем кассационного суда. Протич и рассказал Блудовой о пребывании Фонтон в Сербии. «Фонтон произвел фурор среди сербов, – писал он графине 19 сентября 1853 г. [...] Он сумел доказать своими поступками, что нам русские истинные родные братья. Я сам три дня путешествовал с ним и был очевидцем той несказанной радости, с которою сербский народ его ожидал и провожал. Он уладил наши раздоры, осудил интриги и уверился, что положение нынешнего правительства не такое уж шаткое, как о нем думают. Он положил конец недоразумениям между нашим и вашим правительствами»⁹¹. Как можно видеть, рассказ Протича полностью соответствовал донесению Фонтон. Одновременно с Фонтоном в сербских землях находился представитель французского правительства П. Буре. Если Фонтон убеждал сербское правительство сохранять нейтралитет, то Буре настаивал, чтобы оно поддержало Турцию. В июне 1853 г. Сербию посетил бывший австрийский консул Ф. Майерхофер, который также советовал сербскому правительству придерживаться нейтралитета⁹².

Таким образом, Россия летом 1853 г. всячески старалась удержать Сербию от конфликта с Османской империей. Однако положение стало меняться осенью, когда началась русско-турецкая война. Вступление в войну против

⁹⁰ Никифоров К.В. «Начертание» Илии Гарашанина и внешняя политика Сербии в 1842–1853 гг. М., 2015. С. 218.

⁹¹ РГАДА. Ф. 1274. Д. 2301 в. Л. 17.

⁹² Никифоров К.В. Сербия // Международные отношения на Балканах. 1830–1856 гг. С. 294.

Османской империи Сербии теперь стало желательным для России. По мнению Тарле, в это время Николай I уже смотрел на восстание сербов, болгар, черногорцев и греков как на одну из сильных карт в своей игре⁹³.

Объявление Россией войны Порте было воспринято сербами как призыв к действию. Султан в письме к князю прямо спросил его, на чьей стороне выступит Сербия. Александр ответил, что княжество не может участвовать в споре между двумя покровительствующими ему державами и будет соблюдать строгий нейтралитет⁹⁴. Для его поддержания князь объявил народу, чтобы все, кто способен носить оружие, были готовы по первому его зову явиться к нему⁹⁵. Уверенность, что свой нейтралитет сербы должны будут защищать с оружием в руках, не была напрасной. В конце ноября турецкие войска вторглись из Боснии в Сербию. Сербы отразили нападение, уничтожив 50 турок. По поводу этого вторжения они выразили протест белградскому паше. Тот письменно обещал, что в будущее время турки будут уважать сербскую границу⁹⁶. Не надеясь на то, что турки выполнят свое обещание, князь Александр в декабре 1853 г. отправился в старую сербскую столицу Крагуевац для формирования там двух новых корпусов в 10 тыс. и 15 тыс. человек⁹⁷.

Черногория тоже очень волновала турок. В ноябре 1853 г. турецкий отряд в 5 тыс. человек отправился в Грахово. Узнав об этом, черногорцы опередили турок, послав туда около 3 тыс. человек. Наступление на Черногорию должен

⁹³ Тарле Е.В. Крымская война. С. 261.

⁹⁴ Северная пчела. 25.08.1853.

⁹⁵ Северная пчела. 3.12.1853.

⁹⁶ Северная пчела. 22.11; 3.12.1853.

⁹⁷ Северная пчела. 29.12.1853.

был осуществить мостарский паша со своим войском одновременно с наступлением боснийцев на Сербию. Но после поражения турецкого отряда Боснии от сербов мостарский паша не решился напасть на черногорцев. 22 ноября в Черногорию прибыл посол из Сербии для заключения наступательного союза против турок⁹⁸. В начале 1854 г. корреспондент «Северной пчелы» сообщал из Котора (Каттаро), что черногорцы рвутся в бой с турками, ибо «видят в русских своих единовверных братьев и горят желанием напасть на турок»⁹⁹. В феврале 1854 г. газета подчеркивала, что Черногория и Сербия «действуют заодно. Порядок и спокойствие господствуют в обоих княжествах»¹⁰⁰.

Графиня Блудова попыталась содействовать привлечению сербов к выступлению против турок, обновив связи со своими сербскими агентами. Хотя она установила контакт с Мариновичем летом 1853 г. и пыталась по его просьбе выяснить историю с Гарашаниным, все же близким человеком она его не считала. И Блудова была права. Уже в 1854 г. Маринович представил Гарашанину план, в котором предусматривалось объединение вокруг Сербии Боснии, Герцеговины, Черногории, верхней Албании. Это государственное объединение должно было остаться в Османской империи на тех же условиях, на которых княжество Сербия существовало там. При этом влияние России в Сербии должно было резко ограничиться¹⁰¹. Подобный план указывает, что высказывания его в отношении России являлись лживыми. Гораздо больше доверия у Блудовой вызывал Протич, о чем свидетельствует уже цитированное

⁹⁸ Северная пчела. 3.12.1853.

⁹⁹ Северная пчела. 19.01.1854.

¹⁰⁰ Северная пчела. 24.02.1854.

¹⁰¹ Чуркина И.В. Протоиерей Михаил Федорович Раевский и югославяне. С. 79–80.

письмо Протича от 19 сентября 1853 г. В письме к нему графиня, очевидно, спрашивала о его позиции по отношению к России и об отношении к ней других сербских политиков. На этот вопрос Протич отвечал, что как чиновник он верен своему князю, но «за общее дело всего славянства и сербства всегда готов пожертвовать собою [...] Я уже давно решил быть орудием общеславянской цели, как бог даст». В этом же письме Протич давал краткую характеристику некоторым сербским политикам. О новом князе Александре Карагеоргиевиче он писал, что Александр «чисто русский человек и совершенно предан России, как человек, который вырос и воспитывался в России и более двадцати лет жил». Алексу Симича, который после отставки в феврале 1853 г. Гарашанина получил должность премьер-министра Сербии, Протич представлял как человека прямого и искреннего и очень преданного России¹⁰².

После смерти в июле 1853 г. русского консула Ф.А. Туманского, который и настоял на смещении Гарашанина, в Белград был назначен консулом Н.Е. Мухин. В октябре 1853 г., когда началась официально русско-турецкая война, он вынужден был покинуть Белград и обосноваться в австрийском городке Земун (Землин), находящемся на другом берегу Дуная напротив Белграда. Из Земуна Мухин нередко под защитой австрийского паспорта приезжал в Белград для встречи с князем Александром или с А. Симичем. Помимо них Мухин встречался и с Протичем. Кстати, назначением Мухина тот был не слишком доволен. В том же письме, в котором он рассказывал об отношении ряда сербских политиков к России, Протич писал: «Хорошо, если бы Россия послала в Сербию консулом коренного дворянина с умом и сердцем, с любовью к сербам и богатого»¹⁰³.

¹⁰² РГАДА. Ф. 1274. Д. 2301 в. Л. 15 об–16 об.

¹⁰³ Там же. Л. 16 а об.

14 декабря 1853 г. Протич сообщал Блудовой, что секретарь русского консульства в Белграде С.И. Попов привез из Вены депешу, очень успокоительную для сербского правительства и народа. Описывая положение в Сербии, Протич указывал, что молодые люди, стоящие за Францию и Германию, действуют против него. Гарашанин тоже, судя по слухам, «надеется на турок и французов, что они ему вернут его должность»¹⁰⁴.

В ноябре 1853 г. Протич сообщал Блудовой, что турки подходят к сербским границам и добавлял: «Сербы чистят свое заржавелое оружие». 10 января 1854 г. Протич писал, что получил письмо графини, в котором она рассказывала о русских победах в Азии, и передал его князю. Подчеркнув, что Австрия подлейшая из подлых, он делал вывод, что в это сложное время «нам, славянам, нужно хорошо знать, за что держаться и к чему стремиться»¹⁰⁵. В этом письме, как можно видеть, Протич спрашивал, как вести себя сербам в сложившихся обстоятельствах. По-видимому, в ответных письмах Блудова показывала, какие выгоды Сербия может получить, если выступит на стороне России. Резкие высказывания Протича против немцев были не случайны – к этому времени Австрия сконцентрировала на сербских границах свои войска якобы из-за опасения, что в Сербии начнутся волнения.

27 апреля 1854 г. Протич с радостью сообщал Блудовой о получении в ее письме некоего мемориала. Этот мемориал Протич сразу же передал Симичу, тот отнес его князю, а князь ознакомил с ним Гарашанина, сенат и кабинет министров. «Но все в восторге, – писал Протич, – и говорили: это с давних пор наша мечта». В то же время Протич выражал недоумение, почему Сербия и Черногория

¹⁰⁴ Там же. Л. 47–47 об, 49–49 об.

¹⁰⁵ Там же. Л. 22 об.–23.

рассматривались в мемориале по отдельности. Все соглашались, продолжал Протич, что Молдавия и Валахия должны принадлежать России. «У нас окончательно решили биться с немцами до последней капли крови». И далее Протич объяснял особую ненависть сербов к немцам. Если бы не немцы, утверждал он, то сербы вместе с русскими давно бы были у Адрианополя. Протич призывал не сомневаться в искренности сербского правительства и в сочувствии сербского народа. Судя по этому письму сербские политики различных взглядов решили поддержать Россию против Османской империи и ее союзников. Причиной этого были обещания русских властных структур расширить территорию Сербии в случае победы над турками, изложенные в мемориале.

В следующем письме от 7 мая 1854 г. Протич излагал план устройства Балкан после победы над турками, скорее всего согласованный с сербскими властями. Он полагал, что будет создана конфедерация, состоящая из Сербии, Болгарии и Греции «под председательством России, которая будет в Царьграде, как вольном городе сидеть». В состав княжества Сербии должны были войти Сербия, Босния, Герцеговина, Черногория, Западная Албания, северная, южная и восточная Македония с Кандинским полуостровом, часть западной Болгарии, острова архипелага Тасос, Лемнос, Самофраки и Илеброс. Раздел Балкан между болгарами, греками, сербами должна произвести Россия, как старший брат. Сербия также должна получить выход в Эгейское море. Если же Турция продолжит свое существование, то Сербия претендует на границы владений князя Лазаря или, хотя бы на те, которые были при Карагеоргии. «Все это теперь турецкое, но когда она перестанет существовать, – заключал Протич, – тогда пусть этим трем державам будет произведен такой дележ, чтобы каждый мог обеспечить свое будущее и вместе с тем предупредить

всякую распрю»¹⁰⁶. Чтобы наглядно показать, что именно желает иметь Сербия, Протич 4 мая 1854 г. послал графине карту, на которой обозначались ее современные границы и новые, которые бы следовало установить для Сербии после раздела Турции¹⁰⁷.

Изменение позиции сербских правящих кругов по отношению к русско-турецкой войне привело к приезду в Сербию, племянника Александра Карагеоргиевича генерала Салоса, находившегося на русской службе. Он стал формировать из сербских добровольцев партизанские отряды¹⁰⁸.

Готовились к войне с Портой и черногорцы. На Пасху 1854 г. черногорский князь Данила издал обращение к герцеговинцам с призывом готовиться к восстанию против турок. В нем говорилось, что против Османской империи за угнетаемых ею славян ведут войну император российский, греки и сербы. Данила призывал герцеговинцев собирать силы и ожидать от него сигнала к выступлению¹⁰⁹. Черногорцы не только готовили восстание – одновременно они совершали набеги на турецкие земли.

Не оставались равнодушными к событиям на Балканах и греки. В конце 1853 г. вспыхнуло восстание на греческих территориях, подвластных Порте, сначала в Эпире, а затем и в Фессалии. Туда двинулись добровольцы со всех греческих областей, в том числе и из независимой Греции. Англичане и французы требовали от греческого короля придерживаться нейтралитета, но он продолжал помогать повстанцам. В конце мая 1854 г. английские и французские отряды вступили в Грецию. Король вынужден был

¹⁰⁶ Там же. Л. 31 об.

¹⁰⁷ Там же. Л. 52.

¹⁰⁸ Никифоров К.В. Сербия. С. 295.

¹⁰⁹ Северная пчела. 13.05.1854.

объявить нейтралитет и сменить правительство. Однако восстание в Фессалии не прекращалось. Его лидер Хаджи Петро отказался вернуться в Грецию по приказу греческого правительства. Отказ повиноваться правительству Греции в письме к брату он мотивировал следующим образом: «Греция принуждена теперь к нейтралитету, но будем вести войну и без нее. Бог благословил наше оружие. Этого благословенного свыше оружия мы не сложим, доколе не освободим отечества нашего от ига»¹¹⁰. Восстание в Фессалии продолжалось до конца 1854 г.

Планы России поднять восстание сербов, болгар, черногорцев и греков против Турции были известны австрийскому правительству. В марте 1854 г. премьер-министр Австрии К. Боуль предупредил русского посланника Мейендорфа, что попытка побудить сербов к восстанию будет равносильна объявлению войны Австрии. По поводу этого Мейендорф писал 1 апреля 1854 г. в министерство иностранных дел, утверждая, что «поддержка славянского населения не окажет нам столько пользы, сколько война с Австрией принесет нам зла»¹¹¹. Решительная позиция Австрии обуславливалась еще и тем, что в первой половине 1854 г. она заключила две конвенции с Турцией, согласно которым Габсбургская монархия получила право занять Албанию, Черногорию, Боснию, а кроме того разместить свои войска в Дунайских княжествах.

2–3 марта 1854 г. Франция и Англия предъявили России ультиматум с требованием вывода русских войск из княжеств, угрожая в противном случае войной. 22 апреля (4 мая) Паскевич в письме к Николаю I настоятельно советовал царю оставить княжества. Причиной этого он называл угрозу вторжения туда 60 тыс. австрийских солдат, стоящих

¹¹⁰ Северная пчела. 13.05; 15.05; 2.06; 7.07. 1854.

¹¹¹ Тарле Е.В. Крымская война. С. 438, 465.

у границы, а также отсутствие надежды на славян. «Между Балканами и Дунаем болгары угнетенные и невооруженные, они как негры привыкли к рабству, – писал он. – В Балканах и далее, как говорят, они самостоятельнее, но между ними нет единства и мало оружия. Чтобы соединить и вооружить их, надобно время и наше там присутствие. От сербов при нынешнем князе, ожидать нечего, можно набрать 2 или 3 тысячи нерегулярных войск (*des corps frankes*), но не более, а мы раздражим Австрию»¹¹². Вывод Паскевича был однозначен – русские войска должны оставить княжества и уйти за Прут.

Предупреждение было проигнорировано царем. Об этом свидетельствует письмо Блудовой Раевскому от 2 (12) мая 1854 г. (так проставлена дата в документе. – И.Ч.). «Дайте знать Миливою (Протичу. – И.Ч.) или другому в Белграде верно, что государь на счет восстания христиан выразился так: “и призывать к бою не буду. Один бог знает, кому будет победа, не хочу против их воли завлекать в свою судьбу народы. Но кто захочет сам восстать за православное дело, тех ни за что не оставлю и не выдам, какой бы ни был конец. Это уже дело чести и совести и, если сделается общее восстание, то мы уже никогда не признаем более власть султана над восставшими. А кто не хочет сам идти, того уговаривать не станем – Россия и одна постоит за веру, если бог поможет”»¹¹³.

После того, как в июне 1854 г. русские войска были вынуждены снять осаду Силистрии и переправиться на левый берег Дуная, положение сложилось не в их пользу. С этого момента, как справедливо утверждает Тарле, война для России из наступательной превратилась в оборонительную. Вопрос о восстании славян потерял свою актуальность.

¹¹² Там же. С. 458–459.

¹¹³ Југословени и Русија. С. 106.

Вместе с тем нужно отметить, что в мае 1854 г. болгары, сербы, черногорцы, греки были готовы выступить против турок. Помешали этому неудачи русских войск на суше, что привело к отказу русского командования от плана воспользоваться восстанием славян.

После одиннадцатимесячной осады англо-французскими войсками в сентябре 1855 г. пал Севастополь. Это событие стало решающим в победе западной коалиции над Россией, несмотря на то, что на Кавказе, на Камчатке русские добились успеха. К концу 1855 г. практически закончились военные действия. 18 (30) марта 1856 г. был подписан Парижский трактат, завершивший войну. Его подписали Россия, с одной стороны, а с другой державы победительницы: Франция, Англия, Сардиния, Австрия, Пруссия, Турция. Россия и Турция теряли право иметь военный флот на Черном море. Россия отказывалась от протектората над православными народами Турции, протекторат над Сербией и Валахией от нее переходил к европейским великим державам.

Русское общество с горечью встретило поражение России, хотя оно выражалось по-разному. Согласно воспоминаниям А.Ф. Тютчевой, глава славянофилов А.С. Хомяков высказывался следующим образом: «Если бы нам удалось теперь окончательно отказаться от наших прежних ошибок и открыто и всецело соединиться с Францией, [...] бросив Германию, обратить все свои симпатии на славянские народы, не вмешиваться в политические дела других государств, – мы бы еще все наверстали»¹¹⁴. Эта точка зрения в значительной степени совпадала со взглядами крупнейшего русского дипломата А.М. Горчакова, как показала деятельность последнего после того, как он стал министром иностранных дел России в 1855 г. Но существовало и другое

¹¹⁴ Цит. по кн.: Никитин С.А. Славянские комитеты в России в 1858–1876 годах. М., 1960. С. 29–30.

мнение, которого придерживался А.И. Кошелев и некоторые славянофилы. Он писал, что славянофилы не очень огорчились поражением в Крымской войне, «ибо мы были убеждены, что даже поражение России сноснее и даже для нее полезнее того положения, в котором она находилась в последнее время»¹¹⁵. Того же мнения придерживались и многие западники. Они надеялись, что поражение послужит толчком к проведению в стране реформ.

Крымская война оказала большое влияние на русское общество. «Начало Крымской войны, – пишет С.А. Никитин, – явилось сигналом для развития панславистских идей России»¹¹⁶. Панславистские планы создавали не только М.П. Погодин и славянофил К.С. Аксаков, но и демократ А.И. Герцен. Правда, по словам Никитина, «герценовский панславизм был лишен реакционных черт погодинско-славянофильского панславизма и связывал расцвет славянского мира с распадом романовской империи»¹¹⁷. Но итог Крымской войны был не только в этом. В русском обществе распространились симпатии к славянским народам, что дало славянофилам возможность создать в 1858 г. при помощи министерства иностранных дел свою организацию Московский Славянский благотворительный комитет. У православных народов Балкан окрепла надежда на скорое их освобождение Россией от турецкого ига.

Это отметил и Ф. Энгельс, относившийся к России вполне отрицательно. «Положение “больного человека” (так европейские дипломаты называли Турцию. – И.Ч.) стало значительно хуже, – писал он, – христианское население Европейской Турции, как греческое, так и славянское

¹¹⁵ Кошелев А.И. Записки Александра Ивановича Кошелева (1812–1883 годы). Берлин, 1884. С. 81.

¹¹⁶ Никитин С.А. Крымская война. С. 177.

¹¹⁷ Там же. С. 180.

более чем когда-либо стремится сбросить с себя турецкое иго и более, чем когда-либо, видит в России своего единственного защитника»¹¹⁸.

Спустя 15 лет после окончания Крымской войны русский ученый славянофил Н.А. Попов в статье, посвященной М.П. Погодину, так оценивал попытку привлечь православное население к военным действиям: Россия больше бы увеличила свой авторитет, если бы в официальных актах поводом для войны не стоял бы вопрос о святых местах и «если бы дипломатический язык не скрыл под этим официальным выражением более существенного повода к борьбе – славянского вопроса»¹¹⁹.

¹¹⁸ Цит по: Тарле Е.В. Крымская война.

¹¹⁹ Попов Н.А. М.П. Погодин как славянский публицист. Заседание Общества российской словесности 21 марта 1876 г. // Московские университетские известия. 1876.

ГЛАВА 3.

Первые русские идеологи панславизма М.П. Погодин и К.С. Аксаков

Идеи панславизма базируются на ряде объективных моментов: близости языков славянских народов, некоторых их обычаев, памяти об общем происхождении. Идея славянской общности зародилась в раннем средневековье, окрепла в период деятельности славянских просветителей Кирилла и Мефодия. В средние века тесные контакты установились между православными славянами, они происходили по линии церкви и не прекращались вплоть до настоящего времени. Болгарские и сербские священники приняли участие в распространении и укреплении христианства в русских землях, русская церковь активно помогала южным славянам во время турецкого ига. У католических славян традиции Кирилла и Мефодия хранили у хорватов – глаголическая церковь, у чехов – Саввино-Сазавский монастырь.

Идея славянской общности поддерживалась славянскими книжниками, писавшими об общих врагах славян: на западе – немцев, на востоке – турок и монголов. В ряде случаев славяне успешно выступали против них совместно. Так во время Грюнвальдской битвы 1410 г. объединенное польско-литовско-русско-чешское войско разбило отряды немецкого Тевтонского ордена, против турок нередко сражались совместно русские, сербы, болгары. Большинство славян потеряли независимость в Средние века, и они обосновывали свою значимость, указывая на достижения русского народа, который создал свое сильное государство. В XVI–XVII вв. об этом писали словенский протестант А. Богорич, хорваты В. Прибичевич, М. Орбини, Ю. Крижанич.

В период Славянского Возрождения идея опоры славян в борьбе за свои национальные права на Россию пользовалась особой популярностью. Теории славянской общности

пропагандировали чехи Й. Добровский, Й. Юнгманн, словаки Я. Коллар, Л. Штур, хорваты Л. Гай, Й.Ю. Штросмайер, словенцы В. Водник, М. Маяр. Российский историк В.К. Волков отмечает: «Отношение к России представляло в тех условиях не какую-либо конкретную политическую программу, а было одним из элементов национально-освободительной идеологии самих славянских народов»¹²⁰.

В 30–40-е годы XIX в. симпатии к славянам были распространены и в русском образованном обществе. Им уделяли внимание такие российские периодические издания как «Москвитянин», «Маяк современного просвещения». В 1846 и 1847 гг. славянофилы издали «Московский сборник», в котором уделялось внимание и славянскому вопросу. Но первые русские панславистские теории оформились только в середине XIX в. перед началом и в начале Крымской войны. Этому было несколько причин.

Во-первых, в это время усилилось разочарование русских дипломатических и общественных кругов в позиции европейских держав, прежде всего членов Союза трех императоров (Священного союза), по отношению к России. Они во время войны России с Турцией заняли антироссийскую позицию – или откровенно враждебную или враждебно нейтральную. Об этом прямо говорил в 1869 г. М.П. Погодин: «Крымскою войною мы узнали, каковы друзья наши, не только англичане и французы, но даже австрийцы и пруссаки, с которыми мы составляли Священный союз и которых боялись тревожить сочувствием к славянам»¹²¹. Тогда даже в придворных кругах стали прислушиваться к идеям русского историка и публициста М.П. Погодина, который

¹²⁰ Волков В.К. К вопросу о происхождении терминов: «пангерманизм» и «панславизм» // Славяно-германские культурные связи. М., 1969. С. 35.

¹²¹ Погодин М.П. Сочинения. М., 1872. Т. III. С. 589.

уже с 1820-х годов пропагандировал необходимость для России помочь славянам в их борьбе за свои права.

Во-вторых, славянские идеи, широко распространенные среди образованных кругов славян прежде всего Австрийской монархии, благодаря русским ученым и путешественникам, побывавшим там, стали привлекать внимание и представителей русского общества. Одним из самых горячих пропагандистов в России идей славянской общности и стал Михаил Петрович Погодин (1800–1875). В 30–40-е годы XIX в. он несколько раз посещал славянские области по преимуществу Габсбургской монархии. Особенно большое впечатление на него произвело пребывание там в 1835 г. Погодин долго жил в Праге, где познакомился с П.Й. Шафариком, Ф. Палацким, Й. Юнгманом, В. Ганкой. Наиболее дружеские отношения у него сложились с Шафариком, с которым он переписывался до смерти последнего. Во время пребывания в Вене Погодин сблизился с создателем сербского литературного языка В. Караджичем и словенским ученым Е. Копитаром. В 1839 г. Погодин посетил Варшаву, Галицию, Бреславль, чешские земли, Вену. В Варшаве он познакомился с С.Б. Линде, в Вене – с молодым филологом славистом Ф. Миклошичем. Во время четвертого путешествия в 1846 г. Погодин встретился со словацким лидером Л. Штуром (Пресбург, Братислава), а в Карловцах (Воеводина) – с митрополитом Й. Раяичем, протоиереем П. Стоматовичем, Н. Груичем. Помимо австрийской монархии на этот раз Погодин побывал и в княжестве Сербия, а именно в Белграде¹²². Таким образом круг его знакомств со славянскими национальными деятелями был достаточно широк и охватывал наиболее видных из них. Они откровенно излагали ему свои взгляды на положение зарубежных

¹²² Попов Н.А. Предисловие // Письма из славянских земель (1835–1861). М., 1879. С. II–XVI.

славян, на их стремления, на их отношение к России. Пожалуй, в России в то время не было человека столь хорошо знакомого со славянским вопросом, как Погодин.

По возвращении из путешествий Погодин писал записки или письма, предназначенные российским государственным деятелям, иногда даже лицам императорской фамилии, в которых делился своими впечатлениями о положении славян. Так, в письме от 1838 г. он сообщал наследнику престола Александру Николаевичу, что в славянах, живущих от Венеции до Константинополя и от Балтийского моря до Мореи, не угасло еще чувство славянской взаимности. Они «говорят одним языком и, следовательно, по закону природы, нам сочувствуют [...] составляют одно нравственное целое с нами по происхождению и языку»¹²³. Через год, в 1839 г., в письме к министру народного просвещения С.С. Уварову Погодин прямо указывал, что славяне «мечтают о славянском федеративном государстве с Россией во главе»¹²⁴. Несомненно, такие настроения славян оказали влияние на зарождение панславистских теорий в России. Интерес славянских деятелей к России уменьшился во время революции 1848–1849 гг., когда у них появилась надежда добиться прав для своего народа с помощью немецких и венгерских демократических сил, а затем при поддержке нового императора. Эти надежды не оправдались и уже после принятия в марте 1849 г. Октроированной конституции и разгона парламента у славянских деятелей Австрийской империи возродился интерес к российскому государству. К надеждам на него обратились даже те славянские политики, которые до революции относились к нему достаточно скептически. Так, чех К. Гавличек Боровский в 1850 г. писал в своем журнале

¹²³ Погодин М.П. Историко-политические письма и записки в продолжение Крымской войны. 1853–1856. М., 1874. С. 2.

¹²⁴ Там же. С. 24.

Slovan («Слован»): русские «наши славянские братья, народ великий, способный народ, с великим будущим, от которого и все мы, остальные, более слабые племена славянские много хорошего ждем в будущем»¹²⁵. Хорватский епископ Й.Ю. Штросмайер писал 23 мая 1849 г. своему другу филологу А.Т. Брличу, что хорватам нужно надеяться не на французов, а на русских и что «наше будущее в панславизме»¹²⁶. А радикальный словацкий лидер, поэт, журналист и ученый Л. Штур в первой половине 1850-х годов написал панславистский трактат «Славянство и мир будущего», в котором утверждал о необходимости для славян создать демократическую федерацию во главе с русским царем¹²⁷.

Третьей причиной возникновения панславистских теорий в России в то время явилось распространение в Европе накануне и в период революции 1848–1849 гг. программ объединения этносов в единое административно-политическое целое. Эти программы были выдвинуты деятелями разных народов и после поражения революции оставались основным требованием их политических программ – Объединенная Германия, Объединенная Италия, Объединенная Словения и т.д.

Наконец, надо иметь в виду, что Россия в первой половине XIX в. считалась самым сильным государством Европы. В этом были убеждены как большинство европейских политиков, так и русские государственные и общественные круги. Ведь Россия сыграла решающую роль в разгроме, казалось, непобедимой наполеоновской армии, в 1828–1829 гг. она разбила Османскую империю и заключила очень выгодный

¹²⁵ Колейка Й. Славянские программы и идеи славянской солидарности в XIX и XX веках. Praha, 1964. С. 48.

¹²⁶ Чуркина И.В. Протоиерей Михаил Федорович Раевский и югославяне. С. 41–42.

¹²⁷ Мамула В. Людовит Штур и Россия // Ludovit Stur und die slawische Wechselseitigkeit. Bratislava, 1969. С. 365.

для себя мир, а в 1849 г. она по просьбе австрийского монарха подавила венгерскую революцию. Именно поэтому представлялось возможным для нее объединить вокруг себя славян.

Первые панславистские программы в России создали Михаил Петрович Погодин и один из славянофильских идеологов Константин Сергеевич Аксаков.

Программа Погодина достаточно известна. Его труды по этому вопросу были напечатаны еще при его жизни. Да и в 1850-е годы записки и письма Погодина свободно ходили в дипломатических, придворных кругах. Свои взгляды на славянский вопрос Погодин изложил в записке от 27 мая 1854 г. Он предполагал создать славянскую федерацию, в которую входили бы помимо славянских земель Греция, Венгрия, Молдавия, Валахия, Трансильвания. Столицей ее должен был стать Константинополь. Наряду со славянской федерацией на севере Европы предполагалось установить союз северных государств, включавший Швецию, Данию, Пруссию, который будет находиться в дружеских отношениях со славянской федерацией. Погодин раскрывал и цели своей программы: возбудить Россию к совершенствованию гражданскому и человеческому; призвать к духовной жизни славянские племена, освободив их от турецкого и всякого другого ига; восстановить патриарший престол в Константинополе; изгнать турок из Европы; обновить обветшалую Европу. Уладив таким образом дела в Европе, Россия должна была направить свои войска на завоевание Китая, Японии, Тибета, Бухары, Коканда. Таким образом освобождение славян согласно планам Погодина являлось лишь первым шагом в экспансии России и расширении ее границ¹²⁸. В письме к поэту Ф.И. Тютчеву от 7 апреля 1855 г. Погодин указывал на способ управления в славянской федерации:

¹²⁸ Погодин М.П. Историко-политические письма. С. 114–116, 120, 231–243.

на престолах Богемии, Моравии, Венгрии, Кроации, Славонии, Далмации, Сербии, Болгарии, Греции, Молдавии и Валахии должны находиться русские великие князья¹²⁹. Что касается крестьянства, то Погодин призывал дать возможность его представителям получить хорошее образование. Но у него имелся и план реформ в России, который он сформулировал в 1854 г. в статье «О влиянии внешней политики на внутреннюю», рассуждая о том, как можно было бы использовать деньги, оставшиеся от сокращения армии. Погодин полагал, что их следовало бы истратить на: увеличение жалования для мелких чиновников; на строительство дорог и путей сообщения; на улучшение положения духовенства; на распространение в народе образования¹³⁰. Об отмене крепостного права не было сказано ни слова. Однако после смерти Николая I в мае 1855 г. Погодин все же заявил о необходимости освободить крестьян и ежегодно собирать на это деньги¹³¹. Как можно понять, он предполагал освободить крестьян путем выкупа у помещиков.

Взгляды Константина Сергеевича Аксакова (1817–1860) на панславизм почти неизвестны. Его записка по этому вопросу была обнаружена профессором С.А. Никитиным и использована в его книге, которая так и не была издана. Сам Никитин так характеризовал ее: «Небольшая записка К.С. Аксакова имеет особое значение как единственное целостное изложение его взглядов по данному вопросу, дающее очень важную веху в развитии славянофильства и его внешнеполитических идей»¹³². В.Н. Кораблев, литературовед начала XX в. так характеризовал К.С. Аксакова:

¹²⁹ Там же. С. 301.

¹³⁰ Там же. С. 246.

¹³¹ Там же. С. 338–339.

¹³² Никитин С.А. Крымская война // Славяне и Россия: К 110-летию со дня рождения С.А. Никитина. С. 162–215.

«Отличительной чертой К. Аксакова была пламенная любовь к России, ко всему русскому»¹³³. К.С. Аксаков критиковал реформы Петра I, для него идеалом являлся М.В. Ломоносов, который соединял любовь к просвещению с любовью к России. Современные российские историки считают К.С. Аксакова одним из наиболее радикальных деятелей среди славянофилов. Так А.Л. Янов пишет, что К.С. Аксаков полагал, что «простой народ есть основание всего общественного здания страны», что «мысль всей страны пребывает в простом народе». В доказательство этого положения Янов приводил статью К.С. Аксакова «Опыт синонимов. Публика – народ», которую он рассматривал как образец леворадикальной публицистики¹³⁴. В этой статье К.С. Аксаков противопоставлял публику (высшие классы) и народ и приходил к выводу: «Публика преходяща, народ вечен [...] В публике грязь в золоте, в народе – золото в грязи»¹³⁵. Высшие чины России неодобрительно оценивали эту статью К.С. Аксакова. В декабре 1857 г. министр просвещения А.С. Норов так писал о ней графу С.С. Уварову: «Выставляя низших членов общества образцами всех возможных добродетелей, а высших примерами всех возможных недостатков и нравственных слабостей – вредно и пагубно по последствиям, которые подобные лжеумственные парадоксы могут повлечь за собой»¹³⁶.

К.С. Аксаков считал, что крестьяне должны быть освобождены от крепостной зависимости с землей, без выкупа помещику¹³⁷.

¹³³ Кораблев В.Н. Константин Аксаков. СПб., 1911. С. 6.

¹³⁴ Янов А.Л. Загадка славянофильской критики // Вопросы литературы. 1960. № 5. С. 103.

¹³⁵ Молва. М., 6.09.1857.

¹³⁶ Янов А.Л. Загадка славянофильской критики. С. 102.

¹³⁷ Дьяков В.А. Славянский вопрос в общественной жизни дореволюционной России. М., 1993. С. 29.

К.С. Аксаков был убежден: «Наши верные друзья – это народы славянские, и вообще народы угнетенные, они понимают, может быть неясно, что одно из коренных убеждений русской земли есть оправдание и признание всякой народности»¹³⁸. К европейским государствам он относился с недоверием, особую неприязнь у него вызывала Австрия, которую он называл самой давней и самой коварной и лживой союзницей России. В записке о панславизме К.С. Аксаков исходил из противопоставления России и Европы. Он указывал на несовместимость принципов, на которых они развивались. Европа (или Запад) проповедует гордую, самопреклоняющуюся личность, индивидуализм, что превратило христианскую веру сначала в служение одному человеку – папе, а затем – каждой личности в отдельности (протестантизм). Западным народам присуще чувство презрения ко всем остальным народам, особенно к славянам, для которых характерен дух кротости, миролюбия и самопожертвования. Крымская война представляет собою попытку Запада нанести окончательный удар славяно-православному миру в лице его главного представителя – России и затем покорить всех славян. России придется бороться одной против всей Европы, но это даже хорошо, ибо «конфликт приобретает более чистый характер борьбы двух миров». «Европа встает на нас всем своим миром: пусть будет так! И мы встанем целым миром славянским. Вот прямое и единственное решение задачи». К.С. Аксаков надеялся, что война закончится для славян удачно. Результатом этого станет исчезновение турецкой власти в Европе, славянские народы будут освобождены, они создадут собственные государства. И между этими государствами и освободившей их Россией установится тесная связь, «прочный союз всех славян под верховным

¹³⁸ Молва. 9.08.1857.

покровительством русского государя». Поскольку Австрия тоже выступает против России, Россия должна нанести ей удар и исполнить свое призвание – освободить единоплеменные и частично православные народы. При этом непосредственно к себе она может присоединить только «свое древнее достояние – Галицию».

В газете «Молва» К.С. Аксаков критиковал европейских идеологов, которые утверждали, что европейская цивилизация превосходит все остальные и к ее принятию должны стремиться все другие народы. Он был убежден, что общечеловеческая культура состоит из суммы самобытных культур разных народов, а не только западноевропейской. В частности, русский народ имеет право на общечеловеческое не через посредство и с позволения Западной Европы, а сам по себе с развитием своей собственной культуры¹³⁹. «Молва» резко писала о той «цивилизации», которую Запад несет другим народам «с истреблением народностей, с дикими бесчеловечными мерами». И далее К.С. Аксаков добавлял: «Есть возможность иного просвещения, соединенного с уважением к каждой народности»¹⁴⁰. Таким образом К.С. Аксаков выдвигал идею многополярного развития мира. К.С. Аксаков в неопубликованной записке рисовал план развития событий на Балканах. «Славянские народы, – писал он, – должны быть освобождены и составить по народностям своим отдельные княжества, которые должны находиться под покровительством России, как теперь Сербия»¹⁴¹.

Взгляды К.С. Аксакова разделяли его единомышленники. Об этом свидетельствует редакционное примечание в славянофильском журнале «Русская беседа». В нем

¹³⁹ Молва. 6.08.1867.

¹⁴⁰ Молва. 1867.

¹⁴¹ Никитин С.А. Славянские комитеты в России в 1858–1876 годах. М., 1960. С. 29.

говорилось: «Знаменем России должен быть, по нашему мнению, не панславизм, в смысле политическом, не централизация, но признание прав каждой народности на самобытное, своеобразное существование, иначе: свободный союз независимых отдельных славянских племен, которого защита и охранение естественно принадлежали бы России»¹⁴².

В письмах К.С. Аксаков уточнял, какими же средствами можно добиться желаемой цели. В период Крымской войны он предлагал поднять восстание болгар и сербов и вместе с ними идти на Константинополь. 12 июня 1854 г. он писал: «Повторяю: необходимо объявить независимость всех православных в Турции, и необходимо сказать, что их дело принимаем мы как наше собственное и будем за него сражаться, как за самих себя»¹⁴³. В своей записке он прямо связывал освобождение славян с победой над Турцией. «Турецкая власть в Европе – позор для христианства, добровольно до сих пор терпимый христианскими могущественными народами, – должна исчезнуть. Что же потом? Славянские народы должны быть освобождены и составить по народностям свои княжества под покровительством России, как теперь Сербия»¹⁴⁴.

Таким образом, главной целью программы К.С. Аксакова было освобождение славян от иноземного ига, создание ими своих государств, которые должны были находиться под покровительством и защитой России. Для М.П. Погодина исполнение панславистской программы являлось только первым шагом к дальнейшей экспансии России на Восток.

Что касается взаимоотношений М.П. Погодина и К.С. Аксакова, то они складывались непросто. Погодин дружил с родителями К.С. Аксакова писателем Сергеем

¹⁴² Русская беседа. 25.04.1856.

¹⁴³ Никитин С.А. Крымская война. С. 181.

¹⁴⁴ Он же. Славянские комитеты. С. 29.

Тимофеевичем Аксаковым и его женой Ольгой Семеновной, дочерью суворовского офицера, большой русской патриоткой. Однако с их старшим сыном К.С. Аксаковым отношения у него не сложились. К.С. Аксакову не понравился первый номер «Москвитянина» (1.01.1841), в издании которого Погодин принимал активное участие. Биограф М.П. Погодина Н.П. Барсуков отмечает, что уже с 1841 г. у всех Аксаковых ухудшились отношения с Погодиным по вине К.С. Аксакова¹⁴⁵, в 1848 г. К.С. Аксаков и Ю.Ф. Самарин были в открытой ссоре с Погодиным. Статья С.П. Шевырева в журнале «Москвитянин» (9.02.1849) о бале у генерал-губернатора Москвы А.А. Закревского вызвала неудовольствие не только у молодых Аксаковых, но и у их отца. С.Т. Аксаков писал сыну Ивану об этой статье: «Он (Шевырев. – И.Ч.) ругал Константина самым неблагонамеренным образом. Если Погодин и хуже его, то все же он для меня сноснее, как человек умный»¹⁴⁶. Вообще в 1849 г. отношения между Погодиным и Аксаковыми испортились. И это не случайно – революционные события в Европе так или иначе отозвались в русском обществе¹⁴⁷. Об этом писал К.С. Аксаков в письмах к Н.В. Гоголю. На их основании авторы вступительной статьи к публикации «Константин Сергеевич Аксаков. Иван Сергеевич Аксаков. Избранные труды» А.А. Ширинянц, А.В. Мырикова, Е.Б. Фурсова справедливо отмечают: «Литературное славянофильство эволюционирует в социально-политическом направлении»¹⁴⁸.

¹⁴⁵ Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина: в 22 т. СПб., 1892. Т. 6. С. 54.

¹⁴⁶ Там же. СПб., 1896. Т. 10. С. 184.

¹⁴⁷ Там же. СПб., 1890. Т. 3. С. 53–54; Т. 10. С. 213–214, 498.

¹⁴⁸ Ширинянц А.А., Мырикова А.В., Фурсова Е.Б. Константин Сергеевич и Иван Сергеевич Аксаковы // Константин Сергеевич Аксаков, Иван Сергеевич Аксаков. Избранные труды. М., 2010. С. 23.

М.П. Погодин и К.С. Аксаков по-разному относились к самодержавным порядкам в России. Погодин был, несомненно, верным подданным императорской семьи и самодержавных порядков. Современный российский ученый В.Я. Гросул справедливо называет его одним из апологетов официальной народности¹⁴⁹. Погодин никогда не выступал против политики Николая I. Правда, надо отметить, что его отношение к русскому императору менялось. Если в письме к С.С. Уварову от 1839 г. Погодин утверждал, что император Николай I имеет много почитателей в Европе, то после неудач в Крымской войне мнение его изменилось. В апреле 1854 г. он резко критиковал предшествующую политику России: «Правительства нас предали, народы возненавидели, а порядок, нами поддерживаемый, нарушался, нарушается и будет нарушаться». Погодин пришел к выводу, что европейские государства выступают против России не потому, что желают помочь Турции, на самом деле «они хотят войны для того, чтобы унижить Россию и ослабить ее влияние на Востоке»¹⁵⁰. Он был уверен, что Запад желает ее отбросить к Днепру: из Бессарабии, Молдавии, Валахии сделать одно государство, также сделать одно государство как и у южных славян, присоединить к Польше ряд смежных областей, Прибалтику (Остзейскую губернию) и Финляндию отдать Швеции, а Кавказ – Турции и Персии, уменьшить таким образом территорию России до пределов государства Михаила Федоровича Романова¹⁵¹.

Восшествие на престол Александра II Погодин приветствовал от всей души. Он, как и многие представители русского общества, ждал перемен к лучшему. В своих речах

¹⁴⁹ Гросул В.Я. Русское общество XVIII–XIX веков: традиции и новации. М., 2003. С. 264.

¹⁵⁰ Погодин М.П. Историко-политические письма. С. 91, 94.

¹⁵¹ Там же. С. 324.

на обедах в честь вступления на престол нового царя Погодин призывал его царствовать «долго, счастливо, милостиво, любовно»¹⁵².

К.С. Аксаков, как и другие славянофилы, не представлял себе новую Россию без царя. Как и Погодин, они надеялись, что с приходом нового царя после смерти Николая I наступят лучшие времена для России. Приход к власти Александра II славянофилы отметили пирушкой в доме Кошелева, где поднимали тосты за нового царя и освобождение крестьян¹⁵³. Существующие порядки вызывали у К.С. Аксакова резко отрицательное отношение. В записке, переданной Александру II осенью 1855 г., он резко критиковал их. «Не подлежит спору, что правительство существует для народа, а не народ для правительства [...] Современное состояние России представляет внутренний разлад, прикрываемый бессовестной ложью. Правительство, а с ним и верхние классы, отделилось от народа и стало ему чужим. И народ, и правительство стоят теперь на разных путях, на разных началах [...] Народ не имеет доверенности к правительству, правительство не имеет доверенности к народу [...] Взяточничество и чиновный организованный грабеж – страшны [...] Все зло происходит главным образом от угнетательной системы нашего правительства [...] Та же угнетательная правительственная система из государя делает идола, которому приносятся в жертву все нравственные убеждения и силы»¹⁵⁴. Из этого отрывка записки

¹⁵² Погодин М.П. Сочинения. Т. III. С. 199.

¹⁵³ Пирожкова Т.Ф. А.И. Кошелев – главный распорядитель журнала «Русская беседа» // «Русская беседа»: история славянофильского журнала: исследования, материалы, постатейная роспись. СПб., 2011. С. 13.

¹⁵⁴ Курилов А.С. Константин и Иван Аксаковы // Аксаков К.С., Аксаков И.С. Литературная критика. М., 1981. С. 5

К.С. Аксакова видно, насколько критически он относится к современному ему политическому положению в России. Он обвинял прямо правительство, а, следовательно, и царя, который назначал это правительство и которому полностью подчинялись российские властные структуры. Российский историк Н.И. Цимбаев верно заметил, что теория К. Аксакова близка идеалам русского патриархального крестьянина. Для нее так же характерны идеализация прошлого, вера в «доброго царя», объявление под разными предлогами действительного царя «неистинным», «неприродным», враждебность к «верхним классам» (публике, изменникам боярам), культ замкнутой деревенской общины и боязнь правительственных чиновников¹⁵⁵.

Таким образом, уже с самого своего появления панславистские программы в России имели существенные различия. Одна из них, а именно программа К.С. Аксакова, главной своей целью считала освобождение славян от иноземного ига и воссоздание их государственности под эгидой России. Предполагалось, что основой новых славянских государств будет свободная крестьянская община, где крестьяне будут владеть собственным наделом. Религию они должны исповедовать православную, внутреннее устройство определять самостоятельно. Однако перед остальным миром они должны выступать как единое целое под руководством русского царя, который мыслился как идеальный монарх. Панславизм К.С. Аксакова играл в его понимании скорее защитную роль для славян. Несомненно, положительную роль играла и теория К.С. Аксакова о многополярности мировой культуры.

Для М.П. Погодина образование всеславянского государства являлось только первым шагом к дальнейшим

¹⁵⁵ Цимбаев Н.И. Славянофильство. Из истории русской общественно-политической мысли XIX века. М., 1986. С. 197.

завоевательным планам России, которые предусматривали ее продвижение на восток вплоть до Японии. Освобождение славян рассматривалось только как один из эпизодов продвижения России на юг и восток.

Как можно видеть, уже в самом начале формирования русских панславистских программ наметилось два их варианта. Первый вариант, который обосновал М.П. Погодин, выражал интересы наиболее агрессивных кругов высшего общества и своею целью имел расширение пределов Российского государства. Вторым вариантом, выдвигавшийся славянофилом К.С. Аксаковым, главной целью ставил освобождение зарубежных славян от чужеземного ига, а покровительство им со стороны царя рассматривал как средство их защиты от поползновений со стороны более сильных соседних государств, готовых подчинить себе маленькие славянские государства. Конечно, сыграло роль и стремление славянофилов устроить там порядки, которые, по их мнению, соответствовали славянским началам. Весьма отличались взгляды М.П. Погодина и К.С. Аксакова на существующее положение в России, хотя оба они полагали, что возглавить славянскую федерацию должен русский царь. Наконец, план К.С. Аксакова подразумевал создание свободных славянских государств со своим управлением. Погодин же считал, что их должны возглавлять русские великие князья, следовательно, подчинение их России должно было быть гораздо сильнее.

ГЛАВА 4.

Русское правительство и славянофилы (1850-е – 1870-е годы)

Вплоть до конца 1840-х годов славянофилы уделяли мало внимания внешней политике России и славянскому вопросу. Их интересовали прежде всего реформы в России и главная из них – отмена крепостного права.

Интерес к славянам, их борьбе за освобождение у славянофилов четко обозначился только во время революции 1848–1849 гг. в Австрийской империи. Так на вопрос об отношении его и его окружения к славянскому движению, предложенный И.С. Аксакову Третьим отделением собственной его императорского величества канцелярии, он ответил, что все они испытывают к западным славянам только участие как к братскому народу. В отношении идеи превращения Австрии в славянское государство, которую выдвигали чехи, И.С. Аксаков сказал следующее: «Это бы было, впрочем, весьма грустно, так как возникновение рядом с Россией самобытной сильной славянской монархии привлекло бы к ней все те южные славянские племена, которые теперь мы от себя отталкиваем, и лишило бы Россию значения быть единственным сосудом православия и славянских начал на земле»¹⁵⁶.

В начале 1850-х годов события на Балканах накануне Крымской войны, ее успешное для России начало вызвали у славянофилов подъем интереса к балканским славянам. По словам известного российского историка С.А. Никитина, они ожидали разрешения Восточного вопроса и освобождения славян от турецкого ига. Ф.И. Тютчев и А.С. Хомяков публиковали стихи, призывавшие к победе над турками. К.С. Аксаков писал: «Повторяю, пора объявить

¹⁵⁶ Цимбаев Н.И. Славянофильство. Из истории русской общественно-политической мысли XIX века. М., 1986. С. 36.

независимость всех православных в Турции, и необходимо сказать, что их дело принимаем мы как наше собственное и будем за него сражаться как за самих себя»¹⁵⁷. Он объяснял позицию Запада, который поддержал Турцию против России, тем, что тот стремится «если не одолеть, не уничтожить, то унижить, ослабить нас»¹⁵⁸.

Поражение России в Крымской войне привело к потере ею статуса единственной покровительницы христианского населения в Османской империи. Однако ей удалось добиться учреждения сети русских консульств на Балканах, что и было сделано в 1856 г. Консульства стали опорой русского влияния на полуострове. Поведение участников Священного союза во время Крымской войны, практически поддерживавших Турцию, окончательно разуверило не только славянофилов, но также либеральные и патриотические круги в возможности России опереться на Запад. Такое же отношение к союзникам сформировалось у нового царя Александра II и части властных структур. В результате министр иностранных дел К.В. Нессельроде, верный Священному союзу, был отправлен в отставку, а его место занял князь А.М. Горчаков. Уже в 1857 г. он заявил, что правительство будет заботиться не о сохранении Турецкой империи, а о правах единоверных народов, находящихся под ее властью.

Министерство иностранных дел искало опору в обществе, прежде всего среди славянофилов, резко выступавших против политики дружеских отношений России с членами Священного союза. В конце 1857 г. 31 представитель московского общества обратился к А.М. Горчакову с просьбой разрешить сбор пожертвований в пользу православных

¹⁵⁷ Никитин С.А. Славянские комитеты в России в 1858–1876 годах. М., 1960. С. 70.

¹⁵⁸ Там же. С. 5

церквей за рубежом. Среди подписавшихся были славянофилы А.С. Хомяков, Ю.Ф. Самарин, К.С. Аксаков, профессора С.М. Соловьев, М.Я. Каттары, М.П. Погодин, журналист М.Н. Катков, археолог граф А.С. Уваров, попечитель Московского учебного округа А.Н. Бахметьев и др. Подписавшиеся ссылались на деятельность западных организаций среди южных славян с целью подорвать среди них влияние России. Для противодействия этому москвичи предлагали: 1) доставлять славянам средства для церквей; 2) посылать им книги, церковную утварь; 3) помогать молодым славянам, приехавшим в Москву учиться. 26 января 1858 г. по представлению А.М. Горчакова было утверждено учреждение в Москве Славянского благотворительного комитета¹⁵⁹. Созданию Славянского комитета сочувствовал и Александр II. По словам С.А. Никитина, правительство рассматривало эту организацию как удобное орудие для проведения русской политики на Балканах. Предполагалось, что Московский комитет будет находиться в тесной связи с Азиатским департаментом министерства иностранных дел¹⁶⁰. В министерстве иностранных дел имелось достаточно много чиновников, сочувствовавших взглядам славянофилов на внешнюю политику¹⁶¹.

Первое время в состав комитета входили главным образом представители дворянского сословия, прежде всего военные, а также лица из духовенства, интеллигенции и некоторые капиталисты. Его членами были такие выдающиеся культурные деятели России как М.П. Погодин, А.С. Хомяков, И.С. Аксаков, Н.Я. Данилевский, Р.А. Фадеев, М.Н. Катков,

¹⁵⁹ Попов Н.А. Религиозная и национальная благотворительность на Востоке и среди славян // Журнал министерства народного просвещения (далее – ЖМНП). СПб., 1871, июнь. С. 235–237.

¹⁶⁰ Никитин С.А. Славянские комитеты. С. 25.

¹⁶¹ Там же. С. 244

В.И. Ламанский и др.¹⁶² После проведения Этнографической выставки и Славянского съезда в 1867 г. в комитете увеличилось число лиц из купеческих рядов: в него вошли такие крупные дельцы как Т.С. Морозов, П.М. Третьяков¹⁶³.

С приходом к власти Александра II начались первые преобразования в стране, в частности была ослаблена цензура. Славянофилы, как и другие прогрессивные общественные деятели, получили возможность учредить свои периодические издания. Накануне отмены крепостного права вышло несколько славянофильских журналов и газет: три «Московских сборника» (1846, 1847, 1852), «Русская беседа» (1856–1860), «Молва» (1857), «Парус» (1859) и др. В них славянофилы высказывали не только свое отношение к существующим порядкам в России, но и свое мнение о ее внешней политике, ее взаимоотношениях с европейскими государствами и славянами.

Редакторами журнала «Русская беседа» были А.И. Кошелев и И.С. Аксаков. В «Русской беседе» активно сотрудничал князь В.А. Черкасский. В статьях он утверждал, что восточная проблема только временно отодвинута в связи с исходом Крымской войны. Черкасский был убежден, что с решением Восточного (турецкого) вопроса связано будущее Греции, славянских племен, Турции, румынских народов, участь Австрии, Италии, будущее устройство Германии, союз России с Францией, владычество Англии в Средиземном море. Уже в это время он предвидел союз против России Австрии и Англии, а после июльского переворота переход в число врагов России и Франции¹⁶⁴.

¹⁶² Никитин С.А. Введение // Славянский сборник. Славянский вопрос и русское общество в 1867–1878 годах. М., 1948. С. 7.

¹⁶³ Он же. Славянские комитеты. С. 62, 71.

¹⁶⁴ Черкасский В.А. Два слова по поводу восточного вопроса // Русская беседа. 1858. № 4. С. 66, 68.

В «Молве» большую роль играл Константин Сергеевич Аксаков (1817–1860), ее редактор и основной автор.

Хотя Московский Славянский комитет в прошении о его создании заявлял о стремлении помогать православным народам, но уже с самого начала он стал проявлять внимание и к австрийским славянам. Еще до официального утверждения Московского комитета летом 1857 г. Прагу и Вену посетил редактор «Русской беседы» А.И. Кошелев. Он познакомился там с видными деятелями славянского движения П.Й. Шафариком, В. Караджичем, Е. Копитаром, В. Клуном и др. Встретился Кошелев и с протоиереем русской посольской церкви в Австрии М.Ф. Раевским. Выводы от разговоров с ними были таковы: «Положение славян очень грустное... полное разъединение между славянскими народами»¹⁶⁵. Кошелеву удалось привлечь к участию в «Русской беседе» словенца В. Клуна, который опубликовал в этом журнале в 1857 и 1859 годах несколько статей о словенцах¹⁶⁶.

Большое значение для развития связей славянофилов с австрийскими славянами имела поездка по славянским землям в 1860 г. Ивана Сергеевича Аксакова. После смерти в 1860 г. А.С. Хомякова и К.С. Аксакова он становится одним из главных идеологов славянофильства. Этому способствовало то, что он был редактором большинства славянофильских газет. Первая из них «Парус» была запрещена в 1859 г. сразу же после выпуска пилотного номера. И.С. Аксаков задумал издание новой славянофильской газеты. В поиске зарубежных корреспондентов и для ознакомления с положением в славянских землях он в 1860 г. отправился туда. Особое внимание он уделил землям австрийских славян. И это

¹⁶⁵ Кошелев А.И. Записки Александра Ивановича Кошелева (1812–1883 годы). Берлин, 1884. С. 107–108.

¹⁶⁶ Русская беседа. 1857. № 3; 1859. № 1, № 2.

не было случайным. И.С. Аксакова интересовали славянские программы, которые выдвигали идеологи австрийских славян, но австрофильская направленность некоторых из них вызывала его осуждение. Он был убежден, что Австрия не может превратиться в славянское государство, и это убеждение он пронес через всю жизнь. В 1865 г. И.С. Аксаков писал, что эта идея ложная в самом своем основании, ибо «славянская федерация на немецкой закваске невозможна»¹⁶⁷. Эту же мысль И.С. Аксаков повторил спустя два года, подчеркнув еще более решительно, что у славян не может быть искреннего союза ни с немцами, ни с мадьярами¹⁶⁸. И спустя много лет в своей газете «Русь» И.С. Аксаков снова повторил, что «никогда славянскою империей Австрия не будет, да и не может быть»¹⁶⁹.

И.С. Аксакову удалось завязать в Австрии полезные связи. Особо большое значение для него и Московского Славянского благотворительного комитета имело знакомство с М.Ф. Раевским, который с конца 1850-х годов становится агентом славянофилов в Габсбургской империи и на Балканах.

В мае 1860 г. И.С. Аксаков побывал в Белграде, где в 1840-х годах в правящих кругах и среди широких народных масс были распространены идеи объединения всех сербов вокруг княжества Сербии. Особенно горячо их поддерживали учащаяся молодежь и деятели, группировавшиеся вокруг сербского политика Илии Гарашанина. Среди его близких соратников был публицист Матия Бан, который с 1844 г. являлся учителем французского языка у детей сербского князя Александра Карагеоргиевича. В 1840-е годы он вместе с мораванином Ф. Захом, который был близок

¹⁶⁷ День. 13.11.1865.

¹⁶⁸ Москва. 6.02.1867.

¹⁶⁹ Русь. 24.10.1881.

к польскому революционному движению, основал в Белграде Тайный демократический клуб¹⁷⁰. Во время Крымской войны Бан выступал с осуждением России. В конце 50 – начале 60-х гг. XIX в. он вновь развернул активную политическую деятельность. Связано это было с приходом к власти в Сербии в 1858 г. после Святоандреивской скупщины династии Обреновичей, представитель которой князь Михаил правил с 1860 г. Он вел активную внешнюю политику, одной из целей которой было присоединение к Сербии Боснии и Герцеговины. В 1860 г. Бан основал Тайный комитет, в который входили белградский чиновник Д. Голубович и боснийцы Н. Окан, З. Куртич¹⁷¹. Официальной его целью было организовать восстание в Боснии и Герцеговине и присоединить их к княжеству Сербия. Бан обратился за денежной помощью сразу в три места: к князю Михаилу, генеральному русскому консулу в Белграде А.Е. Влангали, австрийскому консулу Боровичке. Первым двум он изложил вышеуказанную цель, а Боровичке обещал после освобождения Боснии и Герцеговины добиться включения их в Австрию. Князь Михаил с самого начала отнесся к предложению Бана с недоверием, хотя сербский митрополит Михаил его поддерживал. Не вышло у Бана и получить деньги у Боровички. Зато А.Е. Влангали, русский посланник в Вене В.П. Балабин и протоиерей М.Ф. Раевский заинтересовались предложением Бана. Сохранилось письмо Бана Раевскому от 6 (18) декабря 1860 г., в котором он рассказывал о положении в Старой Сербии. Одновременно с ним Бан посылал письмо Аксакову, в котором давал ключ для тайной корреспонденции. Там указывалось, что в действительности означают слова

¹⁷⁰ Никифоров К.В. «Начертание» Илии Гарашанина и внешняя политика Сербии в 1842–1853 гг. М., 2015. С. 120.

¹⁷¹ Фрейдзон В.И. О Белградском комитете М. Бана (1860–1861) // Славянский архив. М., 1968. С. 102.

в письме, например, «президент Совета» – «князь», «библиотека» – «Босна» и т.д.¹⁷²

На основании донесений Балабина в министерство иностранных дел России был составлен доклад царю с приложением записки югославянина (Бана). В ней Бан излагал план освобождения Боснии и Герцеговины и присоединения их к Сербии. Общество предполагает, писал он, направить через границу вооруженные дружины, которые начнут войну и будут организовывать местное население. Дружины будут составлены из сербских и черногорских добровольцев. Их уже имеется 70 тыс. Для этого необходимо 55 тыс. ружей. Всего же требуется 100 тыс. червонцев, на первое время – хотя бы половина. В донесении от 29 декабря 1860 г. Влангали подтверждал, сказанное в записке, хотя и указывал, что Бан в Крымскую войну выступал против России, и «ныне Бан связан со сторонниками западной или французской партии»¹⁷³.

Еще ранее 6 (18) 1860 г. Влангали сообщал, что князь Михаил просил Россию о денежной помощи (300–500 тыс. дукатов), на что он ему ответил: «Россия без всякого сомнения не допустит сокрушения Сербии и сделает все, что возможно, чтобы помочь ей». По предложению Балабина и Влангали, русское правительство в начале января 1861 г. решило выдать заем Сербии в 900 тыс. руб. с тем, чтобы из них Михаил давал средства Бану не на восстание, а на оборону сербов от турецкого фанатизма¹⁷⁴. Однако в апреле 1861 г. Михаил попросил отсрочить выплату займа. Одновременно он приказал распустить комитет Бана.

¹⁷² Југословени и Русија: документи из архива М.Ф. Рајевског. 40–80 године XIX века. Београд, 1989. Т. II. Књ. 1. С. 28–29.

¹⁷³ Фрейдзон В.И. О Белградском комитете М. Бана (1860–1861). С. 105–109.

¹⁷⁴ Там же. С. 110–111.

События, связанные с Тайным комитетом Бана, разворачивались, когда И.С. Аксаков в мае 1860 г. прибыл в Сербию. В Белграде он встретился с М. Баном. Бан рассказал ему о Центральном (тайном) комитете, который он основал в Белграде с целью организовать в Боснии сеть тайных обществ, чтобы поднять там восстание и присоединить Боснию и Герцеговину к Сербии. Бан заявил, что якобы его комитету покровительствует князь Михаил Обренович. По утверждению Бана в Сербии имелось много сочувствовавших комитету среди военных, а также их было много в Черногории и других южнославянских землях. На все это требовались деньги, и И.С. Аксаков полностью поверил Бану и прислал ему в августе 3000 руб. из средств Московского Славянского комитета. Можно понять доверчивость Ивана Сергеевича, если иметь в виду, что Бану поверили такие опытные дипломаты как Балабин и Влангали. Но Бан стремился не только получить деньги от Аксакова, но и с его помощью побывать в Москве и поставить там на сцене одного из театров свою пьесу. Об этом желании Бана И.С. Аксаков сообщал Раевскому из Москвы 15 июля 1861 г. Приезд Бана в Москву невозможен, считал Аксаков, поскольку там его принять некому. Относительно постановки его пьесы он отмечал, что «его трагедии младенческий лепет, не имеющий никакого художественного достоинства» и будут осмеяны публикой. Аксаков с определенной насмешкой советовал Бану приехать в Петербург и постараться добиться успеха у Горчакова и Игнатьева¹⁷⁵.

После отказа Михаила принять русский займ российские дипломаты связались с сербским правительством, и уже в 1861 г. стало ясно, что план Бана является аферой, поскольку тайных комитетов в Боснии не имелось и также не было

¹⁷⁵ Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. СПб., 1895. Т. IV. С. 57–58.

и добровольцев¹⁷⁶. История с аферой Бана была одним из немногих случаев, когда славянофилы в лице И.С. Аксакова попытались непосредственно вмешаться во внешнюю политику России. Она окончилась неудачей: Московский Славянский благотворительный комитет потерял значительную сумму, Балабин лишился своего поста и вскоре умер, Влангали был отправлен на дипломатический пост в Китай. Больше И.С. Аксаков не пытался непосредственно вторгаться во внешнюю политику России вплоть до Восточного кризиса 1875–1878 гг.

По возвращении из путешествия И.С. Аксаков стал редактором газеты «День» (1861–1865), которая являлась органом Московского Славянского благотворительного комитета. Поездка И.С. Аксакова была достаточно успешной в деле установления связей со славянами. Об этом свидетельствует его письмо Раевскому от 14 октября 1861 г., с которым он посылал 100 экземпляров первого номера газеты «День» и просил 2 экземпляра отдать посланнику Балабину, а остальные разослать следующим образом: редактору газеты *Ost und West*, галичанам, Кузmani, Кукулевичу, Влангали, митрополиту Михаилу, читалищу Сербскому, Петковичу, Ионину, 2 экземпляра в Прагу (Трояновскому и Петровскому). Кроме того Аксаков просил Раевского прочесть весь номер и свои замечания и замечания других прислать ему¹⁷⁷.

Газета «День» И.С. Аксакова сыграла большую роль в развитии славянофильской идеологии, в укреплении связей славянофилов со славянскими национальными деятелями. По мнению Н.И. Цимбаева, газета «День» выступала как «инструмент русской внешней политики, проводник

¹⁷⁶ Чуркина И.В. Протоиерей Михаил Федорович Раевский и югославяне. С. 118.

¹⁷⁷ Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Т. IV. С. 68–69.

русского влияния среди славян»¹⁷⁸. В числе ее сотрудников были и славянофилы Ф.В. Чижов, В.А. Елагин, Н.А. Попов, Н.П. Гиляров Платонов. Последний одновременно являлся и его цензором. В газете принимали участие молодые слависты, связанные с министерством иностранных дел, А.Ф. Гильфердинг и В.И. Ламанский. Они поставляли в «День» интересные материалы о зарубежных славянах. Князь В.А. Черкасский и Ю.Ф. Самарин относились ко «Дню» настороженно – оба они участвовали в разработке «Положения» по крестьянской реформе и им не нравилась его резкая критика со стороны И.С. Аксакова. С самого начала «День» указывал на свой особый интерес к славянскому вопросу. Уже в первом номере «Дня» И.С. Аксаков сформулировал свое отношение к славянам: «Освободить из-под материального и духовного гнета славянские народы и даровать им дар самостоятельности духовного и, пожалуй, политического бытия под сению могущественных крыл Русского орла – вот историческое призвание, нравственное право и обязанность России»¹⁷⁹.

И.С. Аксаков был прямым и достаточно резким человеком, и далеко не всегда материалы, опубликованные в газете, нравились чиновникам и духовенству. Но когда «День» подвергали репрессиям, за него вступалось министерство иностранных дел. Об этом писал Елагину 1 октября 1862 г. И.С. Аксаков: «Мне много помогли славянские газеты, Ламанский, Балабин, Раевский». Благодаря усилиям министерства иностранных дел и великого князя Константина Николаевича в сентябре 1865 г. «День» был освобожден от предварительной цензуры, несмотря на противодействие министра внутренних дел П.А. Валуева и цензора

¹⁷⁸ Цимбаев Н.И. И.С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. М., 1978. С. 70.

¹⁷⁹ День. 15.10.1861.

И.А. Гончарова, известного русского писателя¹⁸⁰. Высшее чиновничество либерального направления ценило «День» и за выступления по вопросам внутренней политики. Так, министр народного просвещения А.В. Головин писал начальнику Третьего отделения собственной его императорского величества канцелярии князю В.А. Долгорукову, что в польском вопросе и других, касающихся внутренних преобразований, «газета “День”, орган славянофильской партии, служила твердою опорой правительства»¹⁸¹.

За период 1856–1860 гг. положение России в международном отношении существенно укрепилось. Уже сразу после вступления на престол Александра II началось сближение России с Францией. 13 (25) сентября 1857 г. в Штутгарте состоялась тайная встреча русского царя с французским императором Наполеоном III. В 1858 г. Россия и Франция совместными усилиями предотвратили нападение Турции на Черногорию. То же произошло и в 1862 г. В 1858 г. Россия заключила торговый договор с Англией. 5 апреля 1857 г. Горчаков выступил на международной конференции, предложив потребовать у Турции проведения реформ у подвластных ей народов, предоставив самоуправление некоторым своим областям¹⁸².

Вообще в 1860-е годы славянофилы и русское правительство действовали достаточно согласованно. После поражения в Крымской войне российские власти стремились поднять авторитет страны в глазах Европы и собственного народа. Для этого они провели две важные акции: празднование

¹⁸⁰ Цимбаев Н.И. И.С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. С. 19.

¹⁸¹ Там же. С. 111.

¹⁸² Хитрова Н.И. Россия сосредотачивается // История внешней политики России, вторая половина XIX века. М., 1997. С. 53, 55, 62, 74.

Тысячелетия России в 1862 г. и Всероссийскую этнографическую выставку и Славянский съезд в Москве в 1867 г.

В проведении этих акций большую роль сыграли славянофилы. Во время празднования Тысячелетия России по инициативе императорской семьи был подготовлен список крупнейших зарубежных славянских деятелей, которые были награждены российскими орденами. Составить список было поручено М.Ф. Раевскому, который в то время помимо официальной должности протоиерея российской церкви в Вене являлся агентом Московского Славянского комитета в австрийских землях. Он подготовил этот список с помощью А.Ф. Гильфердинга. Всего русскими орденами было награждено 30 славян по преимуществу из Австрии.

Награждение произвело большое впечатление на славянскую общественность. Так, словенский журналист русофил Грегор Блаж писал Раевскому, что когда он узнал, что Россия наградила нерусских славян, в том числе лидера словенцев и его личного друга Я. Блейвейса русскими орденами, он почувствовал несказанную радость. «С этого момента, – продолжал Блаж, – мне стало легче на душе, так как я преисполнился уверенностью, что Россия включает нас в круг своих интересов, что мы таким образом, можем не опасаться быть поглощенными Италией или кем-либо другим»¹⁸³.

Второй еще более значительной акцией правительства стало проведение Всероссийской этнографической выставки и Славянского съезда в Москве в 1867 г. Мысль о проведении выставки зародилась в 1864 г. в руководстве Общества любителей естествознания при Московском университете. Эту инициативу поддержало правительство, для этой цели им было выделено 20 тыс. руб. серебром, а ее куратором стал сын царя великий князь Владимир.

¹⁸³ Зарубежные славяне и Россия. Документы архива М.Ф. Раевского. 40–80-е годы XIX века. М., 1975. С. 12.

Славянофилы захотели использовать указанное мероприятие для более успешной своей агитации среди славян, с одной стороны, и для привлечения внимания российской общественности к славянам, с другой. Профессор Московского университета Н.А. Попов 24 ноября 1865 г. предложил организовать на выставке Славянский этнографический отдел. Предложение было принято с воодушевлением. Правительство тоже негласно поддержало эту идею.

С помощью славянофилов, прежде всего М.Ф. Раевского, А.Ф. Гильфердинга, В.И. Ламанского, Славянский отдел на Всероссийской этнографической выставке был создан и имел большой успех у посетителей, начиная с царя Александра II. Славянский отдел не мог бы быть сделан на таком высоком уровне, если бы не было отклика со стороны зарубежных славянских ученых и политиков. Для последних показ этнографических артефактов своего народа на таком значительном международном форуме являлся не только возможностью показать свой полузабытый народ международному общественному мнению. Это была также возможность выразить недовольство политикой своих властей.

Приезд славян в Москву славянофилы решили использовать для проведения в ней славянского съезда. Инициатором этого выступил молодой славист В.И. Ламанский, который в письме от 23 октября 1865 г. предложил Н.А. Попову созвать в Москве славянский съезд¹⁸⁴. Славянофилы поддержали это предложение.

Несмотря на то, что разговоры о съезде велись конфиденциально, о нем знали как русское правительство, так и венские власти. Недаром австро-венгерское правительство всячески препятствовало связям своих славянских подданных с Россией и особенно приезду туда наиболее

¹⁸⁴ Там же. С. 268.

значительных их лидеров на Этнографическую выставку. И все же большинство из них приехало в Москву.

Стремление славян посетить Москву было связано с ухудшением их положения в Габсбургской монархии и Османской империи. Австрия в начале 1867 г. приняла дуализм, против которого решительно выступали австрийские славяне, опасавшиеся усиления германизации (чехи, словенцы) и мадьяризации (хорваты, воеводинские сербы, словаки). В Турции же полунезависимое княжество Сербия под покровительством России образовало Балканский союз, который объединял Сербию, Черногорию, Грецию, Румынию и Болгарскую Добродетельную дружину, общество болгарских эмигрантов, которое представляло в Балканском союзе несуществующее еще государство Болгарию. Целью этого союза было освобождение указанных земель от турецкого ига. Рассматривался также план объединения сербских и болгарских территорий в единое государство. Балканский союз стремился обеспечить себе политическую поддержку России, а также получить от нее денежные средства.

И славянофилы, и русские властные структуры, и широкие круги русской общественности устроили славянским гостям великолепную встречу на Славянском съезде, который, по мнению ряда ученых, продолжался практически во все время пребывания славян в России¹⁸⁵.

После проведения в Москве Этнографической выставки и Славянского съезда резко увеличился интерес к России у австрийских славян. Существенно укрепились связи славянофилов с ними. Этому немало способствовал

¹⁸⁵ Никитин С.А. Славянские съезды шестидесятых годов XIX в. // Славянский сборник. М., 1948. С. 35; Досталь М.Ю. Славянский съезд в С-Петербурге и Москве // Славянское движение XIX–XX веков: съезды, конгрессы, совещания, манифесты, обращения. М., 1998. С. 95.

М.Ф. Раевский, активно действовавший в Вене. В славянских землях Австро-Венгрии открывались кружки по изучению русского языка, ставшие особенно популярными среди молодежи, у которой появилось стремление изучать русский язык и русскую культуру. Вена, Грац, где училось большинство студентов из славянских земель монархии, стали центрами развития русофильства. Славянские студенты при своих обществах создавали кружки по изучению русского языка. Современный чешский ученый М. Главачка отмечает: «До сих пор непонятная славянская взаимность после этой поездки конкретизировалась и превратилась в русско-чешскую, русско-сербскую, русско-черногорскую и тому подобную взаимность». По мнению Главачки, поездка в Москву способствовала тому, что австрославизм в чешском обществе стал постепенно уступать место русофильским тенденциям¹⁸⁶.

Что касается балканских славян, то их планы на освобождение от турецкого ига отодвинулись на неопределенный срок после убийства князя Михаила Обреновича в 1868 г. и распада Балканского союза.

Этнографическая выставка и Славянский съезд сыграли большую роль в усилении симпатий к славянам в славянофильских и сочувствовавших им кругах. Они еще больше укрепились в своем убеждении, которое появилось у них после Крымской войны, что главными врагами России являются Австрия и Османская империя. Во всех выступлениях славянских гостей звучала одна и та же мысль: освободить славян от австрийского и турецкого гнета непременно должна Россия.

События в Москве способствовали укреплению связей русских славянофилов с австрийскими славянами.

¹⁸⁶ Главачка М. Еще раз о поездке австрийских славян в Россию в 1867 г. // Славяноведение. 2007. № 1. С. 69.

Большую роль в этом сыграла деятельность Михаила Федоровича Раевского, протоиерея русской посольской церкви в Вене, тесно сотрудничавшего с самого начала появления Московского Славянского благотворительного комитета со славянофилами. Об этом свидетельствуют письма Раевскому И.С. Аксакова от 1858 г. Так он просил Михаила Федоровича в письме из Москвы 23 августа 1858 г. привлечь к сотрудничеству в «Парусе» и «Беседе» славянских публицистов, указывая, что они могут писать свои корреспонденции по-славянски или по-немецки, а также уведомить его, кому из славян он передал «Беседу». И.С. Аксаков сообщал, что он договорился с обществом Черноморского пароходства в Одессе, что оно будет бесплатно доставлять в Триест по 10 экземпляров «Паруса» и «Беседы». «Я думаю, – продолжал И.С. Аксаков, – устроить дело русских книг в Триесте. Там есть кажется некто Мюнстер. Мне та выгода, что доставка туда будет производиться даром на пароходе [...] А у Вас чай с Триестом сношения частые». 14 сентября И.С. Аксаков посылал Раевскому 7 талеров и «Беседу» для передачи их Клуноу, словенскому автору, чья статья была напечатана в «Русской беседе»¹⁸⁷.

Славянские комитеты поручили Раевскому курировать связи с австрийскими славянами. В 1864 г. Раевский представил Московскому Славянскому благотворительному комитету свой план отношений со славянскими деятелями. Он полагал, что основным способом воздействия на них должны быть литературные сношения. Для этого он считал необходимым изменить почтовую конвенцию с Австрией, чтобы облегчить получение там русских книг. Кроме того следовало устроить книжные лавки в Киеве, Варшаве и пограничных с Австрией городах, а также в Вене и Праге. В первое время правительство должно было

¹⁸⁷ ОАД РНБ. Ф. 14. Д. 148. Л. 3, 4, 9.

давать на это дотацию. В Белграде планировалось организовать склад богослужебной литературы и оттуда наладить доставку ее в Сербию, Боснию, Болгарию и даже в юго-восточную Австрию. Книги в Белград предлагалось посылать через Валахию. Книги и частные пожертвования следовало доставлять частным путем – через комиссионеров, что дорого, или через курьеров министерства иностранных дел. Помимо этого Раевский предлагал организовать в Австрии издание газет на русском и немецком языках «в русском направлении». Предполагалось выпускать газету на русском языке в Пеште, центре Венгрии, поскольку рядом в Галиции было русское население (русины), а словаки тоже интересовались русским языком. В этой газете нужно было помещать факты из жизни славян и России. Она не должна была иметь политической тенденции. Газету на немецком языке планировалось издавать для чехов и хорватов в Вене или Праге. Она бы знакомила читателей с Россией и отражала немецкую клевету на нее. Кроме того Раевский предлагал материально поддерживать бедных славянских студентов, славянские школы и литературные общества. Он считал, что нужно давать деньги австрийским славянам и этим «привязать к себе сердца этих людей теплою благодарностью и найти в них для себя верных и ревностных сотрудников». Хотя Раевский и предлагал установить культурно-литературные связи с австрийскими славянами, главной целью своей деятельности он считал усиление сочувствия славян к России, воспитание в них преданности ей: «Славяне будут для нее, – утверждал он, – положительными союзниками [...], а западные державы могут служить ей только союзниками отрицательными». Раевский был уверен, что «без меча освобождение славян не обойдется»¹⁸⁸.

¹⁸⁸ Чуркина И.В. Протоиерей Михаил Федорович Раевский. С. 125–126.

Очевидно план сношений со славянами, представленный Раевским, был одобрен Московским Славянским благотворительным комитетом. Свой отчет за первое полугодие, от 1 августа 1869 г., Раевский разделил на несколько частей. В первой части он писал о тех славянах, которым помог денежными средствами за указанное время. Всего их было 22 человека, преимущественно словацких, чешских, сербских, словенских, хорватских, русинских студентов. На помощь им Раевский получил 668 гульденов. Вторая часть отчета касалась деятельности вновь организованного общества русинских студентов Русская Основа. Всего для Русской Основы Раевский получил в 1868 г. 775 гульденов. Из них было истрачено на оплату квартиры, учителя русского языка, чрезвычайные расходы 335 гульденов. В этом же отчете Раевский представлял учителя русского языка студента из Галиции Кулянду. Он должен был уехать в Россию в качестве воспитанника (очевидно Учительского института в Петербурге), но Раевский уговорил его остаться в Вене и преподавать в Русской Основе русский язык, обещая ему платить как учителю и как нуждающемуся студенту, при этом сохранив за ним место в России. До этого Кулянда преподавал русский язык в чешском и словацком обществах в Вене. В этом же отчете Раевский сообщал, как израсходовал 1000 руб., присланных ему в апреле 1869 г. Из них 350 предназначалось семинарии в Баня Луке. Кроме того он дал на поддержку газет Дедицкому (Слово) – 500 гульденов, Ференчику («Пест-Будимские ведомости») – 300 гульденов, Кимаку (Свет) – 100 гульденов¹⁸⁹.

1 марта 1870 г. Раевский в письме Московскому Славянскому комитету и его Отделу в Санкт-Петербурге обрисовал круг своей деятельности. «Первый предмет моих

¹⁸⁹ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф. 1750. Оп. 1. Д. 66. Л. 41–43.

специальных забот общество Русская Основа в Вене идет хорошо, – писал он. – Русских членов считается до 30-ти человек [...] Второе мое специальное занятие – помощь бедным студентам. Третья статья – распространение русского языка между студентами, русский учитель. Четвертая статья – вспомоществование славянским журналам. Пятая статья – вспомоществование литературным славянским заведениям»¹⁹⁰.

Русская Основа, заботу о которой Раевский ставил на первое место, была открыта в Вене 1 ноября 1868 г., хотя это предполагалось сделать в 1867 г., но по неопытности произошла задержка. Русская Основа объединяла русинских студентов из Галиции и Буковины. Один раз в неделю ее члены собирались и выслушивали выступление одного из них о том предмете, который особенно интересовал докладчика. Помимо студентов выступали и приезжие русские деятели. Так в 1868–1869 гг. в Русской Основе дважды в неделю читал лекции по русской литературе писатель П.Л. Боборыкин. В 1868 г. в Русской Основе выступал князь Н.Н. Енгальчев, рассказавший о крестьянской, судебной и военной реформах в России. Помимо этого в Русской Основе была прочитана лекция о теории Дарвина и др. Кроме лекций в Русской Основе ее члены изучали русский язык, на занятия которым приходили и студенты из других славянских обществ. По словам Раевского особенно много было словаков и словенцев¹⁹¹. С самого основания Русская Основа имела библиотеку, которая состояла «из 70 названий разных русских книг, брошюр и брошюрок»¹⁹². Однако в конце 1870 – начале 1871 гг. Раевский на пять месяцев покинул Вену. Во время его отсутствия деятельность Русской

¹⁹⁰ Там же. Д. 13.

¹⁹¹ Чуркина И.В. Протоиерей Михаил Федорович Раевский и югославяне. С. 149–150.

¹⁹² ГА РФ. Ф. 1750. Оп. 1. Д. 58. Л. 9.

Основы приобрела несколько другой характер, чем хотел Раевский. В отчете Московскому Славянскому благотворительному комитету от 14 июня 1871 г. он писал, что за это время сменился состав членов Русской Основы. «Молодые люди, приехавшие из Галиции в начале академического курса, т.е. в октябре, – отмечал Раевский, – составили комитет без меня и не так энергично вели дела, как бы желалось. Они собирались читать газеты, книги, но за отсутствием энергии мало имели влияния на среду других славянских студентов. Вообще надо правду сказать, что наши кровные братья галичане, народ вялый, убитый. Им мало дать средства, их нужно заставить как пользоваться средствами»¹⁹³. В 1873 г. Русская Основа прекратила существование.

Большое внимание Раевский и славянские комитеты уделяли славянским матицам. В 1860-х годах в Габсбургской монархии имелось семь славянских матиц: Матица Сербская, основанная в 1826 г. в Пеште (с 1854 г. в Нови Саде), Иллирская Матица, основанная в Загребе в 1842 г. (с 1874 г. – Хорватская), Галицко-русская Матица, основанная в 1848 г. во Львове, Далматинская Матица, основанная в 1852 г. в Задаре, объединявшая сербов и хорватов, Моравская Матица, основанная в 1854 г. в Брно, Словацкая Матица, основанная в 1861 г. в Св. Мартине, Словенская Матица, основанная в 1864 г. в Любляне. Матицы издавали книги и журналы на славянских языках, что способствовало развитию славянских национальных литератур. Они заказывали и печатали учебники для начальных и средних школ на национальных языках, создавая тем самым основу для развития образования. По словам исследовательницы истории славянских матиц И.И. Лещиловской, «они соединяли в себе разные сферы культурной жизни, создание интеллектуальных и художественных ценностей, их

¹⁹³ Там же. Д. 81. Л. 14 об.

издание, тиражирование, наконец, распространение научных книг и литературных произведений в народе. Матицы в своей деятельности были ориентированы не только на профессиональную культуру, хотя обогащение и наращивание творческого процесса было важным направлением их занятий, но и на само общество и не в последнюю очередь на простых людей с целью повышения общего культурного уровня населения»¹⁹⁴.

Санкт-Петербургский Славянский благотворительный комитет уделял большое внимание славянским матицам. Особенно оживленными с ним контакты у Раевского были в то время, когда его секретарем был славист Антон Семенович Будилович. Правда, он занимал этот пост в 1871–1872 гг. Но именно во время его секретарства Санкт-Петербургский Славянский комитет стал членом-учредителем славянских матиц, внося значительный вклад в 100 гульденов в казну каждой из них. Этот вклад давал ему возможность получать бесплатно издания матиц. Решение об этом Санкт-Петербургский Славянский комитет принял в 1871 г. Вступление его в члены-учредители незамедлительно организовал Раевский. До конца 1871 г. он получил от комитета 600 гульденов на это. «Прежде всего комитет, – сообщал Раевскому его секретарь славист А.С. Будилович 22 ноября 1871 г., – поручает мне передать Вам искреннюю признательность за работы, подъятые Вами по определению его в число членов славянских матиц. Все Ваши распоряжения по сему делу комитет признал вполне целесообразными»¹⁹⁵. В отчете за 1875/1876 г. Санкт-Петербургскому Славянскому комитету Раевский сообщал, что от его имени послал в славянские земли книги по 15 адресам, в том числе:

¹⁹⁴ Лещиловская И.И. Заключение // Славянские матицы: XIX век. Ч. 2. М., 1996. С. 185.

¹⁹⁵ Зарубежные славяне и Россия. С. 81.

1. Академии наук в Загребе – 98 книг и 15 годовых комплектов журналов.
2. Сербской Матице в Новом Саде – 66 книг и 16 годовых комплектов журналов.
3. Словенской Матице в Любляне – 66 книг и 16 годовых комплектов журналов.
4. Далматинской Матице в Задаре – 72 книги и 17 годовых комплектов журналов.
5. Далматинскому епископу Кнежевичу – 28 церковных книг и 20 годовых комплектов религиозных журналов.
6. Бококоторскому епископу Петрановичу – то же, что и Кнежевичу.
7. Панкрацкому епископу Груичу – то же, что и Кнежевичу.
8. Будимскому епископу Стойковичу – то же, что и Кнежевичу.
9. Библиотеке церковной школы в Дубровнике – то же, что и Кнежевичу.
10. Профессору Томичу в Карлштадт в Военной Границе – 21 книгу литературно-исторического содержания и 11 годовых комплектов журналов подобного же содержания¹⁹⁶

И впоследствии Раевский активно занимался налаживанием книгообмена между российскими научными учреждениями, с одной стороны, и славянскими матицами – с другой. Матицы снабжали книгами на славянских языках, в том числе и на русском, многочисленные славянские читальни. Но часто книги из России шли в них напрямик через Раевского. В 1871 г. Раевский составил список славянских читален для российских славянских комитетов.

Наконец через Раевского была организована эмиграция в Россию славянской интеллигенции, которую русское правительство приглашало в Славянский Учительский институт (1866–1882). Этот Институт возник как ответ на усилившееся

¹⁹⁶ Чуркина И.В. Протоиерей Михаил Федорович Раевский и югославяне. С. 183.

революционное движение в России, главную силу которого составляли учащаяся молодежь: студенты, гимназисты старших классов, семинаристы. В 1864 г. в России было издано Положение о школах, которое носило прогрессивный характер. Согласно ему средние школы (гимназии) разделялись на две группы – классические и реальные. Они были бессловесны, в них обязательно присутствовала библиотека, запрещались телесные наказания и пр. В классических гимназиях преподавалось два древних языка (древнегреческий и латынь), один иностранный современный язык (французский или немецкий), русский язык, география, история, литература. В реальных гимназиях отсутствовало преподавание древних языков, зато изучали два современных иностранных языка, естествознание, физику, космографию.

В апреле 1866 г. произошло покушение Н.В. Каракозова на царя. Поскольку революционные настроения были распространены среди учащейся молодежи, новая политика властей должна была уберечь ее от революционных симпатий. В связи с этим менялось содержание обучения. Изучение так называемых политических предметов (история, современные иностранные языки, литература, естествознание) в гимназиях резко сокращалось, а неполитических предметов (математика, древние языки) соответственно увеличивалось. Согласно новым указам уменьшалось количество реальных гимназий и увеличивалось число классических, где преобладали неполитические предметы. А по Уставу гимназий и прогимназий от 1871 г. реальные гимназии вообще ликвидировались. В классических же гимназиях изучение древних языков занимало более 40% учебного времени¹⁹⁷.

На воплощение реформ в жизнь не хватало учителей

¹⁹⁷ Она же. Югославянские стипендиаты Славянского Учительского института в Петербурге (1868–1882) // Славянское возрождение. Сборник статей и материалов. М., 1966. С. 123.

по древним языкам. Чтобы ликвидировать эту недостаточность был создан Славянский Учительский институт. В него принимали славянских юношей, окончивших филологический факультет на родине. Обучение продолжалось не более двух лет. Каждый год слушатели получали стипендию в 600–800 руб. После окончания института, где они помимо древнегреческого и латыни изучали русский язык, историю России, русское законодательство, молодые люди рассылались по городам Российской империи, где имелись гимназии и прогимназии. Всего Славянский Учительский институт окончило 213 стипендиатов. Среди них преобладали чехи, словаки, русины¹⁹⁸.

Что касается балканских славян, то и среди них славянофилы вели работу. Здесь им очень помогала связь с русскими консулами, которые часто принадлежали к сторонникам славянофилов, как например консул в Сараеве А.Н. Кудрявцев и консул в Дубровнике А.С. Ионин.

Особое внимание русская общественность уделяла Боснии. Во времена правления сербского князя Михаила Обреновича там действовали агенты И. Гарашанина – афера М. Бана имела под собой некоторое основание. Пожертвования туда из России шли с начала 1860-х годов. И здесь в связях славянофилов с консулами большую роль играл Раевский. Сотрудник русского консульства в Сараеве А.Н. Кудрявцев (1867–1878 гг. консул) в марте 1864 г. писал Раевскому, что он раздал много богословских книг священникам из Боснии, Герцеговины и Старой Сербии. А 9 (21) октября 1868 г. Кудрявцев, отмечая тяжелое положение боснийских христиан, просил Раевского помочь боснийским церквям и школам. В этом письме Кудрявцев сообщал о написании записки, в которой он рассказывает

¹⁹⁸ Славянские учителя в России // Русско-словенские отношения в документах (XII в. – 1914 г.). М., 2010. С. 552–560.

о положении в Боснии сербских школ и церквей. Записка предназначалась для Московского Славянского благотворительного комитета¹⁹⁹.

В 1869 г. Кудрявцев отправил записку в Московский Славянский благотворительный комитет. «От России и ее общества, – писал он, – зависит огромная доля преуспевания в восстании (возрождении. – И.Ч.) и образовании православного народа Боснии. От того-то от России и ее общества ожидают всего наши единоверцы, которые больше, чем когда-либо надеются и веруют в нашу силу и могущество»²⁰⁰. Кудрявцев получил благодарность за записку. Комитет не мог в данный момент отправить средства боснийцам, но обещал создать специальный фонд, из которого будет оказываться помощь боснийским школам. Об этом Кудрявцев сообщил Раевскому в письме от 3 (15) января 1869 г.²⁰¹

Московскому Славянскому благотворительному комитету удалось собрать для школ и церквей Боснии 350 бумажных рублей и он отправил их Кудрявцеву через Раевского. Тот в свою очередь передал их сербскому купцу из Триеста Перо Хаджи Ристичу, который, по словам Кудрявцева, являлся его агентом, одновременно он был и личным другом Раевского. Но из-за смерти Ристича деньги не были получены²⁰². Зато, указывал Кудрявцев в том же письме от 12 (24) июля 1869 г., в консульство пришло 9 ящиков с сосудами и одеждой от Московского комитета²⁰³.

Кудрявцев старательно передавал вспомоществование, присылаемое боснийцам. Но иногда у него получались

¹⁹⁹ Југословени и Русија. С. 310–311, 313.

²⁰⁰ Мельчакова К.В. Босния и Герцеговина в общественно-политической жизни России в 1856–1875 гг. М., 2019. С. 162.

²⁰¹ Југословени и Русија. С. 314.

²⁰² Зарубежные славяне и Россия. С. 12.

²⁰³ Там же. С. 316.

накладки при их раздаче. Так в письме от 5 (17) февраля 1869 г. он жаловался Раевскому, что некоторые церкви и монастыри по нескольку раз обращаются за помощью. В письме от 16 (30) октября 1869 г. Кудрявцев рассказывал Раевскому об ухудшении положения в Болгарии, где грек митрополит вместе с турецкими властями притесняет болгар. Он разогнал всех учителей-патриотов. В Боснии тоже положение ухудшилось, так как турки объявили о сборе налога со всего мужского населения от младенцев до восьмидесятилетних старцев. Кудрявцев все же считал, что в Боснии спокойно и никакого движения не предвидится²⁰⁴.

И в начале 1870-х годов Кудрявцев продолжал опекать боснийцев. 12 (24) сентября 1872 г. он рекомендовал Раевскому с самой лучшей стороны архимандрита Саву Косановича и купца Макса Деспича, которые ехали в Россию для сбора пожертвований в пользу вновь построенного и освещенного православного храма в Сараеве. Кудрявцев просил Раевского помочь им с отъездом в Россию и снабдить их рекомендациями к московским и петербургским деятелям²⁰⁵.

В первой половине 1860-х годов у Кудрявцева завязались сношения с сербским революционером Васой Пелагичем. Васа (1838–1899) родился в сербской крестьянской семье. В 1857 г. он окончил Белградскую духовную академию, после чего три года учительствовал в Боснии в городке Брчко. За три года Пелагич создал там мужскую и женскую школы с обучением на национальном языке, школьный фонд, первую в Боснии сербскую читальню. Его активная деятельность вызвала неудовольствие властей, и он вынужден был бежать в Сербию. Там сербский митрополит Михаил проявил к нему участие. С письмом от него

²⁰⁴ Југословени и Русија. С. 317.

²⁰⁵ Там же. С. 318.

к Раевскому Пелагич отправился в Вену. Раевский обратился в Московский Славянский благотворительный комитет с просьбой выдать боснийцу стипендию. В письме Раевскому от 1 апреля 1863 г. И.С. Аксаков сообщил, что комитет согласен принять Пелагича в число своих стипендиатов. В ответе от 7 апреля 1863 г. Раевский отмечал: «Я пошлю Пелагича к Вам немедленно. Кажется хороший малый»²⁰⁶. В том же 1863 г. Пелагич отправился в Москву, где пробыл до 1865 г., изучая в Московском университете историю и медицину. В Москве Пелагич проникся идеями русских революционеров. Вернувшись на родину, он основал в Баня Луке сербскую православную семинарию. В 1867 г. Пелагич издал в Белграде учебник «Руководство для сербско-боснийско-герцеговинских, старосербских и македонских учителей», в этом же году он получил звание архимандрита. Однако патриотическая деятельность Пелагича среди учеников привела к тому, что в том же 1867 г. он был осужден турецким судом и выслан в Малую Азию. С помощью русского посла в Турции Н.П. Игнатьева он бежал из-под стражи. Русское посольство полагало отправить Пелагича в Россию. Для поездки туда он должен был получить русский паспорт в русском консульстве в Сараеве. Ранее произошла его встреча с Кудрявцевым. Еще 9 (21) ноября 1868 г. дипломат сообщал Раевскому о своих впечатлениях относительно Пелагича. Отметив, что он сочувствует патриотизму молодого архимандрита, Кудрявцев вместе с тем не советовал министерству (народного просвещения. – И.Ч.) устраивать богословское училище далеко от Сараева. За таким училищем, подчеркивал он, нужен постоянный надзор русского консульства, которое должно влиять на его деятельность. По мнению Кудрявцева, Пелагич не мог до конца

²⁰⁶ Поплыко Д.Ф. Васа Пелагич и Россия. Из истории сербской революционной мысли. М., 1983. С. 13–14.

выдержать роль главы семинарии, ибо был молод и неопытен. При первой встрече в консульстве «он с жаром и даже яростно уверял меня, что Черногория два раза спасла Россию от крушения и гибели, и что мы должны целовать скут и прах каждого черногорца, а не черногорец, который ест наш хлеб» – сообщал консул²⁰⁷. Вместе с тем Кудрявцев снабдил деньгами Пелагича при его поездке в Константинополь, о чем он писал Раевскому 18 (30) октября 1869 г.

Пелагич не отправился в Россию, как рассчитывало русское посольство, а уехал в Белград. В 1875 г., когда начался Восточный кризис, он перебрался в Боснию, где принял активное участие в восстании сербов.

В конце 1850-х годов в Боснии усилились неприязненные отношения между православными и мусульманами. В 1859 г. православная община в Сараеве получила от турецкого правительства разрешение на строительство в городе новой православной церкви. К 1870 г. строительство было закончено. Оно вызвало приступ ярости у мусульманских фанатиков. Кудрявцев сообщал русскому послу Н.П. Игнатьеву о возможности вандализма с их стороны и просил сообщить об этом великому визирю. «Возбуждение мусульманских граждан против новопостроенного храма и христиан велико, – писал он, – и [...] если равнодушие властей к необузданным поступкам будет продолжаться, то весьма легко может произойти нападение на церковь и столкновение с нашими единоверцами»²⁰⁸.

Предупреждение Кудрявцева оправдалось. Его активная деятельность среди христианского населения вызывала неприязнь у мусульманских фанатиков. В 1871 г. его избил на улице дервиш шейх Али Хайгусуз, а в 1875 г. было

²⁰⁷ Југословени и Русија. С. 313.

²⁰⁸ Цит. по: Мельчакова К.В. Босния и Герцеговина в общественной-политической жизни России. С. 227.

подождено русское консульство в Сараеве²⁰⁹. Кудрявцев оставался в Сараеве до апреля 1877 г., когда Россия отозвала всех своих дипломатов из Османской империи.

Славянофилы помогали в устройстве школ в Черногории. По просьбе черногорского князя Николы в 1869 г. там были основаны богословско-учительская семинария и женская школа. Деньги на них выделяли Государственное казначейство и Св. Синод России – ежегодно 13 799 руб.²¹⁰ Учителей для школ подыскал Раевский. Обе школы просуществовали довольно долго. Особенно успешной была женская школа. Ее устройству активно помогала близкая к славянофилам графиня А.Д. Блудова. В письме Раевскому от 21 января (6 февраля) 1869 г. она просила его подыскать для женской школы русскую учительницу, которая могла бы помимо французского и немецкого языков преподавать русский язык и русскую историю. Это, по ее утверждению, являлось требованием черногорского князя²¹¹.

Таким образом, славянофилы продолжали свою деятельность среди зарубежных славян, которая в 1860 – начале 1870-х годов носила по преимуществу культурно-благотворительный характер. Помощь славянам чаще всего шла через Раевского или русских консулов. К началу 1870-х годов интерес к славянам в России уменьшился. Об этом Н.А. Попов сообщал Раевскому в письме от 16 сентября 1873 г.²¹²

В первой половине 1870-х годов укрепилось международное положение России. 19 (31) декабря 1870 г. Горчаков

²⁰⁹ Тепић И. Босна и Херцеговина у руским изворима: (1856–1878). Сарајево, 1988. С. 45.

²¹⁰ Хитрова Н.И. Черногория в национально-освободительном движении на Балканах и русско-черногорские отношения в 50–70-х годах XIX века. М., 1979. С. 234.

²¹¹ Југословени и Русија. С. 136.

²¹² Чуркина И.В. Протоиерей Михаил Федорович Раевский. С. 157.

направил российским послам в государствах, которые подписали Парижский мирный договор, заключенный после окончания Крымской войны, циркуляр, в котором было указано, что российское правительство не считает себя связанным ограничением его суверенных прав на Черное море. В заключение в циркуляре подчеркивалось, что он имеет своей целью только оградить безопасность России²¹³. Европейские державы, хотя и были недовольны этим циркуляром, но вынуждены были смириться. А еще три года спустя, в 1873 г., по инициативе вновь возникшего государства Германии был создан Союз трех императоров (Россия, Австро-Венгрия, Германия). Целью его являлось сохранить мир на Балканах, не вмешиваться в дела Турции, однако побуждать ее к проведению реформ у подвластного ей населения²¹⁴.

²¹³ Хитрова Н.И. Россия сосредотачивается // История внешней политики России. Вторая половина XIX века. М., 1997. С. 77.

²¹⁴ Там же. С. 81.

Славянофилы и М.П. Погодин о польском вопросе (1840–1870-е годы XIX в.)

Поездки русских ученых и чиновников по славянским землям в 1820–1830-е годы XIX в. познакомили русские образованные круги с деятелями славянского Возрождения, с их идеями развития национальных культур, освобождения от чужеземного ига.

Все это способствовало распространению среди русской интеллигенции сочувствия к славянам, их стремлению развивать собственную культуру и бороться за свои права. Но перед русской интеллигенцией, сочувствующей славянам, возникала дилемма – Россия сама владела территориями поляков, т.е. родственного русским славянского народа. Поэтому перед сторонниками славянской идеи вставала нелегкая задача как-то объяснить это положение: показать свои симпатии к полякам, оставаясь в то же время верными подданными русского правительства.

Наиболее полно определил свое отношение к польскому вопросу русский историк Михаил Петрович Погодин (1800–1875). Его взгляды на польский вопрос представляют большой интерес, потому что в первой половине XIX в. он являлся главным русским идеологом и пропагандистом необходимости помощи со стороны России славянам, тесных связей русского народа с зарубежными славянами.

В статье «О русской политике на будущее время» Погодин писал, что в 1813–1814-е годы Россия спасла Европу, а взамен получила две болезни – Польшу и Священный союз. Последний показал свою несостоятельность во время Крымской войны²¹⁵.

²¹⁵ Погодин М.П. Историко-политические письма и записки в продолжение Крымской войны. 1853–1856. М., 1874. С. 233.

Что касается поляков, то Погодин считал, что с ними необходимо примириться. Еще в 1839 г. Погодин выдвинул план, как сделать это. Надо иметь в виду, что прошло всего 8 лет со дня польского восстания 1830–1831 гг., и антипольские настроения были достаточно сильны в русском обществе. В письме к министру народного просвещения С.С. Уварову Погодин утверждал, что с поляками можно прекрасно ужиться, если покровительствовать их языку, литературе, истории. Погодин развернул в письме целую программу поддержки польской культуры со стороны русского правительства. Надо в Царстве Польском наряду с русским языком изучать польский, ибо язык уничтожить невозможно, поскольку «язык есть такой же природный, неотъемлемый орган, как и прочие, только драгоценнейший для человека, потому что тесно связан с его разумною душой». Русский язык и так станет литературным языком всех славян. Но для того, чтобы поляки изучали русский язык, нужно помочь филологу С.Б. Линде, который трудится над созданием сравнительного польско-русского словаря. Он должен иметь возможность нанять помощников, а для этого нужны деньги. Погодин предлагал написать новую историю Польши и «не слишком густо покрывать ее русским цветом». А пока можно пользоваться историей, написанной Бандтке²¹⁶ или Лелевелем²¹⁷. Польским ученикам следовало бы преподавать вместе с польской и русской историями и историю других славянских народов. Погодин призывал

²¹⁶ Бандтке Ян Викентий (1783–1846) – профессор Варшавского университета с 1816 г.

²¹⁷ Лелевель Иоахим (1786–1861) – польский историк и политик. В 1815–1816, 1821–1824 гг. занимал кафедру истории в Виленском университете. Один из руководителей польского восстания 1830–1831 гг. В эмиграции активно занимался революционной деятельностью, поддерживая ее левое крыло.

оказывать покровительство польским литературным деятелям Кухарскому, Мацеевскому, Крыжановскому и другим – их труды должны быть изданы, а авторы – получить вознаграждение. При польских гимназиях, продолжал Погодин, нужно организовать курсы с преподаванием древних языков, славянских языков, медицины, естественных наук, русского права, римского права. Эти курсы пока могли бы заменить полякам университет. Выдвигая план поддержки польской культуры, Погодин добавлял, что покровительство просвещению в Польше должно вестись «в пределах благоразумия и осторожности, без ущерба русскому началу». Это может оказать, по мнению Погодина, «благодетельное влияние на славянские племена, которые смотрят на Польшу как на образец русского управления»²¹⁸. Говоря о необходимости изучения истории Польши, Погодин указывал, что для этого нужно пользоваться как трудами вполне официального историка Бандтке, так и сочинениями революционного историка Лелевеля.

С началом Крымской войны Погодин не утратил веры в то, что с поляками России возможно примириться, несмотря на то, что на турецкой стороне против нее воевали отряды польских добровольцев, бывших участников революции 1848–1849 гг. В 1854 г. Погодин в послании к полякам писал, что в прошлых конфликтах виноваты как поляки, так и русские. Поляки надеются на Францию и преданно ей служат 70 лет. Но они от нее ничего не получили. Все французские правители жертвовали поляками. Турки же принимают услуги поляков только после принятия ими мусульманства. «Вы идете на смерть для вероломных покровителей и в пользу государства, искони вам враждебного, варварского, мертвенного, против единоплеменников, поднявших оружие за всех славян, и идете

²¹⁸ Погодин М.П. Историко-политические письма. С. 29–34.

без малейшей положительной надежды для себя, изменяя вере, истории, крови». «Запад ныне, как и прежде, приносит Польшу в жертву своим выгодам. – делал вывод Погодин. – Неужели благороднее служить туркам против России, чем идти с русскими за славян?» Все поляков оставили и предали, ни от кого поляки ничего получить не могут, а от России они получают много, может быть все. Погодин был убежден, что в данное время полезнее восстановление независимой Польши. «Да здравствует Польша! Да здравствует Россия! Да здравствуют все славяне!»²¹⁹. Приблизительно в то же время Погодин написал записку, предназначенную для русского правительства. В ней он снова поднимал вопрос: как поляков сделать друзьями? Погодин понимал, что одними культурными мероприятиями, как он предлагал Уварову в 1839 г., уже не обойтись. «Объявите независимость Польши, – предлагал он, – и вострепещут Австрия, Пруссия и вся Германия, хотя они теперь ратуют в пользу ее, пока она связана с Россией, и кричат против властолюбия России». Погодин подчеркивал, что независимость Польши приветствовали бы и остальные славяне. Он утверждал, что история Польши доказывает, что она не может существовать самостоятельно. Но в сердце поляков, с грустью отмечал Погодин, «преобладает чувство независимости, отдельности, самобытности, которое сохраняет свою живость и свежесть, несмотря ни на какие болезни, и несчастья готово на всякие жертвы, труды и мучения». Это дает право полякам на уважение всякого беспристрастного человека. «Свободу дадим мы полякам, – продолжал Погодин, – за их к нам слепую ненависть: наслаждайся они ею, как хотят, до тех пор, пока не пожелают сами теснейшего союза с нами». Однако Польша должна быть восстановлена в пределах распространения польского языка: «Где говорят

²¹⁹ Там же. С. 134–140.

по-польски, там и Польша». В этом вопросе Погодин выступал против политики Александра I, соглашавшегося отдать восстановленной Польше Литву, Волынь, Подолию, Белоруссию, хотя последние области не являлись польскими по живущему там населению. Дальнейшую судьбу Польши Погодин видел следующим образом. Польша может существовать как особая единица в пределах славянского союза под покровительством России. Он был убежден, что единственная надежда поляков – Россия и остальные славянские народы. Польша не может рассчитывать на англичан и французов, которые рассматривают ее в качестве зажигательной ракеты для России. А дружбу австрийцев и пруссаков поляки сами хорошо знают²²⁰.

Хотя Погодин писал о необходимости сделать определенные уступки полякам, он высказывал и претензии по отношению к ним. Еще в письме к С.С. Уварову в 1839 г. он отмечал особо тяжелое положение русин, которые стонут под гнетом поляков, немцев, евреев. В своем втором письме к Уварову от 1842 г. он снова повторял, что русины в Галиции совершенно беззащитны в отношении польских помещиков. Здесь Погодин прямо указывал, что Пруссия, Англия, Франция думают использовать Польшу против России²²¹. План Погодина мог быть использован только до революции 1848 г., Крымской войны и польского восстания 1863 г.

Что касается славянофилов, то для них вплоть до польского восстания 1863 г. поляки не представляли особого интереса. Об этом прямо высказывался И.С. Аксаков, отвечая на вопросы, предложенные ему Третьим отделением в 1849 г.: «В их (славянофилов. – И.Ч.) отношениях к западным славянам было только одно сердечное участие

²²⁰ Там же. С. 126–132.

²²¹ Погодин М.П. Сочинения. М., 1872. Т. III. С. 53, 56–57, 64.

к положению единокровных и единоверных своих братьев»²²². Для славянофилов главным вопросом, который требовалось решить России, была крестьянская реформа и другие либеральные преобразования. И накануне польского восстания 1863 г. И.С. Аксаков оставался на прежних позициях. Он писал 5 февраля 1862 г. графине А.Д. Блудовой о программе своей газеты «День»: «Пока будет существовать “День”, он будет посвящен преимущественно русским нашим внутренним вопросам, перед которыми славянские имеют интерес уже второстепенный»²²³.

Но все же иногда славянофилы затрагивали вопрос о поляках. В единственном номере газеты «Парус» (1859), издававшейся И.С. Аксаковым, была опубликована статья «Письма из Польши». В ней говорилось о стремлении содействовать «святому делу братского сближения и духовного общения русских со всеми их единоплеменниками». Но чтобы снискать доверие зарубежных славян, «Россия должна внутри себя самой дать доказательство справедливости своей племенным собратьям, и дозволить им свободное развитие народности». Статья завершалась словами: речь здесь идет о поляках и малорусах²²⁴. Скорее всего, статья была написана И.С. Аксаковым. По-видимому, она предполагала продолжение. Но следующий номер «Паруса» так и не вышел в свет. В начале 1861 г. И.С. Аксаков четко сформулировал свое отношение к польскому вопросу: «Поляки имеют безусловное, несомненное право стремиться к свободе и независимости, не только духовной, но и политической всей польской народности, и лишены, напротив,

²²² Константин Сергеевич Аксаков. Иван Сергеевич Аксаков. Избранные труды. М., 2010. С. 333.

²²³ Цимбаев Н.И. И.С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. М., 1978. С. 72.

²²⁴ Парус. 1859. № 1. С. 9.

всякого нравственного права требовать восстановления прежних пределов не народности польской, а Польского Королевства»²²⁵. В ноябре 1861 г. И.С. Аксаков прямо писал в «Дне», что необходимо вывести русские войска из Польши и предоставить ей независимость²²⁶.

В личной переписке И.С. Аксаков был откровеннее. «Я не люблю поляков, – писал он графине А.Д. Блудовой 10 ноября 1861 г., – и выругал их за их притязания на Киев. Но не могу бранить их за их притязания на Варшаву, Познань, Краков»²²⁷. В личном письме к сотруднику великого князя Константина Николаевича, который в то время был наместником в Польше, в мае 1862 г. И.С. Аксаков подчеркивал: «Безумны те, кто полагают, что можно задавить польскую народность! [...] Польша, настоящая Польша должна быть вполне самостоятельна»²²⁸. Все же эти высказывания славянофилов о поляках носили отрывочный, единичный характер.

Польское восстание, начавшееся в ночь с 22 на 23 января 1863 г., заставило русские правящие круги и русское общество обратить серьезное внимание на польский вопрос. Славянофилы сначала даже выражали повстанцам определенную симпатию. О польском восстании графиня Блудова написала И.С. Аксакову сразу и, очевидно, достаточно резко. На ее письмо он ответил 30 января 1863 г. «Для меня несравненно отвратительнее и омерзительнее всех неистовств

²²⁵ *Ширинянец А.А., Мырникова А.В., Фурсова Е.Б.* Константин Сергеевич и Иван Сергеевич Аксаковы // Константин Сергеевич Аксаков, Иван Сергеевич Аксаков. Избранные труды. М., 2010. С. 97.

²²⁶ День. 18.11.1861.

²²⁷ Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. СПб., 1896. Т. IV.

²²⁸ Цит. по: *Цимбаев Н.И.* И.С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. С. 109.

польских, – писал Аксаков, – действия самого русского правительства [...] Правительство есть истинный душегуб Русской земли [...] Не обвиняйте общество в недостатке патриотизма. Не надо ему этого дешевого вашего патриотизма [...] Общество понимает, что враг России не в Польше, а в Петербурге, что злодей его – само правительство»²²⁹.

Но чем дольше длилось восстание, тем больше вопросов к его программе возникало у славянофилов и их сторонников. При этом они старались сохранить объективность. Русский славист славянофил А.Ф. Гильфердинг в большой статье «За что борются русские с поляками», помещенной в аксаковской газете «День» в апреле, выразил свое отношение к польскому восстанию. Указав, что, по словам поляков, они сражаются за свою народность и независимость, он отметил: «История, может быть, осудит их дело, но самопожертвование поляков останется в ней славною, хотя печальною страницей. И не мы, русские, станем умалять или чернить клеветой те чувства патриотизма, которые [...] заставляют польских матерей высылать на верную смерть сыновей своих, заставляют образованных юношей из школ Кракова и Познани спешить на поле битвы, нестройные толпы шляхты выходить с плохим оружием на русские штыки и штуцера». Но, отдав дань уважения польским повстанцам, Гильфердинг приходил к грустным выводам: борьба русских с поляками происходит в результате привития славянской Польши к чуждому западному миру. Именно поэтому поляки выступали в последние годы против славян вообще, помогая ее врагам: в 1848 г. они боролись на стороне венгров против австрийских славян, в 1854 г. – на стороне турок против славянской райи. Признавая отвагу польских повстанцев, Гильфердинг вместе с тем отмечал, что сами поляки не признают за другими народами прав, которые

²²⁹ РГАДА. Ф. 1274. Д. 1802. Л. 12 об.–13.

требуют для себя. Поляки сражаются за свою свободу, но их борьба радует Запад и отодвигает освобождение славян на Востоке. Они сражаются за народность, но отрицают права русских в западных губерниях. Они провозглашают себя демократами, но желают отдать белоруса, малоруса, литвина под власть польских аристократов. Под русское знамя, заключал Гильфердинг, «история поставила самобытность славянского племени, свободную будущность общественного и духовного развития славянства [...] Русская земля, коль скоро она, и именно она одна (в чем сомнения нет) представляет возможность такого самобытного органического развития славянского, не может не одолевая сил, вооружающихся против этого развития»²³⁰.

И.С. Аксаков в августе 1863 г. снова повторял, что независимая Польша гораздо менее опасна для России, чем постоянная угроза нового польского восстания, которое может перекинуться и на русские области²³¹, обращал особое внимание на отношение к польскому вопросу в Европе. В статье «Из Парижа» он указывал на негативное отношение французской прессы к России из-за событий в Польше. «Прежде нас ненавидели и боялись. Теперь ненавидят и презирают». И.С. Аксакова возмущало то, что Европа продолжает считать Украину и Белоруссию польской землей. В статье «В чем сила России» (20 апреля 1863 г.) И.С. Аксаков снова упрекал Францию в лице ее императора Наполеона III в том, что она ведет азартную игру в вопросе о Польше. Французы и англичане считают Россию бессильной страной, над которой они смогут одержать легкую победу. «Европа должна будет убедиться, – писал И.С. Аксаков, – что имеет дело не с государством только, но со всем русским народом, и что польский вопрос не правительственный, а всей

²³⁰ День. 15.04. 1863.

²³¹ День. 24.08.1863.

русской земли, что, наконец, не латинским и немецким стихиям разрешить этот вопрос и усмирить Польшу». И снова Аксаков подчеркивал, что польский вопрос может быть решен только самими русскими и поляками²³².

Как же предлагал разрешить польский вопрос И.С. Аксаков? В статье «О том же», опубликованной 4 мая 1863 г. в «Дне», он предоставил свой план. Прежде всего, по его мнению, надо узнать у самих поляков, на каких условиях возможно их примирение. И спросить об этом нужно не только шляхту, но и крестьян. В Польше равенство существует только для шляхты, у крестьян же нет никаких прав. Крестьянство только начинает жить в настоящее время и «явится и в политическом отношении самым здоровым и полновесным элементом в будущем развитии польской нации». Аксаков предлагал: «Для блага самой Польши, для полноты и цельности ее развития, нужно желать, чтобы там образовалось крепкое и независимое крестьянство, и чтобы оно наравне со шляхтой получило участие в земском представительстве». Эту задачу Россия должна решить сама без вмешательства Европы. Говоря о будущем Польши, Аксаков не соглашался с теми представителями русского общества, которые считали, что Польша обязательно должна входить в состав Российской империи. Он полагал, что в данный момент это невозможно, ибо Польша давно примкнула к романо-германскому миру. Польша считает себя передовой дружиной Запада, Россия же принадлежит к славянскому миру. Объединение станет возможным, если Польша возвратится к славянским началам, а Россия станет вполне Русью. Пока же ее можно присоединить к России, дав ей отдельное устройство как Финляндии²³³.

²³² Константин Сергеевич Аксаков, Иван Сергеевич Аксаков. Избранные труды. М., 2010. С. 495, 498–502.

²³³ День. 4.05.1863.

Еще более четко объяснил свою позицию по польскому вопросу Аксаков в статье «По поводу ноты князя Горчакова», помещенной в июльском номере «Дня». Горчаков предлагал Австрию, Англию и Францию об опасности польских волнений для Европы. Аксаков приветствовал ответ Горчакова на посланную незадолго до этого ноту указанных держав России относительно польских событий. «Мы вовсе относимся не иронически к действительному героизму, проявляемому поляками в этой безумной, отчаянно дерзкой борьбе за независимость Польши против государства в десять раз сильнее», – писал И.С. Аксаков. Вместе с тем он отмечал, что поляки не понимают, что вмешательство Запада только разжигает ненависть двух братских народов и сначала доставит некоторые выгоды полякам, а затем оторвет их от славянства и отдаст их во власть германизму. И.С. Аксаков утверждал, если бы не было России, славяне не имели бы будущего в истории. Он снова повторял, что Литва, Белая и Малая Русь никогда не являлись польской территорией. Вместо того, чтобы претендовать на них, полякам следовало бы обратить внимание на исконно польские территории, находящиеся в Пруссии и Австрии, а именно Галицию и Познань. В качестве неотложных мер для умирения Польши Аксаков предлагал подавить мятеж, устранить вмешательство в польские дела европейских держав, обеспечить «значение и участие в общей жизни народного организма – простого народа, крестьянства», узнать мнение самой Польши – чего она хочет. Если поляки не пойдут на эти условия, предлагал Аксаков, «стоило бы предоставить Польшу своей судьбе, наказать ее свободой». Аксаков так и писал: наказать Польшу свободой. Он был уверен, что без поддержки России Польша попадет под власть германизма и перестанет существовать как славянское государство. Это повредит всем славянам, так как усилит германизм. И все же Аксаков считал, что в данное время России

не нужно объединяться с Польшей, поскольку «все элементы беспорядка, которые существуют в России, находят свою опору и пищу в польском элементе»²³⁴.

Главный идеолог славянофилов И.С. Аксаков предлагал русскому правительству обратить внимание на польское крестьянство, уравнивая его права со шляхтой. Именно опора на крестьян даст русским возможность умирить Польшу, ибо основной движущей силой восстания являлась шляхта. И этот совет был верным: именно крестьянский вопрос руководство повстанцев не сумело решить должным образом.

Во главе восстания стояло Временное национальное правительство, в котором верх взяли «белые», т.е. представители польских помещиков и буржуазии. Оно и решало крестьянский вопрос, который был в Польше одним из самых острых.

В 20–40-е годы XIX в. в Польше происходило массовое обезземеливание крестьян за счет захвата их наделов помещиками. За это время площадь крестьянских земель уменьшилось на 22%, а число безземельных крестьян увеличилось с 30% до 40% от их общего количества. Исследователь крестьянского вопроса в Царстве Польском И.И. Костюшко пришел к выводу, что к началу 60-х годов XIX в. значительная часть крестьян лишилась земли, другие же превратились в малоземельных²³⁵. При таком положении крестьянская реформа имела огромное значение для привлечения крестьян на сторону повстанцев. В первое время крестьяне надеялись, что Временное национальное правительство улучшит их положение. К весне 1863 г. восстание перекинулось на Литву, Белоруссию, Украину.

²³⁴ Константин Сергеевич Аксаков, Иван Сергеевич Аксаков. Избранные труды. С. 507–521.

²³⁵ Костюшко И.И. Крестьянская реформа 1864 года в Царстве Польском. М., 1962. С. 23–31.

Временное национальное правительство объявило, что все крестьянские наделы являются собственностью их владельцев. За понесенные от этого убытки помещики получали вознаграждение от государства. Безземельные крестьяне наделялись землей за счет казенных земель и земель, принадлежавшим врагам, т.е. русским чиновникам и офицерам, пожалованным землями в Польше. Все повинности помещикам отменялись. Однако землю получали только те безземельные крестьяне (не менее 3 моргов²³⁶), которые сражались в польском войске. Латифундии польских помещиков полностью сохранялись за ними. Сервитуты, которых почти полностью лишились крестьяне, не возвращались. Такая реформа не могла удовлетворить большинство крестьян. В некоторых уездах, занятых повстанцами, развернулось крестьянское движение, направленное против польских помещиков, участвовавших в восстании. В случае гибели помещика виновные наказывались смертной казнью, а восставшие села сжигались. Нередко повстанцы заставляли крестьян силой вступать в их ряды²³⁷.

Русское правительство стремилось расколоть ряды мятежников. Этому способствовал и брат царя великий князь Константин Николаевич, который с 27 мая 1862 г. по 30 октября 1863 г. являлся наместником Царства Польского. Манифестом от 31 марта 1863 г. российское правительство объявило амнистию всем, кто до 1 мая сложит оружие. Но особую роль в усмирении Польши оно возлагало на решение крестьянского вопроса. По предложению министра внутренних дел П.А. Валуева с начала февраля 1863 г. был объявлен указ о досрочной отмене крестьянских

²³⁶ Морг – устаревшая единица измерения площади земли в средневековой Западной Европе и, в частности, в Речи Посполитой, равная приблизительно 0,56 гектара.

²³⁷ Костюшко И.И. Крестьянская реформа. С. 60–61.

повинностей помещикам. Этот указ касался белорусских, украинских, литовских земель. 17 августа 1863 г. вышел указ о возвращении крестьянам тех земель, которые были у них отняты после инвентаризации, проведенной в 1846 г. Все это способствовало спаду повстанческого движения.

Начальник гражданского управления Царства Польского Н.А. Милютин был призван проводить реформы в Польше. Умеренный либерал, он работал в Редакционных комиссиях по проведению крестьянской реформы в России. В конце августа 1863 г. у Милютина произошел разговор с царем. Александр II просил его принять должность начальника гражданского управления в Польше для проведения там реформ. В беседе с Милютиным он сказал: «Надо поднять народ, искать опоры в нем [...] Между мной и польской аристократией все кончено». Милютин высказал мнение, что надо принимать немедленные меры, чтобы подавить польское восстание, иначе могут вмешаться иностранные государства. После второго разговора с царем 13 сентября 1863 г. Милютин отправился в Польшу. В качестве своих ближайших помощников он взял славянофилов князя В.А. Черкасского и Ю.Ф. Самарина, с которыми он вместе работал в Редакционных комиссиях²³⁸. То, что Милютин привлек Самарина и Черкасского, не было случайным: оба они во время обсуждения крестьянского вопроса в России стояли на наиболее радикальных позициях. Практически Милютин принял указание царя: отказ от поддержки польской аристократии, стремление найти опору в Польше в народе, т.е. в крестьянстве. Как можно видеть, эта позиция полностью соответствовала взглядам идеолога славянофилов И.С. Аксакова. В октябре 1863 г. Милютин со своими сотрудниками совершил поездку по территории Царства Польского, во время которой велись переговоры с крестьянами.

²³⁸ Там же. С. 75–81.

21 декабря 1863 г. Милютин предоставил свой план императору. В нем он указывал, что главные споры крестьян с помещиками касаются сервитутов, принудительных переселений, незаконно отнятых у крестьян земель. Милютин призывал обратить особое внимание на безземельных сельчан, которые «по крайней нищете и бездомству своему находятся издавна под сильнейшим влиянием помещиков и составляют самый опасный элемент сельского пролетариата». Царь одобрил план Милютина.

Указ об устройстве крестьян в Польше был подписан царем 19 февраля (2 марта) 1864 г. Все крестьянские участки с инвентарем, рабочим скотом, хозяйственными постройками становились полной собственностью крестьян. Они могли получить в собственность те земли, которыми пользовались до инвентаризации 1846 г. Полностью сохранялись сервитуты, крестьяне освобождались от повинностей помещику, прекращались все иски о недоимках. Крестьяне в течение 3-х лет могли предъявить права на пустки, т.е. незанятые участки земли, и незаконно отнятые у них усадьбы. Пустки отдавались крестьянам, которые совсем не имели земли, или имели ее менее 3 моргов. Безземельных крестьян наделяли за счет казенных и пустующих монастырских земель. Обычно безземельным отводились наделы от 1 до 3 моргов. Однако, если земли требовали корчевания, то надел увеличивался до 6 моргов. Новые собственники соответственно освобождались от налогов на 3 года или 6 лет. К 1 октября 1869 г. получили землю более 200 тыс. польских крестьян²³⁹.

Крестьянскую реформу в Царстве Польском приветствовал М.П. Погодин. «19 февраля 1864 г., – сказал он в речи на университетском обеде 12 января 1865 г., – подписан указ об освобождении крестьян из-под шляхетского несносного

²³⁹ Там же. С. 87, 91–95, 121–255.

ига и наделения их землей. Этим указом мы платим полякам добром за зло, нам ими причиненное». Погодин подчеркивал, что в Польшу отправлены лучшие русские люди для исполнения указа²⁴⁰. И.С. Аксаков тоже выразил свое удовлетворение крестьянской реформой в Польше. «Россия призвала к новой жизни 3,5 млн польских крестьян и придала через то новую силу польской народности», – писал он 28 марта 1864 г. в «Дне». Аксаков призывал не проявлять солидарности с Пруссией и Австрией в польском вопросе, ибо они хотят онемечить у себя польскую народность²⁴¹. Позицию князя В.А. Черкасского в крестьянском вопросе в Польше Аксаков полностью одобрял. «Тяжелый подвиг взял на себя Ваш муж, – писал Аксаков княгине Е.А. Черкасской 4 октября 1865 г., – тем более тяжелый, что он больше всех нравственно заинтересован в успехе дела, и ближе всех принимает его к сердцу, как свое дело»²⁴². Черкасский стоял на наиболее радикальных позициях в решении крестьянского вопроса в Польше. Вместе с тем не все славянофилы, занимавшиеся польской реформой, были столь же решительны. В том же письме к княгине Е.А. Черкасской, Аксаков замечал, что виделся в Москве с деятелями крестьянской реформы в Польше Н.А. Милютиным, А.И. Кошелевым и другими и с грустью увидел их разногласия по данному вопросу. Так А.И. Кошелев, который с лета 1864 г. принимал участие в проведении реформы, писал в своих воспоминаниях: «Хотя права собственности польских помещиков и принесены в жертву цели лучшего устройства тамошнего крестьянства, однако такая мера, в виду прежних страшных притеснений его со стороны землевладельцев и недавних действий дворянства против правительства,

²⁴⁰ Погодин М.П. Сочинения. Т. III. С. 247.

²⁴¹ День. 28 03.1864.

²⁴² ОР РГБ. Ф. 327. Черкасские. К. 4. Л. 34.

даже не грешит против справедливости». Вместе с тем ему не нравился радикализм Черкасского и его сторонников, которые, по его мнению «имели в виду доконать польских землевладельцев, т.е. шляхту и панов»²⁴³.

Военный историк, публицист, сторонник панславизма Ростислав Андреевич Фадеев (1824–1883) также касался судеб Польши. Он полагал, что она, оказавшись перед выбором «быть младшим братом русского народа или немецкой провинцией», предпочтет первое и станет передовой ратью славян в борьбе против Пруссии и Австрии²⁴⁴.

Польский вопрос интересовал и Николая Николаевича Страхова (1828–1896), близкого по взглядам славянофилам, и панслависту Н.Я. Данилевскому. В 1863 г. в журнале «Время» он опубликовал статью «Роковой вопрос», посвященную русско-польским отношениям. Именно она и послужила причиной закрытия журнала. В ней Страхов анализировал причины многовековых неприязненных отношений между поляками и русскими и приходил к выводу, что в их основе лежит борьба разных цивилизаций. Польша, несмотря на славянский характер, принадлежит к европейской цивилизации, русские – к славянской. Убежденность поляков, что они являются представителями европейской цивилизации, привела их к уверенности, что если «из всех славянских племен только они достигли высшей культуры, то по праву, по идее им должна принадлежать главная роль в славянском мире; они должны стоять во главе и руководить другими племенами»²⁴⁵. Залогом примирения Польши

²⁴³ Кошелев А.И. Записки. Берлин, 1884. С. 143, 147–149.

²⁴⁴ Там же. С. 70–71.

²⁴⁵ Страхов Н.Н. Роковой вопрос. Цит. по ст.: Птицын А.Н. Российско-польские противоречия как отражение «конфликта цивилизаций»: концепция Н.Н. Страхова // Российско-польский исторический альманах. Вып. 1. Ставрополь; Волгоград, 2006. С. 33–34.

и России Страхов считал отказ той и другой от идеи превосходства их цивилизаций²⁴⁶.

Совсем по-другому предполагали решить польский вопрос стоявшие близко к правительственным кругам русские общественные деятели. Так М.Н. Катков в своей газете «Московские ведомости» писал в начале 1865 г.: «Польская политическая национальность не может существовать рядом с русскою политическою национальностью, польская национальность должна слиться с русскою национальностью; без этого невозможен внутренний мир в русской державе и даже невозможно прочное существование ее»²⁴⁷. Ассимиляция поляков – вот единственный путь укрепления России и ее успешного развития.

После подавления восстания в рядах польской эмиграции, существенно увеличившейся за счет покинувших Царство Польское повстанцев, стала популярной программа создания государства, включавшего в свой состав помимо польских земель Украину, Белоруссию, Литву и по возможности чешские земли. Во главе него должны были встать поляки, как народ обладающий более высокой цивилизацией. В этой федерации, конечно, не было места России²⁴⁸.

После подавления восстания и проведения крестьянской реформы в Польше польский вопрос постепенно стал отходить на второй план в кругах русской общественности. К нему вновь возник интерес во время Этнографической выставки и Славянского съезда в 1867 г. в Москве. Зарубежных поляков из Пруссии и Австро-Венгрии пригласили на эти мероприятия, но приехал только один представитель поляков из Пруссии. Из славянских гостей особенно

²⁴⁶ Там же. С. 35–36

²⁴⁷ Московские ведомости. 1.01.1865.

²⁴⁸ Колейка Й. Славянские программы и идеи славянской солидарности в XIX и XX веках. Praha, 1964. С. 62.

чеки стремились поднять вопрос о Польше. Ответ на это славянофилов был довольно резким. И.С. Аксаков 28-го марта 1867 г. в своей газете «Москва» приветствовал Этнографическую выставку и Славянский съезд. Он указывал, что они составят эпоху в истории славянства: славянские деятели, приехавшие в Москву, обновят сознание славянского единства, укрепят свою духовную и нравственную связь с Россией. На русских, продолжал И.С. Аксаков, «бог возложил высокий подвиг: послужить освобождению и возрождению поработенных угнетенных братий. Нет у России ни стремлений к захватам, ни замыслов на политическое преобладание: она желает только свободы духа и жизни славянским племенам, остающимся верными славянскому братству». Но в это братство поляки не входили. Наоборот, указав на критический момент в жизни австрийских славян (введение дуализма), И.С. Аксаков подчеркивал, что с помощью мадьяр и поляков немцы думают онемечить оставшихся в Европе славян²⁴⁹.

Погодин, который был главою всех, кто встречал славянских гостей в Москве, вел себя по отношению к полякам более дипломатично. Зная, что один из лидеров чехов Ф.Л. Ригер поднимет вопрос о поляках, он постарался его опередить. Год спустя он вспоминал об этом в речи на обеде по поводу годовщины проведения Этнографической выставки. Погодин сказал, что он первым в своем выступлении призвал поляков к примирению, зная, что вся молодая Чехия за них. Ригер же выступил с подобным призывом после него. Но в этом выступлении Погодин отметил, что поляки не могут обижаться на русских, так как Россия не только не берет у них средства, но наоборот вкладывает их в Царство Польское. Поляки, продолжал Погодин, получили от России гораздо большую автономию, чем требуют

²⁴⁹ Аксаков И.С. Славянский вопрос 1860–1886. М., 1886. Т. I. С. 148–149.

для себя чехи. Но поляки не желали ее принимать, если им не отдадут исконные русские земли²⁵⁰.

Что касается И.С. Аксакова, то и после Этнографической выставки и Славянского съезда в Москве он решительно выступал против польской шляхты, притеснявшей крестьян в западнорусских областях (так он называл литовские, белорусские и украинские земли). Он указывал на схожесть действий там поляков с действиями немцев в Прибалтике (Остзейском крае), перечисляя ряд объединяющих их моментов. Во-первых, немцы и поляки являются пришельцами в указанных краях. Во-вторых, они там господа, хотя и представляют значительное меньшинство. В-третьих, именно в их руках сосредоточены земля, социальные привилегии и средства давления на местных жителей. В-четвертых, поляки стремятся ополячить литовцев и русских, немцы – онемечить латышей и эстов. В-пятых, способы давления у немцев и поляков на местное население одинаковые: религия, школы, угрозы, насилие, соблазны житейских выгод. В-шестых, высшие власти в указанных областях, состоящие из немцев и поляков, заслоняют от русского правительства основную массу населения. И, наконец, в-седьмых, в угнетенном населении глубоко укоренилась ненависть к полякам и немцам и, добавлял Аксаков, вера в русского царя²⁵¹. Любопытно, что в корреспонденциях из восточной Галиции тоже указывалось на общую ненависть крестьян, как русских (русинов) так и мазуров (поляков) к панам и сочувствие к России. Даже мазуры, по словам корреспондента, ходят к русским священникам и говорят,

²⁵⁰ Погодин М.П. Годовщина славянского съезда в Москве // Погодин М.П. Сборник статей, писем, речей по поводу славянского вопроса. М., 1878. С. 69–73.

²⁵¹ Шириянц А.А., Мырникова А.В., Фурсова Е.Б. Константин Сергеевич и Иван Сергеевич Аксаковы. С. 108, 110.

что царь «дал нашим людям в Царстве Польском все, что их душа захотела»²⁵². Таким образом, крестьянская реформа в Польше повысила авторитет русского правительства и царя не только у крестьян Царства Польского, но и у крестьян австрийской Галиции.

Утверждение И.С. Аксакова, что в Польше для России опорой может служить только крестьянство, было воспринято следующим поколением славянофилов. В 1871 г. молодой славист А.С. Будилович, который в начале 1870-х годов исполнял обязанности секретаря Санкт-Петербургского Славянского благотворительного комитета, вернулся к польскому вопросу. Указав, что польская шляхта ввергла крестьян в бездну рабства, он сравнил реформы Милютина с деятельностью Богдана Хмельницкого – русский министр завершил освобождение крестьян, начатое казацким гетманом. В настоящее время, по мнению Будиловича, перед Польшей три пути: 1. обрусение; 2. онемечивание; 3. сохранение своей национальности. Будилович считал нежелательным обрусение поляков, поскольку «посягательство России на польскую народность совершенно отчуждило бы от нее чехов, словаков, сербов, словенцев и болгар, ибо не естественно ли было бы тогда и им от соединения с русскими ожидать себе подобной участи». Онемечиванию Польши Россия должна препятствовать всеми силами, так как это против ее интересов. Остается третий путь – сохранение поляками своей национальности. Будилович утверждал, что это в интересах не только славянства, но и всего человечества. Но в данное время, считал он, Россия должна пока властвовать («тяготеть») над Польшей, ибо «великий переворот, начатый реформами Милютина, еще не завершился» – шляхта еще окончательно не сломлена²⁵³.

²⁵² Современная летопись Русского вестника. (Приложение Московских ведомостей). 15.01.1867; 19.03.1867.

²⁵³ Беседа. СПб., 1871. № 6. С. 149–163.

Как можно видеть, Будилович так же сочувствовал крестьянам, как и Аксаков, однако независимость поляков отодвигал на неопределенное время.

Н.Я. Данилевский в своей книге «Россия и Европа» утверждал, что создание славянской федерации во главе с Россией сразу решит три важнейших задачи, стоящих перед ней: турецкую, австрийскую и польскую. Он был убежден, что создание независимого польского государства стало бы гибелью для польского народа, ибо привело бы к поглощению его немцами. Поэтому Данилевский считал, что Польша должна оставаться в России. А там перед поляками откроются два пути: или они сольются с русскими, или, если сумеют очиститься с помощью России от всех примесей, искажающих их славянскую сущность, станут «подобно всем славянам «дружественным товарищем и пособником русскому народу в великом общеславянском деле, приобретая и для себя постепенно все большую и большую долю самостоятельности»²⁵⁴.

Несколько месяцев в 1868 г. в Петербурге выходила газета «Русско-славянские отголоски», редактором и издателем которой был коллежский асессор В.К. Иванов. Он опубликовал свой способ решения польского вопроса. Ему уделялось большое внимание во втором и шестом номерах газеты. «Проповедовать и развивать панславизм, как учение о братском союзе славян, – указывалось там, – и в то же время не признавать польской народности, которая представляет собою самую значительную ветвь западного славянства, было бы ложью и изменой славянской идее. Поляки такие же славяне, как и русские, чехи, хорваты, словинцы, сербы, болгары и проч.»²⁵⁵ В шестом номере подчеркивалось:

²⁵⁴ Никитин С.А. Шестидесятые годы. Раздел II. Панславистские теории и их критика // Славяне и Россия: К 110-летию со дня рождения С.А. Никитина. М., 2013. С. 301–302.

²⁵⁵ Русско-славянские отголоски. 18.05.1868. № 2.

«Поляки занимают после России первенствующее место в славянском мире. Если Россия будет продолжать считать поляков завоеванным народом и объяснять права на них правом завоевания, [...] то всякая проповедь панславизма делается ложью в устах русских людей». Россия совершила преступления против Польши: она участвовала в разделе польского государства и за одну треть ее территории отдала две трети «на съедение немцам». Для искупления этого греха перед славянством Россия должна возвратить Польше утраченные части²⁵⁶. Вместе с тем автор статьи был убежден: «Пока поляки будут стремиться к восстановлению государства, они не смогут примкнуть к панславизму. Они должны отказаться от насилия совести иноверцев, но сохранять неприкосновенность своей религии». Автор статьи предлагал полякам отделиться от Рима, ограничив власть папы «введением соборно-республиканского устройства в римско-католическую церковь в пределах славянщины»²⁵⁷. Таким образом, чтобы Польша смогла быть достойной панславистского будущего, она должна была отказаться от восстановления польского государства и реформировать у себя католическую церковь. Как только панславизм завоеует умы и сердца поляков, «Россия должна будет помочь всеми зависящими от нее средствами, чтобы поляки получили свое самостоятельное бытие в общеславянской федерации». Автор статьи решительно выступил против насильственной русификации Польши. Однако автор статьи считал, что поляки не должны стремиться к восстановлению своего государства. Вместе с тем он был убежден, что для Польши нет иного выхода кроме панславизма, а примирение поляков и русских – главный момент возрождения, развития и объединения славян, момент

²⁵⁶ Русско-славянские отголоски. 15.08.1868. № 6.

²⁵⁷ Русско-славянские отголоски. 18.05.1868. № 2.

«водворения начал свободы, которой до сих пор лишены все славяне, не исключая и русских». Союз славян обеспечит их внешнюю и внутреннюю безопасность. «Панславизм – единственный путь для политического и культурного перерождения России»²⁵⁸. Как можно видеть, план В.К. Иванова примирения с поляками был создан человеком, слабо разбирающимся в событиях и предлагавшим смесь мероприятий демократических и консервативных, многие из которых поляки никак не могли принять, так же, впрочем, как и российское правительство.

Польский вопрос волновал представителей славянофильства и 80-х – 90-х годов XIX в. Так ему уделяли внимание А.А. Киреев и В.С. Соловьев. И тот и другой являлись горячими сторонниками объединения православной и католической церквей, видя в этом главное условие соединения славян.

Свои взгляды на эту проблему Соловьев изложил в статье «Великий спор и христианская политика», опубликованной в газете «Русь» в 1883 г. В первой ее части «Вступление. Польша и Восточный вопрос» он специально коснулся роли Польши в создании единой славянской общности. По мнению ученого, этот вопрос возник в связи с антихристианской политикой в самом христианском мире. Истинная христианская политика должна подготавливать пришествие Царства Божьего для всего человечества в целом. Однако «в политике христианских народов доселе царствует безобразная вражда и раздор». Государства, особенно Англия и Франция, открыто заявляют о необходимости проведения ее в своих интересах и этим оправдывают любые подлости. Так англичане «морят голодом ирландцев, дают индусов, насильно отравляют опиумом китайцев, грабят Египет». Истинный патриотизм, подчеркивал Соловьев, должен

²⁵⁸ Русско-славянские отголоски. 15.06.1868. № 6.

согласовываться с христианской совестью. Часто грубое стремление к своей выгоде выдается как борьба за культурное просвещение. Особенно проявляется это у немцев. Они провозглашают себя высшей расой и считают своей целью «германизируя низшие народности возводить их к истинной культуре». Соловьев считал, что давить и поглощать другие народы – дело бесчеловечное и безбожное, величаться своим высшим призванием, присваивать себе права и преимущества – дело гордости и самоутверждения, дело человеческое, но безбожное и нехристианское.

В этих обстоятельствах, продолжал ученый, история поставила перед русскими три задачи: польский, восточный и еврейский вопросы. К этим вопросам сводится вся внешняя и внутренняя политика России. Ближайшая задача для России – решение польского вопроса. Поляки братский по крови русским народ, но враждебный ему по духу. Согласно евангельской заповеди Россия должна делать добро полякам. И она кое-что сделала для этого: в 1814 г. сохранила Польшу от онемечивания, а освободив польских крестьян от крепостного права, Россия избавила Польшу от антагонизма, существовавшего между панам и холопами, который подрывал ее жизненные силы. Русское управление доставило полякам благосостояние, которого они не имели под властью Австрии и Пруссии. Но по своему духовному облику поляки, как и другие западные славяне, примыкают к западному миру. Польские националисты скорее согласятся на онемечивание, чем на слияние с Россией. Вражда Польши и России является выражением многовековой вражды между Западом и Востоком. Когда русские ведут войну с турками и мусульманами, поляки встают в ряды турок. Главный спор – между католическим Западом и православным Востоком. Польша же является авангардом Запада в этой борьбе. Цель Запада не изгнать турок из Европы, а не допустить Россию к Царьграду. Реформы Петра I примирили

Россию и Запад только внешне. «Действительное и внутреннее примирение с Западом, – утверждал Соловьев, – состоит не в рабском подражании западной форме, а в братском соглашении с тем духовным началом, на котором зиждется жизнь западного мира». Польша – мост для этого. На государственной основе соглашение с нею невозможно, ибо поляки требуют сейчас границ 1772 г., а потом захотят и границ 1667 г. и так далее. Если ценою примирения будет порабощение миллионов русских крестьян польскою шляхтой, то об этом не может быть и речи. Выход один – в соединении католической и православной церковью²⁵⁹. При этом Соловьев полагал, что это соединение должно произойти под главенством римского папы.

А.А. Киреев пришел к выводу о необходимости объединения православной и католической церковью во время пребывания в Царстве Польском в начале 1860-х годов в качестве адъютанта великого князя Константина Николаевича, который являлся наместником Царства Польского с 27 мая 1862 г. по 19 октября 1863 г. Он участвовал в подавлении польского восстания, в проведении в польских землях крестьянской реформы. А.А. Киреев был убежден, что отрицательное отношение польской интеллигенции к России связано с тем, что поляки и русские принадлежат к разным вероисповеданиям: поляки – католичество, русские – православию. В марте 1872 г. был основан Петербургский отдел Общества любителей духовного просвещения, его секретарем стал А.А. Киреев. Негласной целью Общества была подготовка объединения двух христианских церковью. Активная деятельность А.А. Киреева была прервана Восточным кризисом, во время которого всю свою энергию он направил на балканские дела. К вопросу объединения христианских

²⁵⁹ Соловьев В.С. Великий спор и христианская политика // Соловьев В.С. Собрание сочинений. Т. IV. СПб., 1914. С. 1–16.

церквей А.А. Киреев вернулся в начале 1880-х годов, когда оформилось, отделившись от католического старокатолическое движение. Он присутствовал на конгрессах сторонников объединения церквей, работал в комиссиях. Польский вопрос практически перестал его интересовать.

Таким образом, панслависты и славянофилы выдвинули несколько вариантов установления мирных отношений между русскими и поляками. Наиболее реальным из них оказался план И.С. Аксакова и славянофилов, которые справедливо считали, что погасить польское восстание можно только противопоставив польских крестьян шляхте. Это было не так уж трудно, поскольку шляхта, борясь за национальную независимость Польши, недостаточно учитывала интересы сельского населения. Русское правительство, и прежде всего царь Александр II, при урегулировании отношений поляков и России, использовали план И.С. Аксакова и именно поэтому послали для его выполнения в Польшу славянофилов. Черкасский, Самарин, Кошелев провели его в жизнь, несмотря на сопротивление не только польской шляхты, но даже части русского правящего класса. Такие крупнейшие русские политики как министр иностранных дел Горчаков и министр внутренних дел Валуев были против радикальных крестьянских реформ в Польше. Влияние славянофилов на проведение крестьянской реформы в Польше отмечали и крупные российские чиновники. Министр народного просвещения А.В. Головин писал начальнику Третьего отделения князю Долгорукову, что в польском вопросе и других, касающихся внутренних преобразований, «газета “День”, орган славянофильской партии, служила твердою опорою правительства»²⁶⁰.

²⁶⁰ Цимбаев Н.И. И.С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. С. 111.

ГЛАВА 6.

Этнографическая выставка и Славянский съезд в Москве в 1867 г.

Начиная с революций 1848–1849 гг., среди славян ширилось убеждение в необходимости освобождения славянских народов от чужеземного гнета. Достичь этого, по мнению славянских политиков, можно было путем укрепления взаимности славян, которая означала их сплочение в борьбе за свою культуру и политическую самостоятельность. Эти идеи обсуждались на славянских съездах, которые собирались несколько раз вплоть до начала Первой мировой войны. Первый съезд прошел в Праге в июне 1848 г., второй – в Москве в 1867 г., третий – в Праге в 1868 г., четвертый – снова в Праге в 1908 г., пятый – в Софии в 1910 г. Все они имели целью содействие укреплению национальных культур славянских народов и освобождению их от иноземного влияния. Эти съезды способствовали духовной консолидации славян, подготавливали таким образом их политическое освобождение. В идеологии малых славянских народов надежды на освобождение были связаны с помощью единственного независимого славянского народа, сумевшего создать свое сильное государство, свою самобытную культуру, – с русскими.

История славянских съездов подробно рассматривалась в трудах ученых. Особо пристальное их внимание привлекал съезд 1867 г. в Москве, проходивший там одновременно с Этнографической выставкой. Большой интерес к нему проявили отечественные историки С.А. Никитин, М.Ю. Досталь, Л.П. Лаптева, автор данной монографии, а также ряд других российских, чешских, словенских и других славянских ученых. Однако главное внимание в их трудах уделялось Этнографической выставке – привлечению к сбору этнографических артефактов славянских деятелей, пребыванию славянских гостей в России. Говорилось и о Славянском съезде,

главным образом то, что писалось в газетах. Но наряду с этими мероприятиями, за кулисами официальных торжеств, проходили и частные встречи, на которых обсуждались вопросы, оказавшие большое влияние на дальнейшее развитие славянской идеологии. На этих встречах обсуждались политические проблемы: получение русского займа для укрепления Балканского союза, создание Западнославянской империи на базе земель Царства Польского и чешских территорий, возможная помощь чехам со стороны России в случае распада Габсбургской монархии. Важными вопросами, вызвавшими споры среди участников съезда, были: польский вопрос и вопрос о принятии общеславянского языка.

В последние десятилетия Московскому съезду также были посвящены специальные конференции, отмечавшие: 130-летие со дня его проведения («130 лет Московскому славянскому съезду». Москва. Институт русского языка РАН. 1997 г.), затем – 140-летие («Первая этнографическая выставка в России». Санкт-Петербург, Российский этнографический музей. 2007 г.) и, наконец, его 150-летие («Славянский конгресс: как сегодня изучать историю славянского мира? К 150-летию Славянского съезда. 1867–2017». Санкт-Петербургский государственный университет. 2017 г.). В 2017 г. в Москве вышла в свет книга, специально посвященная Московскому славянскому съезду – «Всероссийская этнографическая выставка и Славянский съезд 1867 г.». Такое исследовательское внимание к событиям 1867 г. не случайно. Оно связано не только с интересом к первым шагам развития русской этнографии, но и, главным образом, с проблемой создания славянской политической идеологии, которая отчетливо стала оформляться именно на съезде 1867 г. и после него.

Поражение России в Крымской войне привело к потере ей статуса единственной покровительницы христианского

населения в Османской империи. Однако России удалось добиться учреждения сети русских консульств на Балканах, что и было сделано в 1856 г. Они и стали опорой русского влияния на Балканах. Наряду с этим русское правительство в целях укрепления национальной гордости и уверенности в могуществе России у российских властных кругов, общества и широких народных масс, значительно поколебленных после ее поражения в Крымской войне, провело два крупных мероприятия: празднование в 1862 г. Тысячелетия Российского государства и проведение в 1867 г. в Москве Этнографической выставки и Славянского съезда. А до этого Александром II были проведены реформы – крестьянская, судебная, военная и др., а также ослаблена цензура.

В числе прочих постановлений в 1863 г. был принят новый университетский Устав, который разрешил открытие при университетах научных обществ. Одним из первых было основано Общество любителей естествознания при Московском университете. А уже в 1864 г. экстраординарный профессор этого университета антрополог А.П. Богданов выступил с предложением устроить в Москве Антропологическо-этнографическую выставку народов России. Эту идею поддержало не только руководство Общества, но и русское правительство: почетным председателем выставки стал сын царя Владимир Александрович, на ее проведение было выделено 20 тыс. руб.

24 ноября 1865 г. Обществу любителей естествознания было представлено предложение профессора Московского университета Нила Александровича Попова о создании на выставке специального отдела, посвященного зарубежным славянским народам. Необходимость этого отдела Попов аргументировал следующим образом: во-первых, славяне должны служить предметом первого сравнения при изучении русской народности, как родственные ей племена; во-вторых, многие славяне (поляки, сербы, болгары)

живут в самой России, а многие приезжают сюда на заработки. Предложение Попова было принято с воодушевлением. На выставку решено было пригласить представителей русских ученых обществ и высших учебных заведений, а также тех лиц, в том числе из зарубежных славян, которые пожертвуют на нее экспонаты. Связаться с зарубежными славянами и приобрести у них национальные костюмы и предметы быта комитет выставки поручил Н.А. Попову и протоиерею православной церкви при русском посольстве в Вене Михаилу Федоровичу Раевскому, которого С.А. Никитин, один из первых серьезных отечественных исследователей славянофильства, считает наиболее важным агентом славянских комитетов за границей²⁶¹.

Раевский охотно взялся за дело. В 1866 г. он издал в Вене брошюру *Die Russische ethnographische Ausstellung in Moskau* («Русская этнографическая выставка в Москве»), в которой содержались обращение комитета выставки и инструкции по сбору этнографического материала. Эти материалы были напечатаны во многих славянских газетах. По просьбе Раевского редактор венской газеты *Slawische Blätter* («Славише Блэттер») хорват Абель Лукшич в мае 1866 г. посетил Пешт, Нови Сад, Вуковар, Загреб, Любляну, где вел переговоры с видными славянскими деятелями о посылке на выставку в Москве этнографических предметов своих народов. Лукшич также опубликовал призыв направлять в Москву этнографические артефакты²⁶². Попов и Раевский привлекли к работе русских деятелей, имевших друзей среди славян: А.В. Фрейганга, М.П. Погодина, В.И. Ламанского и др. Большинство из них являлись членами Московского

²⁶¹ Никитин С.А. Славянские комитеты в России в 1858–1876 годах. М., 1960. С. 91.

²⁶² Зарубежные славяне и Россия. Документы архива М.Ф. Раевского. 40–80-е годы XIX века. М., 1975. С. 273.

Славянского благотворительного комитета. Они не скупились на приглашения на выставку и посылали их, помимо жертвователей экспонатов, наиболее видным славянским деятелям. Всего было разослано более 300 приглашений. Хотя Московский Славянский благотворительный комитет формально не участвовал в формировании состава участников выставки, но практически именно его члены приглашали их, прежде всего из числа зарубежных славян.

Энергичная агитация по поводу Этнографической выставки не могла не привлечь внимания австрийских властей и австрийской немецкой прессы. В ответ на приглашение видных славянских деятелей в Москву в немецких газетах Габсбургской монархии началась настоящая травля тех, кто пожелал бы отправиться на Этнографическую выставку. Особенно резко выступали газеты *Presse* («Прессе»), *Debatte* («Дебатте»), *Neue Freie Presse* («Нойе Фрайе Прессе»), всегда отличавшиеся недоброжелательностью по отношению к славянам. Они называли встречу в Москве «панславистским сборищем» и подчеркивали: «Побратимство на панславистской основе – это заговор против Австрии; кто в нем участвует, тот вызывает всю Австрию, и вопль негодования – вот единственный ответ, который могут дать народы Австрии тем, кто примыкает к преступному покушению на ее существование»²⁶³.

Это было мнением не только прессы – она в данном случае выражала точку зрения правительственных кругов в Вене. В полицейских архивах зафиксировано их отношение к поездке славянских деятелей в Москву. «Панславистское движение, – отмечалось там, – которое в российских кругах, во всяком случае, петербургским кабинетом откровенно поощряется и поддерживается, является все более угрожающим для населения Австрии. Этнографическая выставка в Москве самым тесным образом связана с этим движением

²⁶³ Цит. по: Никитин С.А. Славянские комитеты. С. 171.

и одновременно является его выражением [...] По-видимому, она имеет не только этнографическое значение»²⁶⁴.

Австрийское правительство намеревалось даже сорвать поездку славян в Москву. Так, австрийский посланник в Петербурге граф Ревертера попытался начать об этом разговор с министром иностранных дел России князем А.М. Горчаковым, но тот занял позицию невмешательства. Когда же Ревертера обратился к русскому министру внутренних дел П.А. Валуеву, тот попросил у посланника дать ему список лиц, приезд которых в Россию был бы нежелателен австрийским властям. Валуев подчеркнул, что правительство стоит в стороне от организации Этнографической выставки. Вопрос о списке поставил Ревертеру в тупик. Тогда министр иностранных дел Австрии Ф. Бейст прислал Ревертере инструкцию с тем, чтобы он прочитал ее Горчакову. В ней российское правительство предупреждалось, что австрийские власти останутся в стороне, если в Галиции будет проведена антироссийская манифестация с участием подданных России. Здесь Бейст недвусмысленно намекнул на поляков: ведь и галицкие поляки, и польская эмиграция в Париже выступали против самой идеи приезда славян в Москву. Так, польский еженедельник *Dziennik Polski* («Дзенник Полски») писал, что Этнографическая выставка устроена для того, чтобы продемонстрировать миру солидарность всех славян. «Ложь – эта солидарность славянских племен под русским протекторатом». Такой солидарности не признают ни поляки, ни чехи, ни рутены (русины. – И.Ч.). Выставка представляет собой потемкинские деревни²⁶⁵.

²⁶⁴ Цит. по: Главачка М. Еще раз о поездке австрийских славян в Россию в 1867 г. // Славяноведение. 2007. № 1. С. 61.

²⁶⁵ Никитин С.А. Славянские съезды шестидесятых годов XIX века // Славянский сборник. Славянский вопрос и русское общество в 1867–1878 годах. М., 1948. С. 21.

Ко всем этим демаршам австрийских властей правительство России отнеслось более чем прохладно. В ответ на инструкцию Бейста Горчаков ответил, что русское правительство находится в стороне от прославления объединения мнимой славянской нации. Императорский же двор покровительствует Этнографической выставке, которая не имеет ничего общего с утопиями московской партии (славянофилов. – И.Ч.). Горчаков предупреждал, что правительство не может отвечать за те речи, которые произнесут представители различных областей России, собравшиеся на Этнографическую выставку²⁶⁶.

О. Бисмарк, ознакомившись с положением дел, дал совет австрийским властям: обвинить всех, кто поехал в Москву, в государственной измене и арестовать²⁶⁷.

Создание Славянского отдела на Этнографической выставке в Москве славянофилы решили использовать для проведения Славянского съезда. Инициатором этого выступил доцент Санкт-Петербургского университета В.И. Ламанский. 23 октября 1865 г. он писал Н.А. Попову: «Знаете, что бы надо устроить у Вас в Москве по случаю Этнографической выставки в 1867 г.? Во-первых, устроить в то время несколько публичных чтений о славянстве. Вы бы прочли две-три лекции, я бы тоже не отказался, можно бы пригласить Лавровского²⁶⁸ и пр.

Во-вторых, устроить в то время в Москве первый славянский съезд [...] Но чтобы удалось это дело, теперь надо

²⁶⁶ Там же. С. 22.

²⁶⁷ Никитин С.А. Славянские комитеты. С. 171–173.

²⁶⁸ Лавровский Петр Алексеевич (1827–1886) – профессор Харьковского университета.

начать и провести его без шуму»²⁶⁹. Московский Славянский благотворительный комитет это предложение принял. Главным организатором приезда славянских деятелей и сбора артефактов славянских народов для Славянского отдела Этнографической выставки стал М.Ф. Раевский.

Уже 1 ноября 1866 г. Ламанский благодарил Раевского за хлопоты об Этнографической выставке и одновременно советовался с ним, кто бы из славян мог приехать в Москву. Среди желательных гостей он назвал русина А.И. Добрянского, словенца Я. Блейвейса, хорвата И. Кукулевича-Сакцинского, чеха Ф. Ригера, сербов М. Поповича и С. Милетица и др.²⁷⁰

Накануне предполагаемого славянского съезда Ламанский издал со своими комментариями в «Чтениях Общества истории и древностей российских» трактат словацкого национального деятеля Людовита Штура «Славянство и мир будущего», который тот перед смертью передал М.Ф. Раевскому. По словам С.А. Никитина этот трактат представлял собой «яркий панславистский призыв к славянам сойтись и сомкнуться под русским самодержавным орлом». Л. Штур рассматривал три варианта будущего славян после их освобождения. Первый вариант – создание ими федерации, второй – превращение Австрии в государство западных и южных славян, третий – присоединение всех славян к Российской империи. Именно последний вариант Штур считал единственно возможным. Но для этого Россия должна провести ряд реформ и «устроиться внутри как того требует дух славянства, истинная современная образованность и ее мировое положение». Россия останется самодержавной монархией, но с широкой автономией отдельных областей и народным представительством выборных земских

²⁶⁹ Никитин С.А. Славянские комитеты. С. 167.

²⁷⁰ Зарубежные славяне и Россия. С. 268.

людей. Славяне же со своей стороны должны принять русский язык и вернуться к православию²⁷¹. «Нам представляется, – пишет С.А. Никитин, – что издание сочинения Штура имело глубоко принципиальные основания и представляло нечто вроде опубликования программного документа [...], могущего служить основой для объединения прежде всего русских, а затем и славянских участников съезда». Мысли трактата Штура, указывает Никитин, встречались впоследствии на страницах русских газет²⁷².

Вопрос о взаимоотношениях России и славян волновал славянофилов и во время проведения Этнографической выставки и Славянского съезда в Москве. Так, поэт Ф.И. Тютчев 15 мая 1867 г. делился мыслями по этому поводу с Ю.Ф. Самариным, что цель славянофилов «будет достигнута лишь тогда, когда они (славяне. – И.Ч.) искренне поймут, что составляют одно с Россией, когда почувствуют, что связаны с нею той зависимостью, той органической общностью, которые соединяют между собою все единые составные части единого целого, действительно живого»²⁷³.

В.И. Ламанский полагал, что славянский съезд изменит само славянское движение. На заседании в честь открытия Этнографической выставки, прошедшем в Московском университете 27 апреля, он сказал: «Съезд славянских представителей и корифеев в Москве может стать поворотной точкой, открыть новую эпоху в истории славянского мира»²⁷⁴.

²⁷¹ Рокина Г.В. Канун славянского съезда 1867 г. Трактат Л. Штура «Славянство и мир будущего» // Славянское движение XIX–XX веков: съезды, конгрессы, совещания, манифесты, обращения. М., 1998. С. 89.

²⁷² Никитин С.А. Славянские съезды. С. 36–37.

²⁷³ Там же. С. 60.

²⁷⁴ Всероссийская этнографическая выставка и Славянский съезд в мае 1867 г. М., 1867. С. 86.

На призыв русских славянофилов откликнулись многие зарубежные славянские деятели. И дело было не только в их симпатиях к России, но и в той политической обстановке, которая сложилась в то время в Габсбургской монархии и Османской империи. В Габсбургской монархии с начала 1860-х годов, с установлением в ней определенных конституционных норм, шла борьба за разные варианты ее преобразования – на централистской, дуалистической или федералистской основе. Славянские политики выступали за федерализм, венгры и часть австрийского двора – за дуализм, немецкие либералы и большая часть австрийского двора – за централизм. К середине 1860-х годов стало ясно, что в правящих кругах все большую поддержку получают идеи дуализма, чему способствовало поражение Австрии в войне с Пруссией в 1866 г. Против дуализма выступали все австрийские славяне. Чехи и словенцы, должны остаться под властью Вены, опасались усиления германизации; хорваты, словаки, воеводинские сербы, отходившие в венгерскую часть монархии, опасались мадьяризации. Застрельщиками борьбы против дуализма выступили чехи. В 1865 г. чешский лидер Ф. Палацкий опубликовал серию статей под заглавием «Идея австрийского государства», в которых доказывал, что дуализм опаснее, чем полная централизация, и предлагал свой план преобразования Австрии на федеративных началах. Палацкий отвергал обвинение чехов в панславизме, однако недвусмысленно замечал: «День провозглашения дуализма непреодолимо станет днем рождения панславизма в его наиболее нежелательной форме [...] Существовали мы до Австрии, будем существовать и после нее»²⁷⁵.

²⁷⁵ Ратнер Н.Д. Программа и тактика чешской буржуазии в 1860–1867 гг. // Ученые записки Института славяноведения АН СССР. М., 1956. Т. 14. С. 116–117.

Для австрийских славян поездка на Этнографическую выставку в Москву явилась способом заявить свое решительное недовольство политикой Габсбургов. Об этом откровенно писала печать австрийских славян. Так, орган младочехов *Narodni listy* («Народни листы») указывал: «Если будет к тому повод, никто из чехов не поколеблется сказать в Москве ли, в Петербурге ли, то же, что так часто говорилось в Праге: что народ чешский не дозволит лишить свою страну ее политической самостоятельности, что он не захочет в виду каких бы то ни было неожиданных событий утонуть в немецком море». Хорватская газета *Pozor* («Позор»), выражавшая взгляды национально-либеральной партии, подчеркивала: «Кто задумал и может ехать в Москву, того не остановит ярость венских газет, тот со спокойным духом станет между братьями, чтобы высказать им все свои скорби и печали». Эти люди увидят, «что для них прежде всего необходима духовная связь, если только они желают отразить предназначенную им гибель»²⁷⁶. Словацкие «Пешт-будимские ведомости», отмечая запоздалость австрийских протестов, заявляли: «Русский народ глубоко почувствовал необходимость прийти на помощь прочим славянским национальностям [...] братьям, которые, будучи подавлены гнетом противников, со своей стороны сознают еще более необходимость почерпнуть новые силы [...] из неисчерпаемого, свежего источника русского славянства»²⁷⁷.

Политики княжества Сербии тоже имели свои причины ехать в Россию. В середине 1860-х годов снова встал вопрос о турецких гарнизонах в четырех сербских городах. Зародилась мысль и о всеобщем восстании против турок. В связи с этим Сербия инициировала создание Балканского союза

²⁷⁶ Всероссийская этнографическая выставка и Славянский съезд в мае 1867 г. С. 102–103.

²⁷⁷ Там же. С. 101–102.

под русским покровительством, просуществовавшего с 1865 по 1868 г. В сложившихся обстоятельствах княжество нуждалось в поддержке и получении займа от России.

Несмотря на нападки прессы, на угрозы австрийских правительственных кругов значительное число приглашенных поехали в Москву. Всего туда отправился 81 человек, из них – 63 представителя австрийских славян (27 чехов, 16 австрийских сербов, 10 хорватов, 4 русина, 3 словака, 3 словенца), 12 сербов из княжества, 2 черногорца, 1 болгарин, 1 поляк из Пруссии (кашуб)²⁷⁸.

Среди чешской делегации были самые значительные лидеры чехов: от старочехов – Ф. Палацкий, Ф. Ригер, Ф. Браунер, от младочехов – Э. Грегр и Э. Вавра. Исследовав ее состав, профессор Карлова университета в Праге М. Главачка пришел к заключению, что по своему социальному положению и профессиональной принадлежности члены делегации являлись представителями среднего класса; это были, в основном, деятели науки и культуры, торговцы, чиновники, несколько небогатых фабрикантов, священники²⁷⁹.

От словаков на выставку поехали видные национальные деятели – адвокат М. Мудронь, юрист Р. Есенский, а также католический священник, поляк А. Радлинский. Последний являлся сторонником принятия русского языка славянами в качестве общеславянского литературного. Из хорватских земель приехало 10 человек, из них наиболее известными были бывший лидер иллиров Л. Гай, выдающийся далматинский издатель и публицист И. Данило, издатель А. Лукшич. Из трех словенцев, отправившихся в Москву, выделялся священник М. Маяр, один из авторов

²⁷⁸ Никитин С.А. Славянские комитеты. С. 174–175.

²⁷⁹ Главачка М. Еще раз о поездке австрийских славян в Россию в 1867 г. // Славяноведение. 2007. № 1. С. 56.

словенской политической программы Объединенная Словения, пытавшийся создать единый литературный язык для всех славян.

В числе четверых русин, прибывших на выставку, находились Я.Ф. Головацкий, отстраненный от должности профессора Львовского университета за активную деятельность по сбору этнографических предметов для московской выставки, и издатель газеты «Страхопуд» И.Н. Ливчак.

Наконец, среди 16 австрийских сербов, приехавших в Россию, находились несколько видных политиков. М. Полит Десанчич, поборник объединения всех сербов – как австрийских, так и княжества – в единое политическое целое, являлся членом хорватского сабора. По взглядам он был близок к радикальному сербскому обществу Омладина. В брошюре «Народность и государственная основа», изданной в 1862 г., Полит Десанчич писал о необходимости создания единого государства из Сербии, Болгарии, Валахии и Греции с центром в Царьграде (Константинополе), выступая таким образом не только за объединение сербов, но и за южнославянский проект. В России он видел главную опору для осуществления этого плана. Членом Омладины был приехавший в Москву сербский студент из Вены Владан Джорджевич, который также мечтал о создании южнославянского государства²⁸⁰. Кроме них из прибывших в Москву австрийских сербов выделялись А. Вукашинович, член хорватского сабора и его вице-президент, а также Й. Суботич, писатель, сторонник югославянской идеи. Он пользовался уважением в России, и его в числе прочих выдающихся славянских деятелей наградили русским орденом во время празднования Тысячелетия России. Вукашинович и Суботич придерживались либеральных взглядов.

²⁸⁰ Никитин С.А. Славянские съезды. С. 25–26.

Делегация из княжества Сербии состояла как из деятелей культуры, так и из представителей государственных структур. Ее возглавлял помощник министра юстиции М. Петрониевич. В состав входили также два члена Сербского ученого общества – М. Миличевич и секретарь общества, историк и литератор профессор Я. Шафарик, племянник знаменитого чешского ученого П.Й. Шафарика. Миличевич занимал должность первого секретаря министерства народного просвещения. Он был известен русской общественности, поскольку писал корреспонденции в издания «Русская беседа» и «Русский вестник». В частности, в «Русской беседе» он опубликовал интересную статью о Свято-Андреевской скупщине²⁸¹. Кроме Миличевича и Шафарика в делегации сербов из княжества находился старейший сербский журналист Милорад Медакович, переехавший в Сербию из Австрии. Некоторое время он служил секретарем черногорского князя Данилы и написал две книги о Черногории. В качестве секретаря черногорского князя он бывал в России и контактировал с членами русского правительства. Миличевич и Петрониевич имели особые поручения сербских властей. Так, Миличевич должен был сообщить русскому правительству и русским общественным кругам, по совету И. Гарашанина, об установлении сербами княжества хороших отношений с черногорцами и болгарам, а относительно хорватов, обратившихся к ним за советом, сказать, что сербы рекомендовали им защищать свои права и беречь свои силы. Петрониевич же по поручению правительства должен был вести с русскими властными кругами переговоры о займе для Сербии²⁸². Из Чер-

²⁸¹ Святоандреевская скупщина была созвана в 1858 г. На ней был смещен князь Александр Карагеоргиевич, а новым князем Сербии был избран Милош Обренович.

²⁸² Никитин С.А. Славянские съезды. С. 31–33.

ногории прибыли тесть князя Николы сенатор и начальник черногорской гвардии Петр Вукотич и цернический воевода Илья Пламенец. Болгарию представлял врач И. Богоров, издатель и публицист, автор первого болгарского учебника географии. В Москве к нему присоединился сотрудник славянофильских газет «День» и «Москва», а также катковских «Московских ведомостей» Райко Жинзифов. От лужицких сербов в Москву прибыли учредитель Сербо-лужицкой Матицы Я. Смоляр и его помощник врач Дучман. Кашубов представлял Ценова, знаток их языка и обычаев²⁸³.

Как можно видеть, если австрийские славяне послали на выставку представителей общественности, прежде всего культуры, то иначе обстояло дело с полунезависимыми балканскими государствами – Сербией и Черногорией. Черногорская делегация включала официальных лиц, сербская – как официальных, так и культурных деятелей. Даже представители сербских научных обществ для поездки в Россию должны были получить дозволение своих властей. В частности, М. Миличевич перед отъездом обращался за разрешением к князю Михаилу Обреновичу и министру иностранных дел И. Гарашанину. Ф. Влайкович в письме к Н.А. Попову от 27 апреля 1867 г. упрекал его и И.С. Аксакова, что они якобы не пригласили из Сербии тех людей, которые «в состоянии представить вполне нацию свою», а именно П. Сречковича, А. Васильевича и др. По словам Влайковича, А. Васильевич просил министра о поездке, но тот ему не разрешил. То же самое писал М.П. Погодину болгарин Л. Каравелов²⁸⁴.

Интересно, что из тех, кто отправился в Москву, жертвователей этнографических предметов было немного. Немного среди приезжих гостей было и этнографов. Уже этот факт указывает на то, что славянофилы, приглашая

²⁸³ Он же. Славянские комитеты. С. 175–180.

²⁸⁴ Он же. Славянские съезды. С. 21–23.

славянских гостей, думали не столько об Этнографической выставке, сколько о славянском съезде.

4 мая 1867 г. 62 представителя славянских народов пересекли австрийско-российскую границу. Позже в Россию приехали Палацкий, Ригер, а также лужицкие сербы, черногорцы и некоторые другие. Сначала славянские гости отправились в Петербург. По пути в столицу они останавливались в ряде городов, где их встречали с музыкой, речами, щедрым угощением. Так было в Варшаве, Ченстохове, Гродно, Вильно, Острове, Пскове. Особо пышным был прием в Варшаве, где от имени славян выступили чех Браунер, словаки Я. Шафарик и Мудронь, австрийский серб Полит Десанчич. На этом приеме Шафарик поднял тост в честь русского народа. «Предлагаю тост в честь вечной славы и величия русского народа, – сказал он, – Божиею волей от природы назначенного защитником и хранителем славянской народности». В том же духе выступил на русском языке и Полит Десанчич: «Россия не принадлежит только русским – нет, она есть общеславянское достояние; русский царь есть царь родственных ему славян»²⁸⁵.

Горячая встреча славян состоялась в Петербурге. На Варшавском вокзале славян ожидала восторженная толпа в две тысячи человек. Гостей обнимали, кричали «Слава!», провожали до гостиницы, где их разместили. И началась череда приглашений, встреч, обедов. На первом же обеде в Петербурге Ригер заявил: «Наибольший и первенствующий на земле народ славянский [...] Но вот взошло солнце взаимности славянской, и мы убедились, что мы все один народ, убедились, что если мы станем друг друга поддерживать, мы будем народ великий не только числом своим, но и своими делами»²⁸⁶.

²⁸⁵ Всероссийская этнографическая выставка. С. 161, 164.

²⁸⁶ Там же. С. 179–180.

Славян приглашали и частные лица: граф Шереметьев, граф Кушелев-Безбородко, министр просвещения граф Д.А. Толстой. Помимо этого 11 мая состоялся обед в Дворянском собрании, на котором присутствовал и граф Д.А. Толстой. В речи он подчеркнул исконные родственные связи славян, отметил общее сочувствие к ним по всей русской земле, которое не имеет какого-либо политического расчета. Он говорил о необходимости развития научных связей между славянами, которые станут средством сближения между ними, призывал славян изучать языки и историю друг друга, устанавливать между собой тесные связи, выразил уверенность в великом будущем славянского племени. Хотя Толстой заявлял, что он выступает неофициально, но, несомненно, делал это с ведома царя²⁸⁷. В ответном слове Ригер подчеркнул: «Если нам невозможно соединиться материально, то соединимся же по крайней мере союзом духовным». Свое выступление В.И. Ламанский начал словами, которыми Палацкий приветствовал Славянский съезд в Праге в 1848 г.: «У нашего собрания тот же всеславянский смысл, но не те же цели и побуждения [...] Мы изгоняем политику из дружеских бесед наших. Мы сошлись просто попить, повеселиться и порадоваться». Ламанский лукавил: уже речь, произнесенная Полит Десанчичем на том же собрании, перечеркнула его заявление. Сербский политик высказался откровенно: «Вопрос о судьбе славянства можем решить теперь только сами мы, славяне, и в этом случае первая роль выпадает на долю России [...] Россия не только русская, но и славянская, всеславянская держава»²⁸⁸. В том же духе выступил и чех Браунер, который отметил, что идея славянской взаимности возникла на западе славянского мира «из настоятельной необходимости спасти

²⁸⁷ Никитин С.А. Славянские съезды. С. 43.

²⁸⁸ Всероссийская этнографическая выставка. С. 203–208.

славянские народы от поглощения их чуждым элементом. Эту великую мысль может осуществить только великий народ, являющийся полновластным господином в своей земле, и этот народ – русский, в земле которого никогда не заходит солнце»²⁸⁹. Позднее в выступлении на обеде в Купеческом собрании в Москве 26 мая Полит Десанчич высказался еще более определенно: «Расширение границ княжества Сербского и обновление сербского царства – вот путь к решению славянского вопроса, который и состоит в братстве славянских племен под верховным главенством России»²⁹⁰. Здесь сербский политик прямо конкретизировал цели, стоявшие перед его народом, – воссоздать Сербию в тех размерах, которые она имела во времена Стефана Душана. От имени болгарского народа Р. Жинзифов в Московском английском клубе провозгласил: «Болгарский народ вполне верит, что когда наступит пора, а эта пора недалеко, великий русский народ с радостью поспешит на помощь ему для избавления его от многовекового тяжелого ига»²⁹¹.

Как можно видеть, и сербы, и чехи, и болгары открыто говорили о возможности своего освобождения с помощью России. Этот вопрос не раз поднимался на встречах славянских гостей с русскими деятелями и не вызывал разногласий. Все ораторы по этому вопросу выступали согласованно. Русские славянофилы и круг лиц, близкий им, указывали на это. Русские деятели – М.П. Погодин, М.Н. Катков, С.М. Соловьев и другие утверждали, что Россия не стремится к приобретению славянских земель. На прощальном ужине перед отъездом славян из Москвы Погодин заявил: «Нам ничего не надо от вас, кроме любви. Устраивайтесь,

²⁸⁹ Там же. С. 209.

²⁹⁰ Там же. С. 399.

²⁹¹ Цит. по: Никитин С.А. Славянские съезды. С. 55.

как вам угодно, как сочтете себе за лучшее, и будьте уверены во всегдашнем нашем сочувствии, во всегдашней готовности помогать вам словом, делом, помышлением на пути добра и успеха к пользе науки, просвещения, благосостояния гражданского и человеческого». В этой же речи Погодин подчеркнул: «Мы убедились, что из всех европейских народов единственные, первые друзья России суть славяне. Точно так же убедились и вы, что вам никому надеяться не на кого, кроме русских»²⁹². Таким образом, как славянские гости, так и их русские хозяева были едины во мнении: славяне должны быть освобождены с помощью России и затем сами создавать свои государства.

Приезд в Петербург дал возможность славянским гостям не только посетить Эрмитаж, Зимний дворец, Исаакиевский собор и другие достопримечательности, но и пообщаться с представителями русских властных структур. Особенно стремились к этому чехи и сербы из княжества.

Чехи 12 мая встретились с великим князем Константином Николаевичем, великой княгиней Еленой Павловной, женой младшего брата царя Михаила. На прием были приглашены Палацкий, Ригер и Вавра, который исполнял роль переводчика²⁹³. Никаких официальных источников об этой встрече пока не найдено, о ней можно узнать только из воспоминаний Вавры и заметок личного адъютанта великого князя – А.А. Киреева. На основании этих материалов С.А. Никитин сделал небезосновательное предположение, что разговор шел о «Константиновом плане», созданном чешскими лидерами²⁹⁴. На существование этого плана указывает ряд фактов. Перед поездкой в Россию Палацкий и Ригер ездили в Париж на переговоры с представителями

²⁹² Всероссийская этнографическая выставка. С. 407.

²⁹³ Цит. по: Никитин С.А. Славянские съезды. С. 39.

²⁹⁴ Никитин С.А. Славянские комитеты. С. 196–197.

польской эмиграции, а также для выяснения позиции французского правительства по отношению к Австрии. Поляки не поддержали план чехов. 1 (13) мая делегация польских эмигрантов вручила им манифест, в котором от имени польского народа выражался энергичный протест против всякой солидарности с московско-славянским съездом и безусловно отвергался союз или выражение родственной связи славян с «москалями». В манифесте открыто заявлялось, что переходя в московский лагерь, славяне будут принуждены бороться с поляками²⁹⁵. Этот факт широко известен. Менее известно, что в Праге 22 апреля (4 мая), накануне отъезда в Россию, чешские лидеры встретились с хорватским архиепископом Й.Ю. Штросмайером, который приехал на один день в столицу Чехии. Об этом, в частности, писала петербургская газета «Биржевые ведомости», указав, что он совещался с представителями чешской национальной партии²⁹⁶. Скорее всего чехи и ему сообщили о своем плане. Встречи с поляками и со Штросмайером указывают на то, что чешские лидеры имели важный проект, с которым они ознакомили крупнейших деятелей славянского движения. Э. Вавра пишет в своих воспоминаниях, что согласно «Константинову плану» предполагалось создание славянского государства под покровительством России. В его состав должны были войти славянские земли на западе от Вислы, т.е. польские и чешские. Они должны были образовать Западнославянскую империю во главе с сыном великого князя Константина Николаевича Вячеславом (Вацлавом). Этот план был известен австрийской полиции, как пишет М. Главачка, и очень беспокоил ее. Ученый приводит материалы полицейских архивов Вены, которые указывают на присутствие в чешской делегации агентов

²⁹⁵ Всероссийская этнографическая выставка. С. 146.

²⁹⁶ Биржевые ведомости. 28.04.1867.

австрийского правительства, которые сообщали своему начальству все, что происходило во время поездки славян по России²⁹⁷. «Константинов план» придумали чешские политики, опасавшиеся распада Австрии после неудачной австро-прусской войны и стремившиеся найти приемлемый для чехов выход. В связи с этим становится понятным, почему чехи активно будировали польский вопрос в выступлениях. Свои государственные планы они связывали с великим князем Константином Николаевичем и его потомством. Этот выбор не был случайным. Константина в славянских кругах считали сторонником поддержки славян со стороны русского правительства. Еще за десять лет до Этнографической выставки свой план создания Славянского государства под эгидой России составил Л. Штур. На особое доверие словацкого политика к великому князю Константину указывает тот факт, что перед смертью он просил М.Ф. Раевского передать именно ему свое сочинение «Славянство и мир будущего».

Проект создания Западно-славянской империи чехи обсуждали в Петербурге не только на первой встрече с Константином. Они еще раз были в гостях у великого князя, неоднократно встречались с его адъютантом и доверенным лицом А.А. Киреевым. Последний в своем дневнике писал, что великий князь отметил разницу в стремлениях чехов и галичан: чехи обосновывали свои желания историческим правом, галичане же стояли на этнической почве, поскольку историческое право вело бы их к подчинению полякам. Сам Киреев старался внушить своим собеседникам мысль об отсутствии у России желания поглотить славян²⁹⁸. Встречи с Константином произвели на чехов

²⁹⁷ Главачка М. Еще раз о поездке австрийских славян в Россию в 1867 г. С. 62–63.

²⁹⁸ Никитин С.А. Славянские комитеты. С. 197.

благоприятное впечатление. Встречались чешские лидеры 10 мая и с А.М. Горчаковым. По мнению С.А. Никитина, чехи и Горчаков не поняли друг друга. Вавра прямо указывал, что разговор с министром чехов не удовлетворил – тот не шел дальше общих обещаний и сочувствия.

Исследование М. Главачкой венских архивов, в которых он обнаружил донесения полицейских агентов об этих встречах, дало возможность чешскому ученому приоткрыть завесу над переговорами чехов с Горчаковым. Главачка утверждает, что в Петербурге чешским лидерам было дано обещание, что в случае распада Габсбургской монархии Россия не допустит поглощения Чехии и Моравии Пруссией²⁹⁹. Скорее всего вопрос о создании чешского или чешско-польского государства русские государственные деятели оставили открытым. Следует отметить, что в русской прессе суть переговоров чехов с русскими правительственными деятелями не освещалась, хотя об их встречах сообщалось.

В отличие от чехов, пребывание в России сербов подробно комментировалось российской печатью. Они тоже были приняты Горчаковым 10 мая. Однако, по словам Вавры, министр оказал сербам больше внимания, чем чехам. Он подчеркнул, что славянский юг должен быть славянским. Горчаков обещал, что Россия будет и впредь стоять «на страже интересов сербского народа». Прямым доказательством поддержки Сербии стал заем, который согласилось предоставить российское правительство и который княжество получило к концу 1867 г.³⁰⁰

Кульминацией пребывания славян в Петербурге явилась их поездка 14 мая в Царское село. Большинство гостей были

²⁹⁹ Главачка М. Еще раз о поездке австрийских славян в Россию в 1867 г. С. 63.

³⁰⁰ Никитин С.А. Славянские съезды. С. 42–43.

на экскурсии. 23 человека были приняты Александром II. На приеме присутствовали сербы из княжества (Петрониевич, Джорджевич, Шафарик, Миличевич, Тодорович), чехи (Палацкий, Ригер, Гамерник, Эрбен и, по-видимому, Вавра в качестве переводчика), русин Головацкий, болгарин Богоров, австрийские сербы (архимандрит Ковачевич, Бегович, Милутинович, Кукич, Суботич, Маткович, Полит Десанчич), словак Есенский, лужицане Смоляр и Дучман, хорват Данило. Речь царя была краткой, но благожелательной. «Здравствуйте, господа, – сказал он. – Я рад видеть вас, славянских братьев, на родной славянской земле. Надеюсь, что вы останетесь довольны приемом как здесь, так и особенно в Москве. До свидания!». В частном разговоре с сербами царь заявил, что помощь им он считает своим наследственным делом. Далее он выразил надежду на лучшее будущее для сербов, поинтересовался, вывели ли турки свои войска из Белграда. Отдельно удостоились разговора с царем Петрониевич, Миличевич, Я. Шафарик, Полит Десанчич. Александр II похвалил Полита за хорошее знание русского языка, расспросил его о сербском богослужении, а Шафарика сказал: «Мы сербов всегда считали за своих родных братьев, и надеюсь, что Бог готовит вам в скором времени лучшую будущность». На сербов произвели большое впечатление ничего не значащие слова прощания царя «До свидания!». Киреев замечал в своем дневнике, что сербы поняли их, как «до свидания в Вене и Царьграде». «На стену лезут! Мы их успокаиваем»³⁰¹. Особое внимание на этой встрече было уделено чехам. Александр II беседовал с Палацким, Ригером, а также с лужицким сербом Смоляром. Императрица Мария Александровна оказала внимание Палацкому, выразив сожаление, что у славян нет общей азбуки и правописания³⁰². На Палацкого большое

³⁰¹ Он же. Славянские комитеты. С. 195.

³⁰² Всероссийская этнографическая выставка. С. 231–233.

впечатление произвело то, что царь назвал славян «братьями», как впоследствии писал его сын Ян³⁰³. Встречей с царем закончился ряд приемов славян государственными деятелями в Петербурге.

15 мая славянские гости отправились в Москву, куда они, после продолжительной остановки в Твери, прибыли 16 мая. На вокзале их встречало до 5 тыс. человек во главе с градоначальником князем А.А. Щербатовым, который преподнес гостям хлеб-соль. Любопытен факт обращения московского генерал-губернатора князя В.А. Долгорукого к Александру II, накануне приезда славян в Москву, с просьбой объяснить, как следует принимать славян. В ответе было указано: так, как было в Петербурге³⁰⁴.

В Москве славяне пробыли с 16 по 27 мая. Помимо общих мероприятий они посетили ряд частных домов. Так, их принимали М.П. Погодин, славянофилы А.И. Кошелев, В.А. Черкасский, И.С. Аксаков, а также славянские гости посетили М.Н. Каткова, П.М. Леонтьева, А.И. Левшина, С.И. Барышева, И.В. Калачева, С.М. Соловьева. Все эти люди являлись представителями московской интеллигенции, сочувствовавшей славянскому делу. Именно на этих частных приемах и происходили откровенные обсуждения вопросов, интересовавших как русских хозяев, так и славянских гостей. Из числа важных чиновников в Москве славян приглашали попечитель Московского учебного округа, археограф князь Н.П. Мещерский и генерал-губернатор Москвы князь В.А. Долгорукий. Кроме того, славяне-медики, славяне-историки и славяне-филологи встречались со своими русскими коллегами.

³⁰³ Досталь М.Ю. Славянский съезд 1867 г. в С.-Петербурге и Москве // Славянское движение XIX–XX веков: съезды, конгрессы, совещания, манифесты, обращения. С. 106–107.

³⁰⁴ Никитин С.А. Славянские съезды. С. 44.

На приемах в честь Этнографической выставки чехи подняли вопрос о поляках, инициатором чего был Ригер. Связано это было с тем, что, во-первых, чешские деятели либерального направления во время польского восстания 1863 г. сочувствовали повстанцам, а, во-вторых, «Константинов план», одним из авторов которого был Ригер, требовал улаживания польского вопроса. Этот вопрос был поднят 21 мая на большом приеме в Сокольниках. На нем И.С. Аксаков выступил с речью, в которой заявил, что сейчас в Москве проходит первая всеславянская сходка. «Призвание России, – сказал он, – осуществить на земле славянское братство и призвать всех братьев к свободе и жизни». В ответной речи Ригер выразил сожаление по поводу отсутствия поляков. Вместе с тем он сказал, что малороссийская ветвь неправдою отторгнута от русских и ее необходимо вернуть России. Подчеркнув, что восстание в Польше явилось несчастьем не только для поляков, но и для всех славян, Ригер указал, что полабские славяне погибли, потому что воевали друг с другом. Кто поручится, продолжил он, что «поляки, дождавшись своего времени, не позовут на помощь себе против русских немцев, окрепших в своей военной силе?». И далее Ригер добавил: «Поляки, ветвь западного славянства, отличная от народа русского, как по языку, так и по истории, имеют право на свое народное существование». По его мнению, русские должны благородно даровать полякам это право, «тогда вы, как победители, как сильнейшие, докажете, что вы не желали их лишать народности, что и вы готовы оказать им братскую любовь!»³⁰⁵. Здесь Ригер впервые публично выступил по польскому вопросу, хотя в Петербурге в кругах, близких великому князю Константину, как свидетельствует дневник А.А. Киреева, Ригер вел соответствующие переговоры³⁰⁶.

³⁰⁵ Всероссийская этнографическая выставка. С. 40–347.

³⁰⁶ Никитин С.А. Славянские комитеты. С. 202.

Любопытно, что после выступления Ригера в Сокольниках польские газеты *Dziennik Poznański* («Дзенник Познански»), *Czas* («Час»), *Dziennik Polski* («Дзенник Полски»), *Gazeta Narodowa* («Газета народов») обвинили его в недоброжелательном отношении к полякам.

Ригеру ответил князь В.А. Черкасский, славянофил, один из участников подготовки крестьянской реформы в России и Польше, в 1864–1867 гг. занимавший должность главного директора, председательствующего в Правительственной комиссии внутренних и духовных дел Царства Польского. Указав, что Александр I даровал полякам Царство Польское, пользовавшееся многими правами, он подчеркнул, что поляки сами виноваты в уменьшении своих прав, поскольку дважды, в 1830 и 1863 гг. восставали против России. Затем Черкасский отметил, что российское правительство всячески способствует развитию польского народа: поляки получили суд присяжных раньше, чем русские и малороссы, в польских губерниях больше учебных заведений (гимназий), чем в русских и малороссийских; наконец, поляки платят более низкий подушный налог, чем жители остальной России. Черкасский подчеркнул, что польские крестьяне лично благодарили его за крестьянскую реформу. Поляки же, продолжил он, всячески притесняют русское население в Галиции³⁰⁷. Спустя несколько дней после встречи в Сокольниках, 25 мая, на Парижской выставке было совершено неудачное покушение на Александра II поляком Березовским³⁰⁸. После этого польский вопрос больше не возникал.

С.М. Соловьев и Ф.В. Чижев, выступавшие после Черкасского, попытались сгладить резкость высказываний предыдущих ораторов. Соловьев отверг утверждение об исконной

³⁰⁷ Всероссийская этнографическая выставка. С. 356–362.

³⁰⁸ Там же.

славянской розни, указав, что победы славян над врагами не были бы возможны, если бы это было так. «Покинем же печальную мысль о славянской розни, – заключил он, – и будем уповать, что скоро, очень скоро чужие народы вместо славянской розни станут указывать на славянское примерное единодушие»³⁰⁹.

Вечером 16 мая на ужине, данном в честь гостей, М.П. Погодин подчеркнул: «Россия выросла из Москвы; в Москве зародилась и укрепилась мысль о славянском единстве». И.С. Аксаков назвал Этнографическую выставку первым праздником всеславянства. В ответном слове Ригер сказал, что призвание Москвы – развитие славянской идеи, славянского братства и всеславянской взаимности. Этими выступлениями как бы была заложена программа обсуждений на московских встречах.

17 мая гости посетили Кремль, а затем они осматривали Этнографическую выставку. Посещение выставки, ради которого они официально приехали в Россию, продолжалось всего несколько часов. 18 мая состоялось заседание профессуры Московского университета, на котором кроме славянских гостей присутствовали представители 18 научных обществ. В выступлениях затрагивались вопросы общения славян в области науки.

На московских встречах обсуждались две важных проблемы, которые волновали славянскую общественность: польская, о чем речь шла выше, и принятие славянами общеславянского языка. Вопрос о русском языке как общеславянском в открытых выступлениях чаще всего поднимался М.П. Погодиным³¹⁰. Его мнение разделяли большинство русских деятелей. За принятие русского языка в качестве общеславянского особенно горячо ратовали такие

³⁰⁹ Там же.

³¹⁰ Никитин С.А. Славянские комитеты. С. 230.

либеральные журналисты как М.Н. Катков (редактор «Московских ведомостей»), А.А. Краевский (редактор петербургской газеты «Голос») и др.³¹¹ Что касается славянофилов Ламанского и Попова, которые еще до съезда пропагандировали русский язык в качестве общеславянского литературного языка, то они на съезде ограничились только смутными намеками по этому вопросу³¹². Но были и конкретные принятые предложения. Так, секретарь Общества любителей российской словесности П.К. Щербальский 20 мая на заседании Общества со славянскими гостями призвал славян принести свои местные наречия «в общую сокровищницу всеславянского слова». Над всеми славянскими наречиями, по его мнению, должен распространиться «один литературный язык, общий каждому образованному славянину от Адриатического моря и Праги до Архангельска и Тихого океана». Щербальский не указывал прямо, какой язык должен стать общим литературным языком для славян, но был убежден, что каждый славянский народ, к какому вероисповеданию он бы ни принадлежал и какова бы ни была форма его правления, должен сделать этот язык «органом взаимного общения»³¹³. Как можно видеть, Щербальский скорее всего полагал, что общеславянским литературным языком должен стать некий искусственный язык, вобравший в себя все лучшее из местных славянских наречий. Ему была близка теория создания общеславянского языка, опубликованная Маяром в 1865 г. в Праге в книге *Vzajemna slovnica ali mluvnica slavjanska* («Взаимная славянская грамматика»).

На обеде, данном профессорами Московского университета 19 мая, знаменательную речь по поводу общеславянского языка произнес Ригер. «Липа славянская не выиграла

³¹¹ Он же. Славянские съезды. С. 63–66.

³¹² Там же. С. 68.

³¹³ Всероссийская этнографическая выставка. С. 339.

бы в красоте, – сказал он, – если бы вы отсекали ее ветви, оставили ее ствол [...] Одна мысль должна руководить нами [...] мысль о том, что мы призваны сообща работать для одной цели, для нравственного возвышения всего славянства, что мы согласием всех отдельных племен славянских должны выработать красоту одного духовного целого, посредством свободного, но согласованного соревнования»³¹⁴. Таким образом, Ригер выступил против создания общеславянского языка, выразив мнение чешской делегации. Палацкий в частной беседе признал такой язык бесполезным. Позднее, в 1872 г., он выразился еще более определенно: «Все мы славяне тем охотнее будем учиться русскому языку, чем более поучительного и утешительного будет нам представлять русская литература; но из-за этого мы никогда не покинем и не пренебрежем своим собственным языком и литературой. Сны об образовании и распространении одного языка всеславянского – суть сны и ничего более»³¹⁵. Сербские деятели также не поддерживали идею принятия русского языка в качестве общеславянского. Сербский студент из Вены В. Джорджевич, глава студенческого общества Зора, близкого к омладинским кругам, сказал: «Если бы все славянские литературы приняли это предложение и начали писать одним общим языком, чего достигли они этим? Они бы создали среди славянских народов одну касту литераторов, самые же народы не понимали бы собственной литературы»³¹⁶. Интересно, что присутствовавшие на Этнографической выставке зарубежные сторонники единого общеславянского языка – Маяр, Ливчак, Головацкий – не выступали по этому вопросу. Его затронули только Радлинский и болгарин Богоров, указавший, что у славян

³¹⁴ Там же. С. 246–303.

³¹⁵ Цит. по: Никитин С.А. Славянские съезды. С. 53.

³¹⁶ Всероссийская этнографическая выставка. С. 365–366.

должна быть общая литература, «и для этого мы уже имеем язык готовый, язык русский»³¹⁷.

Помимо вопросов о поляках и общеславянском языке, по которым славянам и русским не удалось достичь согласия, на частных встречах в Москве обсуждались вопросы, которые вполне поддерживались обеими сторонами. 18 мая, на заседании профессоров Московского университета, ректор Московского университета С.И. Барышев заявил, что самым сильным средством объединения славян является наука. Его поддержал профессор Ю.И. Железнов (Общество испытателей природы), призвавший регулярно созывать славянские научные съезды. С.М. Соловьев, выступивший от имени Археологического общества, сказал, что занятие русской археологией невозможно без знания славянской археологии. Помимо этого он сообщил об избрании обществом почетными членами Палацкого, Эрбена, Вртятко, Коларжа, Патеры, Смоляра и Головацкого.

19 мая, на обеде, данном московскими профессорами в честь гостей, профессор Г.Е. Щуровский поднял вопрос об издании периодического журнала «Славянское обозрение», в котором публиковались бы статьи по этнографии, истории, филологии славян, отмечались бы их успехи в науке. Свою речь он закончил здравицей в честь тех славянских деятелей, которые прислали Этнографической выставке самые богатые дары: Головацкого, Маяра, Эрбена, Лая, Вукашиновича, Матковича, Миличевича, Тодоровича, Молчана. Браунер поднял тост в честь Московского университета, Попов – в честь Пражского, Львовского и будущего Загребского университетов³¹⁸.

22 мая на приеме у Н.В. Калачева, председателя Общества любителей российской словесности, обсуждался вопрос

³¹⁷ Никитин С.А. Славянские съезды. С. 54.

³¹⁸ Всероссийская этнографическая выставка. С. 258–277.

об организации книжной торговли между славянами. Утром 26 мая наиболее видные славянские деятели – Ф. Ригер, Ф. Палацкий, Я. Шафарик, Й. Суботич, Л. Гай, А. Петроневич, В. Ламбл и, по-видимому, М. Маяр – договорились о необходимости составления сравнительной грамматики и общего словаря всех славянских наречий. Снова был поднят вопрос об общеславянском журнале, в котором должна была быть отражена научная и литературная жизнь славян. Погодин писал в своем дневнике, что статьи в нем публиковались бы на всех славянских языках с кратким резюме³¹⁹. Вечером того же 26 мая на обеде в Купеческом собрании Полит Десанчич высказал пожелание, чтобы Россия взяла на себя решение славянского вопроса.

Во время пребывания гостей в Москве некоторые из московских ученых вместе с рядом славянских политиков образовали комитет, который С.А. Никитин назвал комитетом по организации съездов. В него входили: М.П. Погодин, И.С. Аксаков, М.Н. Катков, Н.А. Попов, профессор кафедры славянских наречий Харьковского университета П.А. Лавровский, профессор математики Московского университета Н.Б. Бугаев, Я.Ф. Головацкий, Й. Суботич, М. Полит Десанчич, Ф. Палацкий, Ф. Ригер, Г. Эрбен³²⁰. На заседании этого комитета выступил Палацкий. Указав, что австрийское правительство считало, что чешское движение замрет, лишено поддержки и помощи, он заявил, что чешское движение уже не ручеек – перед ним лежит славянское море. Палацкий полагал, что славянское единство проявляется в виде научно-литературного общения славян и содействия развитию славянской солидарности. После Палацкого выступил Попов, который подчеркнул взаимную любовь чехов и русских³²¹.

³¹⁹ Русский. М., 5 июня 1867 г. С. 21–22.

³²⁰ Никитин С.А. Славянские комитеты. С. 230–231.

³²¹ Он же. Славянские съезды. С. 69.

В постановлении, которое приняли члены комитета по организации съездов, говорилось: «Сознавая необходимость содействовать общению и единению славян, мы на первом Московском съезде постановили:

1. Собираться по крайней мере раз в два года на все-славянский съезд в наперед установленном месте.
2. На этих съездах будут подвергаться свободному обсуждению различные вопросы в видах научного, литературного, художественного и вообще нравственного сближения славян.
3. Эти вопросы и частные соображения по ним могут быть подготовлены на местных славянских съездах.
4. Время для общеславянских съездов назначается с 1 августа по 1 сентября».

Постановление было составлено на русском и чешском языках. Чешский текст был опубликован в газете *Narodni noviny* («Народни новины»). Постановление подписали 2/3 славян, приехавших в Москву. Этот документ включал те пункты, по которым удалось договориться всем членам комитета по организации съездов. Вместе с тем на его заседаниях обсуждались и другие вопросы, которые не нашли поддержки всех присутствовавших. Так, М.Н. Катков выдвинул предложение создать единую Всеславянскую Матицу, но оно не получило поддержки ни у чехов, ни у сербов³²².

27 мая славянские гости отправились в Петербург. Там они посетили Павловск, Кронштадт. Они были приняты в Павловске великим князем Константином Николаевичем. Перед отъездом на родину 3 июня славяне подписали адрес хозяевам, в котором, в частности, говорилось: «Мы, сыны различных племен славянских, трудящиеся

³²² Там же.

преимущественно над их образованием, нашли приятный случай взаимно узнать друг друга, узнать ближе свою родственную связь и потребность посвящать более забот тому делу, которому все мы должны желать как можно более быстрого и стойкого успеха вообще и особенно в кругу науки; мы высказали друг другу свои чувства, свои братские советы, свои желания, свои надежды. Таким образом, как наше посещение России подало нашим братьям возможность узнать во многом нас и наши народные стремления, так и нам посчастливилось ближе узнать Русь посредством сближения как с передовыми ее людьми, так и вообще с народом». С большим уважением славянские гости отзывались о русских, как о народе, в котором пробудилось и мощно развивается сознание кровного родства со славянами и братское сочувствие к ним. «Народ великий, не только по числу, – говорилось в послании – но и по успехам образованности, которые он сделал в такое короткое время и при таких неблагоприятных обстоятельствах, великий и по высокому пониманию значения своего в истории человечества, и по прекрасным, твердым основаниям, полагаемым им к возвышению своей образованности и всестороннего своего преуспевания». В конце адреса славянские гости выразили свою благодарность императору, императорской семье и «всем, от которых шли незабвенные нам свидетельства братского расположения»³²³.

Что же собою представлял Славянский съезд в Москве, каковы были его итоги, и каково было его значение для дальнейшего развития славянской идеи? В результате

³²³ Всероссийская этнографическая выставка и Славянский съезд. 1867. С. 553–555.

проведения Славянского съезда усилился интерес к славянам в России, особенно в российском обществе. Под его влиянием, помимо Московского Славянского благотворительного комитета, в России были созданы и другие общества помощи славянам: в 1868 г. возник Санкт-Петербургский отдел Московского Славянского благотворительного комитета, в 1869 г. открылся филиал комитета в Киеве, в 1870 г. – в Одессе.

Хотя С.А. Никитин небезосновательно считал, что сознательные симпатии к славянам после их приезда устойчиво сохранились только в узком кругу, все же, подчеркивает он, Славянский съезд не прошел бесследно и для широких слоев русского общества: «В тайниках общественно-го сознания остались какие-то следы славянских увлечений 1867 г. Они объясняют ту мощную реакцию русского общества, по преимуществу средних и низших кругов его, на призывы к славянской солидарности, какая обнаружилась восемью годами позже»³²⁴. Никитин здесь подразумевает то движение горячего сочувствия и помощи славянам, которое возникло в России в связи с началом Великого Восточного кризиса 1875–1878 гг.

Большое впечатление события 1867 г. произвели и на славянские народы. Известный словенский либеральный деятель Й. Вошняк много лет спустя писал в воспоминаниях: «Большую сенсацию по всей Европе вызвал торжественный и воодушевленный прием славянских гостей на русской земле, особенно торжественная аудиенция, на которой царь Александр II принял в Царском селе славянских гостей [...] Обращаясь ко всем, он сказал для того времени действительно многозначительные слова: “Сердечно приветствую вас. Очень рад, что вижу своих родных братьев здесь на родной славянской земле” [...]»

³²⁴ Никитин С.А. Славянские комитеты. С. 258–259.

Также и в Москве был величественный и воодушевленный прием»³²⁵. В одном из майских номеров чешской газеты *Narodni listy* («Народни листы») отмечалось: «Как у нашего народа, так и австрийских славян путешествие в Россию оставило глубокий след. Оно как пробудило мощное сознание общих интересов, так и оживило в груди всех славянских племен тлеющее чувство братства, зародило в мыслях славян стремление к взаимному сближению и взаимной помощи»³²⁶. В чешских землях усилился интерес к России. Чешский ученый Й. Колейка отмечает, что чехи вернулись из Москвы «с твердым убеждением и с непоколебимой верой, что также для западных славян кончаются дни чужого гнета и чужого насилия»³²⁷. Многие чехи, особенно из среды молодежи, стремились уехать в Россию и найти там работу. За несколько месяцев после Славянского съезда Ламанский и чех Шрамек, проживавший в Петербурге, получили более 2 тыс. писем от чехов, желавших получить место в России³²⁸.

Среди национальных деятелей славян усилились русофильские настроения. Это выразилось, в частности, в стремлении молодежи, прежде всего студентов, семинаристов и учащихся старших классов гимназий, изучать русский язык. Славянские читальни организовывали изучение русского языка. Петербургское отделение Славянского благотворительного комитета на своем заседании от 3 мая 1870 г. постановило составить список всех славянских

³²⁵ Vošnjak J. Spomini. Ljubljana, 1906. S. 247–248.

³²⁶ Slovenski narod. 20.12.1870.

³²⁷ Колейка Й. Славянские программы и идеи славянской солидарности в XIX и XX веках. Praha, 1964. С. 53

³²⁸ Жакова Н.К. Славянские гости на Этнографической выставке 1867 г. // Россия и славянский мир на Этнографической выставке 1867 г. СПб., 2009. С. 23.

читален с тем, чтобы организовать их снабжение русскими книгами, газетами и журналами³²⁹.

Чешские деятели в целом также были довольны поездкой в Россию. Ригер не отказался от «Константинова плана», но только видоизменил его. Поняв, что ни поляки, ни русские не желают создания чешско-польского государства, он выдвинул идею образования чешского государства, надеясь при этом на поддержку России и Франции. Его должен был возглавить, как и в первом варианте, сын великого князя Константина Николаевича Вячеслав. Ригер полагал, что через 20 лет после его создания в нем будет введен русский язык. Младочехи были еще более воодушевлены своей поездкой в Россию. Ю. Грегр писал, что русские сохранили многие остатки патриархального славянского быта, в основе которого доминируют демократические черты. Вавра, вернувшись в Прагу, издал брошюру *Hlase o slovanske jednote* («Размышление о славянском единстве»), в которой писал о необходимости не только литературного, но и политического объединения славян. В июле 1867 г. газета *Narodni noviny* («Народни новины») писала, что в России политическая свобода не меньшая, чем в Австрии³³⁰.

В целом были довольны и сербы княжества, которые получили денежный заем, а также прямое обещание русских властей поддержать их, в случае необходимости, в борьбе против турок. С.А. Никитин сделал вывод, что надежды славян после поездки в Москву, возникшие у них в условиях борьбы против угнетателей, стали «основой широко распространившихся, хотя и неглубоких симпатий к северным братьям»³³¹. И в этом он, несомненно, прав. Мож-

³²⁹ Русско-словенские отношения в документах (XII в. – 1914 г.). М., 2010. С. 249.

³³⁰ Никитин С.А. Славянские съезды. С. 75–78.

³³¹ Там же. С. 81.

но только оспорить его утверждение о том, что они были неглубоки. Эти симпатии, меняя свою форму (панславизм, неославизм и др.), сохранялись у славян по крайней мере до конца Первой мировой войны (1918 г.).

Давая оценку Славянскому съезду 1867 г., С.А. Никитин пишет: «Встречи от границы до Петербурга были только введением к съезду, но по существу с них съезд уже начался [...] И уже на пути к Петербургу раздавались речи, в которых было намечено все то, что затем в разных вариациях говорилось в Петербурге и Москве»³³². Сходной точки зрения придерживается и М.Ю. Досталь. Это не был в привычном понимании этого слова съезд, отмечает она: «Не было пленарных и прочих заседаний, выступлений с докладами, их обсуждения, а были банкеты, молебны, рауты, аудиенции, осмотр достопримечательностей, музеев и выставок, были речи, тосты, выступления, дружеские беседы, на которых как раз и обсуждались волнующие тогда славян проблемы. Поэтому это общественно-политическое и культурное турне в определенной степени выполнило задачи славянского съезда»³³³. Действительно, славянский вопрос стал обсуждаться с самого начала приезда славян в Россию и это обсуждение окончилось с их отъездом из нее.

И еще одну особенность Славянского съезда отмечает С.А. Никитин: первоначально правительство держалось довольно сдержанно по отношению к славянам, но «затем содействовало привлечению особого общественного внимания к славянским гостям»³³⁴. Хотелось несколько дополнить это замечание. Русские властные структуры не только способствовали привлечению внимания русской

³³² Славянские съезды. С. 35.

³³³ Досталь М.Ю. Славянский съезд в С.-Петербурге и Москве. С. 95.

³³⁴ Никитин С.А. Славянские съезды. С. 91.

общественности к приезду славянских гостей, но также вели активные переговоры со славянскими деятелями по интересующим их вопросам. В них участвовали министр иностранных дел князь А.М. Горчаков, великий князь Константин Николаевич, министр народного просвещения граф Д.А. Толстой и даже царь Александр II, который выступал в качестве инициатора доброжелательного отношения к славянам. С русскими государственными деятелями славянские лидеры обсуждали наиболее важные вопросы: «Константинов план», гарантии от турецких происков против полунезависимых Сербии и Черногории и др. Таким образом, эти беседы славянских лидеров с русскими политиками вполне входили в круг обсуждений, которые вели на Славянском съезде общественные деятели. На мой взгляд, следует говорить не только о продолжении работы Славянского съезда до конца пребывания славян в России, но и об участии в нем русских государственных деятелей.

Можно оспорить мнение С.А. Никитина о явной политической неудаче съезда³³⁵. Сербь получили заем и обещание помощи княжеству Сербии в его конфликтах с Турцией, австрийские славяне – поддержку своих национальных обществ, которая была широко развернута славянскими благотворительными комитетами России. И хотя вопрос о принятии русского языка в качестве общеславянского не получил поддержки со стороны славян, а в отношении поляков не было выработано единого мнения русских и славянских деятелей, все славяне убедились в сочувствии им как со стороны русского общества, так и со стороны русских правящих кругов. Это способствовало росту русофильства среди славян, усилению их надежд на освобождение от чужеземного гнета при поддержке России.

³³⁵ Там же. С. 81.

Такие надежды укрепились в результате победы России в войне с турками в 1877–1878 гг., приведшей к освобождению болгар, черногорцев и сербов от турецкого ига. Это ясно выразил в статье в газете «Современные известия» словенский либерал П. Турнер: «Балканские славяне, – писал он, – очень хорошо знают и чувствуют, что всем, что они есть и чем могут сделаться, они обязаны одной России. Австрийские славяне также понимают и чувствуют, что их национальное существование и дальнейшее освобождение обуславливаются сохранением могущества России»³³⁶.

Вместе с тем следует отметить, что не все славяне были в восторге от России. Об этом, в частности, писал Ф.М. Достоевский в октябре 1868 г. из Милана А.Н. Майкову. «По-моему, друг мой, – писал он, – нам слишком гоняться за славянством не надо, т.е. слишком! Надо, чтобы они сами к нам пришли. После Славянского съезда в Москве некоторые из славян же, возвратясь к себе, подшучивали над русскими за то, что руководствовать другими взялись и как бы импонировать славянам, а у самих-то еще какое малое самосознание и т.д и т.д. И поверьте, что многие из славян в Праге, например, судят нас с совершенно западных точек зрения, с немецкой и французской, и даже может быть удивляются, что у нас славянофилы, например, мало заботятся об общепринятых нормах западной цивилизации»³³⁷. В июле 1862 г. Полит Десанчич писал в пражской газете «Политик»: «Нас упрекают в симпатиях к России, но эти симпатии наши имеют границы: если когда-либо Россия станет угрожать самостоятельности Сербии, они встретят в Сербии врагов еще более ожесточенных, нежели в поляках».

³³⁶ Современные известия. 15.09.1879.

³³⁷ Цит. по: Никитин С.А. Славянские съезды. С. 77.

Но несмотря на это, следует подчеркнуть, что Этнографическая выставка и особенно Славянский съезд способствовали широкому распространению симпатий к России среди славян. Он не являлся делом правительства, хотя оно оказало ему большое внимание, а был организован по инициативе деятелей Московского Славянского благотворительного комитета.

ГЛАВА 7.

Русские панслависты
1860-х – 1890-х годов

Вопрос о панславизме вновь привлекает внимание историков, хотя, казалось, все о нем сказано, и мировая историография поставила решительную точку, объявив его реакционным учением. Однако современным ученым этот вывод кажется слишком однозначным и требующим определенного пересмотра. Примером вновь возрождающегося интереса к панславистским теориям может послужить проведение в 2012 г. Естественно-гуманитарным университетом в польском городе Щедлице конференции «Панславизм вчера, сегодня, завтра». Да и в российской историографии стали появляться труды, которые так или иначе корректируют прежние представления о российском панславизме.

В историографии стало укрепляться мнение, что российский панславизм не был единым, он имел по крайней мере два направления – правое, выражающее интересы правящих кругов России, тесно связанных с царем и его окружением, и левое, представлявшее определенные левые круги российского общества. К числу этих определенных левых кругов, не связанных ни с революционной демократией, ни с прозападными либералами, принадлежали в 1850–1870-е годы XIX в. и славянофилы, которых в марксистской историографии принято было считать консерваторами. Главным доводом, подкрепляющим это утверждение, был тот факт, что они являлись сторонниками монархии. Однако надо иметь в виду, что они были сторонниками не той монархии, которая в то время господствовала в России, а некой идеальной, которая существовала в их воображении. Помимо этого славянофилы выступали против немедленного введения конституции в России.

Панславистские программы появились в России в 1850-е годы, накануне и во время Крымской войны. Наибольшее

влияние оказали на это лозунги европейских либералов, особенно широко распространившиеся в Европе во время и после революции 1848–1849 гг. – требование объединения немецких, итальянских и др. территорий в Европе по этническому принципу в одно административное или государственное целое.

Первыми в России создали панславистские программы М.П. Погодин и К.С. Аксаков. Программа Погодина подразумевала, что объединение славян под властью царя станет первым шагом к дальнейшему распространению владений России на Среднюю Азию, Сибирь и Дальний Восток. Программа К.С. Аксакова носила либерально-демократический характер и предполагала создание славянской федерации с значительной самостоятельностью ее автономных частей.

Поражение России в Крымской войне на время прервало создание панславистских программ в России. Однако уже в 50–60-е годы XIX в. политическое положение России укрепилось. В Европе тоже вновь появились условия для возрождения лозунгов революции. Но если во время революции их выдвигали демократические и либеральные деятели, то в послереволюционный период к ним примкнули и представители правящих кругов некоторых государств, в частности Пруссии, Пьемонта, России. Благодаря этому в 1859 г. произошло объединение Италии, в 1866 г. Австрия потерпела поражение от Пруссии, в результате которого в 1867 г. была образована Австро-Венгрия, а для Пруссии открылся путь к основанию в 1870 г. единой Германии. Для России особое значение имело празднование в 1862 г. Тысячелетия России и особенно проведение в 1867 г. в Москве Всероссийской этнографической выставки и Славянского съезда.

Накануне Этнографической выставки и Славянского съезда в Москве В.И. Ламанским была опубликована программа словацкого национального деятеля Людовита Штура, которая оказала большое влияние на русскую общественность.

Людовит Штур (1815–1856), выдающийся словацкий политик, лингвист, поэт, ученый, во время революции 1848–1849 гг. активно боролся за права словацкого народа, занимая радикальные позиции. В это время он отрицательно относился к России. Еще в начале революции 1848 г. Штур выражал убеждение, что она является «самым большим неприятелем славян Центральной Европы»³³⁸. Однако после поражения революции, когда национальное положение словацкого народа не улучшилось и его по-прежнему угнетали как австрийские власти, так и венгерские националисты, Штур стал искать новые пути для успешного развития своего народа. Его взор обратился к России, тем более, что именно она в 1849 г. разбила венгров, главных угнетателей словаков. В это время Штур особенно близко сошелся с М.Ф. Раевским, чьи убеждения, несомненно, оказали на него большое влияние. В одном из писем начала 1850-х годов к графине А.Д. Блудовой Раевский рассказывал о своих встречах со словацкими национальными деятелями Ходжей, Праусом и Штуром: «Много было споров, наконец, друзья мои убедились, решительно убедились, что без русского сердца, без русского правительственного начала нет славянам спасения [...] И все признали, что самодержавие и православная церковь одни могут спасти славян, они одни могут сделать какое-либо политическое целое из славянства»³³⁹.

После революции Штур занялся журналистской и научной деятельностью. Он писал статьи в словацкие журналы, издавал сборники своих стихов. Особое внимание уделял написанию научного труда «О народных песнях и сказках славянских народов». Трактат «Славянство

³³⁸ Рокина В.Г. Ян Коллар и Россия: история идеи славянской взаимности в российском обществе первой половины XIX в. Йошкар-Ола, 1998. С. 80.

³³⁹ РГАДА. Ф. 1274. Д. 2424. Л. 170.

и мир будущего», написанный на немецком языке, должен был стать одной из глав этой работы. Штур писал его тайно. В декабре 1855 г. Штур получил серьезное ранение на охоте, повлекшее за собой его кончину (12 января 1856 г.). Перед смертью он передал свой трактат Раевскому с просьбой отдать его великому князю Константину Николаевичу, которого считали человеком, сочувствующим славянам³⁴⁰. Этот трактат попал в конце концов в руки русского слависта В.И. Ламанского, который его перевел на русский язык и напечатал в 1867 г.³⁴¹

В трактате «Славянство и мир будущего» Штур отмечал положительные качества славян: чистоту нравов, гостеприимство, гуманность, терпимость и др. Он указывал, что они являются осколками одного народа и только Россия предназначена их объединить. Но для этого Россия должна измениться сама. В ней должно быть отменено крепостное право, узаконена крестьянская община, ее самоуправление и неделимость ее земли. Шляхта должна отказаться от своих привилегий, предполагался созыв Национального собрания, куда бы были избраны представители всех жуп (административных районов. – И.Ч.). Оно бы стало совещательным органом при императоре. Славяне со своей стороны должны принять православие (греко-славянскую церковь), а также сделать русский язык общеславянским³⁴².

Русский демократ славист А.Н. Пыпин так оценивал трактат Штура: «Из западнославянских публицистов едва ли ни один Штур имел о славянском вопросе понятия, очень близкие к понятиям наших славянофилов; он даже полнее

³⁴⁰ Матула В. Людовит Штур и Россия // Ludovit Stur und die slawische Wechselseitigkeit. Bratislava, 1969. S. 367.

³⁴¹ Чтение в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1867. Т. III. Кн. 1–3. С. 1–191.

³⁴² Матула В. Людовит Штур и Россия. С. 372–380.

и яснее, чем они высказал свои планы славянского объединения³⁴³. Именно близость идей Штура к славянофильским привлекла к его труду «Славянство и мир будущего» внимание русской общественности.

Накануне и во время проведения Этнографической выставки панславистские программы публиковались в некоторых русских газетах, в том числе в либеральных «Голосе», «Биржевых ведомостях», «Отечественных записках». «Голос» выступал за литературный панславизм, «Биржевые ведомости» – за политический. Во время пребывания славян в России 25 мая 1867 г. «Биржевые ведомости» поместили на своих страницах статью, в которой говорилось: «Соединение всех членов этой группы (славянских народов. – И.Ч.) если можно в одно целое, должно быть целью политических стремлений славян. Мы смотрим на эти стремления как на совершенно законные и согласные с принципом национальности»³⁴⁴. Правда, спустя несколько месяцев, 1 сентября, та же газета поместила более осторожную заметку. «Исходную точку славянского вопроса нужно искать, – писалось в ней, – не в политике кабинета, а в единстве происхождения и интересов славянских народов, в единстве интересов не только в области наук, но и общественной жизни, даже в области практической жизни, торговли и промышленности. Такой панславизм не грозит ни одному правительству, ни миру в Европе; его политическая сторона, так сказать, исчезает за гуманитарной»³⁴⁵. Корректировка взглядов «Биржевых ведомостей» была связана с тем, что, во-первых, идея

³⁴³ Пыпин А.Н. Панславизм в прошлом и настоящем // Вестник Европы. СПб., 1877. Кн. 9–12. С. 773.

³⁴⁴ Цит. по: Никитин С.А. Славянские съезды // Славянский сборник. Славянский вопрос и русское общество в 1867–1878 годах. М., 1948. С. 88–89.

³⁴⁵ Там же. С. 89.

политического объединения славян не имела успеха у участников Славянского съезда, а во-вторых – она вызвала резкое осуждение европейской прессы.

Однако панславистские планы не исчезли со страниц русской прессы. «Отечественные записки» А.А. Краевского в июле 1867 г. писали: «Славяне наконец начинают понимать, что для них, как и для немцев, необходим объединяющий центр и что таким центром может быть только то славянское племя, которое сумело сыздавна выработать себе самостоятельную государственную жизнь, т.е. племя великорусское. В последнее время признаки такого сознания являются у славян все чаще и чаще, как в изменившемся взгляде славян на Россию, так и в попытках сделать русский язык культурным языком всех славян». В «Голосе» Краевский писал, что существует три вида панславизма: политический, литературный и духовный. Политический не выгоден для России, так как включение в ее состав народов, чуждых ей по формам быта, окажет отрицательное влияние на ее состояние. Духовный панславизм – пустой звук. Краевский выступал за литературное единство славян. Говоря о стремлении каждого из славянских народов создать свой собственный литературный язык, он подчеркивал: «Мы убедились, что наши братья – близорукие эгоисты, требующие жертв, но не несущие их». Краевский был убежден, что славянство окажется позади всех народов, так как история осудит многоязычие в науке и литературе, кроме того на нейтральной почве русского языка могут помириться чехи и словаки, сербы и болгары. Через несколько поколений славяне будут говорить на одном языке³⁴⁶.

Славянофильская «Москва» не выступала открыто за общий язык для всех славян, но в июле 1867 г. подчеркивала:

³⁴⁶ Никитин С.А. Славянские съезды шестидесятых годов XIX века // Славянский сборник. М., 1948. С. 45, 64–65.

«Славянский мир не мыслим без России [...], вся сила его в России [...], вся ее собственная сила в славянстве»³⁴⁷.

Решительную позицию по вопросу о панславизме занимала газета «Русско-славянские отголоски», которая выходила несколько месяцев в Петербурге в 1868 г. Ее редактором и издателем был коллежский асессор В.К. Иванов. По-видимому, он являлся и главным автором статей, публиковавшихся в ней. «Идея панславизма, – писала газета в своем первом номере, – есть единственная идея, которая может проникнуть в самую глубину народной массы и оживить дух народа». Уже в первом номере редакция газеты отказалась от близости к московским славянофилам, считая их апологетами отжившего прошлого³⁴⁸. Во втором номере газета поместила большую статью о панславизме. В ней говорилось, что основными элементами панславизма являются примирение, любовь и братский союз, поэтому в нем «нет места ни грубому насилию, ни народному эгоизму, следовательно нет места ненависти». В прежние времена судьбами народов управляли церковь и аристократия, и славяне больше других испытали на себе нетерпимость церкви и гнет корыстной аристократии, которая из-за корыстных побуждений изменяла своему народу. Поэтому в панславизме нет места сословному преобладанию и сословным предрассудкам³⁴⁹. В шестом номере газеты автор указывал путь, следуя которому славяне могут достичь панславизма. Переходной ступенью к нему автор считал славянский союз или славянскую федерацию. В нем каждое племя удерживает свои автономии и исторические особенности, но вместе с тем все славянские племена находят общие, связующие их интересы и начала. «Связью славян должна

³⁴⁷ Там же. С. 47.

³⁴⁸ Русско-славянские отголоски. 11.05.1868. № 1.

³⁴⁹ Русско-славянские отголоски. 18.05.1868. № 2.

быть свобода и равноправность и общая обязанность оберегать эти драгоценные блага [...] Какое же из славянских племен возьмет окончательный верх и ассимилирует другие родственные племена – пусть будет делом свободного развития и бескровной борьбы идей и нравственных начал, усвоенных каждым племенем». Если Россия вступит на путь истинного панславизма, продолжал автор статьи, то будущее величие русского народа станет неоспоримой истиной. И снова он повторял, что панславизму в данный момент свойственна одна форма – «союз всех славянских автономий на началах равноправия и обоюдной защиты самостоятельности и независимости каждого племени и всех вместе и тех основных начал, которые могут быть общими для всех славян». Союз славян обеспечит их внешнюю и внутреннюю безопасность, и тогда у России не может быть другой заботы помимо развития нравственных и умственных сил народа. «Панславизм – единственный путь для политического и культурного перерождения России»³⁵⁰. Как можно видеть, план В.К. Иванова был создан человеком, который совместил в своих взглядах либеральные и даже демократические черты. Однако его проект практически не вызвал отклика. Виной этого, на мой взгляд, явилась та его часть, которая касалась польского вопроса.

Более полную программу панславизма дал в своей книге «Мнение о восточном вопросе» (1870) русский генерал кавказской боевой школы Ростислав Андреевич Фадеев (1824–1883). Его отец А.М. Фадеев в 1840-е годы был губернатором Саратовской губернии, затем членом Совета главного управления Закавказского края; мать происходила из знатной семьи Долгоруких. Выходец из знатной семьи Р.А. Фадеев сделал карьеру на Кавказе. Он участвовал в Крымской войне, получил несколько боевых наград.

³⁵⁰ Русско-славянские отголоски. 16.06.1868. № 6.

В 1856–1862 гг. стал ближайшим сотрудником кавказского наместника князя А.И. Барятинского.

Князь Барятинский проводил новую политику умиротворения Кавказа. Он предлагал перестроить гражданское и военное управление в регионе, построить железную дорогу между Каспийским и Черным морями, тем самым способствуя его экономическому развитию. В славянском вопросе он считал необходимым поддерживать национальные движения славян, дать независимость Польше³⁵¹. Фадеев разделял взгляды Барятинского, при поддержке которого активно занялся журналистской деятельностью, написал несколько трудов о положении на Кавказе. В своей записке «Местное военное управление покоренными племенами Кавказа» Фадеев призывал проводить реформы на Кавказе осторожно, говорил о необходимости гражданского благоустройства и образования, об улучшении материального и нравственного быта местного населения там. Фадеев считал необходимым заменить военное управление на Кавказе гражданским, привлекая к последнему местную знать. По поручению Барятинского Фадеев написал книгу «Шестьдесят лет Кавказской войны», изданную в 1860 г. В ней он обосновывал необходимость для России завоевания Кавказа, указывая, что это будет способствовать ее политическому и экономическому развитию, а также оказанию помощи христианской Грузии. Книгу приветствовали крупные российские военачальники Д.И. Скобелев, А.П. Ермолов, П.Е. Коцебу. За нее в 1860 г. Фадеев был избран членом Императорского Русского географического общества³⁵².

В 1870 г. вышла книга Фадеева «Мнение о восточном вопросе», где он высказал свое понимание желательного

³⁵¹ Кузнецов С.В. Р.А. Фадеев: генерал и публицист. Волгоград, 1998. С. 25–26.

³⁵² Там же. С. 11–13.

направления внешней политики России. Оно исходило из его убеждения о вражде западных держав к России, которая происходит из-за их недоверия к многочисленному народу, который имеет другие взгляды на общественные порядки, где распространена религия, одинаково враждебная католичеству и протестантизму. Россия и другие славяне чужды Западной Европе, поэтому для России невозможно установить прочные и устойчивые союзы с европейскими государствами, а только временные соглашения с отдельными из них. Единственно возможные союзники России – славяне. Фадеев был убежден, что главным врагом для них являются немецкие государства Австрия, Пруссия. «Когда закончится объединение германской породы в пределах, гордо ею назначаемых для себя, и она примется онемечивать славян прусскими мерами, будет уже невозможно тягаться. Славянство вне пределов России станет ее жертвой. Надо спешить и помнить, что главная препона в славянском вопросе Австрия, Франция и Англия лишь союзники Австрии. И в решении славянского вопроса в Турции главный враг тоже Австрия, которая не желает видеть по соседству со своими славянскими областями создание свободного славянского государства». И далее Фадеев делал вывод: «Турецко-славянские и австрийско-славянские дела переплелись в такой безвыходный клубок, что нет никакой возможности расплести одну его сторону, не трогая другой»³⁵³. Фадеев утверждал, что Австрия превратилась в оплот Европы против Востока, а под Востоком Европа подразумевает не Турцию и мусульманство, а Россию и славян.

Славяне могут устоять перед натиском с Запада только объединившись. «Без внешнего объединения, – указывал Фадеев, – огромная масса славянского и православного мира бессильна, собранная вокруг общего устоя, она

³⁵³ Фадеев Р.А. Мнение о восточном вопросе. СПб., 1870. С. 28.

неодолима»³⁵⁴. Славяне должны стремиться к двум целям: каждый народ к самостоятельной политической и общественной жизни и все вместе к племенному союзу во главе с Россией в военном и международном отношениях. «Каждому племени нужен свой государь для домашних дел и великий славянский царь для дел общих». Каждую автономную единицу возглавлял бы представитель династии Романовых, а русский царь возглавил бы всю федерацию. Без объединения с Россией славяне, добившись самостоятельности, сразу же ее потеряют. Поскольку главными врагами славян Фадеев считал немецкие государства Австро-Венгрии и Пруссию, он полагал, что для объединения славян необходимо прежде всего разгромить именно их³⁵⁵.

Чтобы создать славянскую федерацию Россия должна добиться поддержки славян. Фадеев предлагал для этого следующие меры: обеспечить помощь гонимым славянским деятелям; распространять русскую литературу среди славян и славянскую – среди русских; предоставить славянам возможность поступать в России на службу, особенно военную³⁵⁶.

Фадеев был убежден, что дворянство России должно занимать ведущие позиции в управлении страной. «С признанием русского дворянства [...] государственным сословием, – писал он, – оно должно стать сословием обязательно служилым». Фадеев предлагал облегчить переход крупного купечества в дворянское сословие³⁵⁷. Помимо этого он считал, что в его ряды можно принимать самых способных людей из разночинцев.

³⁵⁴ Там же. С. 51.

³⁵⁵ Там же. С. 5–98.

³⁵⁶ Там же. С. 50–51.

³⁵⁷ Там же. С. 20, 40, 86.

В России книга Фадеева получила отрицательные отзывы со стороны либералов. Так «Вестник Европы» рассматривал ее как политический манифест тех политических сил, которые стремятся совлечь русское правительство с пути реформ на ложный путь реализации химерических проектов всеславянской федерации. «Вестник Европы» поддержали «Отечественные записки»³⁵⁸. Но у славян книга Фадеева имела определенный успех. Она была переведена на чешский, сербский, польский и немецкий языки. Зарубежных славян привлекала в ней прежде всего антинемецкая направленность. Хорватский либерал П.П. Томич писал Н.А. Попову: «Не могу описать словами радость, с какой читал “Мнение о восточном вопросе” Р. Фадеева». Томич был убежден, что Россия должна завершить свою миссию на Балканах. Чешский профессор Й. Первольф сообщал Н.А. Попову, что брошюра Фадеева логична и убедительна и она произвела впечатление³⁵⁹.

Существовала еще одна группа русских панславистов, которая стремилась к тому, чтобы все славяне приняли в качестве своего литературного языка русский язык. Ее возглавлял известный публицист редактор влиятельной газеты «Московские ведомости» Михаил Никифорович Катков (1818–1887). Он тесно связывал свои славянские планы с интересами самодержавной России. Катковская панславистская программа предполагала создание славянского союза дипломатическими средствами, а главным объединяющим средством должен был стать общий для всех славян русский язык. Никитин справедливо считает, что план Каткова преследовал не культурные, а чисто политические

³⁵⁸ Кузнецов О.В. Р.А. Фадеев: генерал и публицист. С. 42–44.

³⁵⁹ Никитин С.А. Панславистские теории конца 60-х годов // Славяне и Россия: К 110-летию со дня рождения С.А. Никитина. М., 2013. С. 322.

цели и в конечном счете вел славян не только к политическому, но и к языково-культурному, а следовательно и к этническому поглощению³⁶⁰. Русификация славянских народов для Каткова являлась условием создания славянской федерации.

Свой вариант славянского объединения представил и Владимир Иванович Ламанский (1833–1914). «Это был, – пишет российский славист Л.П. Лаптева, – одновременно исследователь славянских языков и литератур, археолог и этнограф, историк и публицист. Особое внимание он проявлял к современному ему славянству и к его историческим судьбам»³⁶¹. Уже в начале 1860-х годов он пришел к выводу: «Если в течение тысячи с лишнем лет своего исторического существования славянские племена за исключением России, не сумели или не смогли создать себе плотное государственное единство или выработать богатую и самостоятельную литературу, то нет никакого основания предполагать, чтобы они могли достичь этих условий в настоящее или будущее время». На основании этого Ламанский утверждал, что только прекращение раздробленности славян и признание ими «игемонии одного из наречий славянских может положить конец их нынешнему служебному положению и духовному рабству»³⁶².

Ламанский полагал, что таким языком у славян может стать русский язык. Он писал, что литературы малых славянских народов никогда не смогут вытеснить из их

³⁶⁰ Он же. Шестидесятые годы. Раздел II. Панславистские теории и их критика // Славяне и Россия: К 110-летию со дня рождения С.А. Никитина. М., 2013. С. 240.

³⁶¹ Лаптева Л.П. История славяноведения в России в XIX веке. М., 2005. С. 334–335.

³⁶² Ламанский В.И. Национальности итальянская и славянская // Отечественные записки. 1864. № 11. С. 181–182.

культурной жизни итальянский и немецкий языки. Единственный выход для них – «это иметь два славянских языка в своем употреблении, то есть свое народное наречие для местной словесности, для домашнего и чисто народного обихода, и другой язык – язык русский для общих дел, для сношения между собою и с прочими соседями славянскими и иноплеменными, для высшего образования и науки»³⁶³. Таким образом русский язык должен был занять у славян место немецкого и итальянского языков.

Эту идею Ламанский подробно изложил в своей статье «Непорешенный вопрос». В ней он утверждал, что к созданию общеславянского языка славяне стремились еще с давних пор. Первой его попыткой стал древнеславянский церковный язык, который был «одним из первых видов проявления внутренней потребности славянского мира в одном общеславянском языке»³⁶⁴. Но племенной сепаратизм повлек за собой установление над славянами господства иноплеменников. Ламанский рассматривал возможность других славянских языков занять место общеславянского языка. Подходя к описанию настоящего положения славян, он указывал, что, хотя чехи считают себя самыми образованными среди славян, но немцы, в чьи пределы они выдвинуты, гораздо их образованнее. Хорваты и сербы, хотя и являются одним народом, но культура и наречия у них разные, кроме того они разделены между четырьмя государствами, их культура ниже чешской. Наконец, остальные славяне – словаки, словинцы, лужичане являются мелкими племенами³⁶⁵.

Хотя древнеславянская письменность имелась у русских, сербов и хорватов, продолжал Ламанский, сохранилась

³⁶³ Он же. Непорешенный вопрос // ЖМНП. 1869. Ч. CXLI. № 7–8. С. 121.

³⁶⁴ Там же. Ч. CXLI. № 1–2. С. 132.

³⁶⁵ Там же. С. 135–136.

она только у русских, на ее основе развился современный русский язык. При всем несходстве и неравенстве южные и западные славяне принадлежат к тому же историческому типу, что и Русь. Кроме того русский язык имеет широкое международное значение. Именно поэтому славяне должны принять русский язык в качестве общеславянского. При этом Ламанский подчеркивал, что «говорить и писать по-русски не одно и то же, что быть русским»³⁶⁶. Ламанский далее утверждал, что все попытки других славянских народов (чехов, поляков, сербо-хорватов) распространить свои языки среди других славян не увенчались успехом. Особенно он остановился на желании сербо-хорватов заставить болгар и словинцев говорить на своем языке. Если бы даже им удалось это сделать, то, по мнению ученого, все равно сербо-хорватский язык не смог бы конкурировать ни с немецким, ни с итальянским языками³⁶⁷. И еще одну мысль высказал здесь Ламанский о России: в результате тысячелетней истории русским удалось основать восьмидесятимиллионное государство, которое представляет собою третий мир – не Европу и не Азию. Оно занимает одну шестую часть света с одним главным народом, с единым господствующим языком, наследником древнеславянского языка³⁶⁸.

В 1871 г. Ламанский издал книгу «Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе», представлявшую его докторскую диссертацию. Для ее написания он использовал огромный материал, взятый из западноевропейской исторической, этнографической и политической литературы. Ламанский, как и другие славянофилы, считал, что в Европе существуют два мира: греко-славянский

³⁶⁶ Там же. С. 149.

³⁶⁷ Там же. С. 151–158.

³⁶⁸ Там же. С. 143.

и романо-германский и «их взаимоотношение и борьба – главная ось исторического развития Европы и Азии». Для греко-славянского мира характерны слабость аристократии, православие, роль общины, славянский язык церкви и просвещения. В греко-славянском мире Россия занимает главенствующее положение, русский язык имеет все возможности широко распространиться во всех славянских землях. Ламанский указывал на признаки разложения романо-германского мира, проявляющиеся в росте числа партий, в распространении социалистических и коммунистических идей. Как Фадеев и многие славянофилы, главного врага славян он видел в немцах, точнее в романо-германском мире. В отличие от подавляющего большинства славянофилов, он считал, что турецкое иго для славян «было злом относительным и искупалось той пользой и тем благом, которые доставила Турция миру греко-славянскому, оберегая и защищая от романо-германцев»³⁶⁹. Спустя двадцать лет в статье «Три мира Азийско-Европейского материка» Ламанский развивал теорию существования трех миров, трех типов культур – европейского, азиатского и среднего, эту мысль он обозначил еще в своей статье «Непорешенный вопрос». В средний мир входили Россия, славянские земли, греческие, венгерские, румынские области, прибрежная полоса с Константинополем, Сирия. Азиатский мир, по мнению Ламанского, безнадежно устарел, европейский пока находится в расцвете, но уже близится к упадку. Будущее – за третьим миром, в котором преобладает славянское и православное население. Ламанский полагал, что для его расцвета необходимо сохранить его многообразие, т.е. самостоятельное развитие малых

³⁶⁹ Ламанский В.И. Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе: Исследование Владимира Ламанского. СПб., 1871.

славянских и неславянских народов³⁷⁰. Ученый выступал за крепкий крестьянский быт и общинное самоуправление, враждебно относился к индустриализации, поскольку она ведет к пауперизации населения, распространению в его среде социалистических и коммунистических идей. Ламанский был противником латифундий и возникновения слоя безземельных батраков, мечтал о свободе слова и собраний, их полной независимости³⁷¹.

Вопрос о панславизме не обошел и А.Н. Пыпин (1833–1904), историк литературы и этнограф, придерживавшийся в 1870-е годы демократических взглядов. В 1878 г. вышла его статья «Панславизм в прошлом и настоящем»³⁷². В ней он решительно осуждал славянофильские теории панславизма. Указывая, что панславизм является естественным следствием национального возрождения славян, которые стремятся обеспечить себе политическое существование, объединившись, как это сделали немцы и итальянцы, Пыпин утверждал, что «панславизм имеет за собой полное право». Он полагал, что существует три вида панславизма: 1. Во главе с Россией против Европы; 2. Во главе с Польшей против России; 3. Демократическая федерация славян. Все эти варианты панславизма Пыпин считал нереальными. Он был уверен, что объединение славян возможно только под лидерством России в случае ее демократизации. Останавливаясь на предложении сделать русский язык общеславянским, Пыпин подчеркивал, что для этого требуется поднять русскую литературу на такую высоту, чтобы она

³⁷⁰ Он же. Три мира Азийско-Европейского материка // Славянское обозрение. 1892. № 14.

³⁷¹ Никитин С.А. Панславистские теории конца 60-х годов. С. 327, 336–337.

³⁷² Пыпин А.Н. Панславизм в прошлом и настоящем // Вестник Европы. 1878. № 9–12.

получила для славян «образовательный, научный и политический интерес». Пыпин подчеркивал, что «славянское возрождение есть один из сильных факторов общеевропейского прогресса».

Через год в либеральном «Вестнике Европы» вышла обширная статья Пыпина «Литературный панславизм», в которой он прослеживал развитие славянской идеи на протяжении веков. «Панславизм есть теория, идеал, порыв, – определял ученый, – которые возникли у людей искавших лучшего будущего среди тяжелого положения славянских народностей». Пыпин подчеркивал, что славян онемечивают с помощью немецкой политической власти, немецкой школы, немецких языка и литературы, немецкой промышленности и т.д. Но за онемечивание нельзя негодовать только на немцев. Главную причину его Пыпин видел в ссорах и раздорах славян, их неумении сплотиться. И сейчас славяне тратят много времени и сил на создание многих литератур. Если так будет продолжаться, они всегда будут нуждаться в более богатом источнике для образования, а следовательно в двуязычии, то есть в обращении к итальянской, немецкой литературам, ибо итальянцы и немцы сумели создать единые литературы. Если славяне хотят стать исторической силой, они должны иметь общеславянский, «всем славянам доступный и ими самими употребляемый [...] литературный язык»³⁷³.

Пыпин признавал, что эта идея вызывает нежелание отдельных славянских народов отказаться от своего языка. Некоторые славянские ученые предлагают создать особый смешанный общеславянский язык. Но это чудаки, чьи идеи никогда не имели успеха.

И далее Пыпин рассматривал историю возникновения и развития межславянских отношений, начиная с Кирилла

³⁷³ Он же. Литературный панславизм // Вестник Европы. 1879. № 6. С. 591–594.

и Мефодия. Особый интерес у него вызывала деятельность хорвата Юрия Крижанича, которого он называет выдающейся личностью и первым панславистом. Крижанич высказывался за объединение славян с Россией и принятие ими русского языка в качестве общеславянского. Пыпин полагал, что Петр I интересовался славянским вопросом и имел замысел освободить южных славян от турецкого ига.

Пыпин кратко характеризовал идеи славянского единства чехов Й. Юнгмана, П.Й. Шафарика, Ф.Л. Челаковского, словаков К. Кузманы, Я. Коллара, Й.М. Гурбана, Л. Штура и др.³⁷⁴ Затем он обращался к русской общественной мысли. Указав, что в 1830–1840-е годы многие русские ученые ездили в славянские земли, Пыпин подчеркивал, что только с конца 1850-х годов усилился романтически-этнографический интерес к славянам среди русских ученых. Новое поколение славистов – В.И. Ламанский, А.Ф. Гильфердинг, А.А. Майков, Н.А. Попов, Й.Й. Первольф и др. – являются яркими славянофилами. Особенно подробно Пыпин остановился на взглядах В.И. Ламанского. Для Ламанского существование мелких славянских литератур – большое зло. Чтобы не погибнуть, славяне должны принять русский язык и добиться независимости. Без этого они не смогут играть большой роли в истории. Сила немцев не в насилии, а в слабости славян. Без принятия славянами русского языка в качестве общеславянского разговоры о славянской федерации являются величайшей бессмыслицей. Общеславянскому объединению мешают деятельность славянской интеллигенции, направленной на разъединение славян, бедность русской литературы, недостатки внутреннего строя России, непонимание Россией своего призвания. Пыпин особо подчеркивал убеждение Ламанского, что каждый образованный славянин будет знать русский язык. Рассматривая

³⁷⁴ Там же. 1879. № 8. С. 711–716.

взгляды Ламанского, Пыпин приходил к выводу, что в них много правды. Но Ламанский, по его мнению, не принимает во внимание сильный национальный инстинкт у малых народов, то, что национальная борьба у них могла развернуться только с помощью местных литератур.

Пыпин считал, что и сами русские не стремятся ознакомиться славян с русской литературой. Большая часть русского общества равнодушна к славянским интересам. Только во время Славянского съезда 1867 г. русские и славяне познакомились друг с другом. Пыпин останавливался на тех панславистских программах, которые выдвинула российская пресса во время и после Славянского съезда. Наибольший интерес у него вызвала программа славянофильской «Москвы». Он был вполне согласен с ее утверждением, что славян в России интересует ее сила, возможность для славян найти у нее защиту. В то же время они не признают ее исторического призвания, ее духовной жизни, превосходства ее литературы. «Москва» видит две возможности для славян – или они примут русский язык в качестве общеславянского или погибнут. Если они примут русский язык в качестве общеславянского, то станут поставлять лучшие умственные кадры для России. И эти кадры будут обращаться к немецким, английским, французским книгам и университетам. «Москва» видит один выход, с которым полностью согласен Пыпин: надо добиться образования простого русского народа³⁷⁵.

Пыпин был убежден, что будущее славян может быть завоевано только объединением всех славянских сил. «Иначе разделенное славянство не может выдержать конкуренции и борьбы со своими соседями и врагами, а соединение не может обойтись без какого-либо общего органа в виде русского или другого славянского языка, органа, который

³⁷⁵ Там же. С. 743–747.

служил для взаимных сношений [...] и также для целей высшей образованности, как язык науки [...] При этом однако мы не отрицали бы ни в малейшей степени права каждой народности на свою особенную литературу»³⁷⁶. Вследствие политической и численной силы русский народ представляет гораздо больше возможностей для развития славян, чем любой другой славянский народ. Политическая федерация славян со системой обрусения невозможна. Возможно их объединение только с условием внутренней автономии. Панслависты слишком торопятся. Нужно, чтобы русская литература догнала западную, а для этого требуется ее свободное развитие³⁷⁷. Таким образом Пыпин, поддерживая теорию Ламанского, солидаризировался и со славянофильской «Москвой», полагая, однако, что создание славянской федерации потребует более длительного времени, чем она считает.

В.С. Соловьев в 1880-е годы высказывал идеи, схожие с теорией Ламанского о существовании трех миров. На заседании Общества любителей российской словесности он выступил с речью «Три силы». В ней он заявил, что Запад стремится к утверждению безбожного человека, ибо основа его культуры – индивидуализм, «грозящий упразднить все общественные связи». Восток же уничтожил человека в Боге. Спасение человечества – в третьей силе, именно в России, которая примиряет эти два начала³⁷⁸. Правда затем Соловьев перешел к идеям глобализации.

Все эти панславистские программы создавались журналистами, политиками, учеными гуманитариями. Но за год до выхода в свет панславистской программы Фадеева была

³⁷⁶ Там же. № 9. С. 330.

³⁷⁷ Там же. С. 331–332.

³⁷⁸ *Балуев Б.П.* Споры о судьбах России: Н.Я. Данилевский и его книга «Россия и Европа». М., 1999. С. 85.

издана панславистская программа крупного ученого широкого профиля Н.Я. Данилевского в журнале «Заря».

Николай Яковлевич Данилевский (1822–1885) родился в семье заслуженного русского генерала Якова Ивановича Данилевского, участника Отечественной войны, особо отличившегося в битве при Лейпциге. Он получил блестящее образование, окончив Царскосельский лицей и физико-математическое отделение Петербургского университета. Во время учебы Н.Я. Данилевский помимо физико-математических наук активно изучал естествознание, историю, социологию. Особенно его увлекло учение утописта-социалиста Ш. Фурье. В студенческие годы Данилевский подружился с братьями Семеновыми. Старший, Николай Петрович Семенов, стал впоследствии сенатором, членом Редакционной комиссии по подготовке крестьянской реформы, а младший, Петр Петрович, с которым Данилевского связывала особенно тесная дружба, прославился как знаменитый путешественник, получивший прозвище Тянь-Шаньский. В Петербурге же Данилевский познакомился с Ф.М. Достоевским и вместе с ним посещал кружок М.В. Петрашевского, где молодые люди обсуждали вопросы освобождения крестьян, теории утопистов-социалистов. Одновременно Данилевский подготовил диссертацию «Орловская флора». Вместе с П.П. Семеновым он составил план трехлетней экспедиции по определению границ черноземной полосы России. Этот план был одобрен Вольным экономическим обществом, и за него Данилевский и П.П. Семенов были избраны членами этого общества. Молодые ученые успели осмотреть Рязанскую и Тульскую губернии, но их дальнейшая деятельность была прервана в июне 1849 г. арестом Данилевского по делу кружка М.В. Петрашевского. Данилевского обвинили в распространении учения Ш. Фурье, и он 100 дней просидел в Петропавловской крепости. Затем он был отправлен в ссылку под надзор полиции сначала

в Вологду, а с 1853 г. – в Самару, где работал в канцелярии губернатора. П.П. Семенов в своих мемуарах вспоминает о взглядах Данилевского в то время. По его словам, тот признавал в учении Фурье прекрасную, но неосуществимую теорию, «однако остался верен своим великодушным стремлениям к улучшению быта народных масс и освобождению их от крепостной зависимости»³⁷⁹.

Наряду с исполнением чиновничьих обязанностей, Данилевский занимался и научной деятельностью. За труды «О движении народонаселения России» (СПб., 1851) и «Климат Вологодской губернии» (СПб., 1853) он получил две премии Русского географического общества. В 1853 г. Данилевского командировали в научную экспедицию под руководством К.Э. Бэра, исследовавшую рыболовство на Волге и Каспийском море. С тех пор в течение 18 лет вплоть до 1871 г. Данилевский занимался ихтиологией. Он возглавил ряд экспедиций, определявших рыбные запасы и рыбные промыслы большинства водоемов Европейской России. Его деятельность была оценена правительством, и в 1874 г. он получил звание тайного советника.

Наряду с этим Данилевский продолжал изучать те области науки, которые его интересовали. Он уделил большое внимание лингвистике и опубликовал работы «Несколько мыслей о русской географической терминологии» и «Дополнение к опыту областного великорусского словаря», за которые его избрали в 1876 г. членом Общества любителей российской словесности. Одновременно Данилевский изучал маршрут переселения угорских племен из прародины (Вятская и Пермская губернии) в Лебедию (земли между низовьями Дона и Днепра), исследовал теорию Ч. Дарвина, против многих положений которой он выступал. Данилевский писал статьи по внешней политике России, полемизировал

³⁷⁹ Там же. С. 22.

с русским философом В.С. Соловьевым, доказывая преимущество православной церкви перед католической. В газете И.С. Аксакова «Русь» в конце 1884 г. Данилевский опубликовал статью о русском нигилизме, указывая, что он явился реакцией на опошление христианских идеалов. «Обожание материализма, – писал он, – особенно пришлось по вкусу всем ворам и мерзавцам». В результате этого распространились «апатия и бессилие людей честных, смелость и нахальство мошенников, разгул животных вожделений»³⁸⁰. По своим взглядам Данилевский был близок славянофилам аксаковского толка.

Как можно видеть, сфера интересов ученого была достаточно широкой: филология, история, география, естественные науки. По свидетельству современников, знания его по этим предметам отличались глубиной. В 1871 г. Данилевский опубликовал главный труд своей жизни «Россия и Европа», в котором опирался на новейшие научные достижения того времени, в частности, на учение естествоиспытателей Ж.Б. Ламарка и Ч. Дарвина. Свое сочинение «Россия и Европа» он писал в 1863–1868 гг., когда в Европе происходили знаменательные события: польское восстание 1863–1864 гг., прусско-австрийская война 1866 г., образование Австро-Венгрии (1867), создание Германской империи (1870), Этнографическая выставка и Славянский съезд в Москве в 1867 г. и др.

Данилевский исходил из убеждения, что Европа, под которой он подразумевал германские и романские народы, враждебна России и славянам, ибо чувствует в них чуждую силу. Ее политика по отношению к ним всегда была маккиавелистской и агрессивной. Сущность восточного вопроса Данилевский видел в борьбе между романо-германским и славянским культурно-историческими типами.

³⁸⁰ Там же. С. 39.

Эта борьба началась со времен Карла Великого и вплоть до Екатерины II побеждали романо-германцы. Но со времени ее царствования усилился отпор православного Востока католическо-протестантскому Западу. Именно в это время Европа, особенно Англия, заполнилась туркофилами, которые видели своих врагов не в мусульманском мире, а в России и славянах.

Европа справедливо боится России, так как Россия уже по своим размерам нарушает равновесие в ней. «Россия слишком велика и могущественна, – писал Данилевский, – чтобы быть только одною из великих европейских держав»³⁸¹. Европа подразумевает под европейской цивилизацией исключительно культуру романо-германских народов, в которую не входят другие европейские народы, в частности славяне. Славян романо-германская Европа ненавидит, так как чувствует в них зарождение новой цивилизации. Особенно ей ненавистна Россия, которая обрела самостоятельность, создала прочную государственность, превратилась во влиятельную мировую державу, способную объединить весь славянский мир. Помимо этого Европа чувствует несовместимость своего и славянского культурно-исторических типов³⁸².

Западные ученые стремятся унижить Россию, изображая ее врагом свободы и просвещения. Они, прежде всего немцы, много говорят о неполноценности славян по сравнению с романо-германскими народами и этим обосновывают немецкий «Дранг нах Остен», якобы призванный нести славянам высшую культуру. Французы хвалят славян, но русских объявляют не славянским, а туранским племенем. Ни один из русских теоретиков панславизма так полно не обосновывал мнение о враждебности Европы

³⁸¹ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. СПб., 1888. С. 435.

³⁸² Там же. С. 50.

по отношению к России и славянам как Данилевский, который посвятил этому вопросу целую главу.

Многие русские образованные люди, указывал Данилевский, считают европейскую цивилизацию единственной и нескончаемой и не видят ее односторонности. Они убеждены, что она прогрессивна и стараются ей подражать. Данилевский решительно это осуждал. Так, оценивая реформы Петра I, он приветствовал его государственную деятельность, но осуждал его за реформирование русского быта и обычаев, что принесло большой вред русскому народу. С этого времени в России развилась болезнь «европейничания», которая захватила высшие классы. Они считают все русское плохим, пытаются перенести в Россию европейские обычаи и учреждения. В то же время низшие классы придерживаются старых обычаев. При этом Данилевский положительно оценил реформы 1860-х годов, однако указывал, что они вовсе не повторяют европейские. Так он полагал, что, например, «свобода слова не есть право или привилегия политическая, но право естественное» (одним из важнейших требований славянофилов было установление свободы общественного мнения), следовательно она не является «европейничанием», а вот цензура – была привнесена из Европы. В настоящее время в России существуют «европеизирующие» аристократы и «европеизирующие» демократы. К последним он относил автора статьи «Национальная бестактность» (т.е. Н.Г. Чернышевского). К ним Данилевский относился отрицательно, осуждая антирусскую направленность их взглядов³⁸³. Он был убежден, что прививание европейской цивилизации к русской «дало ублюдков самого гнилого свойства», а именно нигилизм, сепаратизм, бюрократизм³⁸⁴.

³⁸³ Там же. С. 285–300, 314.

³⁸⁴ Там же. С. 132.

По мнению Данилевского, общечеловеческой цивилизации не существует и не может существовать. Он решительно выступал против теорий европоцентризма, популярных у европейских ученых. Всего в мире существовало и существует несколько культурно-исторических типов или цивилизаций, полагал Данилевский. Каждый культурно-исторический тип в разных районах мира развивается по-своему и не передает свои достижения другим, более поздним. Всего Данилевский насчитывал десять культурно-исторических типов: 1) египетский; 2) китайский; 3) древнесемитический (ассирийско-вавилонско-финикийско-халдейский); 4) индийский; 5) иранский; 6) еврейский; 7) греческий; 8) римский; 9) новосемитический (арабийский); 10) романо-германский или европейский. Каждый культурно-исторический тип развивается самостоятельно. Сначала он переживает этнографический период, продолжающийся не менее 1000 лет. Затем наступает эпоха цивилизации (цветение и плоды), которая охватывает примерно 600 лет, а потом происходит угасание данной цивилизации. Один культурно-исторический тип может быть удобрением для последующего культурно-исторического типа или может быть пересажен с одного места на другое (европейский культурно-исторический тип в Америку и Австралию). Данилевский утверждал, что деление истории, которое придумали европейские ученые, (Древний мир, Средние века и Новейшая история), не соответствует мировому историческому процессу, а верно только для Европы³⁸⁵.

Б.П. Балугев, современный исследователь теории Данилевского, подчеркивает, что Данилевский первым заявил о мультилинейном развитии мира³⁸⁶. Однако это утверждение требует уточнения. Впервые о мультилинейном

³⁸⁵ Там же. С. 91–92.

³⁸⁶ Балугев Б.П. Споры о судьбах России... С. 70.

развитии мира упомянул К.С. Аксаков. Он критиковал европейских идеологов, утверждавших, что европейская цивилизация превосходит все остальные, что западная культура является общечеловеческой и на нее должны равняться все другие народы. Общечеловеческая культура, считал К.С. Аксаков, это сумма самобытных культур разных народов. Он осуждал методы, которыми европейцы распространяли свою цивилизацию «с истреблением народностей, с дикими бесчеловечными мерами»³⁸⁷. Однако подробно свои идеи К.С. Аксаков не развивал.

Данилевский считал, что славяне находятся только в начальном периоде создания своего культурно-исторического типа. Но, чтобы он сформировался, необходимы следующие условия: 1) этническая группа должна иметь один или несколько близких языков; 2) народы, принадлежащие к данному культурно-историческому типу, должны быть независимы; 3) принципы культурно-исторического типа не передаются от одного типа к другому, но влияние может иметь место; 4) каждый из представителей культурно-исторического типа пользуется независимостью, но вместе они составляют федерацию; 5) время формирования или роста культурно-исторических типов продолжительно, но время цветения и плодоношения кратко. Славяне видят для себя опасность в Западе, и именно это заставляет их стремиться к объединению под политическим руководством России³⁸⁸.

Данилевский был убежден, что для всякого славянина «после Бога и его святой церкви – идея славянства должна быть высшей идеей, выше свободы, выше науки, выше просвещения, выше всякого земного блага»³⁸⁹. В создании

³⁸⁷ Молва. Москва. 5.07.1857.

³⁸⁸ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 95–96.

³⁸⁹ Там же. С. 423, 494.

всеславянского культурно-исторического типа Данилевский видел самое верное решение славянского вопроса.

Для того чтобы противостоять Европе и образовать свой культурно-исторический тип славяне должны объединиться. «Всеславянская федерация – вот единственно разумное, а потому и единственно возможное решение восточного вопроса». В нее должны войти: 1. Россия с Галицией и Угорской Русью; 2. Королевство Чехо-моравско-словацкое; 3. Королевство Сербо-хорватословенское с Каринтией и Триестом; 4. Королевство Болгарское с Македонией; 5. Королевство Румынское (Валахия, Молдавия, часть Буковины, половина Трансильвании); 6. Королевство Эллинское; 7. Королевство Магьярское; 8. Царьградский округ. Данилевский полагал, что и поляки должны образовать свою государственную единицу. Слияние их с русскими не желательно. Нужно очистить поляков от чужеродных привычек и затем принять их на равных основаниях в славянскую федерацию³⁹⁰. В нее кроме славян должны были войти румыны, греки, венгры и Константинопольский округ Османской империи. Основой славянского культурно-исторического типа должны стать «православие, славянство, крестьянский надел». Данилевский считал целью славянского культурного типа «удовлетворительное решение общественно-экономической задачи»³⁹¹. Он указывал, что славянская федерация выгодна для всех славян, так как они в ней будут защищены от своих врагов: чехи от немцев, словаки от магьяр, словенцы от немцев, сербы и хорваты от немцев и итальянцев, русские в Галиции от поляков. Да и славяне вне союза (федерации) спорили бы друг с другом: сербы с хорватами и болгарскими, чехи со словаками и т.д.³⁹² Славянский союз

³⁹⁰ Там же. С. 420–428.

³⁹¹ Там же. С. 512, 556.

³⁹² Там же. С. 390–392.

никому бы не угрожал и не стремился к мировому владычеству, наоборот, он стал бы преградой к господству Европы над всем миром³⁹³.

Как сторонники, так и противники взглядов Данилевского отмечали связь его теории со славянофильскими воззрениями. Об этом писал главный славянофильский идеолог того времени И.С. Аксаков, признавший, что книга Данилевского есть явление славянофильской мысли, где автор «совершенно самобытным путем пришел к тождественному учению с Хомяковым и Аксаковым»³⁹⁴. Историк и либеральный политический деятель П.Н. Милюков считал книгу Данилевского новым этапом в развитии славянофильства. Его теория о культурно-исторических типах, по мнению Милюкова, имела практическую задачу, а именно представить проект объединения славян во главе с Россией³⁹⁵. По словам польского историка А. Валицкого, книга Данилевского является «первым и единственным в своем роде систематическим изложением панславизма»³⁹⁶.

В первое время после выхода в свет книга Данилевского не имела успеха. Первое ее издание (1200 экземпляров) разошлось за 15 лет³⁹⁷. Но постепенно интерес к книге возрастал, прежде всего в рядах интеллигенции. Она была переиздана в 1888, 1889, 1895 годах и достаточно успешно распродана.

³⁹³ Там же. С. 448–449.

³⁹⁴ Цимбаев Н.И. Славянофильство. Из истории русской общественно-политической мысли XIX века. М., 1986. С. 90–91.

³⁹⁵ Никитин С.А. Панславистские теории конца 60-х годов и их критика. С. 284–285.

³⁹⁶ Дьяков В.А. Славянский вопрос в общественной жизни дореволюционной России. М., 1993. С. 25.

³⁹⁷ Страхов Н. Предисловие // Данилевский Н.Я. Россия и Европа. СПб., 1888. С. XIX.

Профессор из Новосибирска А.П. Дубнов указывает, что в настоящее время Данилевский в научном мире рассматривается как «признанный предшественник Шпенглера, Тойнби и Сорокина, а его вклад в мировую философию истории, культурологию считается неоспоримым»³⁹⁸. Из этих ученых особое значение для развития мировой историографии имели труды профессора Тойнби, чья популярность среди историков была чрезвычайно велика вплоть до 1960-х годов, а сочинения издавались миллионными тиражами. В своем главном труде «Постижение истории», вышедшем в 12 томах в 1934–1961 гг., он утверждал, что в мире существовала 21 цивилизация. В числе их он рассматривал русско-православную цивилизацию, которая, по его мнению, развивалась под непрерывным внешним давлением сначала с Востока, а затем с XVII в. – с Запада. Тойнби был убежден, что в XXI в. определять историю мира будут Россия, Китай и исламский мир.

О. Шпенглер прославился после издания труда «Закат Европы» (1918). Как и Данилевский он полагал, что каждая культура переживает ряд стадий: рождения, развития и цветения и умирания. Шпенглер полагал, что всякая культура заканчивается цивилизацией, которая является ее завершением. Последняя стадия развития античной культуры (римская) отличалась стремлением к наживе и к расширению для этого своей территории. В то же время для нее были характерны бездушие, отсутствие способности к философии, истории и искусству. У римлян это особенно четко проявилось в IV в. Романо-германская культура, по мнению Шпенглера, подошла к своей конечной стадии в XIX в. Время ее существования он определял X–XX вв. Она не знала истинного христианства, для нее был характерен пафос свободной

³⁹⁸ Дубнов А.П. Вступительная статья // Шпенглер О. Закат Европы. Новосибирск, 1993. С. 5.

деятельности человека. В то же время Шпенглер утверждал, что истинное христианство (Иоанново) характерно для русской культуры и глашатаем его является Достоевский, которого Шпенглер называл святым. Немецкий мыслитель полагал, что русская культура подходит к стадии своего расцвета. Теория Шпенглера вызвала интерес ряда современных философов. Так работу о нем написал российско-американский философ Б.М. Парамонов, отметив в 2018 г. столетие со дня выхода книги «Закат Европы».

Книгу Данилевского пропагандировали русские философы К.Н. Леонтьев и В.А. Розанов. Профессор русской истории в Петербургском университете, создатель знаменитых Бестужевских женских курсов К.Н. Бестужев-Рюмин писал в некрологе на смерть Данилевского, что «он был человек гениальный», а его книга «Россия и Европа» – «одна из тех книг, значение и смысл которых уясняется временем»³⁹⁹. К.Н. Бестужев-Рюмин указывал, что она является систематизацией славянофильского воззрения, что ее цель – доказать возможность славянской культуры и особую историческую роль славянства: «На пути к решению этой задачи стоит предрассудок, который надо победить: в Европе, как и у нас, все уверены в том, что культура только одна непрерывно развивающаяся, причем все прежние культуры являются лишь ничем иным, как ступеньками этого развития»⁴⁰⁰.

В России наиболее последовательным сторонником Данилевского являлся Николай Николаевич Страхов (1828–1896), философ, зоолог, математик, литературный критик. Он был учителем гимназии, преподавал физику, математику, зоологию. В 1889 г. получил звание члена-корреспондента Петербургской академии наук. Последняя его должность – библиотекарь Императорской публичной

³⁹⁹ Там же. С. 78–79.

⁴⁰⁰ Никитин С.А. Панславистские теории конца 60-х годов. С. 264.

библиотеки. Страхов опубликовал очерки о Л.Н. Толстом, Ф.М. Достоевском, Н.В. Гоголе, И.С. Тургеневе. С Достоевским Страхов был особенно близок. Он не только преклонялся перед талантом писателя, но и активно участвовал в журналах «Время» и «Эпоха», которые издавались братьями Ф.М. Достоевским и М.М. Достоевским. Страхов сотрудничал и в изданиях И.С. Аксакова. Сравнивая европейскую и славянскую цивилизации, он приходил к выводу, что европейская цивилизация представляет собою «вершину человечества», в то время как «наша нынешняя цивилизация [...] едва имеет историю». «Мы не можем похвалиться нашим развитием, – утверждал он, – и не смеем ставить себя наряду с другими, более счастливыми племенами». Вместе с тем Страхов был уверен: «Наша культура, хотя менее развитая и определенная, носит в себе залоги такой крепости и такого глубокого и далекого развития, каких может быть не имеет никакая другая культура»⁴⁰¹. В отличие от Данилевского Страхов считал, что славянская цивилизация уже существует и ей принадлежит будущее. Доказательство этого он видел в том, что русский народ сохранил народный дух, который отталкивает «всякое влияние, мешающее его самобытному развитию», а также в создании русскими могущественного государства⁴⁰². Н.Н. Страхов написал предисловие ко второму изданию книги Данилевского, в котором назвал ее «кодексом или катехизисом славянофильства». Он считал ее главным выводом положение о том, что славяне представляют собой только особый культурно-исторический тип, рядом с которым могут существовать и развиваться и другие культурно-исторические типы⁴⁰³.

⁴⁰¹ Страхов Н.Н. Письмо к редактору «Дня» // День. 22.06.1863.

⁴⁰² Никитин С.А. Панславистские теории конца 60-х годов. С. 279–280.

⁴⁰³ Страхов Н.Н. Предисловие // Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. XX, XXV.

Сочувствовал идеям Данилевского и великий русский писатель Ф.М. Достоевский. Они познакомились в кружке М.В. Петрашевского, однако Достоевский понес от правительства более суровое наказание. Четыре года он пробыл на каторге в Омске, потом был солдатом в Семипалатинске. В 1856 г. он был помилован вместе с другими петрашевцами и декабристами в связи с вступлением на престол Александра II. В 1857 г. Достоевский получил полное помилование, включавшее право публикации своих трудов, а в 1859 г. он смог вернуться в Петербург. Но только в 1875 г. Достоевский был полностью освобожден от надзора полиции.

Вместе с братом М.М. Достоевским он издавал журналы «Время» (1861–1863) и «Эпоха» (1863–1865). Во «Времени» он вполне дружелюбно отзывался о газете «День» И.С. Аксакова, с сочувствием писал о славянах, указывал, что Турция должна погибнуть, т.к. она отжила свой век. Но при этом Достоевский справедливо замечал, что «великие державы этого не желают и пуще всего боятся, чтобы угнетенное славянское население не взяло верх над угнетателями». Он так объяснял это: «европейские христиане в Турции принадлежат к одной церкви с нами и к одному с нами славянскому племени, стало быть тяготеют к России, а это не нравится западным державам»⁴⁰⁴. Поездка за границу в 1862 г. (он побывал в Германии, Франции, Италии, Англии, Швейцарии, Австрии) познакомила его с буржуазными порядками, утвердившимися там. Они вызвали у него неприязнь, а идеи утопического социализма, которым он сочувствовал в молодости, его разочаровали. Свои политические взгляды он выражал в серии статей «Дневник писателя», которые публиковал с 1873 г. сначала в журнале «Гражданин» князя А.П. Мещерского, а затем и в других изданиях вплоть до 1881 г.

⁴⁰⁴ Время. 1861. Кн. 3. С. 2–3, 9.

В статье от 1877 г. Достоевский четко выразил свои политические взгляды, которых он придерживался в то время: «Я во многом убеждений чисто славянофильских, хотя может быть и не совсем славянофил». Достоевский различал три вида славянофильства. Первый вид, который, по его мнению, подразумевал В.Г. Белинский, означал «лишь квас и редьку». «Для других, – продолжал он, – (и заметим, для весьма многих, чуть не большинства даже самих славянофилов) славянофильство означает стремление к освобождению и объединению всех славян под верховным началом России – началом, которое может быть даже и не строго политическим. И наконец, для третьих славянофильство, кроме этого объединения славян под началом России означает и включает в себе духовный союз всех верующих в то, что великая наша Россия, во главе объединенных славян скажет всему миру, всему европейскому человечеству и цивилизации его свое новое, здоровое и еще неслыханное слово. Слово это будет сказано во благо и во истину уже в соединение всего человечества новым братским всемирным союзом, начала которого лежат в гении славян, а преимущественно в духе великого народа русского, столь долго страдавшего, столь много веков обреченного на молчание, всех верующих в то, что великая наша Россия, во главе объединенных славян, скажет всему миру, всему европейскому человечеству и цивилизации его свое новое, здоровое и еще неслыханное миром слово. Слово это будет сказано во благо и во истину уже в соединение всего человечества новым братским всемирным союзом, начала которого лежат в гении славян, а преимущественно в духе великого народа русского, столь долго страдавшего, столь много веков обреченного на молчание, но всегда заключавшего в себе великие силы для будущего разъяснения и разрешения многих горьких и самых роковых недоразумений западноевропейской цивилизации. Вот к этому-то отделу убежденных

и верующих принадлежу и я»⁴⁰⁵. Достоевский был уверен, что освобожденные Россией славяне вскоре с упоением кинутся к Европе и заразятся европейскими политическими и социальными формами. Они должны будут пережить длинный период европеизма, прежде, чем поймут хотя бы что-нибудь в призвании славянства в среде человечества. Но когда придет минута какой-нибудь серьезной беды, славяне непременно обратятся к России⁴⁰⁶.

Одновременно теория культурно-исторических типов вызвала критику ряда российских ученых. Так, против нее выступил известный философ В.С. Соловьев, который в статье «Россия и Европа» писал, что Данилевский «стоит всецело и окончательно на почве племенного и национального раздора». Вместе с тем в личном письме к Страхову от 10 ноября 1887 г. он признавался, что так горячо выступает против Данилевского потому, что тот «соорудил некоторое неуклюжее здание, которое стоит на моей дороге»⁴⁰⁷. Его точку зрения поддерживал В.П. Безобразов, указывавший, что «идти дальше в развитии крайностей славянофильского учения и также в национальном самооболащивании невозможно»⁴⁰⁸.

Взглядам Данилевского уделяют внимание и современные ученые – американец Р. Мак Мастер, русский историк Б.П. Балуев, польский ученый А. Валицкий и др. В последних трудах отечественные историки, не касаясь подробно взглядов Данилевского, высказывают о них любопытные замечания. Так С.А. Никитин, подробно изучавший

⁴⁰⁵ Цит. по: Тулаев П. Первые славянофилы и их съезды. М., 2017. С. 153.

⁴⁰⁶ Тулаев П.В. Первые славянофилы и их съезды. С. 153.

⁴⁰⁷ Балуев Б.П. Споры о судьбах России. Н.Я. Данилевский и его книга «Россия и Европа». С. 94.

⁴⁰⁸ Никитин С.А. Панславистские теории. С. 279–280.

панславистские теории в России, считает, что «наиболее интересно у Данилевского именно политическое содержание его доктрины, так как вся его книга политический трактат»⁴⁰⁹.

В.М. Хевролина не считает Данилевского теоретиком воинствующего панславизма и российского империализма. Она указывает, что объединение славян, провозглашаемое им, имело своей целью не наступление, а оборону. Кроме того, у теории Данилевского имелось свое рациональное зерно – стремление доказать жизнеспособность и культурную значимость славянства, прогрессивную роль национального фактора в деле славянского единства⁴¹⁰.

В.Н. Хачатурян отмечает положительные моменты теории Данилевского. Он, по ее мнению, является «одним из первых российских историков, кто стремится представить всемирно-исторический процесс как органическую систему, все звенья которой являются самобытными и вместе с тем взаимодействующими культурными единицами. Данилевский указывал, что цивилизация не только искусство, философия, религия, но и социально-экономические отношения. Исследуя последние, он «развивает идеи, близкие утопическому социализму». Хачатурян подчеркивает, что книга Данилевского была направлена против европейских историков и философов, рассматривавших славян как второстепенные народы. Так, француз Ф. Гизо не включал славян в европейскую цивилизацию, Г. Гегель отводил большинству из них роль неисторических народов, Г. Вебер считал славян способными занимать только место низших классов, призванных находиться в подчинении другим народам. Данилевский выступал против евроцентризма,

⁴⁰⁹ Там же. С. 288.

⁴¹⁰ Хевролина В.М. Власть и общество. Борьба в России по вопросам внешней политики. 1878–1894. М., 1999. С. 140–141.

указывает Хачатурян, признавая важность и других цивилизаций: китайской, американской, индусской и др.⁴¹¹

Если сравнить высказывания о монографии Данилевского российских авторов и авторов из Европы и Америки, то можно увидеть какие его выводы привлекали их внимание. Российские авторы отмечали прежде всего те положения его труда, которые касались России и славян, их будущего, их значения в истории человечества. Европейских ученых привлекала в работе Данилевского та ее часть, в которой он обосновывал существование множества мировых культур, каждая из которых имеет свои преимущества, его отрицание того, что только европейская (романо-германская) культура является высшим достижением человечества и только на нее должны ориентироваться другие народы, стремясь ее принять добровольно или через насилие.

И в настоящее время взгляды Данилевского представляют интерес, ибо до сих пор в политических кругах Запада далеко не изжито убеждение о том, что именно их культура является высшим достижением человеческого развития и именно на нее должны равняться все остальные народы. И стремлением распространить эту культуру они оправдывают свою экспансию по отношению к народам, которые не входят в ее орбиту.

⁴¹¹ Хачатурян В.Н. Н. Данилевский. Европейская цивилизация и Россия // Европейский альманах. М., 1992. С. 65–67.

Славянофилы и русское правительство во время Восточного кризиса 1875–1878 гг.

«Восточный кризис 70-х годов XIX в., – пишет отечественный историк В.М. Хевролина, – является важнейшим событием международной жизни Европы второй половины столетия»⁴¹². С нею согласна С.И. Данченко, которая отмечает: «Восточный кризис, начавшийся летом 1875 г. восстанием в горах Герцеговины, не имел аналогов в предшествовавшей истории Балкан, как по масштабам национальных движений, так и исторических последствий»⁴¹³. Причинами его были: национально-освободительное движение балканских народов против турецкого владычества и стремление европейских государств, прежде всего Австро-Венгрии и Англии, укрепить свои позиции на Балканах, представлявших собой важный торговый путь из Европы в Азию. Восстание подвластных Турции народов грозило их освобождением и созданием там независимых государств, симпатизирующих России. Этого ни в коем случае не желала Австро-Венгрия. Ее канцлер Д. Андраши опасался, что в случае победы восстания Черногория, Сербия, Босния и Герцеговина создадут большое славянское государство под покровительством России, что привело бы к вытеснению Австро-Венгрии с Балкан и стало бы примером для славянских народов Габсбургской монархии, активно борющихся за свои права. Германия

⁴¹² Хевролина В.М. Восточный кризис XIX в. // История внешней политики России, вторая половина XIX в. М., 1997. С. 174.

⁴¹³ Данченко С.И. Начало Великого Восточного кризиса 70-х годов XIX в. и русское общество: проблема отечественной историографии // Славяне и Россия. Исторический контекст и проблемы историографии. М., 2015. С. 209.

чаще всего поддерживала Австро-Венгрию, Францию более всего волновало усиление Германии. Англия решительно не хотела допускать наращивания влияния России в зоне черноморских проливов. Эти державы не желали уничтожения власти Османской империи над балканскими народами. Изменений на Балканах не хотела и Россия. В данный момент она не была готова сразиться с Турцией. Во-первых, она еще не до конца провела военную реформу; во-вторых, в 1874 г. в стране случился неурожай и, в результате, из-за закупок продовольствия для населения, государственная казна опустела. Кроме того, Россия опасалась укрепления на Балканах позиций Австро-Венгрии и Англии, которые стремились взять под свой контроль проливы. Наконец, Александр II считал, что в данный период Османскую империю на Балканах заменить нечем.

В 1860-е годы усилению позиций России на Балканах способствовала деятельность ее посла в Османской империи Николая Павловича Игнатьева (1832–1908). Он служил там с 1864 по 1878 г., сначала в качестве посланника, а с 1867 г. в качестве посла. Игнатьев являлся одним из талантливых русских дипломатов того времени. Он окончил Академию Генерального штаба, затем служил в Лондоне, где пришел к убеждению, что главным врагом России является Англия. В 1857 г. он посетил Вену, Белград, Константинополь, Палестину. В 1858 г. Игнатьев возглавил одну из экспедиций в Хивинское и Бухарское ханства, во время которой изучал деятельность там англичан. В 1861–1864 гг. Игнатьев возглавлял Азиатский департамент МИД. В 1864 г. Горчаков направил его в Турцию, указав проводить там доброжелательную в отношении нее политику.

Игнатьев не был славянофилом. Однако еще в Петербурге он встречался с представителями этого направления русской общественной мысли и вполне разделял их взгляды на балканскую политику правительства: создать

на Балканах независимые государства, симпатизирующие России и через них установить контроль над Проливами⁴¹⁴. В Османской империи он вел активную деятельность. Ему удалось создать там во всех провинциях агентурную сеть. Среди его агентов были не только представители угнетенных народов, но и турецкие чиновники. Игнатьев добился установления хороших отношений с султаном Абдул Азизом. Благодаря дипломату Россия имела значительное влияние в турецких правительственных кругах. Горчаков полностью одобрял деятельность своего посла.

Началу Восточного кризиса положили события на Балканах, когда против турецких властей восстало сербское население сначала Герцеговины, а затем и Боснии. Турки жестоко подавляли выступления повстанцев, сжигая селения, заподозренные в помощи им, и уничтожая их жителей. Тысячи беженцев хлынули через границу в австрийские, сербские, черногорские земли. Однако подавить восстание туркам не удалось.

Сербия и Черногория готовились вступить в войну с Турцией, чтобы поддержать повстанцев. Россия вместе с Австро-Венгрией заставили их воздержаться от этого намерения⁴¹⁵. Однако один из лидеров славянофилов И.С. Аксаков считал, что на согласие сербов и черногорцев не начинать войну с Турцией всерьез полагаться не стоит. В письме к В.А. Черкасскому от 21 сентября 1875 г. он утверждал, что «восстание нисколько не укрощено, а только разгорается», а Сербия и Черногория «не выдержат нейтралитета: чаша терпения так переполнена, что от малейшей капли пойдет через край. Что же будет тогда? Не может же

⁴¹⁴ Хевролина В.М. Сан-Стефано – венец и завершение дипломатической карьеры Н.П. Игнатьева // Российская дипломатия в портретах. М., 1992. С. 244.

⁴¹⁵ Хевролина В.М. Восточный кризис XIX в. С. 175.

Россия позволить Австрии занять Сербию своими войсками. Это было бы началом падения для России [...] Одним словом, если только не удастся дипломатии удержать “status quo” и заставить Герцеговину и Боснию удовольствоваться каким-то нахальным вздором, – быть громам и быть ударам!»⁴¹⁶.

С самого начала Восточного кризиса славянофилы и близкие к ним деятели активно включились в организацию помощи повстанцам и беженцам. Важную роль в этом сыграли И.С. Аксаков и В.А. Черкасский. Об этом свидетельствует их переписка во время Восточного кризиса. За 1875–1878 гг. сохранились 15 писем Аксакова Черкасскому и 9 писем Черкасского Аксакову. В них они не только обменивались мнениями о событиях, но и обсуждали текущие практические дела, например, поставку оружия, необходимость найти врачей и др.⁴¹⁷

К событиям на Балканах не осталась равнодушной и европейская общественность. Многие европейские деятели, сочувствовавшие славянам, горячо откликнулись на страдания христианского населения Боснии и Герцеговины. В Париже 16 (28) августа 1875 г. был учрежден Международный комитет пособия (помощи) семействам и раненым Боснии и Герцеговины, который организовали агент (представитель) славянских комитетов Г.С. Веселитский-Божидарович и русский консул в Дубровнике (Рагузе) А.С. Ионин. В него вошли многие видные европейские деятели, в том числе сербский митрополит Михаил и хорватский архиепископ Й.Ю. Штротсмайер. Члены его вскоре покинули Париж для того, чтобы организовать отделы комитета в Англии, России, Швейцарии, Австро-Венгрии и других европейских

⁴¹⁶ Никитин С.А. Переписка И.С. Аксакова с кн. В.А. Черкасским (1875–1878) // Славянский сборник. М., 1948. С. 145.

⁴¹⁷ Там же. С. 188.

странах. Особенно активную деятельность в организации помощи повстанцам и герцеговинским беженцам развернул Веселитский-Божидарович.

Гавриил Сергеевич Веселитский-Божидарович (1841–1930) происходил из сербской семьи, родоначальник которой перебрался в Россию во второй половине XVIII в. Его дед участвовал в войне с Наполеоном, а отец – в Крымской войне. Сам Гавриил Сергеевич служил сначала в гвардии, а затем – в министерстве иностранных дел. Одновременно он занимался журналистской деятельностью – в 1870-х годах писал статьи в «Московские ведомости», «Голос», «Русскую мысль», «Киевлянку» и др., которые обычно подписывал «Аргус».

В Вене в сентябре 1875 г. Веселитский-Божидарович попытался встретиться с М.Ф. Раевским, но не застал его там. В письме, оставленном ему, Веселитский-Божидарович сообщал о создании Международного комитета в Париже и его планах открыть свои отделы в Петербурге, Лондоне и других городах. Он хотел встретиться с Раевским в Вене, чтобы договориться с ним об открытии там отдела, а также надеялся, что Раевский представит его русскому послу, поскольку деятельность Веселитского-Божидаровича будет проходить по преимуществу в Австро-Венгрии⁴¹⁸. Также он был активен и в России. В Петербург он приехал в январе 1876 г., где как представитель Международного комитета в Париже был принят Горчаковым. Тот призывал его действовать примирительно и успокоительно на вождей герцеговинцев и побудить их подчиниться решениям великих держав⁴¹⁹.

⁴¹⁸ Југословени и Русија: документи из архива М.Ф. Рајевског. 40–80 године XIX века. Београд, 1989. Т. II. Књ. 1. С. 149.

⁴¹⁹ Никитин С.А. Письма и записки Н.А. Киреева о балканских событиях 1876 г. // Славянский сборник. М., 1948. С. 95–96.

Веселитский-Божидарович попытался выступить посредником в переговорах между герцеговинцами и турецким правительством. 18 (30) декабря 1875 г. турецкому правительству была представлена нота Андраши. В ней содержались следующие условия, которые могли бы стать основой для соглашения повстанцев с правительством: 1. Признать свободу вероисповедания для славян в Боснии и Герцеговине; 2. Отменить там откупную систему сбора налогов; 3. Расходовать собранные налоги на нужды жителей этих провинций; 4. Создать комиссию из христиан и мусульман, которая будет следить за проведением реформ. Турецкое правительство согласилось на всё кроме требования расходовать собранные налоги только на нужды Боснии и Герцеговины. На встрече представителей повстанцев с генералом Родичем, австрийским генерал-губернатором Далмации в конце января 1876 г. повстанцы выдвинули дополнительные требования: введение местной автономии для Боснии и Герцеговины, передачу трети их земель в собственность жителей провинций. Делегацию повстанцев по указанию Горчакова возглавлял Веселитский-Божидарович. Он полностью поддерживал требования повстанцев⁴²⁰. Скорее всего эта встреча произошла при содействии Горчакова.

Но главной целью Веселитского-Божидаровича было получение оружия для повстанцев. По этому вопросу он обратился в С.-Петербургский Славянский благотворительный комитет. Согласно дневнику одного из главных его представителей А.А. Киреева, Веселитский-Божидарович сумел договориться со славянскими комитетами и получить

⁴²⁰ Хевролина В.М. Восточный кризис. С. 182; Вяземская Е.К. Восстание в Боснии и Герцеговине и великие державы в 1875–1876 гг. // Международные отношения на Балканах. 1856–1878 гг. М., 1988. С. 257–258.

от Санкт-Петербургского 60 тыс. руб. и 30 тыс. руб. – от Московского. В феврале 1876 г. на эти деньги закупили оружие и отправили его в Герцеговину⁴²¹.

Преданность славянскому делу Веселитский-Божидарович доказал не только организацией сбора помощи для герцеговинских беженцев. Когда в 1876 г. началась война Сербии и Черногории против турок, он отправился в Черногорию и участвовал там в боях, а в 1877 г. в рядах русской Дунайской армии отправился в болгарские земли.

В России сбор помощи герцеговинским беженцам проводили славянофилы, которым активно помогала православная церковь и часто и русские властные структуры. 23 августа 1875 г. Санкт-Петербургский Славянский комитет обратился в министерство иностранных дел России с просьбой разрешить сбор помощи герцеговинцам по всей России. Разрешение было получено, а 25 августа 1875 г. министр внутренних дел разослал по всем губерниям циркуляр с указанием производить в церквях, на гуляниях, в театрах и пр. сборы пожертвований⁴²². Московский Славянский благотворительный комитет стал собирать средства не только для беженцев, но и для повстанцев. Особенно горячо на призыв оказать помощь славянам откликнулись народные массы по всей империи. И.С. Аксаков писал об этом впоследствии: «Две трети пожертвований внес бедный, обремененный нуждою простой народ»⁴²³. Только за период с 21 сентября по 8 октября 1876 г. в Комитет в качестве пожертвованных поступило 811 тыс. руб.⁴²⁴

⁴²¹ Никитин С.А. Письма и записки Н.А. Киреева. С. 96–97.

⁴²² Данченко С.И. Начало Великого Восточного кризиса. С. 214.

⁴²³ Цит по: Нарочницкая Л.И. Россия и национально-освободительное движение на Балканах. 1875–1878 гг. К столетию русско-турецкой войны 1877–1878 гг. М., 1979. С. 25.

⁴²⁴ Там же. С. 27.

Российское общество Красного креста уже осенью 1875 г. послало в Черногорию госпитальный отряд для помощи герцеговинцам, которых много скопилось в Черногории. Во главе его стоял член Санкт-Петербургского Славянского комитета князь Петр Алексеевич Васильчиков. Он пытался ограничиться помощью раненым и больным, но приходилось под напором черногорцев давать средства и бойцам. В мае 1876 г. он вернулся в Россию⁴²⁵.

В России уже в самом начале Восточного кризиса позиция славянофилов относительно помощи славянам расходилась с позицией правительства. 12 октября 1875 г. на заседании Санкт-Петербургского Славянского благотворительного комитета приняли постановление «обратиться ко всем земствам империи с воззванием подать помощь борющимся за независимость». Царь приказал властям принять меры «к обузданию незаконных и неуместных действий комитета», имея в виду его призыв собирать средства для «борющихся за независимость», ибо правительство не желало демонстрировать поддержку повстанцам. Однако комитеты продолжали действовать по-прежнему, полагая, что правительство может использовать общественное мнение в пользу славян для давления на Турцию⁴²⁶. Они продолжали покупать оружие и отправлять его повстанцам. Собранные средства распределялись через консульства, а также агентами славянских комитетов.

20 апреля (2 мая) 1876 г. началось восстание болгар, подготовленное Болгарским революционным центральным комитетом (БРЦК). Центрами его стали Копривштица

⁴²⁵ Никитин С.А. Славянские комитеты в России в 1856–1876 годах. М., 1960. С. 278–280.

⁴²⁶ Хевролина В.М. Восточный кризис. С. 181.

и Панагюриште⁴²⁷. Славянские комитеты отправили болгарам оружие и нескольких русских офицеров, болгар по происхождению. Восстание было подавлено жесточайшим образом к 1 (13) мая: турки сожгли 80 селений и разорили более 200 населенных пунктов⁴²⁸. Основную массу болгарских беженцев приняли Румыния, Сербия и Черногория. Последние стали активно готовиться к войне с Османской империей. Однако русское правительство все еще надеялось ее избежать. Российский консул в Белграде А.Н. Карцев заявил сербскому князю Милану, что Россия не поможет Сербии, если она начнет войну с турками. Тот ответил, что он не может противиться воле народа, который требует выступить против Турции. В июле 1876 г. Сербия и Черногория объявили Турции войну.

После болгарских событий и объявления войны Турции со стороны Сербии и Черногории славянские комитеты усилили сбор средств для помощи раненым и беженцам. Активно занимался этим Московский Славянский благотворительный комитет. При содействии московского генерал-губернатора В.А. Долгорукова в Московской губернии было организовано 20 обществ Красного Креста, собравших 1 500 000 руб. и снаряжено 2 санитарных поезда на 170 человек каждый. Н.Б. Шаховская, заведующая санитарным отрядом, посланным Московским Славянским комитетом в Парачин (Черногория), писала И.С. Аксакову 15 октября (2 ноября) 1876 г.: «Тут раненым и уцелевшим, потерявшим все имущество свое, потребна неумолимая помощь [...] Мольбам, письмам, просьбам нет конца». По просьбе сербского митрополита Михаила русский санитарный отряд в Парачине кроме

⁴²⁷ Козьменко И.В. Апрельское восстание в Болгарии, его значение и международный резонанс // Международные отношения на Балканах. 1856–1878. М., 1988. С. 267–268.

⁴²⁸ Хевролина В.М. Восточный кризис. С. 183.

пяти лазаретов для раненых открыл больницу для беженцев, «гибнувших [...] сотнями от холода, голода, тифа и дизентерии». Помимо этого русские призвали местных священников приехать в Парачин, обещая им теплый кров, врачей и горячее участие. Помимо московского санитарного отряда Шаховской свои санитарные отряды и своих врачей и медицинских работников посылали в Сербию и Черногорию Киев, Харьков, Новгород, Петербург, Дерпт и другие города. Всего в Сербию из России было направлено 115 врачей, 78 фельдшеров, 118 сестер милосердия, 41 студент Медико-хирургической академии. На оказание медицинской помощи Сербии и Черногории за 1875–1878 гг. в России кроме Москвы было собрано около 700 тыс. руб.⁴²⁹

Славянофилы не только собирали помощь для беженцев и повстанцев, но и организовали добровольческое движение. Оно возникло стихийно, значительное число тех, кто хотел идти на борьбу с Османской империей, составляли офицеры из дворянских кругов, но было много и представителей других сословий. Об этом так вспоминал стоявший во главе Московского Славянского комитета И.С. Аксаков: «Я начал вербовку без всякого дозволения правительства. Общество просто завоевало себе это право». Московский Славянский комитет организовал «подобие вербовочного присутствия под председательством одного из своих членов А.А. Параховщикова для приема волонтеров, рассмотрения их просьб и заявлений»⁴³⁰.

В августе волонтеры получили знамя, подобное тому, с каким Дмитрий Донской победил татаро-монгольское войско на Куликовом поле в 1380 г. Оно было послано сербскому

⁴²⁹ Нарочницкая Л.И. Россия и национально-освободительное движение на Балканах. С. 105–107.

⁴³⁰ Цит. по: Нарочницкая Л.И. Россия и национально-освободительное движение на Балканах. С. 29.

князю Милану Обреновичу, который в ответ написал в благодарственном письме: «Это знамя пусть будет отныне залогом вечной любви между двумя родственными народами русским и сербским. Я с чувством глубокой благодарности обращаюсь ко всему доблестному народу русскому, который теперь проникнут одною благородною мыслию помочь своим братьям»⁴³¹.

Активную запись добровольцев вел Санкт-Петербургский Славянский комитет. Агент III Отделения писал 4 сентября 1876 г. начальству, что Петербургский комитет осаждают крестьяне, приехавшие туда на заработки. Чтобы соответствовать предъявляемым к добровольцам требованиям, они обучались у отставного унтер-офицера. Некоторые из них добились своей цели – их записали в добровольцы. Многие хотели поехать на Балканы не заработать, но по идейным соображениям. В Сербию отправлялись также рабочие и не только в качестве солдат: из Тулы, например, в нее была направлена бригада мастеров для починки оружия⁴³².

В добровольческом движении приняли участие и некоторые представители российского революционного движения. «Ни одно социалистическое движение, за исключением самих балканских социалистов, – пишет российский историк В.Я. Гросул, – не проявило к балканским событиям такого интереса, и никто из них не оказал балканским повстанцам такой реальной помощи, как русские революционеры»⁴³³. В.М. Хевролина считает, что некоторые из русских революционеров полагали, что освобождение славян послужит началом к основанию Великой славянской федеративной республики⁴³⁴.

⁴³¹ Там же.

⁴³² Там же.

⁴³³ Цит. по: Данченко С.И. Начало Великого Восточного кризиса. С. 221.

⁴³⁴ Там же. С. 223.

Одним из инициаторов добровольческого движения в России был генерал Михаил Григорьевич Черняев (1828–1898). Он являлся потомственным военным. В 1864–1866 гг. сыграл большую роль в присоединении Туркестана (Хивинского и Бухарского ханств) к России. В 1873–1878 гг. вместе с Р.А. Фадеевым он издавал газету «Русский мир» панславистского направления. В апреле 1876 г. Черняев решил ехать в Сербию. Ему запретили это делать. С помощью И.С. Аксакова он связался с сербским князем Миланом и тайно уехал в Белград. Царь отдал ему приказ вернуться в Россию – Черняев приказу не подчинился. Князь Милан назначил его главнокомандующим сербской армией. Князь Черкасский в письме от 2 мая 1877 г. к И.С. Аксакову характеризовал его следующим образом: «Это человек, навсегда испорченный чрезмерным самолюбием, самомнением и грубейшим тщеславием». Черкасский считал, что у Черняева отсутствуют всякая мера и такт, поэтому его можно использовать только в Азии. «Сам он мыслит о себе, что Россия должна быть теперь у его ног, что без него обойтись невозможно, что он один способен вести эту войну»⁴³⁵. Это мнение сложилось у Черкасского, после долгих разговоров с Черняевым и скорее всего имело основания.

Уже с начала войны сербская армия и отряды добровольцев стали терпеть от турок поражения. Турки вторглись в земли княжества Сербии.

Славянофилы были недовольны политикой правительства. В.А. Черкасский в письме к И.С. Аксакову 8 июля 1876 г. характеризовал ее как безмозглую, безумную, бессердечную. «Мы вновь заварив кашу, – писал он, – под руководством наших берлинских и венских Мефистофелей»⁴³⁶, опять

⁴³⁵ Никитин С.А. Переписка И.С. Аксакова. С. 172.

⁴³⁶ Речь идет о Германии и Австро-Венгрии, с которыми Россия в 1873 г. заключила Союз трех императоров.

предадим славян в самую критическую минуту и сумеем не оставить им другого исхода, как разве лишь кинуться в объятия Англии. Как это сделали мы уже по отношению к грекам»⁴³⁷. Черкасский, в отличие от Аксакова, главного врага России видел в Англии, а не в Австро-Венгрии. В этом он был солидарен с Н.П. Игнатьевым и другими видными русскими дипломатами.

Санкт-Петербургский Славянский комитет послал в Румынию своего представителя В.С. Ионина, брата русского консула в Дубровнике А.С. Ионина, для организации там с помощью Болгарского революционного центрального комитета (1869–1876) отрядов из болгарских эмигрантов и беженцев. Несмотря на разногласия в среде болгарских эмигрантов, ему удалось это сделать и отправить несколько болгарских отрядов в Сербию.

Летом 1876 г. царь понял, что войны с Турцией России не избежать. Он решил обеспечить хотя бы нейтралитет европейских держав. Наиболее сложным это было сделать в отношении Австро-Венгрии. 3 (15) августа в Рейхштадте России пришлось подписать соглашение с Австро-Венгрией, по которому последняя обещала придерживаться нейтралитета, если получит право оккупировать Боснию и Герцеговину. Это соглашение оставалось в тайне от многих русских дипломатов, в том числе от Игнатьева. В сентябре 1876 г. царь вызвал английского посла и объявил ему, что Россия не претендует на Константинополь и не будет действовать против интересов Англии. В сентябре же 1876 г. началась мобилизация армии. События ускорили неудачи Сербского княжества в войне с Турцией. 31 октября 1876 г. Игнатьев предъявил Турции ультиматум, требуя прекращения военных действий против Сербии, угрожая в противном случае вторжением 200-тысячной русской армии в турецкие

⁴³⁷ Никитин С.А. Переписка И.С. Аксакова. С. 149–150.

владения. На следующий день Порты согласилась заключить перемирие на два месяца, а 16 февраля 1877 г. между Турцией и Сербией был подписан мирный договор, по которому все оставалось так, как было до войны.

В декабре 1876 г. в Константинополе была проведена конференция послов европейских держав. Игнатьев составил план требований к Турции. Согласно ему Болгария делилась на две части – Западную и Восточную, которые получали автономию, а их губернаторами назначались христиане. Босния и Герцеговина также получали автономию. Сербия и Черногория расширяли свои границы. Эти требования были одобрены всеми послами благодаря тому, что Игнатьеву удалось привлечь на свою сторону английского посла⁴³⁸.

4 (16) апреля 1877 г. Россия заключила конвенцию с Румынией о совместном выступлении против Турции. Однако в мае 1877 г. русское правительство все же попыталось урегулировать вопрос мирным путем. Но попытка Игнатьева сделать это не удалась. 30 мая 1877 г. султан Абдул Азиз был свергнут с престола, а 4 июня погиб. К власти в Османской империи пришли деятели, не желавшие идти на компромисс с Россией.

30 мая в Главной квартире русской армии произошло совещание во главе с Александром II. На нем присутствовали князь В.А. Черкасский, Д.А. Милютин (военный министр России в 1861–1881 гг.), А.А. Непокойчицкий (генерал, член Военного и Государственного советов), Н.П. Игнатьев. Обсуждался болгарский вопрос. Было решено, что Болгария будет единой в границах расселения болгар и что она получит автономию. П.А. Шувалов, русский посол в Лондоне, передал это английскому правительству – оно не возражало⁴³⁹.

⁴³⁸ Хевролина В.М. Сан-Стефано – венец и завершение дипломатической карьеры Н.П. Игнатьева. С. 247–248.

⁴³⁹ Хевролина В.М. Восточный кризис. С. 196.

12 (24) апреля 1877 г. царь, находившийся в то время в Кишиневе, издал манифест, в котором объявлялась война Турции. Союзниками России выступали Черногория и Румыния. Генерал Н.Н. Обручев, автор стратегического плана ведения войны, так определял ее цель: «Безусловное уничтожение владычества турок на Балканах»⁴⁴⁰. Патриотический подъем в России был огромен, он охватил все слои русского общества. На нужды армии было собрано 14 млн руб.⁴⁴¹ «Всеобщий восторг не имел границ, – вспоминал видный славянофил А.И. Кошелев. – Общее воодушевление было таково, что оно напоминало 1812 год»⁴⁴². По словам В.М. Хевролиной «российское общество в едином порыве решительно потребовало от правительства оказания помощи братским народам вплоть до военного выступления»⁴⁴³.

Радость охватила и зарубежные славянские народы. «Весь славянский мир, – писала газета словенских либералов *Slovenski narod* («Словенски народ»), – с воодушевлением и великими надеждами, с великой верой и с горячими пожеланиями самых больших успехов приветствует русскую освободительную армию, которая в день св. Юрия перешла Прут, чтобы уничтожить врага, четыреста лет державшего в рабстве и страшной неволе наших болгарских и сербских братьев [...] Каждый словенец и каждый славянин знает и чувствует, что нашей будет родственная кровь,

⁴⁴⁰ Там же. С. 195.

⁴⁴¹ Там же. С. 194.

⁴⁴² Кошелев А.И. Записки Александра Ивановича Кошелева (1812–1883 годы). Берлин, 1884. С. 228.

⁴⁴³ Хевролина В.М. Проблема «Россия и славянский мир» в русской общественной мысли до начала 70-х гг. XIX в. // В «интерьере» Балкан. Юбилейный сборник в честь Ирины Степановны Достян. М., 2010. С. 264.

которая прольется в Болгарии, что успех русского оружия есть успех всего славянства, то есть также и наш»⁴⁴⁴.

15 июля 1877 г. русские войска форсировали Дунай и вступили на территорию Болгарии. Северная часть ее, вплоть до Балканского хребта, была освобождена. Начальником Главного управления гражданской частью в Болгарии был назначен по рекомендации Милютина князь В.А. Черкасский. Это назначение приветствовал И.С. Аксаков. 11 июля 1877 г. он писал княгине Е.А. Черкасской, что ее мужу выпала историческая роль «положить основы, класть фундамент политическому и социальному бытию целого народа, быть представителем не только русской власти, но и русской мысли, русских социальных начал по крайней мере в поземельном устройстве, – и водворителем и совершителем освобождения в жизни и быту народа после пятивекового рабства»⁴⁴⁵.

Владимир Александрович Черкасский (1826–1878) являлся одним из тех славянофильских деятелей, которые активно участвовали в формировании внутренней и внешней политики государства. Он окончил юридический факультет Московского университета, где на него большое влияние оказали лекции профессоров М.П. Погодина и О.М. Бодянского. В начале 1850 г. он окончательно поселился в Москве, где сразу же примкнул к кружку славянофилов. Участвовал в разработке крестьянских реформ в России (1861) и Польше (1863), выступая за освобождение крестьян с землей при отмене крепостного права. В 1869–1871 гг. Черкасский являлся городским головой Москвы. Восточный вопрос заинтересовал его уже по окончании Крымской войны. Черкасский был убежден, что с решением Восточного (турецкого) вопроса связаны будущее Греции, славянских

⁴⁴⁴ Slovenski narod. Ljubljana. 27.04.1877.

⁴⁴⁵ Никитин С.А. Переписка И.С. Аксакова. С. 176–177.

племен, Турции, румынского народа, участь Австрии, Италии, будущее устройство Германии, союз России с Францией, владычество Англии в Средиземном море. Уже в то время он предвидел союз против России Австрии и Англии, а после июльского переворота (т.е. после революции 1848 г.) переход в число врагов России и Франции⁴⁴⁶.

Когда началась русско-турецкая война 1877–1878 гг., Черкасский стал уполномоченным Общества Красного Креста. Он сумел организовать транспортировку раненых, чем спас жизнь многим солдатам, сражавшимся под Плевной и на Шипке. После назначения его главой Главного управления гражданской частью в Болгарии перед Черкасским встала задача организации мирной жизни в освобожденных районах. Одним из важнейших постановлений Черкасского было разрешение крестьянам убирать урожай с наделов, принадлежавших отступившим с османской армией туркам. Его циркуляр от 4 ноября 1877 г. постановлял, что болгарские беженцы могут засеивать оставленные турками земли. Помимо этого Черкасский провел административную реформу, согласно которой в освобожденных округах создавались параллельно русское военное и местное болгарское управления. Не всегда между ними складывались нормальные отношения, поскольку отсутствовала их официальная регламентация. Так, в Тырновском округе отношения между ними складывались позитивно, а в Габровском глава русского управления не считался с болгарским управлением⁴⁴⁷.

Черкасский выступал не только как серьезный реформатор, но и как мужественный офицер. Когда в конце июля 1877 г. турецкие войска сумели занять часть болгарской территории, прежде освобожденной русскими войсками,

⁴⁴⁶ Черкасский В.А. Два слова по поводу восточного вопроса // Русская беседа. 1858. № 4. С. 66, 68.

⁴⁴⁷ Хевролина В.М. Восточный кризис. С. 199–200.

Главная квартира вместе с основными частями русской армии передвинулась ближе к Плевне, покинув Тырново. Упорные бои продолжались только у Шипкинского перевала, где русские солдаты вместе с болгарским и румынским ополчением сопротивлялись натиску турок. Тырново, оставленному основными русскими силами, грозил захват османскими частями. Помимо местных жителей в Тырновском округе скопилось множество беженцев. Черкасский не оставил город. Вместе с несколькими русскими унтер-офицерами он организовал отряд из 300 молодых болгар, которых обучали азам военного искусства. Этот отряд должен был дать отпор наступающим на город туркам. В отличие от молодых болгар, готовых сражаться до конца, некоторые болгарские национальные деятели повели себя трусливо. В письме от 28 июля 1877 г. И.С. Аксакову Черкасский так описывал этот случай: «Мой друг Балабан (болгарский национальный деятель М. Балабанов. – *И.Ч.*), главный депутат болгарский, странствовавший по всей Европе и мною назначенный вице-губернатором в Тырнове, совсем раскис, плакал как ребенок, просил позволения уехать в Вену». Черкасский его не отпустил, и тот постепенно оправился от испуга. Не лучше себя вели и два представителя Московского Славянского комитета Д.А. Хомяков и А.А. Нарышкин, которых Аксаков прислал в помощь Черкасскому и которых тот характеризовал как лентяев и неумех. Они тоже постарались поскорее оставить Тырново. Помимо организации обороны Черкасский должен был обеспечить продовольствием толпы голодных и бедных людей, которые хлынули в Тырновский округ. На это он получил 1 908 руб. Многие из этих болгар уничтожали турецкое имущество после занятия русскими войсками их поселений, и они очень боялись мести турок⁴⁴⁸.

⁴⁴⁸ Никитин С.А. Переписка И.С. Аксакова. С. 182, 184.

За время пребывания в Болгарии Черкасский подготовил записку об управлении освобожденными территориями, которую одобрил Александр II. Она легла в основу первой болгарской конституции 1879 г.

После падения Плевны 28 ноября 1877 г. победа России была окончательно предрешена. Русские войска стали стремительно приближаться к Константинополю. В начале января 1878 г. в Адрианополь был направлен для заключения мира Н.П. Игнатьев. Черкасский вместе с Игнатьевым присутствовал при обсуждении и подписании предварительного Сан-Стефанского мирного договора, заключенного 19 февраля (3 марта) 1878 г. Несомненно он участвовал в составлении текста этого документа. В день его подписания в Сан-Стефано Черкасский умер.

Сан-Стефанский мирный договор подписали со стороны России граф Н.П. Игнатьев и будущий русский посол в Турции А.И. Нелидов, со стороны Турции – министр иностранных дел Савфет-паша и турецкий посол в Германии Саадуллах-паша. Согласно договору, Сербия, Черногория и Румыния становились полностью независимыми, Босния и Герцеговина получали автономию. Вновь создававшееся государство Болгария включало в свой состав все области, населенные болгарами, в Мезии, Фракии, Македонии. Ее территория простиралась от Черного моря до Охридского озера и от Дуная до Эгейского моря. Болгария получала широкую автономию, два года она должна была находиться под русским управлением. К России отходила часть Бессарабии, часть Черноморского побережья с Батуми.

Против Сан-Стефанского мирного договора резко выступили европейские державы, прежде всего Австро-Венгрия и Англия. 1(13) июня – 1(13) июля 1878 г. в Берлине состоялся конгресс, на котором Англия, Австро-Венгрия, Германия и Франция выступили единым фронтом против Сан-Стефанского договора. Россия должна была уступить.

По заключенному Берлинскому трактату Сербия, Черногория и Румыния получали независимость. Болгария же, по сравнению со Сан-Стефанским договором, теряла многое. Европейские страны не желали образования на Балканах крупного государства, симпатизирующего России. Болгарские земли были разделены на три части. Болгарское княжество с центром в Софии простиралось до Балканского хребта. Оно находилось в вассальной зависимости от Турции, однако в нем в течение девяти месяцев оставались русские войска. К югу от Балканского хребта создавалась Восточная Румелия с центром в Филиппополе, которая входила на правах автономии в Османскую империю. Македонские земли оставались под полной властью Турции, как и Албания и Фракия. К Сербии отошла часть Добруджи, на которую претендовали болгары. Черногория увеличила свою территорию почти в три раза. Этим великие державы привлекли на свою сторону Сербию и Черногорию. Вместе с тем Австро-Венгрия получила право оккупировать Боснию и Герцеговину.

Таким образом, в Берлинском трактате 1878 г. были параграфы, очень невыгодные для России и болгар. Русская дипломатия должна была уступить, ибо в противном случае России пришлось бы столкнуться с военными действиями со стороны Англии и Австро-Венгрии. Австро-Венгрия подтянула свои войска к границам Боснии и Герцеговины. Англия в мае 1878 г. заключила тайный договор с Турцией (Кипрскую конвенцию), которая позволяла ей оккупировать Кипр в обмен на помощь в случае нападения на нее какого-нибудь государства (подразумевалась Россия). В таких условиях Россия, обескровленная войной с Турцией, не могла не пойти на уступки. Отношение к Берлинскому трактату российского правительства ясно выразил Д.А. Милютин. «Как бы ни были они (уступки Европе. – И.Ч.) для нас неприятны, – писал он в дневнике, – все-таки

нельзя никак сказать, что война велась нами без результата. Огромный шаг будет сделан в историческом ходе Восточного вопроса. Начатое нами дело несомненно довершится самой силою вещей. Автономная Болгария послужит ядром для будущего объединения всего болгарского народа в одно самостоятельное государство»⁴⁴⁹.

Заключение под напором западных держав Берлинского трактата, который значительно изменил Сан-Стефанский мирный договор, вызвало резкое недовольство славянофилов, которое четко выразил в речи 25 июня 1878 г. на заседании Московского Славянского благотворительного общества (так с 1876 г. стал называться Московский Славянский благотворительный комитет. – И.Ч.) И.С. Аксаков. Эта речь, по словам российского историка Н.И. Цимбаева, отразила «настроение определенной части дворянско-буржуазного общественного мнения»⁴⁵⁰. В ней Аксаков заявил, что «Русь – победительница сама добровольно разжаловала себя в побежденную». И далее Аксаков делал вывод: «Кривде и наглости Запада по отношению к России и вообще к Восточной Европе нет ни предела ни меры», решения Берлинского договора направлены не только против славян, но и против русского народа⁴⁵¹. В неудаче России на Берлинском конгрессе Аксаков обвинил русские дипломатические круги.

Выступление Аксакова вызвало бурную реакцию со стороны царя. 21 июля по приказу Александра II Московское Славянское благотворительное общество было запрещено, а сам Аксаков выслан из Москвы.

Невозможность дальнейшего сотрудничества славянофилов с властями определил А.И. Кошелев, очень

⁴⁴⁹ Хевролина В.М. Восточный кризис. С. 217.

⁴⁵⁰ Цимбаев Н.И. И.С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. М., 1978. С. 241.

⁴⁵¹ Там же.

недовольный как Берлинским трактатом, так и действиями правительства против Московского Славянского общества. «Особенно расстроило и огорчило меня, – писал он спустя несколько лет, – известие из Москвы о закрытии Славянского комитета и о высылке из Москвы И.С. Аксакова. Славянский комитет и еще более И.С. Аксаков были очень неприятны Петербургской власти, и она воспользовалась его речью, чтобы прихлопнуть первый и выпроводить последнего из Москвы»⁴⁵².

Помимо славянофилов, многие представители русской общественности, особенно из числа военных и дипломатов, были согласны с позицией Аксакова, в частности, известный журналист М.Н. Катков. Большое недовольство вызвало закрытие Московского Славянского общества, как органа, «через который само правительство русское проявляло свое сочувствие и покровительство славянам»⁴⁵³.

После речи И.С. Аксакова и ответа на нее властей сотрудничество славянофилов с министерством иностранных дел прекратилось.

Славянофилы Киреевы

Славянофилы стали привлекать внимание советских историков уже перед началом Великой Отечественной войны. Их доктрина объединения славян в борьбе против немецкого наступления вполне отвечала запросам времени, когда фашисты объявили славян неполноценным народом, который должен полностью подчиниться немцам или быть уничтоженным.

Однако чаще всего изучение славянофильства ограничивалось рассмотрением взглядов узкого круга наиболее известных лиц. Об этом прямо писал А.С. Курилов в начале 1980-х годов, перечисляя ранних славянофилов: А.С. Хомяков, И.В. и П.В. Киреевские, К.С. и И.С. Аксаковы, А.И. Кошелев, Ю.Ф. Самарин. Он высоко оценивал их деятельность, подчеркивая: «Славянофилы входили в единую со всеми передовыми и прогрессивными силами России того времени оппозицию царскому правительству»⁴⁵⁴.

Практически тот же круг лиц перечисляет и один из серьезных исследователей славянофильства Н.И. Цимбаев: А.С. Хомяков, И.В. и П.И. Киреевские, К.С. и И.С. Аксаковы, Ю.Ф. Самарин, Ф.В. Чижов. Он подчеркивает, что они «были незаурядными участниками идейной борьбы, их деятельность оставила заметный след в русской истории»⁴⁵⁵.

Вместе с тем помимо этих известных идеологов славянофильства существовал и круг их единомышленников, которые не сыграли в развитии этого движения такой большой роли, но долгие годы безвозмездно служили их идеалам. К их числу принадлежат Александр Алексеевич, Ольга

⁴⁵² Кошелев А.И. Записки. С. 235.

⁴⁵³ Цит по: Цимбаев Н.И. И.С. Аксаков. С. 244.

⁴⁵⁴ Курилов А.С. Константин и Иван Аксаковы // Аксаков К.С., Аксаков И.С. Литературная критика. М., 1982. С. 6–7.

⁴⁵⁵ Цимбаев Н.И. Славянофильство. Из истории русской общественно-политической мысли XIX века. М., 1986. С. 3.

Алексеевна и Николай Алексеевич Киреевы. Они родились в семье генерала Алексея Николаевича Киреева, личного друга императора Николая I, который был крестным отцом всех его детей. Матерью их была известная красавица Александра Васильевна Алябьева. В московском доме Киреевых она создала модный салон, ставший одним из культурных центров Москвы. Там нередко собирались прогрессивные деятели, являвшиеся сторонниками отмены крепостного права в России, многие из них были славянофилами. К Киреевым нередко заходили такие видные деятели как А.С. Хомяков, И.В. Кириевский, Ю.Ф. Самарин, К.С. и И.С. Аксаковы и др. Задолго до отмены крепостного права А.Н. Киреев составил проект освобождения крестьян от крепостной зависимости. Перед его смертью в 1849 г. его посетил Николай I, которому он передал свой проект⁴⁵⁶. Вместе с тем, будучи горячим патриотом России и убежденным славянофилом, он одновременно являлся поклонником английских порядков (англоманом). А.Н. Киреев, его жена и все его дети прекрасно владели английским языком. Спустя много лет, будучи очень пожилым человеком, Александр Алексеевич Киреев писал в своих воспоминаниях: «Уроженец Москвы, воспитанный под влиянием славянофильского кружка, я с молодых лет привык смотреть на славянофильство как на систему, безусловно удовлетворяющую всем религиозным (этическим), философским и политическим потребностям культурного, патриотически настроенного русского общества»⁴⁵⁷. В тех же настроениях были воспитаны Ольга и Николай.

⁴⁵⁶ Стэд В.Т. Депутат от России (воспоминания и переписка Ольги Алексеевны Новиковой). Пг., 1915. Т. 2. С. 4–5.

⁴⁵⁷ Цит. по: Соколовская О.В., Чуркина И.В. Переписка греческой королевы Ольги Константиновны Романовой с генералом А.А. Киреевым // Славяноведение. 1995. № 6. С. 61.

Старший сын Киреевых Александр родился 23 октября (4 ноября) 1833 г. в Москве. После смерти отца он по личному указанию Николая I вместе с братом Николаем был определен в Пажеский корпус. После его окончания был переведен в лейб-гвардии Конный полк. Но с началом Крымской войны А.А. Киреев перешел в армейскую часть, поскольку желал отправиться на фронт, а лейб-гвардии Конный полк оставался в Петербурге. А.А. Киреев отличился в боях и получил несколько орденов. В 1856–1859 гг. он являлся вольным слушателем Петербургского университета.

С 1862 г. А.А. Киреев был назначен адъютантом великого князя Константина Николаевича (1833–1891), слывшего сторонником помощи славянам. О его сочувствии славянам знали и зарубежные славянские деятели. Как говорилось выше, глава словацких национальных деятелей Людовит Штур перед смертью просил протоиерея русской посольской церкви М.Ф. Раевского передать свой труд «Славянство и мир будущего», который он писал тайно, великому князю Константину Николаевичу⁴⁵⁸. Это был первый панславистский трактат. С ним еще до его опубликования В.И. Ламанским⁴⁵⁹ познакомились некоторые российские славянофилы и зарубежные национальные славянские деятели.

С этого времени А.А. Киреев активно включается в общественную и политическую жизнь России. Константин Николаевич являлся продолжительное время наместником Царства Польского. А.А. Киреев принимал участие в подавлении польского восстания 1863 г., а также в проведении там крестьянской реформы. Его очень волновало отрицательное отношение польской интеллигенции к русским. Главную причину этого он видел в разности вероисповедания поляков

⁴⁵⁸ Матула В. Людовит Штур и Россия // Ludovit Stur und die slawische Wechselseitigkeit. Bratislava, 1969. S. 365.

⁴⁵⁹ Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1867.

и русских – у поляков католического, у русских православного. И желание ликвидировать это различие оказало большое влияние на последующую деятельность А.А. Киреева.

Вместе с Константином Николаевичем А.А. Киреев принимал активное участие в общении со славянами, приехавшими в Москву на Всероссийскую этнографическую выставку и Славянский съезд в 1867 г. Наиболее близкие отношения у них сложились с чешскими лидерами: Ф. Палацким и Ф. Ригером, которые активно стремились к общению с Константином Николаевичем. Дело в том, что чешские лидеры пытались привлечь его к своим планам. В начале 1867 г. Габсбургская монархия была преобразована в дуалистическое государство Австро-Венгрию, в котором часть славян (чехи и словенцы) оставалась под властью Вены, а хорваты, словаки и воеводинские сербы отходили к Будапешту. Славянские политики Габсбургской монархии решительно были против этого, они выступали за федерализацию страны. Борьбу против дуализма возглавили чехи. Ригером был создан так называемый Константинов план, предусматривавший основание Западно-славянской империи. Эта империя должна была включать славянские земли к западу от Вислы, то есть чешские и польские, во главе ее должен был встать сын Константина Николаевича Вячеслав (Вацлав).

Проект создания Западнославянской империи чехи обсуждали на первой встрече с Константином Николаевичем, которая произошла в Петербурге 12 мая 1867 г. На ней присутствовали Константин Николаевич, А.А. Киреев, Ф. Палацкий, Ф. Ригер и Э. Вавра, младочех, исполнявший роль переводчика. Никаких официальных источников об этой встрече не сохранилось, о ней известно только из воспоминаний Вавры и дневника А.А. Киреева⁴⁶⁰.

⁴⁶⁰ Никитин С.А. Славянские комитеты в России в 1858–1876 годах. М., 1960. С. 196–197.

Чехи еще раз были в гостях у великого князя, неоднократно встречались с его адъютантом и доверенным лицом А.А. Киреевым. Последний в своем дневнике указывал, что великий князь отметил разницу в стремлениях чехов и галичан: чехи обосновывали свои требования историческим правом, галичане же стояли на этнической почве, поскольку историческое право вело бы их к подчинению полякам. Сам Киреев старался внушить своим собеседникам мысль об отсутствии у России желания поглотить славян⁴⁶¹. Встречи с Константином Николаевичем произвели на чехов благоприятное впечатление.

О переговорах чехов с великим князем знал Александр II и очевидно одобрял Константинов план. Во время приема славян 14 мая в Царском селе он и императрица Мария Александровна особое внимание уделили чехам: царь имел личный разговор с Палацким и Ригером, царица оказала внимание Палацкому⁴⁶².

Константинов план не мог осуществиться хотя бы потому, что против него решительно выступила польская эмиграция. Правда, еще в 1868 г. при подготовке празднования юбилея Я. Гуса Ригер поднял вопрос о франко-российском союзе, с помощью которого он мечтал осуществить урезанный Константинов план: создать Чешское королевство во главе с Вячеславом Константиновичем⁴⁶³.

Во время Славянского съезда не раз поднимался вопрос о планах России по отношению к славянам. А.А. Киреев был решительно против выступлений М.Н. Каткова относительно принятия единого языка всеми славянами. В своем дневнике 30 мая он записал, что требование Каткова о едином языке он считает немыслимым. «Стремиться к этому

⁴⁶¹ Там же.

⁴⁶² Там же. С. 195.

⁴⁶³ Там же. С. 240.

значило бы дать лучшее оружие в руки клеветников, обвиняющих нас в желании поглотить славян. Мы не должны идти далее освобождения и защиты славян, их автономии – в этом заключается вся наша программа [...] если эти славянские земли и будут вполне самостоятельны, то все же они не будут нам враждебны как теперь Австрия и Турция»⁴⁶⁴. Однако мысли о панславизме не были ему чужды. В своем дневнике он писал: «Панславизм далеко не состоит в поглощении славян Россией, а в добровольном соединении славян с Россией, т.е. федерации, при которой каждому славянскому народу предоставлена была бы полнейшая возможность полного и свободного развития, но при этом необходимое условие – политическая терпимость и нежелание властвовать над другими народами»⁴⁶⁵. Этих взглядов А.А. Киреев придерживался до конца жизни.

А.А. Киреев принимал активное участие в создании Санкт-Петербургского отделения Славянского благотворительного комитета. И в дальнейшем он участвовал в его работе. Так на заседании в мае 1869 г. обсуждался вопрос о предстоящем праздновании в Чехии юбилея Яна Гуса. Было решено издать на русском языке популярную брошюру о нем. На это А.А. Киреев и М.А. Посохов пожертвовали по 100 руб.⁴⁶⁶

В 1870 г. произошли важные события в католической церкви: под нажимом папы Пия IX 6 (18) июля Ватиканский собор принял догмат о непогрешимости папы. Против этого на соборе выступило несколько епископов из немецких земель, а также хорватский архиепископ Й.Ю. Штротмайер.

⁴⁶⁴ Никитин С.А. Славянские съезды шестидесятых годов XIX в. // Славянский сборник. М., 1948. С. 67.

⁴⁶⁵ Он же. Шестидесятые годы. Панславистские теории и их критика // Славяне и Россия. К 110-летию со дня рождения С.А. Никитина. М., 2013. С. 271.

⁴⁶⁶ Русский вестник. Современная летопись. 04.05.1869.

Наиболее резко осуждал этот догмат профессор истории Мюнхенского университета Игнатий Деллингер. 28 марта 1871 г. на Первом старокатолическом конгрессе в Мюнхене он открыто заявил, что «как христианин, богослов, историк и гражданин» он отвергает догмат о непогрешимости папы. На конгрессе была принята программа, в которой признавались права папы (его называли в ней «римский епископ»), которые он имел до принятия догмата о непогрешимости папы. На конгрессе присутствовал профессор православного богословия в Санкт-Петербургской духовной академии И.Т. Осинин. Его целью было узнать, что собою представляет старокатолическое движение. По его словам, его встретили хорошо. Он несколько раз беседовал с Деллингером. Тот признавался, что его пугает два момента в русском православии: отношение православной церкви к польскому духовенству и отношение русского правительства к внутренним делам русской церкви⁴⁶⁷.

25 марта 1872 г. был основан Петербургский отдел Общества любителей духовного просвещения. Его целью объявлялось: распространение здравых понятий о православии в обществе, поддержание отношений с зарубежными православными церквями, распространение на Западе правильного понимания православия. Имелась и негласная цель – содействие объединению православной и католической церквей. В числе 40 лиц, подписавших программу, были великий князь Константин Николаевич, И.Т. Осинин, протоиерей И.Л. Янышев, адъютант великого князя А.А. Киреев, а также представители знати и высшего духовенства⁴⁶⁸.

⁴⁶⁷ Осинин И.Т. Старокатолическое движение и Мюнхенский церковный конгресс // Христианское чтение. 1871. Ч. II. С. 177–179.

⁴⁶⁸ Чуркина И.В. К вопросу о попытке объединения старокатолической церкви с православной // Церковь в истории славянских народов. М., 1997. (Балканские исследования. Вып. 17). С. 249.

Второй конгресс старокатоликов произошел 20–22 сентября 1872 г. в Кельне. На нем присутствовали в качестве представителей православной церкви: А.А. Киреев, И.Л. Янышев, православный священник из Висбадена В. Точилин. На этом конгрессе были сделаны первые шаги к организации объединения православной и старокатолической церквей. Так была создана комиссия из представителей всех христианских церквей, которая должна была подготовить это объединение. В 1873 г. она разделилась на две части – мюнхенскую, которая должна была подготовить объединение старокатолической церкви с англиканской, и боннскую, которая готовила объединение старокатолической и православной церквей. В боннской комиссии трудились русские богословы. Они составили перечень различий между католиками и православными. На конференциях боннской комиссии в сентябре 1874 г. и в августе 1877 г. было решено, что объединение может произойти на основе признания догматов первых семи вселенских соборов христианской церкви, принятых до ее разделения⁴⁶⁹.

Деятельность А.А. Киреева по объединению церквей была прервана началом Восточного кризиса, начавшегося в 1875 г. с восстания сербов против турок сначала в Герцеговине, а затем и в Боснии. Это восстание вызвали жестокие меры турок против местного населения: они сжигали сербские поселения, уничтожая их жителей, тысячи беженцев хлынули в Сербию, Черногорию, Австро-Венгрию. Повстанцы вынуждены были уйти в горы. Европейская общественность не осталась равнодушной. 16 (28) августа 1875 г. в Париже был учрежден Международный комитет пособия (помощи) семействам и раненым Боснии и Герцеговины. Его создателями стали агент славянских комитетов, журналист

⁴⁶⁹ Киреев А.А. Третий Международный конгресс старокатоликов // Богословский вестник. 1894. Октябрь. С. 122–139.

Г.С. Веселитский-Божидарович и русский консул в Дубровнике (Рагуза) А.С. Ионин. В состав комитета вошли многие видные европейские деятели, в том числе сербский митрополит Михаил и хорватский архиепископ Й.Ю. Штросмайер. Члены Международного комитета разъехались по европейским городам для создания там его филиалов. В Вену и Санкт-Петербург отправился Веселитский-Божидарович. При его активном участии Санкт-Петербургское Славянское благотворительное общество организовало Герцеговинскую комиссию по сбору пожертвований в пользу повстанцев. Ее возглавил А.А. Киреев. Ему помогал его младший брат Николай Алексеевич Киреев.

Николай Алексеевич Киреев, младший сын А.Н. Киреева и А.В. Алябьевой, родился в Москве 10 (22) августа 1841 г. После смерти отца он вместе с братом Александром был определен в Пажеский корпус, по окончании которого стал офицером лейб-гвардии Конного полка. С 1868 г. – член Санкт-Петербургского Славянского благотворительного комитета. В нем он вел определенную работу. Так в 1870 г. он сделал разовое пожертвование на открытие женской гимназии в Сараеве⁴⁷⁰. В 1870 г. было закончено строительство православной церкви в Сараеве, начатое там с разрешения турецкого правительства в 1859 г. Н.А. Киреев пожертвовал ей серебряную утварь⁴⁷¹.

В 1875 г. Н.А. Киреев вышел в отставку и полностью посвятил себя организации помощи славянам. Он разъезжал по всей России, агитируя за поддержку герцеговинцев и создание местных отделов Славянского комитета. Приезд в январе 1876 г. в Петербург Веселитского-Божидаровича, который старался приобрести оружие для повстанцев,

⁴⁷⁰ Мельчакова К.В. Босния и Герцеговина в общественно-политической жизни России в 1856–1875 гг. М., 2019. С. 161.

⁴⁷¹ Там же. С. 226.

а также узнать отношение русского МИД к событиям в Герцеговине, усилил интерес Петербургского Славянского комитета к событиям в Герцеговине. Разговор Веселитского-Божидаровича с Горчаковым закончился безрезультатно. Александр Михайлович рекомендовал действовать на руководителей повстанцев в примирительном и успокоительном духе, чтобы они подчинялись решению европейских держав⁴⁷². Здесь речь шла о ноте Андраши, представленной Порте в конце января 1875 г. от имени Союза трех императоров и поддержанной Францией, Италией и Англией⁴⁷³.

Для Веселитского-Божидаровича этот совет мог быть принят только при особом условии. А.А. Киреев так записал в своем дневнике: «Веселитский говорит, что единственное спасение для восстания – принять предложения с условием, чтобы турки вывели свои гарнизоны из восставших провинций». В Санкт-Петербург в марте 1876 г. прибыли представители Болгарского революционного центрального комитета (БРЦК. 1869–1876), готовившего выступление болгар против турок, с предложением поднять в Болгарии восстание. Для этого были нужны деньги на покупку оружия. На заседании Славянского комитета в начале апреля 1876 г. некоторые его члены, в том числе А.А. Киреев, высказались против того, чтобы болгары восстали. Они считали, что европейские государства не допустят распада Турции, и болгарское восстание будет подавлено. Поскольку болгары настаивали на своем, было решено послать на юг Н.А. Киреева для выяснения обстановки. В середине апреля он отправился в путь.

⁴⁷² Никитин С.А. Письма и записки Н.А. Киреева о балканских событиях 1876 года // Славянский сборник. Славянский вопрос в русском обществе в 1867–1878 годах. М., 1948. С. 94–96.

⁴⁷³ См. очерк «Славянофилы и русское правительство во время Восточного кризиса 1875–1878 гг.» в этом издании.

Восстание болгар, подготовленное Болгарским революционным центральным комитетом, началось 20 апреля (3 мая) 1876 г. Центрами его стали Копривштица и Панагюриште. Но несмотря на героизм повстанцев к 1 (13) мая оно было подавлено.

Во время этих событий Н.А. Киреев был в Европе. Сначала он приехал в Берлин, где встретился с Веселитским-Божидаровичем, А.С. Ионином и русским консулом в Белграде А.Н. Карцевым. После Берлина Н.А. Киреев побывал в Вене, где имел беседу с русским посланником в Австро-Венгрии Е.П. Новиковым и министром иностранных дел Австро-Венгрии Д. Андраши. Из Вены Н.А. Киреев поехал в Варшаву, откуда он послал своему брату 11 мая 1876 г. обширное письмо. Н.А. Киреев подробно описал свой разговор с русским посланником в Вене Е.П. Новиковым. В беседе с ним посланник высказал мнение, что славянские комитеты вредят России тем, что побуждают славян к созданию сепаративной славянской федерации. По его убеждению, эта федерация обратится не к России, а к Германии. Чехи (Палацкий) и хорваты (Штросмайер), а также боснийские католики, которые сочувствуют хорватскому архиепископу, пока Россия не окрепла, воспользуются ее силой, а затем созданная славянами федерация пойдет рука об руку с Германией. Новиков считает, добавлял Н.А. Киреев, что славянские комитеты должны действовать в интересах России, то есть до тех пор, пока она не сможет отвоевать у Европы славян с оружием в руках и превратить их в русских, они должны не поддерживать повстанцев, а способствовать замирению восстания. Далее Н.А. Киреев останавливался на своем разговоре с Д. Андраши, министром иностранных дел Австро-Венгрии. Тот тоже высказался против помощи герцеговинским повстанцам, поскольку боялся, что по их примеру славяне в Габсбургской монархии тоже захотят образовать свою федерацию.

Андраши же стремился не допустить распада Австро-Венгрии до тех пор, пока не окрепнет Венгрия. Андраши выступал за сохранение Оттоманской империи и против присоединения к Австро-Венгрии Боснии и Герцеговины. Поэтому австрийские славяне желают, продолжал Н.А. Киреев, чтобы министром иностранных дел стал старик Родич⁴⁷⁴, который считает нужным присоединить к Австро-Венгрии Боснию и Герцеговину. Затем Н.А. Киреев сообщал о встрече с русским консулом А.С. Иониным. По согласованию с Веселитским-Божидаровичем он отдал ему 20 тыс., хотя они не знают, на что он их употребит. А.С. Ионин убежден, что автономия Боснии и Герцеговины невозможна, поэтому все деньги нужно послать в Черногорию на покупку оружия. Он также полагает, что Герцеговину следует присоединить к Черногории. 25 тыс. гульденов для черногорцев просил также Пламенац (черногорский воевода. – *И.Ч.*). Но Николай Алексеевич их ему не дал. Они вместе с Веселитским-Божидаровичем полагают, что после выдачи 20–30 тыс. руб. болгарам, остальные деньги отправить через Белград в Боснию⁴⁷⁵. Никитин справедливо замечает, что пребывание Ионина в Дубровнике и постоянное его общение с правящими кругами Черногории «сузили его консульский кругозор и несколько провинциализировали его, замкнув в кругу черногорских интересов»⁴⁷⁶.

После Варшавы Н.А. Киреев отправился сначала в Одессу, а затем в Кишинев, где имелась болгарская эмиграция и где он надеялся подробнее узнать об Апрельском восстании болгар. В Кишиневе он вступил в сношения с местным

⁴⁷⁴ Родич Г. – хорват по происхождению, наместник Далмации. Во время революции 1848 г. сражался против венгров.

⁴⁷⁵ Никитин С.А. Письма и записки Н.А. Киреева о балканских событиях 1876 года. С. 105–110.

⁴⁷⁶ Там же. С. 98.

исправником И.С. Ивановым, болгарин по происхождению. Вместе с ним он отправился 15 мая в Бухарест, где находился БРЦК. Там он задержался более, чем на две недели, желая организовать новое общество болгарских эмигрантов, ибо БРЦК после подавления Апрельского восстания раскололось и часть его членов решило ограничиться благотворительной деятельностью. Киреев стремился организовать в Бухаресте отряды из болгарских эмигрантов и беженцев для борьбы с турками.

16 мая 1876 г. Н.А. Киреев написал письмо брату, в котором сообщал о получении из Санкт-Петербурга 5 тыс. руб., которые он потратил на покупку льна (так в письме он обозначал оружие). Одновременно он просил прислать еще 15 тыс. руб. Все эти деньги он предполагал истратить на оружие.

Из-за препятствий со стороны местных румынских властей, опасавшихся активной антитурецкой деятельности Н.А. Киреева, последний в начале июня 1876 г. уехал в Сербию. В письме от 16 мая он писал о своих предполагаемых поездках: сначала на неделю в Белград, затем на два дня – в Бухарест, а оттуда в Царьград (Константинополь, Стамбул)⁴⁷⁷. Как можно видеть, задерживаться в Сербии Н.А. Киреев не предполагал. К письму он приложил Докладную записку в Герцеговинскую комиссию Петербургского славянского комитета о восстании в Болгарии от 2 июня 1878 г. Дата записки указывает, что письмо от 16 мая было очевидно отправлено не раньше 2 июня 1876 г.

В записке Н.А. Киреев утверждал, что болгарское восстание вызвано жестокими действиями турецких чиновников-сборщиков налогов, губернатора в Филиппополе (Пловдив) и др. Начало положил пожар в Филиппополе, который, по мнению Н.А. Киреева, устроили сами турки.

⁴⁷⁷ Там же. С. 99, 111–112.

Турецкие власти обвинили в этом болгар и разрешили туркам в отместку сжечь окрестные христианские деревни. Это сделали отряды башибузуков⁴⁷⁸, которые сожгли окрестные болгарские деревни, убив всех мужчин и детей, а женщин уведя в рабство. Болгары восстали. Жители селения Перушица (300–400 домов), когда башибузуки окружили его, обратились к властям с просьбой их защитить. Власти прислали комиссию, состоявшую из двух турок и одного болгарина. Комиссия уговорила турок разойтись, но как только комиссия уехала, турки сожгли селение и истребили всех его жителей. Оставшиеся в живых с оружием в руках, взяв жен и детей, ушли в горы⁴⁷⁹. Как можно видеть, Н.А. Киреев неточно описал начало Апрельского восстания, поскольку оно не было спонтанным, а готовилось болгарскими революционерами, начиная с 1875 г.

В начале июня 1876 г. Н.А. Киреев прибыл в Белград. А 19 июня Сербия объявила войну Турции. Н.А. Киреев остался в Сербии и вступил в сербскую армию под именем Гаджи Гирея. Он возглавил отряд сербских и болгарских добровольцев. 19 июня Н.А. Киреев со своим отрядом отправился к Кадибогазу. В этот же день произошла первая стычка с турками. Основной бой произошел у селения Раковицы. Получив ранение, Н.А. Киреев не покинул поле боя и был убит⁴⁸⁰.

С.А. Никитин так характеризует Н.А. Киреева: «Перед нами безусловно яркий, сильный, убежденный человек, действовавший ради расширения восстания на Балканах всюду, где это возможно»⁴⁸¹.

⁴⁷⁸ Иррегулярные турецкие войска, отличавшиеся особой жестокостью.

⁴⁷⁹ Никитин С.А. Письма и записки Н.А. Киреева о балканских событиях 1876 года. С. 114.

⁴⁸⁰ Там же. С. 102.

⁴⁸¹ Там же. С. 101.

Известие о гибели Н.А. Киреева взволновало российскую общественность. В своей речи на заседании Московского Славянского комитета 6 ноября 1876 г. И.С. Аксаков отметил: «Известие о смерти Киреева, первого русского добровольца, павшего на войне, вызвало тысячи подражателей»⁴⁸². Но не только в России смерть Н.А. Киреева нашла отклик. Об этом свидетельствует популярная книга о России английского журналиста О. Макензи Уоллеса. «Пришло известие, что убит русский, – пишет Уоллес, – Николай Киреев, бывший гвардейский офицер, хорошо известный в Москве и в Петербурге, пал смертельно раненый, в то время как он храбро вел своих солдат в Заечар, и тело его, как говорят, было зверски изувечено турками. Это, конечно, произвело глубокое впечатление на всех, кто лично был знаком с Киреевым, но странно, что впечатление, произведенное его смертью на низшие классы, которые никогда о нем не слыхали, было еще гораздо сильнее»⁴⁸³. Сестре Н.А. Киреева О.А. Новиковой нередко выражали свое соболезнование лично. Так в письме к М.Ф. Раевскому из Милана от 22 (10) августа 1876 г. О.А. Новикова рассказывала о том, что ее посетила делегация гарибальдийцев, которые преподнесли ей венок с вензелем Николая Киреева и письмо, в котором выражалось соболезнование⁴⁸⁴.

Но самое сильное впечатление гибель Н.А. Киреева произвела на его брата Александра Алексеевича Киреева и на его сестру Ольгу Алексеевну Новикову.

А.А. Киреев в письме к своему английскому другу Ф. Мейрику, англиканскому священнику, писал: «Вы, может быть, знаете из газет, что я лишился брата моего Николая,

⁴⁸² Стэд В.Т. Депутат от России (воспоминания и переписка Ольги Алексеевны Новиковой). Пг., 1915. Т. 2. С. 142.

⁴⁸³ Там же. С. 143.

⁴⁸⁴ ОПИ ГИМ. Ф. 347. Д. 53.

павшего в сражении при Заечаре. Он пал как христианин, как дворянин, защищающий свою веру и своих братьев [...] Но я знаю, что Вам понятны высокие чувства, заставляющие человека оставить все – семью, дом, дела – и броситься в мрачный водоворот с тем, чтобы служить идее, верованию. Мне жаль тех, кто не в состоянии этого сделать»⁴⁸⁵. 1 ноября 1880 г. на месте гибели Н.А. Киреева был сооружен белый крест. А в мае 1883 г. А.А. Киреев вместе с митрополитом Анисимом приехал на это место и сам выкопал могилу, где захоронили останки Н.А. Киреева и погибших в том бою сербских и болгарских воинов. Затем А.А. Киреев вместе с митрополитом отправились в близлежащее село, и с согласия его жителей село было названо Киреево, что и было освящено митрополитом⁴⁸⁶.

Именно гибель брата подтолкнула сестру Н.А. Киреева О.А. Новикову к активной деятельности в пользу славян. Ольга Алексеевна родилась в Москве 29 марта 1840 г. (умерла 21 апреля 1925 г. в Лондоне). Она получила прекрасное домашнее воспитание и в 10 лет говорила по-русски, по-французски, по-английски и по-немецки⁴⁸⁷.

В 1860 г. Ольга вышла замуж за полковника Ивана Петровича Новикова (впоследствии генерала Генерального штаба), старшего брата долговременного русского посла в Вене Евгения Петровича Новикова. В 1860-е годы Ольга Новикова жила в Петербурге, где часто бывала в салоне великой княгини Елены Павловны, жены младшего брата Николая I Михаила. Там она встречалась со многими выдающимися людьми России: министром иностранных дел А.М. Горчаковым,

⁴⁸⁵ Stead W.T. Депутат от России. Т. 1. СПб., 1912. С. 129.

⁴⁸⁶ Соколовская О.В., Чуркина И.В. Переписка греческой королевы Ольги Константиновны Романовой с генералом А.А. Киреевым // Славяноведение. 1995. № 1. С. 63.

⁴⁸⁷ Stead W.T. Депутат от России. Т. 1. С. 3–4.

наставником наследника престола К.П. Победоносцевым, со славянофилами, знакомыми ей еще с детства. В 1868 г. Ольга Новикова развелась с мужем и переехала в Англию, где с тех пор проводила большую часть времени. В 1868–1874 гг. она помогала брату в его делах, связанных с объединением церквей. В Англии Ольга Алексеевна подружилась с лидером либералов У.Ю. Гладстоном. С ним она познакомилась в январе 1873 г. Посол России в Англии Ф.И. Бруннов, друг ее матери, представил ее одновременно Гладстону и главе английских консерваторов Б. Дизраэли. С Гладстоном Ольга Алексеевна сохраняла дружеские отношения вплоть до его смерти в 1898 г. Сохранилось 150 писем, написанных ей Гладстоном⁴⁸⁸. Переписку с ним она начала по поводу старокатоликов. Но с началом Восточного кризиса она стала обсуждать с ним вопросы, связанные с балканскими событиями.

Гибель брата потрясла Ольгу Алексеевну. Согласно воспоминаниям ее друга словенского либерала Павла Турнера она говорила: «Мой брат, мой любимый брат Николай сражался на поле боя и погиб за славянскую идею. Я хочу продолжить его дело и отомстить за него, но я не могу это сделать с помощью оружия, поэтому сделаю, как могу, словом и пером»⁴⁸⁹. Новикова стала энергичным поборником привлечения общественного мнения Англии и других европейских государств на сторону сражавшихся против турок славянских народов. В этом она нашла поддержку у У. Гладстона, который выступал против туркофильской политики своего соперника, главы консерваторов Б. Дизраэли. Гладстон написал брошюру о зверствах турок в болгарских землях, которую высоко оценил известный английский журналист У.Т. Стед. «Из бесчисленных статей, вышедших в печати

⁴⁸⁸ Там же. С. 117.

⁴⁸⁹ Rokopisna zbirka Narodne in universitetne knjižnice (Ljubljana). Ms. 639. St. 2. S. 127.

во время этого кризиса, – пишет он, – первое место принадлежит статье Гладстона об ужасах в Болгарии». Она имела большой успех в Англии и была там распродана в сотнях тысячах экземпляров⁴⁹⁰. В книге «Болгарские ужасы и восточная политика», которую О.А. Новикова перевела на русский язык, автор с большой симпатией писал о борьбе славян против турецкого ига и одобрял политику России по отношению к Османской империи. Гладстон делал вывод: «Пришло время вступить в соревнование с Россиею, принять участие в ее добрых делах и отложить свое сопротивление ей до тех пор, пока она очевидно обратит эти дела на дурную цель». Гладстон призывал англичан собирать пожертвования в пользу пострадавших⁴⁹¹.

Новикова издала в Англии обращение И.С. Аксакова по поводу событий на Балканах. По свидетельству Степа, Ольга Алексеевна вместе с Гладстоном создала в Лондоне кружок лиц, сочувствующих славянам, выступала на митингах, писала статьи. Новикова и Гладстон сотрудничали, чтобы «влиять на общественное мнение Англии в пользу России»⁴⁹². Помимо Гладстона Новикова сумела привлечь симпатии к славянам ряда видных английских деятелей: профессора новой истории Оксфордского университета Э. Фримана, членов кабинета министров лордов Солсбери, Дерби и др.

О.А. Новикова писала о событиях на Балканах и в русских газетах. Так она опубликовала в славянофильской газете «Современные известия» (1867–1887) в 1878 г. серию статей под инициалами «О.К.» (Ольга Киреева), представлявшую собой перевод ее книги, изданной в Англии «Права ли Россия?» (другой перевод – «Виновата ли Россия?»).

⁴⁹⁰ Stead W.T. Депутат от России. Т. 1. С. 151, 155.

⁴⁹¹ Гладстон У. Болгарские ужасы и восточный вопрос. СПб., 1876. С. 44, 48.

⁴⁹² Stead W.T. Депутат от России. Т. 1. С. 151, 155.

Помимо этого она писала статьи в «Московские ведомости», «Русь», «Русское обозрение», «Новое время».

О.А. Новикова не только сама писала о балканских событиях, но и побуждала к этому других. Так она уговорила своего друга Павла Турнера сотрудничать с газетой «Современные известия». И он активно писал туда на протяжении 1878 г., освещая не только события на Балканах, но и комментируя позиции европейских держав после окончания войны⁴⁹³.

Но особенно тесно она сотрудничала с Гладстоном. После подписания 8 марта 1878 г. Сан-Стефанского мирного договора в Англии резко усилились антирусские настроения. Английское правительство, опасаясь, что русские займут Константинополь, отправило эскадру к проливам. Против Сан-Стефанского договора выступили не только консерваторы, но и многие либералы, в частности Э. Фриман, лорд Солсбери. Правда, лорд Дерби покинул кабинет министров, заявив, что это он сделал в знак протеста против стремления кабинета к войне с Россией. Против войны с Россией выступали Гладстон, «Северное эхо» Степа, политик и журналист У. Фруд. Их деятельность способствовала тому, что Англия так и не объявила войну России. Уже в апреле 1878 г. У. Фруд сообщал Ольге Алексеевне, что дела улучшаются и партия мира собирается с силами⁴⁹⁴. По-разному Новикова и ее английские друзья отнеслись к результатам Берлинского конгресса. Стед и Гладстон были довольны его решениями, а Новикова была ими возмущена. Она послала Стеду речь И.С. Аксакова, произнесенную им в Московском Славянском благотворительном обществе 25 июня 1878 г.

⁴⁹³ Чуркина И.В. Словенский корреспондент «Современных известий» // Славянский мир в третьем тысячелетии. М., 2016. С. 11–22.

⁴⁹⁴ Stead W.T. Депутат от России. Т. 1. С. 276–291.

О.А. Новикова и дальше продолжала сотрудничать с Гладстоном. Так она в начале 1880 г. послала ему письма словенца П. Турнера и хорватского архиепископа Й.Ю. Штросмайера. В ответном письме от 6 января 1880 г. Гладстон писал: «Возвращаю Вам Турнера и Штросмайера: у них благородные чувства по отношению к России и Англии»⁴⁹⁵. В то же время письма Гладстона ей она посылала Горчакову и Гирсу.

По словам Стеда: «Г-жа Новикова всегда была в более или менее остром антагонизме с революционной партией и революционными изгнанниками в Лондоне»⁴⁹⁶. Некоторые представители русской эмиграции в Англии относились с некоторой насмешкой к ее деятельности, все же придавая ей определенную значимость. В Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ) сохранилась часть архива Новиковой, в том числе вырезки статей из русских газет, посвященные ей. В этом отношении представляет интерес статья подписанная «Л. Русский» «Русская Эгерия в Лондоне» от 19 апреля 1885 г. В ней некая NN (Новикова) характеризуется не как представительница русского общественного мнения, как ее считают в Лондоне. По мнению автора, «невзирая на свой здравый во многих отношениях взгляд, она остается чересчур верна традициям московского славянофильства». Автор сообщал, что у Новиковой есть небольшой салон, куда публицисты, спешат за свежими и всегда достоверными фактами. Об отношениях с Гладстоном «Л. Русский» писал следующее: «Сам Гладстон в свободное от парламентских занятий время, пешочком ради мощи она поспешной юношеской походкой, сдвинув назад свою старую шляпу, бежит к ней в отель [...] Один из ненавистников гладстоновской политики говорил нам, что лучшее

⁴⁹⁵ Stead W.T. Депутат от России. СПб., 1912. Т. 2; Никитин С.А. Славянские съезды. С. 34.

⁴⁹⁶ Stead W.T. Депутат от России. Т. 1. С. 13.

доказательство бездарности Гладстона составляет его потребность советоваться с «Madame de NN»⁴⁹⁷. Сведения «Л. Русского» о взаимоотношениях Ольги Алексеевны Новиковой с Гладстоном подтверждает и Стед. Гладстон, отмечает он, относился к ней «с рыцарской вежливостью, как к женщине, и с глубоким уважением как к выдающемуся дипломату». По словам Стеда, Гладстон гордился дружбой с Ольгой Новиковой и даже афишировал ее⁴⁹⁸.

Близким другом и восторженным поклонником Ольги стал издатель английских либеральных газет «Северное эхо», «Пэлл Мелл Газет» Уильям Томас Стед (1849–1912), с которым она дружила с 1877 г.⁴⁹⁹ Талантливый журналист, он первый в журналистике ввел жанр интервью, был активным борцом за мирные отношения между народами. Во время англо-бурской войны выступил в поддержку буров. Погиб на «Титанике», до последнего спасая детей и женщин. В 1912 г. в Петербурге вышла в двух томах его книга «Депутат от России», в которой он представлял биографию О.А. Новиковой, используя ее воспоминания, отзывы о ней в печати и др. А в 1915 г. в Петрограде за авторством Стеда вышла в двух томах книга «Депутат от России (воспоминания и письма Ольги Алексеевны Новиковой)». В ней приводятся письма О.А. Новиковой к различным лицам, а также письма к ней разных корреспондентов, многие моменты из ее воспоминаний. Вместе с тем в этой книге в значительной степени повторяются сюжеты первого издания. Поскольку вторая книга вышла через три года после гибели Стеда, это дает возможность предполагать, что О.А. Новикова тоже являлась одним из ее авторов. Скорее всего она дописала

⁴⁹⁷ Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 345. Оп. 1. Д. 5.

⁴⁹⁸ Stead W.T. Депутат от России. Т. 2. С. 53, 245.

⁴⁹⁹ Stead W.T. Депутат от России. Т. 1. С. 229.

ее после гибели Стеда. Однако мнения о Новиковой все же, на мой взгляд, в обоих изданиях принадлежат Стеду. Стед характеризовал ее как гранд-даму и журналистку, автора корреспонденций в российской прессе. «Со всей прелестью, добротой и привлекательностью женщины, – пишет он, – она соединяла мужскую решительность и силу»⁵⁰⁰. И еще одну важную черту О.А. Новиковой отмечает Стед: «Она была умна, симпатична, очень добродушна, имела особую способность привлекать и удерживать дружбу замечательных мужчин и женщин»⁵⁰¹. К характеристике Ольги Алексеевны, данной ей Стедом, можно добавить и воспоминания другого ее поклонника словенца Турнера, встретившего ее на курорте в Мариенбаде. Там нередко бывала и она, где выступала в мариенбадском курцсалоне. Ольга Алексеевна имела прекрасный голос и исполняла английские, немецкие, французские, русские, итальянские, венгерские песни на языке оригинала⁵⁰².

Рассказывая о взглядах Новиковой, Стед указывал, что в России она писала в газеты М.Н. Каткова и И.С. Аксакова, отмечая при этом, что оба они стояли на разных позициях относительно внутренней политики России, но всегда были едины в вопросах, которые касались чести и достоинства своей страны. «Аксаков был честный человек, смелый, неподкупный идеалист, г-жа Новикова и ее брат Александр Киреев остались в числе немногих представителей его школы»⁵⁰³. Правда, взгляды О.А. Новиковой не во всем совпадали со взглядами И.С. Аксакова. Так Ольга Алексеевна считала, что славянофильская идея состоит из трех догматов: «православная

⁵⁰⁰ Там же. С. 3.

⁵⁰¹ Там же. С. 119.

⁵⁰² Rokopisna zbirka Nacionalne in univerzitetne knjižnice. Maribor. St. 2. S. 125.

⁵⁰³ Stead W.T. Депутат от России. Т. 2. С. 174–175.

церковь, зависящая единственно от Вселенского собора и другой главы не имеющая; самодержавие, представляющее главное стремление нашей нации, и действующее как охрана нашей чести и нашего благосостояния, и национальная партия, основанная на этих двух принципах, продолжать которые долг каждого честного русского человека»⁵⁰⁴.

В 1888 г. Стед посетил Петербург, где А.А. Киреев познакомил его с министром иностранных дел Н.К. Гирсом, а О.А. Новикова представила его Победоносцеву и Игнатьеву. Стеда принял и русский император Александр III, который с 1885 г. подписывался вместе с семьей на его газету *Pall Mall Gazette* («Пэл Мел Газет»)»⁵⁰⁵. Во время встречи, по словам Стеда, царь «говорил о г-же Новиковой, хвалил ее прекрасные статьи в “Северном эхо” и позднее в “Пэл Мел Газет” и отнесся с большим благоговением к моему участию в ее деятельности»⁵⁰⁶. После возвращения из России Стед издал книгу «Правда о России», в которой в том числе критиковал религиозные преследования, проводившиеся Победоносцевым. Книга была запрещена в России. Однако царь отменил этот запрет⁵⁰⁷.

Новикова издала несколько книг на английском языке, посвященных русско-английским отношениям. Наиболее интересными из них являются «Виновата ли Россия?» (1878) и «Россия и Англия», которая в 1880 г. была запрещена в России за главу о Земском соборе. Она предлагала в этой главе, чтобы в состав этого собора вошли представители высшего духовенства, дворянства и купцов⁵⁰⁸.

⁵⁰⁴ Там же. С. 173.

⁵⁰⁵ Там же. С. 91–93.

⁵⁰⁶ Stead W.T. Депутат от России. Т. 2. 1912. С. 92, 94.

⁵⁰⁷ Там же. С. 94.

⁵⁰⁸ Stead W.T. Депутат от России. Т. 2. Пр., 1915. С. 198–199.

О вхождении в Земский собор крестьян речь не шла. Книга «Россия и Англия» была доброжелательно встречена в Англии. По просьбе О.А. Новиковой Гладстон написал на нее рецензию, которая была опубликована в мартовском номере журнала *Nineteenth Century* («Девятнадцатый век»). «Эта книга, – писал он, – написана женщиной с очевидным большим талантом к политике, или к умению направлять политическую борьбу». Он хвалил Россию за освобождение Болгарии, во всем соглашался с Новиковой, за исключением конституционного вопроса. Гладстон оканчивал рецензию следующим образом: «Независимо от согласия с тем или другим мнением, мы должны приветствовать с благодарностью ее (книги. – И.Ч.) появление, как содействие миру и укреплению порядка и доверия в Европе». Английские политики Кинглек и Левел тоже восторженно оценили книгу Новиковой⁵⁰⁹.

О.А. Новикова не бросала заниматься славянскими делами и после окончания Восточного кризиса. В 1880-х годах она резко выступила против политики Австро-Венгрии в оккупированных ею Боснии и Герцеговине. Об этом она писала в прессе и своей книге «Скобелев и славяне»⁵¹⁰. В английских газетах она выступила в защиту белградского митрополита Михаила, который из-за отказа развести сербского короля Милана с женой был лишен в 1881 г. кафедры, а в 1883 г. вынужден был покинуть Сербию. Ему удалось возвратиться на родину и вернуть кафедру в 1889 г., после смерти Милана. Перед отъездом он посетил О.А. Новикову. Об этом 5 мая 1889 г. она написала Стеду: «Мы говорили о брате моем Николае, о цветах, посланных мною на памятник добровольцам. Должна признаться – это был очень трогательный разговор»⁵¹¹. Она активно печаталась

⁵⁰⁹ Stead W.T. Депутат от России. Т. 2. 1912. С. 35–39.

⁵¹⁰ Там же. С. 64.

⁵¹¹ Stead W.T. Депутат от России. Т. 2. Петроград, 1915. С. 97.

в России в «Московских ведомостях» М.Н. Каткова, в «Руси» И.С. Аксакова. В статьях в этих изданиях она защищала свои принципы от нападок нигилистов и революционеров. По мнению Стеда, Ольга Алексеевна была достаточно либеральна, «чтобы понять точку зрения западных конституционалистов, но и достаточно консервативна, чтобы разделять мнение “Московских ведомостей” [...] Тем не менее я считаю справедливым присвоить ей право на звание настоящей героини великого международного единения, выдающимся фактором по своему влиянию между всеми, содействовавшими замене вражды дружбой»⁵¹². Эта оценка деятельности Новиковой неполна. В статье в «Православной богословской энциклопедии», посвященной ее брату А.А. Кирееву, подчеркивается, что О.А. Новикова «много способствовала тому, что в близкое к славяно-турецкой войне время (1877–1878) английский курс принял направление, благоприятное России и славянству»⁵¹³. Следует добавить, что деятельность О.А. Новиковой имела большое значение для привлечения симпатий общественного мнения Англии и других европейских стран к борьбе славянских народов против турецкого ига.

Позднее О.А. Новикова переводила на английский и французский языки русских писателей. Особое внимание она уделяла А.С. Пушкину и Ф.М. Достоевскому. Последнего она знала лично и высоко ценила. «Его главная сила, – писала она, – заключалась в очевидной неподкупности, в искренности, в неспособности кривить и торговать душою [...] Смерть Достоевского в настоящую минуту – глубокое горе для всей России»⁵¹⁴.

⁵¹² Там же. С. 217, 219.

⁵¹³ Православная богословская энциклопедия. Т. X. СПб., 1905. С. 480.

⁵¹⁴ Русь. 7.02.1881.

За услуги, оказанные Ольгой Алексеевной славянскому делу, она была награждена золотой медалью болгарским правительством и орденом Св. Саввы – сербским⁵¹⁵.

После окончания русско-турецкой войны А.А. Киреев вернулся к деятельности в Славянском благотворительном обществе Петербурга. Его взгляды мало отличались от тех, которые он имел в 1860-е годы. В 1883 г. в статье «Сущность славянофильского учения» А.А. Киреев четко определил свою программу. Для него идеалом будущего славянского общества являлось «православие, понимаемое как сумма всех этических взглядов народа, самодержавие, как выражение его взглядов политических» и русская народность. Как можно видеть, А.А. Киреев в отличие от сестры третьей основой славянофильства считал «народность», а не «национальную партию». Для русского народа православие, по мнению А.А. Киреева, является идеалом, которое для него выше всего. Русский прежде всего сын православной церкви, а затем уже гражданин Российского государства. Россия – защитница православных, православие – защитник России. Самодержавие является той силой, которая собрала Россию, освободила ее от монгольского ига, победила ее остальных врагов, оно «возвеличило ее на степень первенствующей славянской державы, могучей и бескорыстной покровительницей своих меньших сестер». Киреев выступал против конституции типа английской, против космополитизма и нигилизма⁵¹⁶.

Хотя А.А. Киреев большое значение придавал религии, он все же считал, что сближение славян желательнее «на основе племенного родства, на основании этно-

⁵¹⁵ Stead W.T. Депутат от России. Т. 2. 1912. С. 64.

⁵¹⁶ Киреев А.А. Сущность славянофильского учения // Киреев А.А. Сочинения. Т. 1. СПб., 1912. С. 83–84, 88.

графическом»⁵¹⁷. Об отношении к славянам А.А. Киреев писал в нескольких статьях. Так в статье «Ответ австрийскому славянину» он, соглашаясь с тем, что хотя австрийские славяне и русские принадлежат к разным культурным типам, утверждал, что все же славяне должны быть освобождены от иноземного ига с помощью России. А.А. Киреев подчеркивал, что их политическое освобождение является только первым шагом. Главное для славян – сохранить свою национальность. «Мы требуем лишь одного, – заключал он, – чтобы идя к свободе, развиваясь и умственно, и нравственно, и эстетически, славяне оставались славянами и не превращались в инородцев»⁵¹⁸. Как и в 1867 г. Киреев подчеркивал: «Видеть славян обеспеченными от гнета иноземца, вот в чем наша задача относительно славянских племен. Как затем организуется их внутренняя жизнь, будут ли они тяготеть к нам, к России, устроится ли из всех этих свободных единиц какая-нибудь федерация или что другое, об этом гадать трудно, во всяком случае насильно мы решать этих вопросов не будем»⁵¹⁹.

По мнению А.А. Киреева, без объединения церквей невозможно добиться объединения славян. И добиться этого он мечтал через сотрудничество со старокатоликами. Ни поляков, ни чехов нельзя прямо привлечь к православии. Сначала их надо привлечь к старокатоличеству, вернуть их таким образом к древнему православному догмату и к славянскому языку при богослужении. Русских не должно смущать то, что сначала католические славяне удержат

⁵¹⁷ Он же. Письмо к редактору «Руси» // Киреев А.А. Сочинения. Т. 1. С. 23.

⁵¹⁸ Он же. Ответ австрийскому славянину // Киреев А.А. Сочинения. Т. 1. С. 53.

⁵¹⁹ Он же. Воссоединение церквей и славянство // Киреев А.А. Сочинения. Т. 1. С. 198.

в своей церкви много форм, к которым они привыкли, «ведь несмотря на разницу в формах, обрядах и богословских мнениях, единство вполне возможно»⁵²⁰.

А.А. Киреев возобновил сотрудничество со старокатоликами в 1892 г. В стремлении к объединению христианских церквей А.А. Киреев не был одинок в России. Такого же мнения придерживались некоторые высокообразованные представители русской православной церкви: православные богословы профессора В.А. Соколов, А.Д. Беляев, И.Т. Осинин, ректор Петербургской духовной академии И.Л. Янышев, петербургские митрополиты Исидор и Палладий, киевский митрополит Платон. К объединению христианских церквей стремился и знаменитый русский философ В.С. Соловьев, который, по мнению российского историка О.В. Соколовской, пришел к этой мысли не без влияния А.А. Киреева⁵²¹.

В 1902 г. после Пятого конгресса старокатоликов А.А. Киреев с удовлетворением отмечал, что старокатолики отвергли заблуждения Рима и этим создали возможность объединения с православной церковью⁵²².

Отношения с В.С. Соловьевым у А.А. Киреева складывались непросто. Они переписывались с 1878 по 1887 гг., дискутировали на страницах прессы. Оба стояли за объединение христианских церквей, но способы у них были разные. В статье «Народность и Рим», опубликованной в 1890 г., А.А. Киреев приветствовал стремление В.С. Соловьева к объединению христианских церквей, но решительно выступал

⁵²⁰ Цит. по: Соколовская О.В., Чуркина И.В. Переписка греческой королевы Ольги Константиновны с генералом А.А. Киреевым. С. 62.

⁵²¹ Там же.

⁵²² Киреев А.А. Пятый международный конгресс старокатоликов в 1902 г. // Киреев А.А. Сочинения. Т. 1. С. 37.

против того, чтобы это было сделано с помощью заключения унии между католической и православной церквами⁵²³. По его мнению, хотя папа Лев XIII обещает оставить православным все обряды, но «с папой нельзя соединяться, ему можно лишь подчиняться в качестве бесправного раба, но не равноправного союзника»⁵²⁴. В действиях папы А.А. Киреев видел угрозу православию. Папа действует в Боснии и Герцеговине, в Македонии, среди червонно-русского населения Галиции и Буковины. «Все эти действия, враждебные православию, ведутся систематично, умно и неуклонно, нити дела сосредоточены в Риме и все делается по его указанию». И снова А.А. Киреев подчеркивал, что суть польского вопроса в борьбе католичества и православия⁵²⁵. Он утверждал, что И.С. Аксаков, Н.Я. Данилевский, он сам стоят за объединение всех христианских церквей, но в настоящее время это невозможно.

По мнению Соловьева, Восток тщательно оберегал священное православное предание, но он не развивался дальше. Католицизм представляет силу авторитета, активную силу церкви, он ставит как бы церковную ограду. Однако римский первосвященник (папа) свой авторитет держит, опираясь на господство и насилие. Протестантизм обеспечивает личную свободу, но сделал мерилom истины произвол. В.С. Соловьев призывал православие отказаться от косности, протестантизм от произвола, а католицизм от стремления к преобладанию. И тогда они составят единую церковь под властью авторитета Рима, который

⁵²³ Он же. Народность и Рим (1890) // Киреев А.А. Сочинения. Т. 1. С. 108–112.

⁵²⁴ Он же. Призыв Востока к соединению с Римом // Киреев А.А. Сочинения. Т. 1. С. 34–35.

⁵²⁵ Он же. О старокатолицизме // Киреев А.А. Сочинения. Т. 1. С. 114–115.

ограничится наставничеством и духовным руководством, не вторгаясь в чужие порядки.

В отличие от В.С. Соловьева, А.А. Киреев считал, что самый верный догмат у православной церкви. Ей надо только кое-что изменить в своем вероучении. Католики же и протестанты доходят до уничтожения церкви: католики в пользу одного человека (папы), протестанты – в пользу каждого отдельного христианина. Вместе с тем А.А. Киреев указывал, что православные не должны чураться Запада, а должны усваивать плоды его культуры и науки. Им надо брать у католиков «их неутомимую энергию, их способность подчиняться авторитету», а у протестантов – «их способность вводить религиозные идеалы в самую жизнь, нормировать ее своими верованиями, их ученость». «Мы должны стараться, – заключал Киреев, – перенимать у них все хорошее, должны любить их, должны особенно знакомить их с нашей верой»⁵²⁶.

А.А. Киреев считал, что надо брать все великое, что имеется в католической культуре, но не то, что внесли в нее Фома Аквинский и папа Григорий VII. Данте и Рафаэль, по мнению А.А. Киреева, представляют культуру Возрождения, а не католическую культуру⁵²⁷. Как можно видеть из приведенных высказываний А.А. Киреева, он не призывал к борьбе православных с католиками и протестантами, а считал, что они должны действовать силою убеждения с тем, чтобы создать единую христианскую церковь. Уже в 1896 г. А.А. Киреев понимал невозможность этого в ближайшее время. В статье «О затруднениях к воссоединению христианского мира» он писал, что конгрессы, посвященные объединению церквей, показали, что все попытки

⁵²⁶ Он же. Несколько замечаний на статьи В.С. Соловьева «Великий спор» // Киреев А.А. Сочинения. Т. 1. С. 220–221, 228, 231.

⁵²⁷ Он же. Воссоединение церквей и славянство. С. 195–196.

преодолеть раскол оказались тщетными. Этому препятствовали не религиозные соображения, а политические. Против воссоединения церквей выступали не только католики, но и крайние протестанты. По мнению А.А. Киреева, первым шагом к объединению христианских церквей должно послужить признание всеми христианами канонов, которые существовали до разделения церквей. Он отмечал, что ближе всего к православному пониманию условий объединения англиканская церковь⁵²⁸.

Помимо церковных дел А.А. Киреева интересовали и современные события, связанные с Россией. Он переживал поражение России в русско-японской войне 1904–1905 гг. Спустя три года после ее окончания он писал: «Никогда еще мы не вели такой жалкой войны, как последняя война с Японией. Даже в Крымскую войну были успехи и поражения, а здесь постыдный мир и одни поражения, и потеря территорий». А.А. Киреев полагал, что у России нет интересов на Дальнем Востоке. Русские не знали японцев, хотя еще 15 лет назад русский посланник в Токио М.А. Хитрово характеризовал их как храбрый, настойчивый, патристически настроенный народ. Японцы гордятся своей победой. Они очень нуждаются в расширении своей территории и всегда их устремления будут направлены против России. Англичанам выгодна русско-японская война. Но России для того, чтобы ее выиграть, нужно прежде всего создать хорошие пути сообщения с Дальним Востоком⁵²⁹.

А.А. Киреев участвовал и в работе Славянского благотворительного общества в Петербурге. Так 11 мая 1908 г. он выступил там на встрече его членов с славянскими гостями: главою Любляны И. Хрибаром (И.Ф. Грибарем,

⁵²⁸ Он же. О затруднениях к воссоединению христианского мира // Христианское чтение. 1896. № 1. С. 194–197.

⁵²⁹ Он же. Будущая война // Киреев А.А. Сочинения. Т. 2. С. 223.

как было напечатано в газете), чешским национальным деятелем К. Крамаржем, представителем Галицко-русского народного клуба Н.П. Глебовицким и др.⁵³⁰ Во время пребывания этих славянских гостей в Петербурге были заложены основы неославистского движения.

У Александра Алексеевича никогда не было своей семьи. Сначала он жил в семье великого князя Константина Николаевича. Именно в это время у него завязались добрые отношения с его детьми Константином и Ольгой, будущей греческой королевой. С ней он переписывался с 1886 по 1908 г. После смерти Константина Николаевича в 1892 г. Киреев поселился во дворце Константина Константиновича, поэта и ученого, председателя Императорской Санкт-Петербургской Академии наук, где и умер 13 июля 1910 г.

«Вся жизнь и деятельность семьи Киреевых была посвящена славянской идее. Каждый служил ей согласно своим способностям и темпераменту. Николай защищал ее с оружием в руках; Ольга выступала в ее поддержку в печати, стремясь привлечь к славянам симпатии европейской общестственности; Александр, как и многие славянские идеологи, чувствуя одну из главных опасностей для славянского движения в противоречиях между православной и католической церквями, пытался найти пути к их примирению»⁵³¹.

⁵³⁰ Санкт-Петербургские ведомости. 13.05.1908.

⁵³¹ Соколовская О.В., Чуркина И.В. Переписка греческой королевы Ольги Константиновны Романовой с генералом А.А. Киреевым. С. 63.

Интерес к хорватскому национальному движению возник в русских общественных кругах в 30-е годы XIX в., когда в хорватских землях распространились идеи иллиризма. Первыми обратили на него внимание русские ученые: историк М.П. Погодин и слависты И.И. Срезневский, О.М. Бодянский, В.И. Григорович. В статьях, публиковавшихся в русской периодической печати, они отзывались о нем с большим сочувствием. Естественно, что вождь иллиров Людевит Гай являлся в то время наиболее популярным хорватским деятелем в России.

В 30-х годах XIX столетия Гай пытался заручиться поддержкой хорватскому национальному движению со стороны русского правительства и русских общественных кругов. В 1838 и 1849 гг. он написал две записки. В одной из них, адресованной Николаю I, Гай предлагал поднять восстание в Боснии и Герцеговине и после его победы объединить указанные провинции с Сербией и Албанией. Затем они должны были перейти под власть России. Для осуществления этого плана Гай просил 3 млн форинтов. Во второй записке, предназначенной М.П. Погодину, Гай выражал свою полную приверженность кириллице и православию и писал о своем стремлении объединить на их основе южных славян. У правительства Гай не добился успеха. Зато русские общественные деятели встретили его восторженно: когда в 1840 г. он прибыл в Россию, ими были собраны для Гая по подписке 17 тыс. руб. серебром. Кроме того Российская Академия наук выделила ему из своих средств 1000 руб.⁵³²

Революция 1848–1849 гг. и события в Хорватии, связанные с ней, привлекли к хорватам внимание некоторых

⁵³² Лециловская И.И. Иллиризм: к истории хорватского национального Возрождения. М., 1968. С. 178, 299.

русских общественных деятелей, прежде всего М.Ф. Раевского, графини А.Д. Блудовой и круга лиц, связанных с ними.

Раевский извещал графиню в обширных записках о событиях в славянских землях Австрии в 1848–1853 годах. Кроме нее его записки читали Д.А. Блудов, великая княгиня Елена Павловна, жена брата Николая I Михаила. Раевский с симпатией писал о борьбе югославянских народов за свои национальные права. Вместе с тем он не ко всем течением в их национальных движениях относился одинаково. Большое влияние на него в первое время оказывали взгляды сербского патриарха И. Раячича. И все же в записках Раевского всегда прослеживалась собственная линия в восприятии событий в хорватских землях. Так, в январе 1849 г. он с удовлетворением отмечал факт объединения Хорватии, Славонии и Далмации под управлением бана Й. Елачича⁵³³. В октябре 1849 г. Раевский решительно осуждал ссору между патриархом и баном, считая, что она способствовала ухудшению положения сербов. В их споре он скорее становился на сторону Елачича. Понимая, что сербское духовенство не пошло на объединение Воеводины с хорватскими землями под общим управлением бана из-за боязни ослабить позиции православия, Раевский вместе с тем полагал, что для сербов будет хуже, «когда пойдет немецкая колонизация Бачки и Баната, о которой теперь хлопочет правительство, тогда может быть еще более потерпят и православие и национальность». И тут же добавлял: «Надобно отдать честь бану, разумеется не без своих видов, но он и теперь старается о Воеводине»⁵³⁴. Если отношение к Елачичу у Раевского было скорее благожелательным, то к Гаю он относился чем далее, тем отрицательнее. В мае 1850 г. Раевский с сожалением отмечал, что Гай выступает

⁵³³ ОР РНБ. Ф. 627. Записки М.Ф. Раевского. 1848–1849. Л. 17.

⁵³⁴ РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Д. 919. Л. 22 об.–23.

против открытия в Загребе Общества центральной славянской книготорговли с типографией, считая это утопией. «И потому, – отмечал Раевский, – г. Гай снова подвергся большому нареканию и очень невыгодному мнению у всех славян. Его обвиняют в том, что он много обещает, но мало делает. Обещал создать музей и написать историю хорватов, но ничего не сделал»⁵³⁵. И Елачич, и Гай искренней симпатии Раевского не завоевали.

В это время на небосводе хорватской политической жизни появилась новая звезда – молодой священник Йосип Юрай Штросмайер (1815–1905). Он родился и вырос в восточной Хорватии, где проживало смешанное православное (сербы) и католическое (хорваты) население. Он с детства наблюдал за столкновениями, возникавшими между ними. Окончив шестиклассную францисканскую гимназию в Осиеке, Штросмайер изучал теологию в Пеште, где получил звание доктора философии. Там же он ознакомился с идеями славянской взаимности словацкого просветителя Яна Коллара, а также с идеями иллиризма, возникшими на их базе. С этих пор он стал их убежденным сторонником. По рекомендации дьяковского епископа Йосипа Куковича Штросмайер был направлен в Вену в Августинуум, где получил высшее богословское образование и в 1842 г. звание доктора теологии. Докторская диссертация была посвящена проблеме церковного единства, волновавшей его до конца жизни. Прекрасное образование, поддержка епископа Куковича открыли перед Штросмайером блестящие перспективы – в 1847 г. он получил место дворцового капеллана и учебного директора в Августинууме. С начала революции 1848–1849 гг. Штросмайер примкнул к дворцовой партии, во главе которой стояла эрцгерцогиня Софья, стремившаяся сделать наследником австрийского престола своего

⁵³⁵ ОР РНБ. Ф. 627. Записки М.Ф. Раевского. 1850. Л 9–9 об.

сына Франца Иосифа. Он живо интересовался славянским движением в австрийских землях. Именно в это время культурная программа иллиризма превратилась под его воздействием в политическую югославянскую программу на базе австрославизма. Иначе и не могло быть: с началом революции просветительские планы всех славян сразу же приобрели политическую окраску. В 1849 г. Штросмайер в письме к Людевиту Гаю, лидеру хорватских иллиров, развивал планы преобразования Габсбургской империи. В объединении Триединого королевства (Хорватия, Славония, Далмация) с сербской Воеводиной он видел единственную надежду на лучшее будущее южных славян. «Нам вся наша самостоятельность и независимость, – утверждал он, – не сможет помочь, если мы не станем политическим телом, в котором бьется единое сердце»⁵³⁶. Те же мысли Штросмайер развивал и в письме к филологу Андрии Торквато Брличу от 3 апреля 1849 г.: «Мы, славяне, составляем большинство в империи, мы проливаем кровь за целостность Австрии в то время, как немцы и другие народы стремятся ее погубить [...] Бан (Елачич. – И.Ч.) это должен твердо сказать императору»⁵³⁷.

Судя по переписке Штросмайера с Брличем, все больше его симпатий приобретала Россия. Толчком к этому послужило два момента: недовольство политикой венского двора по отношению к славянам и вступление русских войск в пределы Габсбургской монархии для подавления венгерской революции. Вступление русских войск было встречено Штросмайером с самого начала благожелательно.

⁵³⁶ Цит. по: *Ivanišević A.* Strossmaytrjva nastajanja oko slavjanske liturgije s gradišta austrougarskih centralnih vlasti i Vatikana // *Lik in djelo Jurja Strossmayera*. Osiek, 2008. S. 223.

⁵³⁷ Цит. по: *Katičić R.* Između Austrije i Ilirije. Strossmayer v Beču // *Lik in djelo*. S. 110.

«Одно меня утешает, – писал он Брличу 17 июня 1849 г., – что мы вступаем в тесный союз с близкими нам по национальности русскими». Спустя несколько дней, 29 июня, он объяснял другу свое отношение к России: «Наше будущее в панславизме. Если мы не можем предотвратить русскую интервенцию, то должны ее использовать сколько возможно в наших целях». При этом Штросмайер подчеркивал, что надо рассчитывать не на французов, а на русских⁵³⁸. Несомненно, последнее высказывание Штросмайера было связано с политикой польской эмиграции, которая с 1830-х годов вела активную антирусскую агитацию и призывала славян ориентироваться на Францию. Антирусскую агитацию вели также либеральные и демократические круги Германии. Штросмайер резко выступал против этого. В письме к Брличу он клеймил тех образованных людей среди славян, которые утверждали, что русские – то же самое, что немцы и мадьяры: «Искренне Вам говорю, что много лучше, если Австрия станет частью России, чем ею завладеют немцы или мадьяры, которые систематически ненавидят славянство». В письме от 23 июня 1849 г. Штросмайер пояснял свою точку зрения: в данный момент об объединении с Россией речь не может идти, так как Россия является абсолютистским государством⁵³⁹.

Представители молодого поколения хорватских священников обратили на себя внимание Раевского уже перед революцией. После ее начала интерес к ним усилился. «Вообще, – писал он в марте 1849 г., – о Кроации и Далмации можно заметить, что только или высшее, или старое католическое духовенство идет там противу так называемой прогрессивно-национальной партии. Молодые духовные стоят за развитие национального славянского

⁵³⁸ *Katičić R.* Između Avstrije i Ilirije. S. 113–114.

⁵³⁹ *Ibid.* S. 115.

элемента; мало того, действуют, хотя и отчасти, в пользу восточного вероисповедания. Нередко появляются теперь даже сочинения католиков тамошних, где явно высказывается мысль большего совершенствования установлений нашей церкви перед римскою. Видишь с удовольствием иногда, как они говорят за нашу церковь и вообще за наше управление, основанное на собственных народных русских началах, – и там не все демократы! Жаль, что нет здесь книжных средств, которые бы ближе могли знакомить их с Россиею. Приятно, по крайней мере, и то, что многие из них видят теперь, что все иностранные сочинения о России выходили доселе из-под пера ее врагов, завистников, польских эмиссаров и тому подобных лиц»⁵⁴⁰. Раевский, сравнивая католическое духовенство с православным, с досадою замечал, что последнее гораздо менее образовано. Особую симпатию русского священника вызывала деятельность Штросмайера.

Графиня Блудова в отношении к Штросмайеру была солидарна с Раевским. Она с вниманием следила по прессе за событиями в южнославянских землях австрийского государства. Ей понравилась статья Штросмайера, опубликованная в газете Л. Гая *Narodne novine* («Народные новости») в августе 1849 г. В ней он не одобрял решение банского вече не подчиняться Октроированной конституции и призывал славян к единству. В декабре 1849 г. Блудова спрашивала Раевского: «Что за человек этот Штросмайер? Его статьи увещательные об октроированной хартии к кроатам были очень хороши, но не фанатик ли он католицизма?»⁵⁴¹. В ответе от конца 1849 г. Раевский указывал на высокую образованность Штросмайера. «Я имел случай, – отмечал он, – познакомиться с Штросмайером, который доселе был директором

⁵⁴⁰ РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Д. 919. Л. 8–8 об.

⁵⁴¹ Югословени и Русија. С. 44.

здесь в Вене богословского конвикта у августинцев, преподанный, умный человек! Со своими идеями католическими, но не фанатик и предан народу. С каким удовольствием читаешь его статьи в газетах! Из наших духовных никто не написал ничего подобного, даже ничего решительно. Теперь Штрос-Майер сделан епископом Дьяковарским (Дьяковар – венгерское название хорватского города Дьяково. – ИЧ.) в Славонии. Человек, можно сказать, еще молодых лет около 35-ти и с его энергиею, посмотрите что он может сделать даже между православными»⁵⁴². В феврале 1850 г. Блудова с удовлетворением писала Раевскому, что ее радует доброе расположение Штросмайера к нему. 24 февраля 1850 г., очевидно, получив уже письмо Раевского с характеристикой Штросмайера, она подчеркивала: «Приятно слышать хороший отзыв о Штросмаере, он мне своими статьями очень полюбился, и я рада узнать, что он в самом деле такой человек, как мне казалось». То, что Штросмаер писал статьи о единстве славян, что он был в хороших отношениях с Раевским и даже пригласил его на свое посвящение в сан епископа, внушало Блудовой надежду, что у католиков возобладает в политике славянская веротерпимость.

В апреле 1850 г. Раевский сообщал Блудовой о том, что Штросмайер все еще не получил от папы буллы, утверждавшей его епископом. «Много говорят, – добавлял он, – интригует против него старое католическое духовенство, и едва ли не есть одною из причин сего замедления и интриг его ясно высказываемые в журналах иногда мысли в пользу сербов и даже православных»⁵⁴³.

Но эти складывавшиеся добрые отношения между Штросмайером, с одной стороны, и Раевским и Блудовой, с другой, омрачились вполне объективными обстоятельствами.

⁵⁴² РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Д. 919. Л. 24 об.

⁵⁴³ Югословени и Русија. С. 49–50, 53.

Австрийское правительство проводило наступательную политику на Балканах, всеми силами пытаясь укрепить там свое влияние. Первым объектом его экспансии стали Босния и Герцеговина. Австрия предоставляла убежище беглецам из этих провинций, разрешала переправлять туда через свои границы оружие, предоставляла боснийским и герцеговинским купцам гражданство, гарантируя тем самым им защиту от произвола турецких властей. Особую роль в укреплении своих позиций в Боснии и Герцеговине Австрия отводила католической церкви. Она всячески поощряла там деятельность монахов-францисканцев, помогала им строить школы, приглашала молодых босняков на учебу в австрийские католические семинарии. В деле проникновения на Балканы австрийское правительство использовало и дьяковского епископа. Штросмайер был назначен апостольским викарием (представителем Ватикана) в Белграде, основал в Дьякове для боснийских юношей, желавших стать священниками, семинарию⁵⁴⁴. Несомненно, такая деятельность Штросмайера не могла не вызвать к нему напряженного отношения со стороны русских.

Все эти обстоятельства нашли свое отражение в письмах Раевского. Уже в июле 1850 г. он с раздражением писал о деятельности в Боснии францисканца Юкича⁵⁴⁵, который «только и бредит о том, как верхняя Босния может быть счастлива в соединении с Кроациею». Тут же Раевский

⁵⁴⁴ Фрейдзон В.И. Борьба хорватского народа за национальную свободу. Подъем освободительного движения в 1859–1873 гг. М., 1970. С. 103, 156.

⁵⁴⁵ Юкич Иван Франьо – францисканский монах. Его рассказ о введении Танзимата в Боснии был опубликован в «Русской беседе» в 1856 г. См.: Мельчакова К.В. Босния и Герцеговина в общественно-политической жизни России в 1856–1875 гг. М., 2019. С. 193.

с неодобрением замечал: «Епископ Штросмайер – человек образованный, тонкий, только и говорит о братьях сербах, о торжественности православного епископского служения, но титулуясь епископом боснийским теперь ищет, говорят, чтоб в самом деле боснийское католическое духовенство подчинить своей зависимости»⁵⁴⁶. Еще более резкую оценку деятельности Штросмайера Раевский дал в начале октября 1850 г. Он ее напрямую связал с активизацией политики Австрии на Балканах. «Девиз его печати, – писал Раевский, – все за веру и народность. Они как-то думают, что римская церковь может быть национальной у славян, чего я совсем не понимаю. Епископ Штросмайер ищет теперь, как я говорил, не номинально, но фактически сделаться епископом боснийским и кажется успеет в этом». В марте 1851 г. Раевский упрекал Штросмайера в том, что он работает на «кroatо-папизм». «Он давно просил папу, – продолжал Раевский, – чтобы титул епископа боснийского не оставался бы одним только пустым титулом в гербе его печати». Раевский подчеркивал, что папа хвалил Штросмайера и советовал ему продолжать свою деятельность в Боснии. В январе 1852 г. Раевский писал о том, что папа сделал Штросмайера епископом в Боснии, а в декабре того же года сообщал, что в Дьяковскую семинарию с дозволения правительства собираются принять 20 молодых босняков⁵⁴⁷.

Деятельность Штросмайера беспокоила и А.Д. Блудову. 17 (29) ноября 1853 г. она просила Раевского писать ей «о Штросмайере и францисканцах, которые, я уверена, не спят в Боснии»⁵⁴⁸. На это ей Раевский в конце 1853 г. с удовлетворением отмечал противодействие со стороны сербского правительства попыткам Австрии добиться подчинения

⁵⁴⁶ РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Д. 919. Л. 37 об.

⁵⁴⁷ ОР РНБ. Ф. 627. Записки М.Ф. Раевского. 1851, 1852. Л. 2, 6, 13.

⁵⁴⁸ Југословени и Русија. С. 97.

католической церкви Сербии Штросмайеру⁵⁴⁹. О связях Штросмайера с Боснией Раевский сообщал и в 1854 г. «Он (Штросмайер. – И.Ч.), как известно, – подчеркивал Раевский, – будучи епископом славонским, вместе с тем считается и епископом боснийским и сербским. А такие люди много могут, да еще и с деньгами там, где теперь русского духу и слухом не слышно»⁵⁵⁰. Таким образом, начавшееся было складываться в конце 40-х годов взаимопонимание между Штросмайером и русскими общественными деятелями нарушилось в связи с деятельностью его в Боснии. Это не означало, что все связи дяковского епископа с Раевским и другими русскими были прерваны. Единственное письмо Штросмайера Раевскому, датированное 24 мая 1852 г., подтверждает это. В нем епископ благодарил русского священника за присланные ему книги и сообщал о своем намерении приехать в конце июня в Вену, где выражал желание встретиться лично со своим корреспондентом⁵⁵¹. Во время и после Крымской войны нет сведений о каких-либо контактах русских общественных деятелей со Штросмайером. Но его фигура по-прежнему привлекала их внимание. Им интересовался М.Ф. Раевский, который в конце 1850-х годов близко познакомился со славянофилами и стал представителем Московского Славянского благотворительного комитета в Габсбургской монархии. О Штросмайере спрашивали Раевского и русские дипломаты. В частности, в начале 1861 г. генеральный русский консул в Сербии А.Е. Влангали просил Раевского разузнать о связях Штросмайера с Боснией и Болгарией⁵⁵².

⁵⁴⁹ ОР РНБ. Ф. 627. Записки М.Ф. Раевского. 1853 г. Л. 19 об.

⁵⁵⁰ Там же. Записки М.Ф. Раевского. 1854. Л. 2, 28.

⁵⁵¹ Зарубежные славяне и Россия. Документы архива М.Ф. Раевского. 40–80-е годы XIX века. М., 1975. С. 473.

⁵⁵² Там же. С. 69, 97.

Начало 1860-х годов ознаменовалось проведением в России и Австрии важных либеральных реформ. В России было отменено крепостное право, допущены определенная свобода слова, право создавать общества и др. В Австрии были опубликованы декабрьский диплом 1860 г. и февральский патент 1861 г., которые предоставляли ее народам возможность создания организаций, свободу слова, а также вводили выборные учреждения – рейхсрат для всей империи и провинциальные собрания для провинций. Все это привело к оживлению общественной жизни в обоих государствах.

В России в 1858 г. славянофилами был учрежден Московский Славянский благотворительный комитет, активным членом которого стал М.Ф. Раевский, в Австрии были образованы политические партии. В Хорватии была создана в 1861 г. Национально-либеральная партия (народняки), которую возглавил Штросмайер. Она выступала за федерализацию Австрии при создании в ее пределах югославянской политической единицы, объединявшей Триединое королевство (Хорватия, Славония, Далмация) с сербской Воеводиной. В первое время Штросмайер стремился добиться этой цели в союзе с венгерской оппозицией. Казалось, настало время осуществить лозунги революции 1848–1849 гг.

Славянофилов настораживала программа Национально-либеральной партии, но главное – они видели в Штросмайере проводника политики Габсбургской монархии на Балканах, в частности в Боснии. Однако в записках, направляемых Блудовой, Раевский старался быть объективным. Так в записках от 1861 г. Раевский отмечал, что среди воеводинских сербов стала распространяться идея объединения Хорватии и Славонии с Воеводиной. Раевский считал, что «соединение с кроатами, более зрелыми на пути самостоятельной политической жизни, чем сербы, было бы полезнее для последних, чем соединение с венгерцами». Но этому мешает, по мнению Раевского, недоверие

друг к другу их церквей. «И особенно в настоящее время, – продолжал он, – неосторожно поступил с сербскою православною церковью самый ревностный поборник соединения Воеводства с Кроациею епископ Стросмайер, напечатавший на свой счет (счет. – И.Ч.) в Австрии на сербском языке, т.е. кириллицею, в числе нескольких тысяч экземпляров книгу о православии, сохранившемся собственно в римской церкви, а не в православии, и разославший эту книгу с одним вероотступником, пустившимся на проповедь латинства по Боснии, Герцеговине, Болгарии и другим местам, населенных сербами»⁵⁵³.

Славянофильская газета «День», издававшаяся И.С. Аксаковым, в апреле 1863 г. обвиняла Штросмайера в «римской пропаганде» на Балканах, но все же отмечала помощь, оказанную им черногорцам и герцеговинцам. В 1865 г. в «Дне» была опубликована статья В.И. Ламанского, в которой он утверждал, что действия на Балканах Штросмайера и его друга Ф. Рачкого служат упрочению там положения римской курии⁵⁵⁴.

До введения дуализма в Габсбургской империи, которое произошло в начале 1867 г., Штросмайер не переходил в резкую оппозицию властям, надеясь, что его планы могут быть осуществлены в Австрии. Хотя уже ранее он вел переговоры с сербским князем Михаилом Обреновичем, дважды посетив Белград (в 1853 и 1865 гг.). Генеральный русский консул в Сербии Николай Павлович Шишкин сообщал русскому послу в Турции Н.П. Игнатьеву о секретном акте, в котором Штросмайер обуславливал свое сотрудничество с сербским правительством тем, что оно не будет мешать отправлению католического богослужения в стране. Самый

⁵⁵³ ОПИ ГИМ. Ф. 347. Д. 3.

⁵⁵⁴ Лещиловская И.И. Й.Ю. Штросмайер в русской современной ему печати // *Lik in djelo Jurja Strgssmayera*. S. 513–514.

влиятельный сербский политик того времени Илия Гарашанин заверил Шишкина, что «между ним и епископом существует полная общность во взглядах и принципах и что последний в продолжении всех переговоров не переставал подчеркивать, что он рассчитывает не на Францию, но [...] на поддержку русского правительства, которое, по его мнению, одно лишь питает бескорыстные симпатии к южным славянам»⁵⁵⁵.

В 50–60-е годы XIX в. Раевский наиболее тесно из хорватов общался с И. Кукулевицем-Сакцинским: он вел с ним переписку с 1852 по 1879 г. В письмах к русскому священнику Кукулевич весьма неодобрительно отзывался о деятельности Национально-либеральной партии, возглавлявшейся Штросмайером. Он был противником дьяковско-го епископа, который в 1850-е годы выступал за сотрудничество с венграми в борьбе за национальные права хорватов. Кукулевич же и его партия самосталцев предпочитали идти на соглашение с венским правительством. Весной 1866 г. Кукулевич выражал надежду на то, что национальные либералы постепенно возвращаются к национальной политике, разочаровавшись в возможности хорвато-венгерского союза. Он добавлял при этом, что хорватский партикуляризм был связан с тем, что Штросмайер и многие другие смотрели на все с точки зрения католицизма⁵⁵⁶. Год спустя, уже после объединения самосталцев с национал-либералами, Кукулевич писал Раевскому: «Верьте мне, что здесь нам Штросмайер и Комп[ания] больше нанесли ущерба своей суетой, идеализмом и жадным стремлением к власти, чем возможно поправить за целое столетие»⁵⁵⁷.

⁵⁵⁵ Фрейдзон В.И. Борьба хорватского народа за национальную свободу. С. 303.

⁵⁵⁶ Југословени и Русија. С. 339.

⁵⁵⁷ Зарубежные славяне и Россия. С. 258.

В оценке Штросмайера Кукулевич был пристрастен. Уже в 1840-е годы Штросмайер и его соратники всячески подчеркивали необходимость сотрудничества между сербами и хорватами в пределах Австрийской империи. В 1860-е годы, когда Сербия стала проводить активную внешнюю политику, дьяковский епископ обратил на нее более пристальное внимание. Этим отчасти и объяснялась поездка Штросмайера в Белград.

Дуализм, а также поражение Австрии в войне с Пруссией в 1866 г. активизировали сближение Национал-либеральной партии с Сербией. В августе 1867 г. А. Орешкович, бывший австрийский офицер, а затем советник сербского князя, докладывал последнему, что Штросмайер согласился с предложением И. Гарашанина «касательно совместных действий Триединого королевства и Сербии с целью основания югославянского государства, независимого и от Австрии и от Турции». О переговорах между Штросмайером и Гарашаниным сообщал русскому посланнику в Вене Е.П. Новикову и австрийский министр иностранных дел Ф. Бейст: «Из шкур Турции и Венгрии хотят составить конфедерацию славянских государств, группирующихся вокруг княжества Сербии». С теми же планами в сентябре 1868 г. в Белград был направлен Й. Суботич, воеводинский серб, сторонник создания югославянского государства, для переговоров с сербскими регентами, правившими страной после убийства князя Михаила. Регенты не стремились вести на Балканах активной политики, и Штросмайер в поисках союзников начал действовать в другом направлении.

Несомненно, слухи о шагах Штросмайера по отношению к сербам и России дошли до славянофилов. И они изменили свое отношение к нему. В своей новой газете «Москва» И.С. Аксаков накануне Этнографической выставки сообщал, что Штросмайер и буковинский епископ Гакман «сами

предложили свои услуги к обогащению не только московской этнографической выставки, но и музея». В том же году «Москва» писала о пожертвованиях Штросмайера, с одобрением отзывалась о его стремлении ввести в католическое богослужение старославянский язык, о том, что епископ простил долг в 300 тыс. гульденов крестьянам дьяковской диотезы. Приветствовала «Москва» и выступление Штросмайера против хорвато-венгерского соглашения, заключенного в 1868 г. и дававшего большие преимущества венграм по сравнению с хорватами. «Москва» выражала поддержку Штросмайеру против нападок немецкой и венгерской прессы. С симпатией отзывались о Штросмайере и другие российские газеты. Так либерал А.А. Краевский в своей газете «Голос» особенно подчеркивал его противостояние хорвато-венгерскому соглашению, с тех же позиций писал о дьяковском епископе и журнал «Беседа»⁵⁵⁸.

В октябре 1868 г. Штросмайер приехал в Белград, где тайно встретился с русским генеральным консулом Н.П. Шишкиным. По донесению последнего князю А.М. Горчакову от 21 октября 1868 г., епископ обрисовал консулу тяжелое положение хорватов после введения дуализма. «Все наиболее выдающиеся личности, состоящие на государственной службе, – передавал слова Штросмайера Шишкин, – немилосердно из нее изгоняются, от поземельных собственников, ремесленников и простых работников требуется бездоимочная уплата отяготительных налогов, и всякая неисправность влечет за собой тюремное заключение, аукционные продажи за бесценок добытого потом и кровью имущества и неминуемое разорение». Центральное правительство в союзе с крупными землевладельцами-мадьярами посылают в хорватский сабор только людей, «безусловно

⁵⁵⁸ Лециловская И.И. Й.Ю. Штросмайер в русской современной ему периодической печати. С. 115–120.

подчиняющихся его внушениям и готовых продать самые неприкосновенные преимущества народа в угождение своим покровителям». Пресса, которая находится в руках народной (национальной) партии, подвергается систематическому угнетению и штрафам и должна или переселиться в Вену или закрываться. Штросмайер полагал, что хорватам нечего ждать ни от венгров, ни от австрийцев. «Давно взоры наши с любовью и надеждой обращались к России, единственной и бескорыстной защитнице христианства и славянства». И далее Штросмайер излагал пожелания хорватов, которые, по его мнению, должна была выполнить Россия: определить денежную помощь для патриотов, пострадавших от мадьярских гонений; оказать народнякам материальное пособие для противодействия проидам правительственной партии во время выборов; помочь изданию патристических газет *Pozor* («Позор») и *Zukunft* («Цукунфт»), выходящих теперь в Вене.

Если русское правительство окажет хорватам помощь, то, обещал Штросмайер: «Я обязуюсь именем народа, подарившего меня своим полным доверием, быть всегда послушным орудием воли и приказаний России, без совета ее не делать ни одного шага, не предпринимать ничего [...] Сверх того я обязуюсь быть орудием интересов России в здешнем крае; извещать обо всем, что будет замышлять Австрия с Венгрией против ее единоплеменников и против нее и употребить все свое влияние на Военную Границу, чтобы образовать из нее передового исполнителя великодушных предначертаний». Шишкин добавлял, что источником взглядов дьяковского епископа «служит глубокое и непоколебимое убеждение, что одна Россия разрешит давнишнюю задачу воссоздания югославянского мира»⁵⁵⁹.

⁵⁵⁹ Фрейдзон В.И. Две беседы Й.Ю. Штросмайера с российскими дипломатами // *Lik i djelo*. S. 191–194.

Таким образом Штросмайер предложил русскому правительству сотрудничество Национально-либеральной партии против австрийских властей, если они будут действовать во вред интересам России и южных славян. Однако оно отказалось принять предложение Штросмайера. Министерство иностранных дел поручило Шишкину передать дьяковскому епископу, что «сочувствуя его ревностным усилиям поддержать народность хорватскую, мы не можем принять никакого участия в действиях, направленных против австрийского правительства». В.И. Фрейдзон объясняет такой ответ русских тем, что Россия в то время стремилась наладить хорошие отношения с Австро-Венгрией. На мой взгляд, большое значение имел и факт недоверия русских правящих кругов к Штросмайеру, который до этого времени проводил в Боснии и Герцеговине политику австрийских властей, хотя к концу 1860-х годов он уже переориентировался. Все же благожелательный ответ министерства иностранных дел, хотя и ничего не значащий, переданный епископу через Шишкина, позволил ему в сентябре 1870 г. обратиться к русскому посланнику в Вене Е.П. Новикову. На этот раз Штросмайер просил Россию помочь сохранить Габсбургскую империю, которой угрожала опасность быть поглощенной Германией. Это поглощение было бы опаснее для славян, чем их существование в Австро-Венгрии⁵⁶⁰.

В 1870-х годах у Штросмайера укрепляются отношения с отдельными славянофильскими деятелями России, которые высоко оценивали его как одного из выдающихся национальных деятелей зарубежных славян. В 1872 г. Штросмайеру вместе с чешскими лидерами Ф. Палацким и Ф. Ригером было присвоено звание почетного члена Одесского славянского благотворительного общества⁵⁶¹. В 1874 г. Штросмайе-

⁵⁶⁰ Там же. С. 196–199.

⁵⁶¹ Зарубежные славяне и Россия. С. 156.

ра избрали почетным членом Московского университета⁵⁶². Возобновились его контакты с Раевским. Обычно передавались приветы и происходил обмен печатными материалами через ближайшего сподвижника епископа Ф. Рачкого или преподавателя славянских языков и литературы в Загребском университете словенца Ф. Целестина.

Помимо Штросмайера русская общественность и научные круги уделяли внимание его сподвижнику Франу Рачкому. Фран Рачки (1828–1894) родился в Хорватском Приморье, окончил гимназию в Вараждине и богословскую семинарию в Сене. Осенью 1849 г. при поддержке епископа Ожеговича поступил на богословский факультет Венского университета, по его окончании он знал немецкий, итальянский, французский, русский, польский, чешский языки. В Вене Рачки познакомился с Штросмайером, Кукулевицем, Шафариком. Уже во время учебы он собирал материал о деятельности Кирилла и Мефодия, о боготомилах. В 1855–1857 гг. Рачки работал профессором канонического права в Сеньской семинарии. В 1857 г. вышла в свет его книга на хорватском языке «Жизнь (век) и деятельность св. Кирилла и Мефодия, славянских апостолов». В 1857 г. Рачки отправился в Рим, где служил капелланом. Эта должность позволила ему работать в римских архивах, где он собирал материалы по истории славян. В результате в 1859 г. была опубликована 2-я часть его книги о Кирилле и Мефодии. В 1860 г. Рачки возвратился на родину, поселился в доме Штросмаейера и полностью отдался научной деятельности. В 1861 г. в Загребе была издана его книга «Славянская письменность». По протекции епископа Рачки стал инспектором народных школ, одновременно он участвовал в деятельности Национально-либеральной партии, писал

⁵⁶² Лукьянов С.М. О Вл.С. Соловьеве в его молодые годы. Пг., 1916. Т. 1. С. 1.

статьи в ее газету *Pozor* («Позор»). В 1866 г. в Загребе открылась Югославянская академия наук и искусств, ее президентом был избран Рачки, который занимал эту должность 22 года. С Югославянской академией сотрудничали крупнейшие югославские ученые В. Ягич, В. Богишич, Т. Смичиклас, Н. Даничич, С. Новакович, Н. Дучич и др. Рачки переписывался со всеми русскими профессорами славистики. С 1871 г. он принял участие в создании литературного журнала *Vienac* («Венац»), в котором опубликовал ряд статей о России, в том числе об археологических съездах в Киеве (1875) и Тифлисе (1881), очерки о Ф.М. Достоевском, Н.Я. Данилевском, И.С. Аксакове, М.Н. Каткове⁵⁶³.

Во время Восточного кризиса (1875–1878) и завершившей его русско-турецкой войны (1877–1878) Штросмайер и Рачки решительно встали на сторону России и славян. Штросмайер говорил в частной беседе хорватскому ученому В. Ягичу, что если бы Австрия оккупировала Боснию, то «подвергла бы наш народ еще более тяжким страданиям, чем теперешние», ибо она стала бы натравливать католических монахов и бегов «против самых священных интересов нашего народа»⁵⁶⁴. Как можно видеть, Штросмайер, помогавший до середины 1860-х годов в реализации австрийских планов в Боснии и Герцеговине, во время Восточного кризиса решительно перешел на сторону России и южных славян. Его полностью поддерживал в этом ближайший соратник и друг Ф. Рачки. Рачки весной 1877 г. в письмах к Штросмайеру резко высказывался против антирусских выступлений папы.

⁵⁶³ Смичиклас Т. Жизнь и труды д-ра Фр. Рачкого, первого председателя Югославянской академии. Загреб, 1895. Перевод Т.Д. Флоринского // Университетские известия. Киев. 1895. С. 105–134.

⁵⁶⁴ Цит. по: Фрейдзон В.И. Борьба хорватского народа за национальную свободу. С. 300, 335–336, 338–339.

«Блестящие успехи русских радуют нас, – писал он с удовлетворением епископу 22 июля 1877 г. – Если дело пойдет так и дальше, война бы могла окончиться до зимы. Слышно, что Россия думает создать из Болгарии и Боснии вассальное государство, да мстительность Австрии мешает. Черногория и Сербия округлили бы только свои границы в Старой Сербии и Албании». 6 января 1878 г. Рачки в письме к Штросмайеру выражал надежду, что Россия не удовлетворится половинчатым решением Восточного вопроса и потребует самостоятельности для славянских стран на Балканах. Он полагал, что об аннексии Боснии и Герцеговины Австрией речь пока не идет. Однако уже 17 июня 1878 г. Рачки должен был констатировать, что Россия допустила большую ошибку, разрешив (согласно Берлинскому трактату. – И.Ч.) австрийцам войти в Боснию и Герцеговину. Он выражал опасение, что русская дипломатия под нажимом великих держав многое должна будет уступить из Сан-Стефанского договора⁵⁶⁵. Однако в письме к М.Ф. Раевскому от 27 июня 1878 г. Рачки, высказав свое восхищение Россией, указал, что Россия не ошиблась, подписывая Берлинский мирный договор. Он подчеркнул, что русский народ принес неизмеримые жертвы для освобождения Востока и заложил крепкое основание для полного освобождения славян⁵⁶⁶. И спустя десять лет после окончания русско-турецкой войны в письме к Рачкому от 20 декабря 1888 г. Штросмайер с сожалением отмечал, что русские, как и все славяне – слабаки, так как неправильно вели себя на Балканах⁵⁶⁷. Штросмайер имел в виду разрешение Австро-Венгрии занять Боснию и Герцеговину согласно Берлинскому трактату.

⁵⁶⁵ Šišić F. Korrespondencija Rački – Strossmayer. Zagreb, 1929. T. 2. S. 136, 177.

⁵⁶⁶ ОПИ ГИМ. Ф. 347. Д. 63.

⁵⁶⁷ Korrespondencija Rački – Strossmayer. Zagreb, 1931. T. 4. S. 55.

В начале 1880-х годов отношения Штросмайера со славянофилами обострились в связи с приходом к власти папы Льва XIII, мечтавшего объединить под своею властью православную и католическую церковь. Он поддерживал стремление епископа Штросмайера создать кирилло-мефодиевскую церковь. В 1880 г. Лев XIII опубликовал свою знаменитую энциклику *Grande munus* («Гранде мунус»). Она включала славянских просветителей Кирилла и Мефодия в календарь святых всей католической церкви и призывала славян объединиться в единой церкви на основе наследия просветителей. На содержание энциклики оказали влияние Штросмайер и моравские епископы⁵⁶⁸. Штросмайер еще в 1860-е годы мечтал о создании кирилло-мефодиевской церкви. Славянофилы рассматривали желание епископа ввести старославянский язык в католическое богослужение как шаг к православной церкви. Но Штросмайер имел другие цели. Он видел во введении славянского богослужения возможность создания единой славянской церкви со славянской литургией, но с католическим обрядом и с подчинением папе. Ради этого Штросмайер уговаривал правительства Сербии, Черногории и Болгарии заключить конкордат с римским папой. Но ему не удалось этого добиться.

Такая церковь совсем не устраивала православные круги, ибо в ней они справедливо видели опасную соперницу православной церкви. И это понимали не только в России, но и в Сербии. Так, против введения славянской литургии в католических церквях Сербии решительно выступал видный сербский политик Йован Ристич, который видел в этом опасность для православия, поскольку это открыло бы двери католической пропаганде в Сербии⁵⁶⁹.

⁵⁶⁸ Šuljak A. Biskup Josip Juraj Strossmayer i cirilo-metodijevska glagoliška baština // Lik i djelo. S. 262.

⁵⁶⁹ Ivanišević A. Strossmayera nastajanja oko slavenske liturgije s gledišta austro-ugarskih centralnih vlasti i Vatikana // Lik i djelo. S. 223.

В знак признательности папе за энциклику Штросмайер организовал паломничество славян в Рим в 1881 г. Весной 1881 г. он опубликовал окружное послание, посвященное Кириллу и Мефодию. В нем епископ благодарил папу за то, что тот определил день памяти Кириллу и Мефодию для всех христиан. Подчеркнув, что славянские апостолы трудились ради церковного единства всех славян, Штросмайер указывал, что они видели в национальном языке особый дар Бога, который надо развивать и хранить. Благодаря Кириллу и Мефодию славяне получили литургию и первые религиозные книги на собственном языке. Рачки поддержал епископа. Всего в паломничестве в Рим, организованном ими, участвовало более тысячи славян, в том числе около сотни хорватов и словенцев⁵⁷⁰.

Организация Штросмайером паломничества в Рим и особенно его окружное послание вызвали неудовольствие православных кругов Сербии и России. Три сербских епископа в окружном послании осудили деятельность дьяковского епископа, называя его «волком в овечьей шкуре»⁵⁷¹.

Русский консул в Риеке (Фиуме) К.Д. Петкович в донесении от 27 июня 1881 г. министру иностранных дел Н.К. Гирсу сообщал, что Рачки обратился с циркуляром ко всем католикам Триединого королевства принять участие в паломничестве в Рим в память энциклики папы. К этому же призвал и Штросмайер в своем окружном послании. По мнению Петковича, некоторые видят в указанной энциклике «не только предстоящее будто бы скорое восстановление славянского богослужения в слав[янских] католических странах, но и еще важнее, и первый возможный шаг к воссоединению западной и восточной церквей в смысле, разумеется, римско-католическом». Далее Петкович

⁵⁷⁰ Ibid. S. 224–227.

⁵⁷¹ Šuljak A. Biskup Josip Juraj Strossmayer. S. 261.

отмечал, что хотя против этого выступили сербы Триединого королевства, Венгрии, Боснии и Герцеговины, все же благодаря стараниям Штросмайера и комитета, созданного Рачким, нашлось большое количество желающих отправиться в Рим⁵⁷². Вместе с тем Петкович старался быть объективным по отношению к дьяковскому епископу. В донесении от 26 сентября 1882 г. А.Е. Влангали он, описывая освящение кафедрального собора в Дьякове, подчеркивал: «По окончании обряда освящения церкви и литургии, совершенной на славянском языке, епископ Штросмайер произнес проповедь на тему об апостольской деятельности славянских первоучителей свв. Кирилла и Мефодия, произведшей глубокое впечатление на слушателей». Далее Петкович отметил, что Штросмайер не только подарил своему народу достойный памятник церковной архитектуры, но основал Югославянскую академию наук, университет, картинную галерею в Загребе, духовную семинарию в Дьяково. Петкович видел две причины такой деятельности Штросмайера: желание поднять духовные и материальные силы своего народа и оказать духовное и политическое воздействие на православных в Австро-Венгрии, Черногории, Сербии⁵⁷³. Такое двойственное отношение к Штросмайеру практически установилось в официальных российских кругах.

Несмотря на ухудшение отношения к Штросмайеру, Раевский продолжал сотрудничать с хорватскими национальными учреждениями, в частности, с Югославянской академией наук и искусств, возглавлявшейся Рачким. Еще в конце 1870-х годов у Раевского завязалась переписка с профессором Киевской духовной академии Александром Дмитриевичем Вороновым (1839–1883), редактором

⁵⁷² Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 154 (Азиатский департамент). Оп. 710/1. Д. 1046. Л. 35–36.

⁵⁷³ Там же. Д. 1047. Л. 20–22.

«Киевских епархиальных ведомостей». Раевский посылал ему книги о Кирилле и Мефодии, написанные католическими священниками, в частности книги Рачкого. Он также содействовал установлению научных связей Киевской духовной академии с Югославянской академией в Загребе. Воронов писал Михаилу Федоровичу 13 (26) февраля 1881 г.: «Несомненно уверен, что доброе слово Рачкого и желание заградской Академии наук и искусств вступить в сношения с нашею Академиею вызваны Вашим добрым посредничеством. Примите от меня и от Академии живейшую благодарность. Думаю, что Академия наша с удовольствием встретит любезное предложение Рачкого и заградской Академии, столь высоко выдвинувшейся своими учеными трудами по славяноведению»⁵⁷⁴. В марте 1881 г. начался обмен книгами между Киевской духовной академией и Югославянской академией. 5 (18) марта Воронов писал своему венскому корреспонденту, что он послал Рачкому свои труды, а также книгу К.Я. Грота («Известия Константина Багрянородного о сербах и хорватах и их расселении на Балканском полуострове». СПб., 1880. – ИЧ.). Воронов с удовлетворением сообщал Раевскому: «Недавно я получил очень теплое письмо от г. Рачкого, в котором он заявляет готовность вступить в ученые сношения с нашею Академиею и обмениваться изданиями. Обещает выслать все, что я просил из изданий заградской Академии и со своей стороны просит выслать труды нашей Академии за все годы. Нам всем это весьма приятно»⁵⁷⁵.

Об отношении к Штросмайеру Раевский откровенно высказывался в письмах Воронову. Католические славяне приняли решение отметить в 1885 г. тысячулетнюю годовщину смерти Мефодия в столице Великой Моравии,

⁵⁷⁴ Даты писем Воронова даны в соответствии с источником.

⁵⁷⁵ Југословени и Русија. С. 178–180.

древнего славянского княжества, Велеграде. Славянские католические ученые обратились к ряду русских славистов (видимо через Раевского) с предложением почтить память славянских просветителей разработкой истории их деятельности. Такие приглашения получили в том числе А.Д. Воронов и И.И. Срезневский. 15 января 1880 г. Воронов обратился с письмом к Раевскому, в котором просил его извиниться перед приглашавшими за отказ, сославшись на его нездоровье и загруженность делами. Раевскому же Воронов объяснил истинные причины своего нежелания участвовать в этом мероприятии: ему не нравится позиция некоторых славянских ученых-католиков, которые провозгласили папу главой всех христиан. В частности Воронов указывал на статью чеха Прохазки в журнале «Часопис католического духовенства». Вместе с тем он выражал желание, чтобы католические и православные ученые обменялись своими трудами о св. Кирилле и Мефодии. По поводу написания совместных трудов Воронов приводил Раевскому мнение И.И. Срезневского, с которым он был вполне согласен. «Во всем этом предприятии, – писал Срезневский, – несмотря на участие двух-трех достойных представителей западнославянской научной деятельности, я не вижу никакой научной цели, а цель социально-политическую и религиозную. Я не вижу даже знания трудностей, сопряженных со строго научным решением вопросов, так решительно задаваемых людьми, которые славянской филологией и церковной археологией несколько не занимаются»⁵⁷⁶. Точка зрения Воронова и Срезневского была близка Раевскому. Мало того, он пытался настроить по крайней мере Воронова против Штросмайера. 16 (28) мая 1881 г. Раевский отправил Воронову окружное послание епископа о Кирилле и Мефодии, сопроводив его своими комментариями. «Прочитайте со вниманием

⁵⁷⁶ Зарубежные славяне и Россия. С. 97–99.

строссмаеровское дело! – возмущался Раевский. – А мы бедные и не разумели до сего дня, что Кирилл и Мефодий явились для отвлечения от восточной шиизмы, да и приняли их богослужебные книги и молились им как православным! Неужели мы только будем приходить в телячий восторг от того, что западные славяне принимают славянское богослужение, не замечая, что под этим кроется?». И далее Раевский с горечью отмечал: «Штросмайер был моим приятелем, восхищался православною верою, а теперь ко мне больше не заглядывает. Есть стыд и у иезуитов!» Раевский призывал Воронова и других ученых из духовных академий России писать труды против Штросмайера.

18 ноября 1881 г. Раевский послал Воронову славянскую литургию, произнесенную Штросмайером. «Какова славянская литургия! – восклицал он. – Напрасно Вы думаете, что она составлена только одна. Теперь хорватская литургия новая употребляется во многих тамошних церквах, и проникла даже в Боснию. Штросмайер действует. В соседних же странах упали наши акции. Сербия почти совсем поработана Австрией»⁵⁷⁷.

Со взглядами Раевского на деятельность Штросмайера был полностью согласен И.С. Аксаков, который критиковал дьяковского епископа в своей газете «Русь» (1880–1886). В «Политическом обозрении», опубликованном газетой в 1881 г., подчеркивалась антиславянская направленность деятельности Штросмайера, организовавшего славянское паломничество в Рим. Штросмайер, «один из главных инициаторов путешествия и коновод антиславянского движения между хорватами и мораванами, получил, говорят, два миллиона гульденов на расходы и сам отправился в Рим прежде всех других паломников». Требование Загребского комитета паломников по наущению Штросмайера и его

⁵⁷⁷ Југословени и Русија. С. 178–180.

друга Рачкого, чтобы на торжестве в Риме месса была прочитана на славянском языке, рассматривалась автором «Политического обозрения» как попытка создать конкуренцию Москве⁵⁷⁸.

В 1883 г. Рачки и Штросмайер обсуждали в письмах нападки на епископа славянофилов. «Аксаковская «Русь» набросилась на Вас из-за начавшегося перехода православных в католичество», – писал Рачки Штросмайеру 15 марта 1883 г. А 20 марта 1883 г. Штросмайер отвечал ему: «Утверждение Аксакова, что я называю православных сербов еретиками и схизматиками, утверждение ложное и выдуманное фанатиками вроде Живковичей и Княжевичей. Никто на свете таких выражений в моих сочинениях не найдет. Более того, я открыто утверждаю и доказываю, что между нами всеми нет никаких догматических различий». Штросмайер замечал, что ни православные, ни католические славяне не откажутся от своих обрядов, следовательно, пусть каждый останется при своем. «Русские, особенно сербы, – с грустью признавал епископ, – отбрасывают от себя безумно лучших своих друзей»⁵⁷⁹.

Такая позиция по отношению к Штросмайеру не устраивала не только хорватских национальных деятелей, но и ряд представителей русской интеллигенции. Об этом прямо писал в журнале «Вестник Европы» М.М. Стасюлевич – либеральный публицист, историк, долгое время возглавлявший этот журнал (псевдоним – «С»).

Стасюлевич отмечал, что письмо Аксакова Ригеру оказало отрицательное воздействие на хорватов. «А мы-то, неправославные славяне, говорили мне, например Мишкатович и Мразович, двое из самых влиятельных деятелей

⁵⁷⁸ Русь. М., 27.06.1881. С. 8.

⁵⁷⁹ Šišić F. Korrespondencija Rački – Strossmajer. Zagreb, 1930. Т. 3. С. 36, 60.

Хорватии (первый редактор-издатель газеты *Obzor* «Обзор», второй бургомистр города Загреба) – мы-то куда должны деваться, какая нас ждет судьба? Для нас, значит, объединение славян было бы гибелью, так как мы не можем и не хотим менять свою веру?» «Мы любим Россию, – говорил со своей стороны и известный славист Кукулевич, – любим славянство и не можем не любить его, потому что, что бы там ни говорил г. Аксаков, а мы славяне и славянами останемся, хотя мы и католики [...] Грустно это, очень грустно. Точно у славян мало других предметов раздора, что понадобилось еще возобновлять опять такой странно звучащий в наше время вероисповедный вопрос». Стасюлевич особенно останавливался на отношениях Штросмайера и Раевского. «Этот самый Штросмайер во времена своей молодости, когда он только еще вступил на поприще общественной и народной деятельности, – писал Стасюлевич, – искал союза ни с кем иным, как именно с русскими и притом еще со славянофильской партией в лице ее представителя, нашего протоиерея при венском посольстве, отца Раевского, в то время тоже молодого еще человека и энергетического деятеля возрождения славянства в Австрии. Какой же ответ получил он в конце концов от отца Раевского? – “Нет, мы, видно, друг другу не пара. По-нашему славяне все должны быть православными, а вы тянете к римской курии”. Мне рассказывал это наш соотечественник, а именно сам отец Раевский. Когда я выразил ему свое удивление, по поводу такого, по моему крайнему убеждению, вовсе не тактичного и даже прямо противного интересам славянства поступка, преподобный отец и мне повторил то же самое: “тянет к римской курии, не думает о славянстве”. Это Штросмайер не думает о славянстве, человек, который всю свою жизнь положил на народное дело, создал своими усилиями и отчасти на собственные средства все национальное учебное дело Хорватии, начиная от народных школ до университета

в Загребе, создал музей, разные общества и даже до сих пор отдаёт на все это восемь десятых своего огромного дохода! [...] И, однако, он (Раевский. – И.Ч.) ее повторял и теперь повторяет и продолжает отталкивать от себя и от России все неправославное славянство, разумеется бессознательно, помогая тем Австрии». Стасюлевич с горечью констатировал, что Австрия, провозгласившая равноправие религии и языка в Боснии и Герцеговине, будет иметь несомненное преимущество перед Россией⁵⁸⁰.

Соглашаясь с выводом Стасюлевича о предвзятом и ошибочном отношении Раевского к Штросмайеру, что вредило отношениям хорватских национальных деятелей к России, следует иметь в виду, что к другим хорватским патриотам Раевский относился вполне благожелательно. Он был близок И. Кукулевичу-Сакцинскому, лоялен по отношению к другу Штросмайера Рачкому. Недоброжелательство Раевского по отношению к дьяковскому епископу можно объяснить тем, что славянская (кирило-мефодиевская) церковь, о которой радел последний, предполагала ее подчинение Ватикану. В такой славянской церкви русский священник видел опасную соперницу русской православной церкви.

И спустя пять лет в «Русских ведомостях» появилась статья в защиту католических славян, перепечатанная затем журналом «Русское дело». В ней критиковалось письмо к чехам И.С. Аксакова, в котором он призывал их перейти в православие. «Тот же горячий хорватский патриот Штросмайер, – писал автор статьи, – который искал сближения с Россией и даже со славянофильской партией в лице ныне покойного уже настоятеля русской посольской церкви в Вене о. Раевского, теперь громко проповедует о слиянии католической церкви с православною, и славяне его

⁵⁸⁰ Вестник Европы. 1881. № 4. С. 864–865.

слушают и рукоплещут»⁵⁸¹. Автор статьи явно не одобрял позицию Аксакова, считая, что она отталкивает от России католических славян.

Стремление Штросмайера сотрудничать с Россией прослеживается у него до конца жизни. Он пытался выйти на русские властные структуры и через придворных. Хорватский историк И. Очак обнаружил письма Штросмайеру придворной дамы русской императрицы княгини Елизаветы Трубецкой. Наиболее активная переписка с ней епископа пришла на 1886–1893 гг. Очак считает, что Трубецкая являлась политическим информатором для Штросмайера⁵⁸².

С рядом представителей русской общественности у Штросмайера сложились достаточно теплые отношения. В славянофильских и близких к ним кругах его считали одним из выдающихся национальных деятелей зарубежных славян.

Среди русских общественных деятелей 70–80-х годов XIX в. особый интерес у Штросмайера вызывали те, кто считал необходимым объединение католической и православной церквей. Ими являлись славянофил Александр Алексеевич Киреев и философ Владимир Сергеевич Соловьев. А.С. Киреев являлся старшим братом Николая Киреева, сражавшегося на стороне сербов во время сербско-турецкой войны 1876 г. и погибшего в одном из боев, и известной славянофильской публицистки Ольги Киреевой, по мужу Новиковой. А.А. Киреев был членом Петербургского отдела Общества любителей духовного просвещения. Он установил связь со Штросмайером уже с начала 1870-х годов. Так, 15 июня (7 июля) 1872 г. А.А. Киреев сообщал Раевскому,

⁵⁸¹ Русское дело. 1881. № 14. С. 26.

⁵⁸² *Očak I. Ruski aspekt strossmayerovih veza u drugoj polovici 19. stoljta // Lik i djelo. S. 165–169.*

что собирается прислать ему протоколы трех заседаний Общества любителей духовного просвещения для передачи их Штросмайеру⁵⁸³. По всей вероятности не без содействия А.А. Киреева Санкт-Петербургское Славянское благотворительное общество, видным членом которого он являлся, в 1888 г. по случаю празднования 300-летнего юбилея хорватского поэта XVII в. И. Гундулича избрало Штросмайера почетным членом⁵⁸⁴.

Через словенского либерала П. Турнера была знакома со Штросмайером и Ольга Алексеевна Новикова (урожд. Киреева). Во всяком случае, в их переписке он упоминается с самым большим почтением. Так Ольга Алексеевна 2 февраля 1878 г. спрашивала Турнера: «Думаете ли Вы, что Штросмайер (которым я очень восхищаюсь) читает по-русски?». А 20 ноября 1879 г. она снова советовалась с Турнером, посылая ему одну из своих статей: «Думаете ли Вы, что я могу послать эту статью и епископу Штросмайеру? Довольно ли он славянин, чтобы читать ее?» 20 марта (2 апреля) 1880 г. Новикова сообщала Турнеру, что она отослала Штросмайеру свою книгу вместе с письмом, но ответа не получила. «Не оскорбила ли вас обоих моя книга? – волновалась она. – Эта мысль меня очень тревожит». Но 31 октября Ольга Алексеевна успокоила своего словенского друга, написав, что получила прелестное письмо от Штросмайера и добавляла: «этим я обязана Вам». 22 (10) февраля б.г. (скорее всего 1881 г.) в письме к Турнеру она писала, что давала лидеру английских либералов Гладстону читать письма Турнера и Штросмайера, что тот хорошего мнения о них и обещает охранять Англию от союза с Австрией⁵⁸⁵.

⁵⁸³ Зарубежные славяне и Россия. С. 210.

⁵⁸⁴ *Лециловская И.И. Й.Ю. Штросмайер в русской современной ему периодической печати. С. 523.*

⁵⁸⁵ *Banovinski arhiv v Mariboru. Privata. Pisma Olgi Novikve P. Turneru.*

С О.А. Новиковой и А.А. Киреевым был в добрых отношениях замечательный русский философ Владимир Сергеевич Соловьев (1853–1900), сын известного историка С.М. Соловьева. В 1875 г. он в течение нескольких месяцев жил в Лондоне, где регулярно бывал в салоне О.А. Новиковой, в котором часто велись разговоры о сближении православной и англиканской церквей⁵⁸⁶. Более тесные отношения связывали В.С. Соловьева с А.А. Киреевым, с которым он переписывался в 1878–1887 годы. Киреев, как и Соловьев, выступал за объединение православной и католической церквей. Соловьев видел в нем единомышленника, хотя позднее Киреев указывал, что никогда в своей публицистической деятельности «не отступал от славянофильских идеалов». Что же касается Соловьева, то он высоко ценил славянофилов первого поколения – И.С. Аксакова, Ю.Ф. Самарина, которые выступали против ненормального положения церкви в России, за церковную свободу и свободу совести. Особенно близким по взглядам он считал И.С. Аксакова, с которым познакомился в 1875 г. После этого Соловьев часто бывал у Аксаковых. Позднее он вспоминал: «Мне было интереснее видится с Аксаковыми без гостей [...] Я полюбил и мужа и жену»⁵⁸⁷. Соловьев сотрудничал в газете И.С. Аксакова «Русь». Однако Соловьеву были чужды националистические взгляды нового поколения славянофилов⁵⁸⁸.

Окончательный разрыв между В.С. Соловьевым и А.А. Киреевым произошел в 1889 г. В «Вестнике Европы» № 11 за 1889 г. была напечатана статья В.С. Соловьева «Очерки из истории русского сознания», в которой он резко выступал против нового славянофильства, отождествляя

⁵⁸⁶ Лукьянов С.М. О Вл.С. Соловьеве в его молодые годы. С. 90, 139.

⁵⁸⁷ Там же. С. 154.

⁵⁸⁸ Соловьев В.С. Письма Владимира Сергеевича Соловьева. СПб., 1909. Т. II. С. 103.

его с национализмом. В ответ Киреев издал брошюру «Славянофильство и национализм». «Между нами (православными националистами) и им, – подчеркивал Киреев, – остается так мало общего, что на соглашение или даже на примирение наших взглядов нет и не может быть никакой надежды»⁵⁸⁹.

Однако в первой половине 1880-х годов, судя по письмам Соловьева Кирееву, отношения между ними были еще вполне доброжелательными. По-видимому, через Киреева и произошло заочное знакомство Штротсмайера и Соловьева.

В 1881 г. Штротсмайер опубликовал окружное послание в связи с отмечавшимся тогда тысячелетием завершения христианизации хорватов. В нем он выступил за введение славянской литургии в католической церкви, за сближение и, возможно, объединение последней с православной церковью. Это послание было поддержано папой Львом XIII, но идеи Штротсмайера воспротивились австрийское и русское правительства. В марте 1883 г. Целестин передавал Раевскому свой разговор на эту тему с Рачким, который заметил, что в связи с недовольством австрийской и русской дипломатий инициативу Штротсмайера пришлось отложить до лучших времен⁵⁹⁰.

Осенью 1882 г. в газете И.С. Аксакова «Русь» появилась статья В.С. Соловьева «О русском народном расколе». В ней он показал весь вред, который раскол причинил русскому народу и призвал все секты к воссоединению с русской православной церковью. Русский раскол, полагал Соловьев, отрицает кафоличность (вселенский характер) христианства во имя местных и временных особенностей. В этом отношении, несмотря на кажущуюся разницу,

⁵⁸⁹ Киреев А.А. Славянофильство и национализм. Ответ г. Соловьеву. СПб., 1890. С. 4.

⁵⁹⁰ Зарубежные славяне и Россия. С. 458.

«раскольников похуже на протестантизм, ибо то и другое ставят личное мнение выше вселенского, частное выше общего». «Оставляя все односторонние пристрастия и интересы, – призывал Соловьев, – должно нам решительно стать на почву самого вселенского католического христианства, иметь в виду только самую святыню Божией церкви». На этой основе, по мнению Соловьева, должны объединиться христиане⁵⁹¹.

Статью Соловьева Штросмайер получил через Целестина. 17 января 1883 г. Целестин сообщал Раевскому: «Епископ Штросмайер очень заинтересовался статьями В. Соловьева, так что пожелал эти номера «Руси» от меня и попросил меня писать И.С. Аксакову, чтоб он внес его в число своих подписчиков на «Русь»»⁵⁹². В статьях Соловьева Штросмайера привлекала идея объединения христиан в единую церковь. Через два года Соловьев опубликовал статью «Славянский вопрос» также в славянофильском издании «Известия Санкт-Петербургского Славянского благотворительного общества» (июнь 1884 г.). Она была направлена против трудов Н.Я. Данилевского, Н.Н. Страхова, К.Н. Леонтьева, предрекавших гибель Европы и спасение России благодаря православной церкви. Соловьев не противопоставлял Россию Европе, но рассматривал ее как неотъемлемую часть последней. Он полагал, что все беды как России, так и Европы происходят прежде всего из-за раскола христианской церкви на католическую и православную. Началом «всеобщего исцеления» может быть только воссоединение католичества и православия. Объединение церквей особенно необходимо для славян, поскольку они принадлежат к двум культурам: католической и православной. И ни один из славянских народов не откажется

⁵⁹¹ Русь. 1882. № 38 (18.9), № 39 (25.9), № 40 (2.10).

⁵⁹² Зарубежные славяне и Россия. С. 457.

от своей веры. Следовательно, необходимо соглашение. «А без соглашения Востока и Запада на почве церковной, – подчеркивал Соловьев, – невозможно ни истинное единение славян, ни успешное исполнение всемирно исторических задач России». Единение церквей должно подготавливаться полной свободой «духовного взаимодействия между западным католичеством и нашим православием». «Восточное православие и западное католичество, – считал русский философ, – по своим образующим началам не исключают, а восполняют друг друга. Их враждебное противоположение не вытекает из истинной сущности, а есть лишь временный исторический факт»⁵⁹³.

Об этой статье Штросмайеру сообщил Рачки в июле 1884 г. Соловьев пишет об объединении церквей, подчеркивал Рачки, «и так умеренно, и с такой искренностью по отношению к русским, что было бы полезно заключить договор с этим ученым русским». Штросмайер сразу же попросил Рачкого прислать ему эту статью. «Прежде всего нужно изучить, что этот человек думает, – писал он, – а затем следовало бы опубликовать перевод его статьи в «Позоре» с замечаниями, из которых Соловьев мог бы понять, что мы думаем об этом». В следующем письме Штросмайер вновь напоминал Рачкому о Соловьеве: «Хорошо бы было все, что он пишет, перевести на наш язык и опубликовать»⁵⁹⁴.

В конце лета 1884 г. Рачки отправился в Россию. Одной из целей его путешествия была встреча с Соловьевым. Вернувшись в Загреб, Рачки 3 октября 1884 г. писал Штросмайеру: «В Петрограде я жил целую неделю, просмотрел все просветительские учреждения и встретился с замечательными людьми. Среди остальных разговаривал

⁵⁹³ Соловьев В.С. Сочинения в двух томах. Т. 1. Философская публицистика. М., 1989. С. 311–326.

⁵⁹⁴ Korespondencija Rački – Strossmajer. Т. 3. С. 131–133, 138.

я с проф. Соловьевым, который сейчас пишет о примате римского епископа. Этот человек по своим чувствам является католиком». Рачкого удивил интерес русских интеллигентов, в том числе и киевского митрополита Платона, к объединению церквей⁵⁹⁵.

В 1885 г. В. Соловьев получил от Штросмайера через свою ученицу, видевшую епископа в Среме, приглашение посетить его в Дьяково. Соловьев в письме благодарил Штросмайера: «Великою радостью было мне получить Вашу дорогую записку и приглашение. Если Богу будет угодно, в конце настоящей зимы хочу приехать в Загреб и Дьяково, узнать Вас лично, поклониться и принять благословение от знаменитого служителя церкви и радетеля славянства, и услышать Ваши мысли и советы об общем нам великом деле – соединении церквей. От этого соединения зависят судьбы России, славянства и всего мира [...] Сердце мое горит от радости при мысли, что имею такого руководителя как Вы»⁵⁹⁶. Одновременно Соловьев сообщал ближайшему соратнику Штросмайера Ф. Рачкому о своем намерении поехать в Дьяково для знакомства с епископом. Он послал Рачкому свои сочинения для передачи их Штросмайеру⁵⁹⁷.

Поездка Соловьева за границу в 1886 г. имела ряд причин. Одной из них было стремление встретиться с Штросмайером. Это желание было вызвано очасти выступлением его в Петербургской духовной академии, где он прочел лекцию об объединении православной и католической церквей. Рачки сообщил об этом Штросмайеру 30 июня 1886 г., указав, что Соловьев остался доволен тем, как встретили ее слушатели. Русский ученый спрашивал у Рачкого совета, стоит ли ему ехать в Рим, чтобы поднять там этот вопрос.

⁵⁹⁵ Ibid. S. 141.

⁵⁹⁶ Соловьев В.С. Письма. Т. 1. СПб., 1908. С. 180.

⁵⁹⁷ Там же. С. 165.

Относительно желания Соловьева Рачки замечал: «Все-таки не могу надеяться на немедленный успех, но уже много значит то, что в России пишут об этом»⁵⁹⁸.

Приехать в Австро-Венгрию Соловьеву удалось только летом 1886 г. 29 июня он сообщал из Вены Штросмайеру, что через несколько дней отправляется в Загреб, а «оттуда в Дьяково для свидания с Вами, что составляет главную цель моего путешествия»⁵⁹⁹. В Загребе Соловьев пробыл некоторое время. Жизнь его там текла размеренно и спокойно. «Милая мама, – писал Соловьев из Загреба, – вероятно Вам будет приятно узнать, что я здоровее обыкновенного, встаю в 8 часов, ем много яиц, гороху и всяких блюд, днем работаю, а вечером гуляю за городом. Мать моего хозяина 83-летняя, но совершенно бодрая и крепкая старушка, весьма за мною ухаживает, хотя объясняемся мы с нею не без затруднения, хорватский язык очень похож на малороссийский, но она немножко туга на ухо»⁶⁰⁰.

В Загребе Соловьев получил письма от Киреева и княгини Волконской, при этом последняя передавала через него важные поручения Штросмайеру. В сентябре 1886 г. Соловьев побывал в Дьяково, где и произошла его встреча с епископом. Он писал Рачкому о своем пребывании в Дьяково, замечая, что много работал там, много беседовал со Штросмайером. «Епископ говорит со мною и по латыни, и по французски, и по хорватски, – писал Соловьев, – и на всех языках одинаково приятно слышать его вдохновенную речь. Соглашаюсь вполне с о. Франки, что ни у одного народа нет такого епископа»⁶⁰¹. В письме к Кирееву Соловьев останавливался

⁵⁹⁸ Korrespondencija Rački – Strossmajer. T. 4. S. 448.

⁵⁹⁹ Соловьев В.С. Письма Владимира Сергеевича Соловьева. СПб., 1909. Т. I. С. 181.

⁶⁰⁰ Там же. Т. II. С. 43.

⁶⁰¹ Там же. Т. I. С. 167.

на содержании разговоров, которые он вел с Штросмайером. В частности, по мнению епископа, «анафемства Флорентийского и Ватиканского собора нисколько не относятся к тем православным, которые по неразумению и бона фиде (добросовестно) отвергают известные католические догматы, особенно, если они при этом стараются, насколько могут, о восстановлении церковного единства». Соловьев передавал Кирееву личные «братский привет и епископское благословение» Штросмайера, и вместе с тем заключал свои впечатления о епископе убеждением, что он является добрым католиком⁶⁰².

Кроме желания встретиться с Штросмайером Соловьев имел еще одну цель своей поездки в Загреб. К этому времени у него сложились плохие отношения с русской православной иерархией, особенно с обер-прокурором святейшего синода К.П. Победоносцевым. Практически печататься в России Соловьеву стало сложно. Об этом свидетельствует его письмо к Ф.Б. Гецу в декабре 1886 г. «Я теперь претерпеваю прямое гонение, – жаловался Соловьев. – Всякое мое сочинение не только новое, но и перепечатка старого, безусловно запрещается. Обер-прокурор синода П-в (Победоносцев. – И.Ч.) сказал одному моему приятелю, что всякая моя деятельность вредна для России и православия и следовательно не может быть допущена»⁶⁰³. О том же сообщал философ Рачкому 18 февраля 1887 г. из Москвы, отмечая, что во всех журналах ведется против него полемика, а ему ответить не дают⁶⁰⁴.

В Загребе согласились напечатать книгу Соловьева «История теократии». Посредником в этом деле выступил Ф. Рачки. Просмотр верстки этой книги (книга печаталась

⁶⁰² Там же. Т. II. С. 125.

⁶⁰³ Там же. Т. II.

⁶⁰⁴ Там же. Т. I. С. 173.

на русском языке) взял на себя Целестин. В апреле 1887 г. книга вышла в свет. В письме к Рачкому Соловьев просил, чтобы одну из 10 книг, которые ему полагалось получить из типографии, он бы отдал Штросмайеру, предварительно сделав для нее по заказу красивый переплет за счет Соловьева – черный кожаный с красным обрезом. «Так как епископ не читает по-русски, – добавлял он, – то пусть имеет по крайней мере на память обо мне красивую книгу»⁶⁰⁵. Книга Соловьева, изданная в Загребе, с трудом пробивала путь в Россию. Когда Киреев попросил Соловьева прислать ее ему, тот ответил весьма раздраженно. «Я бы рад был Вам, – писал он, – послать не один, а сто экземпляров моей книги, но как же мне это сделать, когда я живу в сельце Воробьевке, а книга напечатана в Загребе, который настолько отдален от меня системой нашего [...], что я не только не видел до сих пор своего собственного произведения, но и не знаю, когда и увижу»⁶⁰⁶.

Вернулся Соловьев в Россию в начале октября. Впечатления от первого путешествия в Хорватию остались у него самые приятные. «Рассказы мои о Хорватии, – сообщал он Рачкому из Москвы 9 (21) октября 1886 г., – слушаются с интересом и удовольствием, и я рад, что могу послужить к распространению хороших понятий о Вашей стране и народе. Сам я и в России остаюсь полухорватом и, несмотря на плохое знание языка, иногда думаю по-хорватски. Благодаря моему пребыванию у Вас я стал теперь славянофилом не в мыслях только, но и в сердце»⁶⁰⁷.

Помимо публикации книги важной целью пребывания Соловьева в Хорватии являлось посещение епископа Штросмайера, с которым он пытался согласовать условия, на которых может произойти объединение церквей.

⁶⁰⁵ Там же. С. 177.

⁶⁰⁶ Там же. Т. II. С. 126–127.

⁶⁰⁷ Там же. Т. I. С. 168.

Об этом есть документы: записка В. Соловьева Штросмайеру, написанная им в сентябре 1886 г. в Загребе, и ответное письмо Штросмайера Соловьеву. В своей записке Соловьев утверждал, что у православной (или Восточной) церкви нет никакого догмата или учения, которое бы противоречило вселенской истине. Она признает все догматы первых семи вселенских соборов. У православных отделение от католической (или Западной) церкви не санкционировано ни одним вселенским собором. Русская церковь, принимая в свое лоно католиков, не требует их перекрещивания, так как она признает действительными все католические таинства. Все это, по мнению Соловьева, облегчает объединение Восточной и Западной церквей. Такое объединение может совершиться при двух условиях. Во-первых, Русская православная церковь, признавая авторитет папы как преемника св. Петра, вместе с тем никогда не признает над собой его административной власти. Во-вторых, Русская церковь должна сохранить свои обряды, а также то высшее положение, которое всегда в ней принадлежало власти императора. В сопроводительном письме Соловьев выражал самое высокое почтение Штросмайеру и приглашал его посетить Петербург и Москву, что дало бы русским «единственный в своем роде случай искупить свои грехи перед Вашим предшественником Крижаничем»⁶⁰⁸.

Согласно воспоминаниям М. Цепелича, секретаря Штросмайера, записка Соловьева была издана в Дьякове в 10 экземплярах. Один из них был послан нунцию в Вене С. Ванутелли, другой – кардиналу Рамполле, секретарю папы, третий – папе Льву XIII, три экземпляра взял К. Войнович для распространения среди своих знакомых, четыре экземпляра получил Соловьев⁶⁰⁹.

⁶⁰⁸ Там же. 182–190.

⁶⁰⁹ Там же. С. 191.

Штросмайер написал Соловьеву ответное послание, копия которого была обнаружена автором. В нем Штросмайер одобрил записку Соловьева, полную, по его словам, мудрости и правды. Для подготовки общественного мнения России к делу объединения церквей Штросмайер рекомендовал создать общества в Петербурге и Москве из авторитетных лиц, пользующихся уважением в народе. Они должны просвещать императорский двор и народ, подготовить их к мысли о необходимости слияния церквей. В свою очередь, и в Риме должна быть учреждена соответствующая организация, в которую бы входили кардиналы, другие прелаты и миряне из высших кругов, и которая также должна была бы заниматься пропагандой идеи объединения церквей. «Ваша записка будет хорошей практической программой для римского общества, – добавлял Штросмайер. – Русского императора нужно убедить, чтобы он вернул русской церкви ее былую автономию, восстановив должность ее естественного главы – патриарха». Петр I, по мнению Штросмайера, достоин всяческих похвал, но он, преследуя православную церковь, лишил ее моральной и религиозной силы. Благодаря обретению автономии православная церковь усилится, и это явится выигрышем и для государства и для императора, который останется естественным защитником и покровителем церкви. Синод должен быть освобожден от правительственного надзора, который делает его бесплодным. Каждая провинция, каждая церковь должны избирать своего члена Синода. Естественным местом пребывания Синода Штросмайер считал необходимым сделать Москву, которая после этого станет истинно священным городом. Только после всех этих реформ может произойти слияние православной и католической церквей. Штросмайер просил Соловьева написать также записку о поляках и русинах, т.е. о католиках и униатах⁶¹⁰.

⁶¹⁰ ОР РГБ. Ф. 696. К. 4. Ед. хр. 14.

19 апреля 1888 г. Соловьев написал послание папе и просил Штросмайера переслать его ему с просьбой о встрече с ним во время празднования пятидесятилетнего юбилея его понтификата.

В письме к нунцию в Вене С. Ванутелли, сопровождавшем записку Соловьева, Штросмайер отмечал, что разделяет взгляды русского философа и считает необходимым принять его условия объединения церквей. Далее он сообщал Ванутелли, что Соловьев собирается поехать на пятидесятилетие понтификата папы в Рим, где Штросмайер организует ему встречу с папой. На аудиенции Соловьев желает испросить у папы благословение на дело объединения церквей⁶¹¹.

Юбилей папы праздновался в апреле 1888 г. С 10 по 20 апреля в Риме по этому случаю находился Штросмайер с хорватскими паломниками, там он ожидал приезда Соловьева. 19 апреля Штросмайер написал письмо секретарю папы кардиналу Рамполле, в котором сообщал, что в Рим должен приехать Владимир Соловьев. «Всем сердцем и душою католик, – характеризовал Соловьева Штросмайер, – положивший всю жизнь и славные труды свои на то, чтобы возратить возможно большее число русских славян в лоно Святой Матери церкви Католической». «Я в высшей степени просил бы поэтому, – продолжал Штросмайер, – чтобы сей муж был милостиво принят Святейшим отцом и утвержден в благих своих намерениях. Для нашего дела в высшей степени важно, чтобы муж сей отбыл довольным и унес отсюда благодарное воспоминание». Конечно, Штросмайер не мог не понимать, что Соловьев не был «всем сердцем и душою католик», но епископу скорее всего хотелось обеспечить возможно лучший прием у папы русскому философу, и он преувеличил степень католических

⁶¹¹ Н.И.Н. Воззрения В.С. Соловьева на католичество // Богословский вестник. Сергиев Посад. 1910. январь. С. 516.

симпатий Соловьева. Письмо Штросмайера с брошюрой Соловьева «Русская идея» (*L'idée Russe*. Paris, 1888) были переданы Льву XIII, который сочувствовал объединению церквей. В ответном письме Рамполла сообщал Штросмайеру, что папа по прочтении письма воздал хвалу русскому философу и горячо молился⁶¹².

Соловьев так и не поехал в Рим. По-видимому, он понимал, что взгляды папы и его самого на объединение церквей различны. По мнению Н.И.Н., Соловьев боялся, что ему в беседе с папой придется сделать окончательный выбор между католичеством и православием⁶¹³.

Однако Соловьев не порывал отношений с Рачким и Штросмайером. Согласно письму Рачкого Штросмайеру от 24 ноября 1888 г., Соловьев прибыл в Загреб 23 ноября с целью написать предисловие к своей книге, которое хочет отправить царю. Помимо этого Соловьев, по словам Рачкого, желает отправиться к Штросмайеру, а затем уже из Дьякова уехать в Россию. 4 декабря Рачки сообщал епископу о письме, которое Соловьев получил из России. В нем верный человек писал, что царь (Александр III) вызвал к себе Н.П. Игнатьева и А.М. Дондукова Корсакова (глава оккупационной администрации в Болгарии) и обсуждал с ними международную ситуацию в Европе. Был затронут и вопрос об объединении церквей. Царь указал, что его воля – заключить конкордат с папой. Соловьев высказал надежду, что один из собеседников царя будет назначен военным министром⁶¹⁴.

15 декабря 1888 г. Рачки, сообщая о скором приезде в Дьяково русского философа, просил епископа: «Успокойте Соловьева, чтобы он не выступал против России так остро. Статья, написанная о Киевском праздновании (Тысячелетие

⁶¹² Там же. С. 516–517.

⁶¹³ Н.И.Н. Воззрение В.С. Соловьева на католичество. С. 567.

⁶¹⁴ Korrespondencija Rački – Strossmajer. T. 4. S. 51.

крещения Руси. – И.Ч.) в “Univers” и переводимая сейчас для “Католического листа” настолько остра, что если бы я так писал об Австро-Венгрии, я бы не посмел в нее вернуться. Соловьев увлекся универсализмом. Поэтому в России его считают плохим русским патриотом, который вредит русским интересам. Знаю, что это не так, но по видимости выглядит именно так». Рачки полагал, что Россия во многом виновата из-за своей негибкости и неловкости, но имеются и более виноватые. «Запад не понимает достаточно славян, – продолжал Рачки, – и делает им много несправедливого». Здесь же Рачки рекомендовал Штротсмайеру прочитать статью Ламанского, опубликованную в сентябрьском номере «Известий Санкт-Петербургского Славянского общества»: «Ламанский горячий православный. Он признает наличие славянского патриотизма и у Вас, и у многих славянских католических священников и считает, что с ними Россия могла бы вступить в более тесные отношения»⁶¹⁵. Таким образом Рачки указывал епископу, что в России кроме Соловьева имеются и другие деятели, которые сочувствуют патриотически настроенным славянским католическим священникам. В ответе Рачкому от 20 декабря 1888 г. Штротсмайер обещал другу: «Все сделаю, как Вы мне советуете»⁶¹⁶. Вопрос, по-видимому, стоял о слишком доверчивом отношении Соловьева к папе. Сам Штротсмайер относился к нему и его окружению более трезво. Об этом епископ откровенно писал Рачкому 25 июня 1888 г.: «Рим далеко не то, чем мог и должен бы быть»⁶¹⁷. 2 января 1889 г. сообщая об отъезде Соловьева из Дьякова, Штротсмайер отмечал, что надо потакать самолюбию русских, чтобы склонить их к великой миссии, которую

⁶¹⁵ Korrespondencija Rački – Strossmajer. T. 4. S. 54.

⁶¹⁶ Ibid. S. 55.

⁶¹⁷ Ibid. S. 4.

им предстоит совершить⁶¹⁸. Это мнение о русских епископах высказал, очевидно, под впечатлением бесед с Соловьевым. Говоря о великой миссии России, Штротсмайер скорее всего имел в виду не объединение православной и католической церквей, а создание Россией политической федерации славян, мечту, которую он не оставлял с 1849 г.

На Рождество 1888 г. Соловьев прибыл в Дьяково и встретился со своими хорватскими друзьями. «Он провел праздник Рождества с нами, – вспоминал секретарь Штротсмайера М. Цепелич. – [...] Он уже тогда сильно кашлял, и было заметно, что он слабеет. Он и у нас не хотел ни есть мяса, ни пить вина. С той поры не помню, чтобы он более переписывался с епископом. Он только поздравлял епископа с праздником Пасхи телеграммой “Христос воскрес!” и епископ на его Пасху – “Во истину воскрес!”»⁶¹⁹.

В 1889 г. в Париже вышла в свет книга Соловьева «Россия и вселенская церковь». 20 ее экземпляров Соловьев послал Штротсмайеру. 9 (21) декабря 1889 г. Соловьев, поздравляя Рачкого с Рождеством, замечал, что его книгу «не одобряют с двух сторон: либералы за клерикализм, а клерикалы за либерализм [...] Зато я получил (косвенное) известие о печатном одобрении со стороны епископа, это меня очень утешило»⁶²⁰.

Соловьев, его идеи произвели на Штротсмайера большое впечатление. Именно Штротсмайеру принадлежит высокая оценка, данная русскому философу. «Соловьев, – писал он, – душа чистая, благочестивая и истинно святая»⁶²¹.

⁶¹⁸ Ibid. S. 57.

⁶¹⁹ Соловьев В.С. Письма Владимира Сергеевича Соловьева. Т. I. С. 190–193.

⁶²⁰ Там же. С. 179.

⁶²¹ Лукьянов С.М. О Вл.С. Соловьеве в его молодые годы. Пг., 1918. Т. II. С. 88.

То, что Штросмайер искренне симпатизировал России, доказывает телеграмма, присланная им по случаю 900-летнего юбилея принятия русскими христианства ректору Киевского университета. «Честь имею, – писал Штросмайер, – с искреннейшей радостью присоединиться к сегодняшнему Вашему торжеству. Наследие святого Владимира – святая вера – есть воскресение к жизни, свет и слава для великого русского народа. Бог да благословит Россию, да позволит ей живой верой, образцовой жизнью, с Божьей помощью и христианским героизмом при всех прочих своих задачах исполнить и ту величественную мировую задачу, предназначенную ей Богом. Вот искренние желания сердца моего. Прошу, будьте выразителем этих чувств перед остальными братьями, коих дружески поздравляю и отечески благословляю»⁶²².

Послание Штросмайера вызвало резкое неудовольствие Франца Иосифа: в присутствии придворных он отчитал епископа. Тот ответил с низким поклоном: «Совесть моя чиста», и вышел из зала с двумя далматинскими епископами. В России же поздравительная телеграмма Штросмайера была оценена положительно. В.И. Ламанский отметил: «Киевская телеграмма Штросмайера со всеми ее последствиями показала России во весь рост крупную и симпатическую личность хорватского вождя и епископа и бог даст только еще скрепит заложенную еще Крижаничем⁶²³ братскую дружбу и связь хорватов с Россиею»⁶²⁴.

⁶²² Известия Петербургского славянского благотворительного общества. 1888. № 6–7. С. 293–294.

⁶²³ Крижанич Юрий (1618–1683) – хорватский ученый. Богослов, историк, лингвист, политик. Сторонник объединения славян в едином государстве (России), в религии (православие) и языке (придуманный им общеславянский язык).

⁶²⁴ Известия Петербургского славянского благотворительного общества. 1888. № 9. С. 485.

Идея объединения католической и православной церквей не могла практически осуществиться в то время. Штросмайер при всем своем высоком положении в иерархии католической церкви все же не был в числе тех высших прелатов, которые определяли ее политику. Что же касается Соловьева, то он не только не имел влияния в высших православных кругах, но даже находился с ними в неприязненных отношениях. Однако умение понять друг друга, найти точки соприкосновения в разрешении одной из самых сложных проблем, характерное для этих выдающихся церковных мыслителей, может служить примером стремления найти путь к согласию друг с другом, без которого невозможно истинное сотрудничество.

Изучение наследия лучших представителей исторической науки, как дореволюционной России, так и Советского Союза необходимо для молодых историков, ибо с 90-х годов XX в. вплоть до настоящего времени в историческую литературу хлынула толпа любителей сенсаций и политических демагогов, приводящих в своих трудах только те исторические факты, которые соответствуют их сиюминутным политическим пристрастиям и целям, и интерпретирующих их в своих интересах, мало заботясь об объективности.

К числу тех ученых, которые могут послужить для молодежи примером честного отношения к науке, принадлежит, несомненно, профессор Сергей Александрович Никитин. Говоря о научном наследии С.А. Никитина, его ученицы Л.В. Горина и автор данной монографии И.В. Чуркина подчеркивают, что он сумел в сложное время сохранить преданность науке, уважительное отношение к прошлому. В этом большое нравственное содержание его трудов⁶²⁵.

Значение деятельности Сергея Александровича Никитина для развития славяноведения и исторической науки в целом хорошо понимали его коллеги и в советское время. В 1971 г. отмечалось семидесятилетие со дня его рождения. Книга «Славяне и Россия», посвященная этому событию,

вышла в 1972 г. в Москве⁶²⁶. В ней приняли участие коллеги и ученики профессора. Биографический очерк о нем был подписан крупнейшими учеными: академиками В.М. Хвостовым и А.Л. Нарочницким, заведующими секторами Института славяноведения докторами исторических наук Л.Б. Валевым и Ю.А. Писаревым, заведующим кафедрой истории южных и западных славян исторического факультета МГУ В.Г. Карасевым.

90-летие со дня рождения С.А. Никитина научная общественность отметила в 1991 г., когда ученого уже не было в живых. В результате была издана еще одна книга о нем «Путь ученого» (М., 1992). Очерк о его жизни и деятельности был написан его ученицами д.и.н. Л.В. Гориной и д.и.н. И.В. Чуркиной. Как и первая биография С.А. Никитина, он базировался на материале, который фигурировал в официальных документах профессора.

Уже в сборнике «Путь ученого» появились статьи, в которых раскрывалась та сторона жизни и деятельности С.А. Никитина, которая замалчивалась в официальных бумагах. В статье Л.П. Петровского и А.Н. Горяинова «Неизвестная страница биографии С.А. Никитина (по материалам ОГПУ начала 1939 г.)» рассказывалось о допросах в ОГПУ, которые пришлось пережить Сергею Александровичу после ареста в 1930 г. Записи допросов, сделанные следователем Н.Н. Соловьевым, представляют интерес потому, что в ходе их С.А. Никитин был предельно откровенен, не скрывая своих взглядов и фактов биографии. Так, во всех официальных документах впоследствии он писал, что происходил из семьи небогатых дворян, а в записях его допроса Н.Н. Соловьевым указывалось, что отец Никитина Александр Васильевич являлся протоиереем церкви

⁶²⁵ Чуркина И.В., Горина Л.В. С.А. Никитин // Путь ученого: К 90-летию со дня рождения С.А. Никитина. (Материалы международной научной конференции «Россия и славяне. XVIII в. – 1918 г.». Москва 25–27 июня 1991 г.). М., 1992. (Балканские исследования. Вып. 14). С. 5.

⁶²⁶ Славяне и Россия. К 70-летию со дня рождения С.А. Никитина. М., 1972.

св. великомученицы Екатерины при Николаевском сиротском институте в Москве и одновременно преподавателем в этом институте⁶²⁷. Очевидно, быть сыном священника было опаснее, чем сыном дворянина.

В том же сборнике появилась статья И.В. Чуркиной, рассказывающая о неизданной книге Никитина⁶²⁸.

В 2001 г. научная общественность в третий раз отмечала юбилей Сергея Александровича Никитина – на этот раз 100-летие со дня рождения. В книге, вышедшей на материалах конференции «Профессор Сергей Александрович Никитин и его историческая школа» (М., 2004) биографию ученого написали С.И. Данченко и И.В. Чуркина. В ней уже частично были учтены новые материалы⁶²⁹. Наибольший интерес в сборнике представляет статья М.Ю. Досталь «С.А. Никитин и кампания борьбы с космополитизмом на Историческом факультете МГУ»⁶³⁰.

Наконец, в 2004 г. вышла в свет обширная статья «Сергей Александрович Никитин (1901–1979)», написанная С.А. Данченко и И.В. Чуркиной, в которой были использованы новые исследования о жизни и деятельности ученого⁶³¹.

⁶²⁷ Петровский Л.П., Горяинов А.Н. Неизвестная страница биографии С.А. Никитина (по материалам ОГПУ начала 1930-х годов) // Путь ученого. С. 11–21.

⁶²⁸ Чуркина И.В. Неизданная книга С.А. Никитина // Путь ученого. С. 22–35.

⁶²⁹ Данченко С.И., Чуркина И.В. Научная деятельность С.А. Никитина // Профессор Сергей Александрович Никитин и его историческая школа. Материалы международной научной конференции. М., 2004. С. 7–22.

⁶³⁰ Досталь М.Ю. С.А. Никитин и кампания борьбы с космополитизмом на Историческом факультете МГУ // Профессор Сергей Александрович Никитин и его историческая школа. С. 30–47.

⁶³¹ Данченко С.А., Чуркина И.В. Сергей Александрович Никитин (1901–1979) // Портреты историков. Время и судьбы. Новая и новейшая история. Т. 4. М., 2004.

В данном очерке я только кратко останавлиюсь на основных вехах биографии профессора С.А. Никитина, основное внимание уделив малоизвестным страницам жизни и творчества ученого.

Сергей Александрович Никитин родился в семье священника в Москве 25 июня 1901 г. Окончил московскую четвертую мужскую гимназию и в 1918 г. поступил на исторический факультет Московского университета. В 1919–1924 гг. Никитин проходил военную службу и одновременно учился в университете. Его учителями там были крупнейшие историки того времени: С.В. Бахрушин, М.М. Богословский, Ю.В. Готье, А.И. Яковлев, Р.Ю. Виппер, В.П. Волгин, К.М. Лавровский, Д.М. Петрушевский, С.Д. Сказкин и др. В 1922 г. Сергей Александрович окончил факультет общественных наук Московского университета. Сначала он заведовал профсоюзными курсами и был лектором Московского совета профсоюзов. Но с 1924 г. Никитин становится аспирантом Института истории РАНИОН. Именно в это время он публикует свою первую статью по славяноведению о богомилах. В 1928–1929 гг. он ассистировал С.Д. Сказкину в семинаре по истории связей славянских народов с Россией. Под влиянием С.Д. Сказкина и А.М. Селищева Сергей Александрович увлекся русской политикой на Балканах и русско-турецкой войной 1877–1878 гг. Он активно участвовал и в работе семинара известного историка Н.А. Рожкова. Рожков в то время полемизировал с главой Общества историков-марксистов М.Н. Покровским.

По-видимому, именно близость Никитина к Рожкову стала одной из причин ареста Сергея Александровича по так называемому «академическому делу». Вместе с Никитиным по нему были привлечены к ответственности М.К. Любавский, Ю.В. Готье, В.И. Пичета и др. Никитина обвинили в связи с мифическим «Всенародным союзом за возрождение свободной России», который якобы объединял членов Академии

наук, а также в участии в антимарксистском кружке Н.А. Рожкова. Никитин два с половиной месяца просидел в Бутырской тюрьме, где его допрашивал следователь Н.Н. Соловьев. Сохранились записи этого допроса, на котором Сергей Александрович очень четко рассказал о своих взглядах. Я привожу их по статье Л.П. Петровского и А.Н. Горяинова.

В беседе со следователем Сергей Александрович заявил: «Считаю себя близко стоящим к марксистской системе взглядов. Отношение к советской власти как к неизбежному следствию всего исторического развития России». Сергей Александрович считал себя близко стоящим к марксизму, но полностью принимал «только одну часть марковского учения – учение о критике основ капиталистического производства». Одновременно он подчеркивал: «Я был, остаюсь и хочу остаться христианином». На следующем допросе следователь дописал, что С.А. Никитин якобы сказал, что он не может считать себя вполне советским человеком, поскольку он христианин. И далее следовала приписка рукою Соловьева, но зафиксированная подписью Никитина: «По тем же самым вышеуказанным убеждениям я не могу встать на путь активной классовой борьбы с классовыми врагами советской власти, и требовать от меня этого невозможно»⁶³².

Я потому так подробно останавливаюсь на записи допроса С.А. Никитина, что это единственное его откровенное высказывание о своих взглядах. Его подробный и достаточно откровенный разговор со следователем можно объяснить его неопытностью: ведь он никогда до этого не сталкивался с подобными организациями и вероятно полагал, что следователь воспримет его чистосердечный рассказ о своих взглядах как вполне лояльное и доверчивое

⁶³² Петровский Л.П., Горяинов А.Н. Неизвестная страница биографии С.А. Никитина. С. 14, 16–17.

отношение к советской власти. Однако заключение Соловьева, отправленное им Особому совещанию при коллегии ОГПУ 25 ноября 1930 г., показывает, насколько ошибался молодой ученый. В действительности Соловьев перенес на высказывания Никитина. «Никитин, стоя на позиции резко отрицательного отношения к советской власти, – писал он, – и в научной своей деятельности стоит на чуждых советской власти классовых позициях [...] Принимая во внимание отношение Никитина к советской власти и его социальное происхождение – сын священника-арендатора, считая Никитина С.А. элементом социально-опасным, полагал бы: дело гражданина Сергея Александровича Никитина передать на рассмотрение Особого совещания ОГПУ»⁶³³.

Стоит отметить, что Сергей Александрович вел себя на допросах мужественно. Он признал, что имеются две школы историков: историков старшего поколения и историков-марксистов, но решительно отрицал существование какой-либо организации, чего от него добивался следователь.

В результате Сергей Александрович был приговорен к ссылке на Урал сроком на три года. Благодаря хлопотам своей матери Глафиры Северьяновны, которая была подругой Е.П. Пешковой, первой жены М. Горького, и возглавляла политический Красный Крест, С.А. Никитину разрешили отбывать ссылку в Свердловске, а через два года досрочно освободили.

Сергей Александрович вернулся в Москву. Здесь он два года работал главным редактором «Союзоргучета», а в 1935 г. наконец вернулся к занятиям историей: он вошел в состав группы, созданной в Историко-археографическом институте для публикации документов по истории Средней Азии.

⁶³³ Там же. С. 16.

В 1937 г. М.Н. Тихомиров привлек Сергея Александровича к чтению курса источниковедения России XIX в. в Историко-архивном институте. В 1940 г. этот курс был выпущен отдельной книгой, которую С.А. Никитин защитил как кандидатскую диссертацию. Книга стала учебником для студентов и аспирантов, которым они пользовались в течение 20 лет⁶³⁴.

Противостояние с фашистской Германией, важной чертой идеологии которой являлось провозглашение немцев супернацией, призванной господствовать над всеми другими народами и прежде всего над славянскими, заставило советское правительство обратить особое внимание на создание концепции, противодействующей фашистской идеологии. Одним из важных компонентов, который должен был способствовать созданию антифашистской концепции, являлось славяноведение, особенно история славян. Из науки, считавшейся реакционной, орудием старого строя в борьбе против советской власти, славяноведение превратилось в орудие борьбы против идеологии фашизма. Первым шагом советского правительства в этом направлении явилось возвращение из ссылки некоторых видных славистов, в том числе В.И. Пичеты. Он и организовал на историческом факультете МГУ кафедру истории южных и западных славян, которая открылась в 1939 г.

В 1941 г. С.А. Никитин стал членом кафедры истории СССР, а уже в 1942 г. он по приглашению В.И. Пичеты перешел на кафедру истории южных и западных славян. С этого времени он все свои силы направляет на возрождение славяноведения. Он активно изучает русско-славянские отношения, политику России на Балканах. Преподавательская деятельность С.А. Никитина в МГУ продолжалась

⁶³⁴ Источниковедение истории СССР. XIX век (до начала 90-х годов): Курс источниковедения истории СССР. М., 1940. Т. 2.

до 1961 г. С 1947 по 1961 г. он заведовал там кафедрой истории южных и западных славян. Одновременно Никитин принял участие в создании Института славяноведения АН СССР (1947 г.), в котором он работал до своей смерти 5 декабря 1979 г. В Институте С.А. Никитин с 1947 по 1969 г. возглавлял сектор истории зарубежных славянских народов периода феодализма и капитализма.

В 1940-е годы С.А. Никитин работал над своей докторской диссертацией «Русское общество и вопросы балканской политики России в 1853–1876 гг.» Он защитил ее в 1947 г. Его официальные оппоненты слависты Н.М. Дружинин и В.И. Пичета и турколог А.Ф. Миллер высоко оценили труд ученого. Защита прошла блестяще, диссертация должна была выйти в свет отдельной книгой. Выход книги намечался на 1948 г. Однако накануне этого события набор книги был рассыпан, остался только один экземпляр верстки.

Судя по ней, это был замечательный труд. Он был написан на огромном материале. В книге был использован 41 фонд из 12 московских и ленинградских архивов, вся российская центральная и частично провинциальная пресса конца 1850–1870-х гг. XIX в. Помимо этого, автор изучил литературу, относящуюся к теме, на русском, английском, французском, сербско-хорватском, болгарском, чешском, польском языках. Весь материал был скрупулезно исследован и сделаны многие выводы, имеющие значение до сих пор. Однако Сергею Александровичу пришлось давать классовую характеристику отдельным лицам и событиям, что приводило к их известному упрощению. Но нередко исследование конкретного материала заставляло ученого отходить от оценок, принятых в советской историографии. Большая часть неизданной книги вошла потом в монографию «Славянские комитеты в России в 1858–1876 годах», изданную в 1960 г. в Москве, а также в различные статьи, опубликованные позднее.

Но часть разделов неизданной книги так и не увидела свет до XXI в. Это: Первая глава «Крымская война», второй раздел Второй главы «Панславистские теории и их критика» и Пятая глава «Панславистские теории 60-х годов».

В главе «Крымская война» представлена записка К.С. Аксакова, написанная скорее всего в начале Крымской войны. Спустя 40 лет она была опубликована словацким ученым Т. Ивантышиновой⁶³⁵. К.С. Аксаков утверждал, что в Европе существуют два мира – славянский и романо-германский. Растленный романо-германский мир сумел во многом разложить русское общество, однако народ им не затронут. Принципы, на которых базируется романо-германский мир – аристократизм и индивидуализм. Этот мир презирает все народы, не входящие в его орбиту, прежде всего славян. Принципы же славянского мира – кротость, миролюбие, самопожертвование, верность православию. В настоящее время речь идет о решительной схватке между Россией и Западом. Цель Запада – если не уничтожить, то хотя бы ослабить и унижить ее. У славян еще не угасло чувство кровной связи с Россией. «И России принадлежит подвиг, – подчеркивал К.С. Аксаков, – быть заступницей православных и единокровных братьев. Не расчеты дипломатии, а нравственные вопросы легли в основу войны: единство веры, единство соплеменного братства». К.С. Аксаков полагал, что Россия должна освободить югославянские народы от турецкого ига. Освобожденные славяне образуют свои собственные государства, которые соединятся в «прочный союз всех славянских народов под верховным покровительством русского государя». К.С. Аксаков подчеркивал, что Россия не должна вмешиваться «в домашний распорядок покровительствуемых народов».

⁶³⁵ Ивантышинова Т. Чехи и словаки в идеологии русских славянофилов. Братислава, 1987.

Он полагал, что к союзу славян присоединятся также Молдавия и Валахия⁶³⁶.

Приблизительно в то же время, 27 мая 1854 г., появилась и записка М.П. Погодина, профессора истории Московского университета, который пропагандировал идею объединения славян с конца 1830-х годов XIX в. В записке предлагалось создать союз, в который помимо славян вошли бы Греция, Венгрия, Молдавия, Валахия, Трансильвания. Центром этого объединения стал бы Константинополь (Стамбул), в котором бы заседал общий сейм. Как можно видеть, у Погодина вопрос стоял о более тесном объединении славян, практически их слиянии под общим управлением. На севере предполагалось учредить союз северных племен, куда бы вошли Швеция, Дания и Пруссия, и который находился бы в союзных отношениях с южным объединением. Уладив дела в Европе, Россия должна была направить свои силы на подчинение Китая, Японии, Тибета, Бухары, Хивы, Коканда, Персии. Во всех этих землях должен был господствовать русский язык. Цели создания такого большого союза, по мнению Погодина, были следующие: 1) возбудить Россию к совершенствованию гражданскому и человеческому; 2) призвать к духовной жизни славянские племена, освободив их от турецкого и всякого другого ига; 3) восстановить патриарший престол в Константинополе; 4) изгнать турок из Европы; 5) обновить обветшалую Европу⁶³⁷.

Как можно видеть, планы К.С. Аксакова и М.П. Погодина существенно отличались друг от друга. Если К.С. Аксаков ставил во главу угла освобождение славян от чужеземного ига, то М.П. Погодин разворачивал план завоевания

⁶³⁶ Никитин С.А. Глава I. Крымская война // Славяне и Россия. К 110-летию со дня рождения С.А. Никитина. М., 2013. С. 169–177.

⁶³⁷ Погодин М.П. Историко-политические письма и записки в продолжении Крымской войны. 1853–1856. М., 1874. С. 106–125.

Россией огромных пространств в Европе и Азии. Освободительная миссия России по отношению к славянам явно отходила на второй план. Поэтому мнение С.А. Никитина о том, что взгляды Погодина оказали влияние на К.С. Аксакова, не совсем обосновано – цели того и другого совпадали только частично. Вместе с тем следует иметь в виду, что диссертация Никитина была написана в то время, когда советская историография провозглашала славянофилов реакционерами, и ученый не мог открыто противостоять ей.

Никитин рассматривал и дальнейшее развитие панславистских идей в России уже после ее поражения в Крымской войне. Ученый выделял три варианта панславизма, развивавшегося там в послевоенное время.

Идеологом панславизма первого варианта Сергей Александрович считал Ивана Сергеевича Аксакова, известного славянофила, брата Константина, о записке которого шла речь выше. Никитин полагал, что программа Ивана Сергеевича Аксакова «была продолжением и видоизменением программы его брата. Она формировалась в Крымскую войну и была ориентирована на активное военное выступление России»⁶³⁸. Эту программу Никитин называл военноповстанческим панславизмом. И.С. Аксаков предусматривал освобождение славян путем их восстания и создание после этого федерации во главе с Россией. В этой федерации славяне должны получить возможность развиваться в духе славянофильских теорий. Аксаковский панславизм вызывал симпатию С.А. Никитина. Хотя ученый относил панславизм братьев Аксаковых и Погодина к одному варианту, все же он старался подчеркнуть и их отличия, пытаясь донести свою точку зрения до читателя. «Погодин обращался

⁶³⁸ Никитин С.А. Шестидесятые годы. Раздел II. Панславистские теории и их критика // Славяне и Россия. К 110-летию со дня рождения С.А. Никитина. С. 240.

прежде всего к правительству, – писал Никитин, – и посылал свои записки лицам, имевшим возможность донести о них до сведения царя. Славянофилы, сначала в тиши вырабатывавшие свои взгляды, обращались к обществу [...] Погодин стремился стать вдохновителем правительства, славянофилы общественными вождями»⁶³⁹.

Второй вариант панславизма, главным представителем которого был журналист М.Н. Катков, симпатий ученого не вызывал. Катков и его сторонники считали, что все славяне должны принять русский язык. Этот панславизм носил русифицирующий характер, и в нем Никитин усматривал не культурные, а политические цели. По мнению Никитина, близкими катковскому панславизму были взгляды известного слависта В.И. Ламанского. Однако в отличие от Каткова он не стремился к тому, чтобы славяне, приняв русский язык, полностью отказались от своих языков, но полагал, что славяне сохраняют свои наречия и будут их использовать для собственных потребностей, а русский язык станет «органом науки и высшей образованности, языком дипломатическим»⁶⁴⁰.

Наконец третий вариант панславизма – демократический, который проповедовали А.И. Герцен и М.А. Бакунин, Никитин считал неясным, непригодным для проведения в жизнь, хотя и указывал на его антимонархический характер. Также ученый считал нереальными утверждения Н.Г. Чернышевского и его круга, что славяне могут освободиться собственными силами без поддержки России. Никитин был убежден в недостаточности сил самих славян для своего освобождения, а помимо этого он указывал,

⁶³⁹ Никитин С.А. Крымская война // Славяне и Россия. К 110-летию со дня рождения С.А. Никитина. С. 194.

⁶⁴⁰ Ламанский В.И. Из записок о славянских землях // Отечественные записки. 1854. № 2. С. 683.

что Чернышевский не учитывал захватнических планов западных держав. «Современник», – писал Никитин, – больше вел борьбу с панславизмом и славянофильством, чем намечал что-либо положительное»⁶⁴¹.

Такая критика взглядов революционных демократов в советское время была опасной, особенно сравнение их идей с идеологией славянофилов при явной отдаче преимуществ последней.

Далее С.А. Никитин рассматривал программы Н.Я. Данилевского и Р.А. Фадеева, наиболее известных идеологов российского панславизма.

Данилевский считал главным врагом славян романо-германский мир, о чем прямо писал в своей монографии «Россия и Европа» (СПб., 1871). Сущность Восточного вопроса он видел в противостоянии романо-германского и славянского миров, которое началось со времен Карла Великого. Вплоть до середины XVIII в. романо-германский мир побеждал славян, но со времени Екатерины II славяне стали теснить своего соперника. Данилевский предлагал создать всеславянское государство под эгидой России, куда помимо славян должны войти венгры, румыны, греки. Никитин называл программу Данилевского программой царского великодержавного панславизма, правда, указав при этом, что основу предполагаемого государства должны были составлять свободный крестьянин с наделом, православная вера и славянская идея.

Программа Данилевского имела ряд общих черт с программой К.С. Аксакова: противопоставление двух миров в Европе – славянского и романо-германского, помимо территорий славянских народов, он включал в орбиту

⁶⁴¹ Никитин С.А. Шестидесятые годы. Раздел II. Панславистские теории и их критика // Славяне и Россия. К 110-летию со дня рождения С.А. Никитина. С. 256–260.

влияния России ряд земель балканских народов, которые были должны войти в славянское государство. Но трудно предположить, что Данилевский был знаком с запиской К.С. Аксакова. Взгляды Данилевского не приобрели многих сторонников как в России, так и среди славян, поскольку они не были связаны с реальной обстановкой, сложившейся в то время в Европе.

Более отвечала запросам времени программа Р.А. Фадеева. Никитин считал, что она была написана в качестве реального предложения правительству, как надо строить внешнюю политику России в настоящее время. Фадеев утверждал: «Главный враг наш никак не Западная Европа, а немецкое племя с его непомерными притязаниями»⁶⁴². Спасение славян Фадеев видел только в их объединении вокруг России. Россия должна помочь славянам, утверждал он, ибо «вся русская история без всеславянской цели теряет смысл». Она или распространит свое влияние вплоть до Адриатики, или вынуждена будет отступить до Днепра. Главное отличие панславизма Фадеева от других его вариантов – решительная антинемецкая направленность. Панславизм Фадеева, по справедливому замечанию С.А. Никитина, явился реакцией на немецкий пангерманизм. Поэтому он нашел отклик среди славян и определенных русских кругов. Его книга «Мнение о Восточном вопросе» (1870) была переведена на немецкий, чешский, польский и сербский языки. Идеям Фадеева сочувствовали некоторые русские дипломаты (Н.П. Игнатьев), некоторые генералы (М.Г. Черняев, А.И. Барятинский).

На мой взгляд, именно из-за разделов о панславистах был рассыпан набор книги С.А. Никитина. В 40-е годы XX в. предсказания русских панславистов, начиная с К.С. Аксакова

⁶⁴² Никитин С.А. Панславистские теории конца 60-х годов // Россия и славяне. К 110-летию со дня рождения С.А. Никитина. С. 119

и кончая Н.Я. Данилевским и Р.А. Фадеевым, в значительной степени исполнились. Славянские народы, находившиеся под гнетом фашистской Германии, были освобождены приемником России СССР. После победы они образовали собственную систему государств под главенством СССР. Даже перечень государств, попавших в орбиту советской державы, во многом совпадал с тем, о котором писали русские панслависты. Так Н.Я. Данилевский полагал, что в славянскую федерацию под покровительством России войдут: Чехо-мораво-словацкое королевство (Чехословакия), Сербо-хорватословенское королевство (Югославия), Болгарское королевство (Болгария), Румынское королевство (Румыния), Венгерское королевство (Венгрия), Эллинское королевство (Греция), Константинопольский округ с проливами. Из перечисленных государств только Греция и Константинопольский округ оказались вне сферы влияния СССР. Конечно, советское правительство никак не могло признать, что оно осуществило планы русских панславистов. Тем более, что руководящие деятели СССР провозглашали себя верными последователями Маркса, Энгельса, Ленина, которые в своих трудах клеймили панславизм самым категорическим образом.

К концу 1940-х годов С.А. Никитин уже занимал видное положение среди ученых-славистов. Он заведовал кафедрой истории южных и западных славян в МГУ, возглавлял сектор истории зарубежных славянских народов периода феодализма и капитализма в Институте славяноведения АН СССР. Однако, начавшаяся в СССР в 1949 г. борьба с космополитизмом не прошла мимо него, хотя космополитом Сергей Александрович никогда не был, по взглядам его можно скорее отнести к русским патриотам.

25, 26, 28 марта 1949 г. на истфаке МГУ было проведено заседание Ученого Совета. На повестке дня стоял один вопрос – борьба против космополитизма. Объектом критики стали главным образом профессора еврейской

национальности: И.И. Минц, И.М. Разгон, Л.И. Зубок, А.Ф. Миллер и другие. В резолюции, принятой собранием, космополитизм был объявлен «идеологическим орудием войны против СССР и стран народной демократии». Сотрудники университета призывались бороться «с малейшими проявлениями безродного космополитизма, низкопоклонства и буржуазного объективизма».

На заседании кафедры истории южных и западных славян, произошедшем 9 апреля 1949 г., главным объектом нападок стал ее заведующий С.А. Никитин. Его критиковали сотрудники кафедры, аспиранты и даже студенты за плохую организацию работы на кафедре, слабое общение со студентами. Особенно досталось Никитину за попытку показать преемственность советского славяноведения по отношению к славяноведению дореволюционному. Наиболее решительно против Никитина выступала И.М. Белявская. Она утверждала: «В прошлом существовало славяноведение буржуазное и революционно-демократическое (Герцен, Бакунин). Это революционно-демократическое славяноведение замалчивается С.А. Никитиным в его статьях в “Славянском сборнике” и в сборнике “Документы истории славяноведения в России”⁶⁴³. Никитин останавливает внимание только на буржуазных славяноведах, мракобесах. Можно писать о Погодине и Каткове, но надо их разоблачать, показать, как они боролись против революционного движения, как ненавидели русский народ и все славянские страны». «Забвение роли русских революционеров, Октябрьской революции в истории славянских стран, – делала вывод Белявская, – есть космополитизм».

⁶⁴³ Речь идет о публикации: Документы к истории славяноведения в России. М.–Л., 1948. С.А. Никитин написал к ней Предисловие.

Белявскую поддержали аспиранты Л.В. Воробьев, В.И. Фрейдзон и особенно горячо В.И. Владимирская. Ответное выступление Никитина было сделано в примирительном тоне. Он признал критику работы кафедры правильной, указал также, что положение совместителя не всегда дает ему возможность уделять достаточно внимания кафедре. Никитин также признал отсутствие в своих работах четких формулировок при разоблачении реакционных идеологов. По-видимому, опыт общения со следователем Н.Н. Соловьевым в 1930 г. научил ученого быть предельно осторожным в своих высказываниях.

Помимо Никитина на заседании кафедры подверглись критике также спецкурсы Б.Т. Горянова, Г.Э. Санчука, А.А. Никольской. На заседании кафедры присутствовал декан истфака Г.А. Новицкий, который сделал вполне миролюбивое заключение, сосредоточив критику на спецкурсе Горянова. Заседание кафедры не имело последствий для С.А. Никитина. Партбюро истфака постановило снять с Никитина все обвинения в космополитизме, как «обвиненному неправильно»⁶⁴⁴. Время было другое, да и Сергей Александрович, уже известный ученый, вел себя осторожно.

Дальнейшие годы жизни и деятельности С.А. Никитина протекали сравнительно спокойно. В 1960 г. вышел в свет главный труд его жизни «Славянские комитеты в России в 1858–1876 годах», включающий большую часть его докторской диссертации. Он сразу поставил Сергея Александровича в ряд самых крупных мировых историков-славистов. Это отметил Милорад Экмечич, член Сербской, Черногорской, Боснийско-герцеговинской академий наук и искусств.

⁶⁴⁴ Досталя М.Ю. С.А. Никитин и кампания борьбы с космополитизмом на Историческом факультете МГУ // Профессор Сергей Александрович Никитин и его историческая школа. М., 2004. С. 30–44.

«В своей монографии “Славянские комитеты” С.А. Никитин, – пишет Экмечич, – разработал методику научного исследования славянских благотворительных и политических организаций в России во второй половине XIX в. Главная его заслуга заключается в том, что историку удалось провести границу между деятельностью этих комитетов и официальной политикой царской России [...] Все югославские историки, исследовавшие историю восточного вопроса и национальных движений в югославянских землях 1856–1878 гг., не могли не обращаться к монографии С.А. Никитина при решении всех проблем, относящихся к балканской политике России. Этим своим научным трудом он по праву завоевал большой авторитет в мировой науке»⁶⁴⁵.

Столь же высоко оценивает книгу С.А. Никитина и его ученик, болгарский академик Николай Тодоров. «Всякий, интересующийся проблемами, – указывает он, – которые в ту пору волновали не одни лишь славянофильские круги различных славянских стран, а именно: славянская общность и славянская взаимность, освободительная роль России и различные ее интерпретации, отличие русских славянофилов от славянофилов других стран, – непременно должен ознакомиться с этим трудом С.А. Никитина»⁶⁴⁶.

В 1970 г. была опубликована еще одна книга С.А. Никитина – «Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50–70-е годы XIX в.» В очерках широко использовалась русская периодическая печать, отображавшая отношение русского общества к событиям на Балканах в указанный период, рассказывалось о социально-экономической обстановке в болгарском городе после освобождения от турецкого ига и пр. Эта книга вызвала

⁶⁴⁵ Экмечич М. Профессор С.А. Никитин // Путь ученого. С. 93.

⁶⁴⁶ Тодоров Н. Сергей Александрович Никитин // Путь ученого. С. 91.

большой интерес прежде всего у болгарских ученых. Н. Тодоров отмечал: «Его очерки по истории южных славян и русско-балканских отношений в 50-е – 70-е годы XIX в., вышедшие в 1970 г., могут служить подлинным справочником. Содержащиеся в них многочисленные новые факты и оригинальные оценки дополняют анализ экономического облика болгарского города, революционной борьбы болгарского народа в 1875–1876 гг., отношения русской дипломатии к национально-освободительным движениям южных славян, роль, которую играли события на Балканах в русской политике»⁶⁴⁷.

Одновременно С.А. Никитин участвовал в создании обобщающих трудов «История Болгарии» (1954–1955), «История Чехословакии» (1959), «История Югославии» (Т. 1. 1963), где он выступал в качестве редактора и одного из авторов.

Научные интересы С.А. Никитина были чрезвычайно широки. Хотя основное внимание он уделял политике России на Балканах, русско-славянским связям между Крымской и Русско-турецкой войнами, одновременно он исследовал самые разнообразные темы истории славян от раннего средневековья до Первой мировой войны. Так он серьезно занимался историей вторжения славян на Балканы. Вывод Никитина, что оно значило «ничуть не меньше, чем вторжение на территорию Западно-Римской империи германских и других племен», до сих пор сохраняет свою актуальность. Сергей Александрович также изучал богомильскую ересь в Боснии, социальные движения в Чехии и Моравии накануне распространения там гусизма. Особо пристальное внимание Никитин уделял эпохе Славянского Возрождения. Им написаны статьи о его крупнейших деятелях: о болгарях Паисии Хилендарском, Любене Каравелове, Марине Дринове; о словаке Людовите Штуре,

⁶⁴⁷ Там же.

авторе трактата «Россия и мир будущего», о знаменитом сербском лингвисте и этнографе, реформаторе литературного сербского языка Вуке Караджиче. С.А. Никитин также глубоко исследовал один из самых сложных вопросов в то время – вопрос о роли воеводинских сербов в революции 1848–1849 гг. Он вынужден был придерживаться непрекращаемой оценки Маркса и Энгельса, которые рассматривали антивенгерские выступления славян как реакционные. Но все-таки Сергей Александрович сделал шаг к отказу от этой концепции, выделив первый период славянского движения как прогрессивный⁶⁴⁸.

Огромное внимание Сергей Александрович Никитин уделял изданию документов, ибо их он считал основой научных исследований. Во время работы над докторской диссертацией ему удалось ознакомиться со многими русскими архивами, в которых хранилось огромное количество документов, еще не введенных в научный оборот и имеющих большое значение для понимания развития исторических процессов. В конце 1950-х годов С.А. Никитин вместе с сотрудниками своего сектора в Институте славяноведения начал работать над сбором документов для публикации «Освобождение Болгарии от турецкого ига». К этой работе были привлечены Главное архивное управление СССР, Архив внешней политики России МИД СССР, Рукописные отделы библиотеки имени В.И. Ленина (совр. РГБ) и библиотеки имени М.Е. Салтыкова-Щедрина (совр. РНБ) и др. Активное участие в публикации приняла Болгарская Академия наук. В 1961–1967 гг. вышло три тома советско-болгарской публикации «Освобождение Болгарии от турецкого ига. Документы». Огромное значение

⁶⁴⁸ Данченко С.И., Чуркина И.В. Научная деятельность С.А. Никитина // Профессор Сергей Александрович Никитин и его историческая школа. С. 328–329.

для развития славяноведения и для укрепления научных связей ученых СССР с учеными Чехословакии и Югославии имела публикация «Зарубежные славяне и Россия. Документы архива М.Ф. Раевского 40–80 годы XIX века», вышедшая в свет в Москве в 1975 г. Эта публикация являлась плодом сотрудничества Академии наук СССР, Чехословацкой Академии наук и Института истории в Белграде. Ответственным редактором ее был С.А. Никитин, членами редколлегии – чешский ученый Й. Кочи, словацкий ученый В. Матула, сербский ученый Н. Петрович, русские ученые В.Г. Карасев и И.В. Чуркина.

Указанные публикации вышли при жизни С.А. Никитина. Еще ряд публикаций были начаты и подготовлены по его инициативе. Особо большое значение имел сборник документов по истории Первого сербского восстания (1804–1813), созданный при сотрудничестве Института славяноведения и балканистики АН СССР и Института балканистики Сербской Академии наук и искусств. Всего, по подсчетам В.М. Хевролиной, по инициативе и участии С.А. Никитина было издано и подготовлено к изданию около 300 печатных листов исторических документов⁶⁴⁹.

Заслугой С.А. Никитина в развитии отечественного славяноведения является создание им школы славистов, которым он сумел передать не только достижения российского дореволюционного славяноведения. В то время, когда при изучении истории славянских народов на первый план исследователи ставили высказывания классиков марксизма-ленинизма, далеко не всегда верные, Никитин обращал главное внимание на документы и стремился делать выводы, опираясь главным образом на них. Не случайно Никитин в своем секторе во главу угла ставил работу своих

⁶⁴⁹ Хевролина В.М. С.А. Никитин и издание документов // Путь ученого. С. 68.

сотрудников над публикациями. Именно на них он обучал их интересу к документам при изучении истории славянских народов. В год смерти С.А. Никитина (1979) среди его учеников было 9 докторов наук и 25 кандидатов наук. Среди них имелись болгаристы: Л.В. Горина, В.Д. Конобеев, И.В. Козьменко, А.А. Улунян, Б.Н. Билунов, Н.В. Зуева, Е.М. Шатохина; югослависты: В.Г. Карасев, К.Л. Струкова, Е.П. Наумов, В.П. Грачев, И.В. Чуркина, Д.Ф. Поплыко, Н.И. Хитрова и др. Помимо тех славистов, которые учились у С.А. Никитина в качестве студентов и аспирантов, было значительное количество тех, кто учился у него во время работы под его руководством над публикациями и обобщающими трудами. Среди этих ученых следует отметить богемиста Л.П. Лаптеву, исследователя отечественной истории XIX в. В.М. Хевролину, югослависта С.И. Данченко.

Большое внимание С.А. Никитин уделял славяноведам, работавшим в провинции. В частности, он помогал славистам из Воронежа. Там под руководством А.Е. Москаленко на кафедре истории средних веков и зарубежных славянских народов в Воронежском университете образовался кружок славистов, куда входили С.П. Боброва, Н.Т. Сапронова, В.Г. Таранова, Н.П. Мананчикова. Никитин опекал молодых славистов: помогал выбрать тему диссертации, выступал на их защите официальным оппонентом. В течение 50-х – 60-х годов XIX в. он семь раз посетил Воронеж⁶⁵⁰. В Пермском государственном университете вела курс истории славян ученица Никитина А.З. Нюркаева.

Добрые отношения сложились у Никитина с харьковским славистом Сидельниковым, со львовскими учеными В. Черным, Л.Н. Климовой. Среди учеников С.А. Никитина

⁶⁵⁰ Горина Л.В. Никитин – заведующий кафедры истории южных и западных славян // Профессор Сергей Александрович Никитин и его историческая школа. С. 29–30.

были и зарубежные слависты. Особенно большую роль в становлении их как ученых он сыграл для болгарина Николая Тодорова и словака Владимира Матулы.

С.А. Никитин участвовал в международных славистических организациях. В 50-е – 60-е годы XIX в. он работал в комиссии историков СССР – НРБ (Народная республика Болгария), являлся заместителем президента и президентом Славянской комиссии при Международном комитете исторических наук.

Значение С.А. Никитина как ученого и педагога четко определили воронежские слависты – ученики Сергея Александровича С.П. Боброва и В.Г. Таранова: «В конечном счете для С.А. Никитина не было науки центра и периферии, была единая Наука, которой он отдавал талант Ученого, силы Учителя, способности Организатора»⁶⁵¹.

Деятельность замечательного ученого и педагога Сергея Александровича Никитина является важным вкладом в развитие отечественного и мирового славяноведения.

⁶⁵¹ Боброва С.П., Таранова В.Г. С.А. Никитин и историческая славистика в Воронежском университете // Путь ученого. С. 80.

Отечественная историография славянофильского движения

Отношение к славянофилам их оппонентов западников оказало влияние на оценку их деятельности и идеологии со стороны либеральных и демократических кругов России последующих поколений. Видный либерал Б.Н. Чичерин писал в воспоминаниях: «Ни одной путной мысли о так называемых русских началах они (славянофилы. – И.Ч.) не высказали, а рассеяли только множество кривых воззрений, которые немало способствовали господствующему хаосу». Все же Чичерин отметил, что в практических делах лучшие из славянофилов сходились с западниками, поскольку вместе с ними боролись за расширение свободы. Более резко отзывался о славянофилах еще один апостол либерализма А.Н. Пыпин, который считал, что мысль об освобождении крестьян была славянофилам чужда. Он указывал, что они только рассуждали о ложности российского образования и о необходимости связи с народом⁶⁵². Пыпин сам занимался славяноведением, написал несколько работ, посвященных литературе и этнографии славянских народов, но по словам русского историка Л.П. Лаптевой, « всю свою жизнь боролся со славянофильством и панславизмом »⁶⁵³.

Еще более отрицательно к идеологии славянофилов относились социал-демократы. Один из их лидеров Г.В. Плеханов опубликовал статью «И.В. Киреевский», посвященную одному из основателей славянофильства. «Нам всем уже давно пора, – писал он, – отделаться от того весьма распространенного предрассудка, согласно которому славянофильское учение

⁶⁵² Цимбаев Н.И. Славянофильство. Из истории русской общественно-политической мысли XIX века. М., 1986. С. 104.

⁶⁵³ Лаптева Л.П. А.Н. Пыпин (1833–1904) и его вклад в славяноведение // Славянский альманах. 2004. М., 2005. С. 190.

заключало в себе какие-то прогрессивные элементы. Таких элементов в нем не было». И далее Плеханов добавлял: «Именно из мнений славянофильской школы, и особенно из мнений ее основоположников, между которыми И.В. Киреевский занимает такое видное место, выросла вся реакционная политическая идеология, на которую до сих пор опираются наши враги народной свободы и народного просвещения»⁶⁵⁴.

Имелись и более объективные оценки идеологии славянофилов. Так, историк и публицист, один из лидеров кадетов П.Н. Милюков в статье «Славянофильство», помещенной в энциклопедии Брокгауза и Ефрона, указывал на три основных элемента славянофильства: 1. Национальный протест против заимствований с Запада. 2. Теория национальной самобытности. 3. Панславистские симпатии, подогревавшиеся фактами национального возрождения славян и их борьбой за свою независимость⁶⁵⁵. Оценка Милюковым идеологии славянофилов страдала односторонностью, поскольку не принимала во внимание их социально-экономические взгляды.

Существовали и восторженные оценки деятельности славянофилов, главным образом их последователей, связанных со славянскими благотворительными обществами. В 1911 г. в Петербурге появилась брошюра В.Н. Кораблева, посвященная столетию со дня рождения одного из основоположников славянофильской теории К.С. Аксакова. Публикацию Кораблев объяснил тем, что в обществе вновь появился интерес к славянофилам. Скорее всего, этот интерес был связан с активизацией национально-освободительного движения на Балканах, приведшей к началу Балканских войн. Кораблев не определял классовой сущности славянофилов, он просто подчеркивал отличительную черту

⁶⁵⁴ Плеханов Г.В. И.В. Киреевский // Соч. Т. XXXIII. М., 1926. С. 103.

⁶⁵⁵ Милюков П.Н. Славянофильство // Брокгауз и Ефрон. Энциклопедический словарь. СПб., 1900. Т. 30. С. 307.

К.С. Аксакова – «пламенную любовь к России, ко всему русскому». Кораблев не одобрял стремления славянофилов распространять среди славян православие, но его вывод о их деятельности был однозначен: «Учение Хомякова, Киреевского, Аксакова, направленное к пользе родины, настолько высоко и гуманно, а сами они так недостижимо велики в своем бескорыстном служении отечеству и своему народу, что не уважать их нельзя, не любить их невозможно»⁶⁵⁶.

В 1920–1930-е годы в СССР господствовала историческая школа М.И. Покровского, которая насаждала классовое, часто сугубо вульгаризированное понимание истории. В июле 1927 г. в газете «Правда» была опубликована его статья «Панславизм на службе империализма», написанная по поводу конференции в Варшаве историков восточноевропейских стран. В ней, по мнению советского историка А.Н. Горяинова, Покровский намеренно смешал понятие «славянская идея» с наукой славяноведение». Покровский подчеркивал, что политическое оружие «славянская идея» «перешло в руки нового хозяина, и этим хозяином был империализм», направивший его против СССР⁶⁵⁷. Согласно с этими установками в 1934–1939 гг. был ликвидирован Институт славяноведения АН СССР, созданный в Ленинграде в 1931 г., подверглись репрессиям видные слависты, в том числе академики В.Н. Перетц, М.Н. Сперанский, члены-корреспонденты Н.Н. Дурново, Г.А. Ильинский и др.⁶⁵⁸

⁶⁵⁶ Кораблев В.Н. Константин Аксаков. СПб., 1911. С. 17.

⁶⁵⁷ Горяинов А.Н. Идея славянской взаимности в 1920–1930 годы: трактовка в Советской России и в среде эмиграции // В России и эмиграции: очерки о славяноведении и славистах первой половины XX века. М., 2006. С. 11–12.

⁶⁵⁸ Досталь М.Ю. Как феникс из пепла...(Отечественное славяноведение в период второй мировой войны и в первые послевоенные годы). М., 2009. С. 37.

Поворотным пунктом в изучении славянофильства в советское время стала публикация в 1941 г. статьи С.С. Дмитриева «Славянофилы и славянофильство». Он первым указал на тот факт, что славянофилами исследователи часто называют различные течения русской общественной мысли. Сам Дмитриев полагал, что «в узком смысле» славянофилами следует считать сторонников учения А.С. Хомякова и И.В. Киреевского, т.е. течение русской общественной мысли 40-х – 50-х годов XIX в. «Славянофильство, – отмечал Дмитриев, – система взглядов монархическая, теория, враждебная буржуазным формам политического строя стран Западной Европы»⁶⁵⁹. По словам видной исследовательницы славянофильства Е.А. Дудзинской, Дмитриев указал на буржуазное содержание взглядов славянофилов. Точку зрения Дмитриева поддержали Н.М. Дружинин, Е.А. Мороховец, Б.Е. Сыроечковский⁶⁶⁰. Возможность появления статьи Дмитриева была связана с тем, что советское правительство увидело в идее сотрудничества славян важное орудие борьбы с фашистской идеологией, провозглашавший славянские народы низшей расой, призванной быть рабом высшей германской нации. На поворот советской власти к переоценке роли славянофилов в истории русской общественной мысли указывают открытие в МГУ (Московский государственный университет) в 1939–1940 гг. кафедры истории южных и западных славян под руководством В.И. Пичеты, а в 1947 (1946) г. в Академии наук СССР – Института славяноведения.

Несомненно, статья С.С. Дмитриева оказала влияние на изучение славянофилов советскими историками. Во «Всемирной истории», начавшей выходить в 1950-е годы,

⁶⁵⁹ Дмитриев С.С. Славянофилы и славянофильство // Историк-марксист. 1941. № 1. С. 90.

⁶⁶⁰ Дудзинская Е.А. Славянофилы в общественной борьбе. М., 1983. С. 15, 17.

о славянофилах писал А.С. Нифонтов в разделе «Оживление общественной мысли в 40-х годах. Славянофилы и западники». Он характеризовал славянофилов как небольшую группу дворянской интеллигенции. «Славянофилы, – отмечал Нифонтов, – выражали взгляды той части дворянской интеллигенции, которая в условиях кризиса крепостного хозяйства пришла к выводу, что интересы самих помещиков требуют некоторых изменений общественно-политического строя». Он указывал, что славянофилы выступали за самобытное развитие России, решительно противопоставляя ее Западной Европе, в которой буржуазные государства находятся в упадке, поскольку там из-за массовой пролетаризации наблюдается обострение классовых противоречий и рост революционного движения. Славянофилы полагали, подчеркивал Нифонтов, что «русская община является будто бы защитой от возникновения пролетариата и революционных потрясений». Вместе с тем Нифонтов утверждал, что славянофилы замалчивали классовые противоречия в крепостной деревне, а их выступления против крепостного права носили непоследовательный характер⁶⁶¹. Статья Нифонтова однобоко освещала идеологию славянофилов, но ее автор уже отошел от решительного охаивания их взглядов.

Новым этапом в развитии российского славяноведения стали труды С.А. Никитина. В 1960 г. вышла в свет его книга «Славянские комитеты в России в 1858–1876 годах». В ней автор подчеркивал панславистскую направленность идеологии славянофилов, инициаторов создания славянских комитетов, но вместе с тем указывал, что в эти организации входили также и группа либеральных профессоров,

⁶⁶¹ Нифонтов А.С. Оживление общественной мысли в 40-х годах. Славянофилы и западники // Всемирная история. М., 1950. Т. VI. Глава 4. С. 251.

и видные представители купечества. Никитин ограничил свой труд исследованием благотворительной деятельности славянофилов, которую рассматривал в положительном ракурсе, указывая на их помощь учащимся славянам, на поддержку славянских школ, содействие подготовке «необходимых болгарам, черногорцам, боснякам, сербам деятелей в области культуры: учителей, художников, ученых и др.» И далее Никитин подчеркивал: «Славянский комитет был единственной легальной организацией помощи славянам»⁶⁶². Вместе с тем социально-политические взгляды славянофилов Никитин характеризовал двойственно. «Убежденные монархисты и консерваторы, – писал он, – славянофилы – особенно Аксаков – были настоящими оппозиционерами». Сравнивая взгляды славянофилов с идеологией М.Н. Каткова, поддерживавшего правительство, Никитин приходил к выводу: «Аксаковская оппозиционность была проявлением умеренного славянофильского либерализма, которого катковский круг не знал и не разделял. Аксаков имеет в виду прежде всего общество, он стремится создать и организовать общественное мнение для воздействия на правительство. Катков популяризирует официальные акты, защищает правительство, и в его статьях находит свое отражение принципиальное единение с правительством»⁶⁶³.

Поскольку докторская диссертация С.А. Никитина, частью которой и являлась рассматриваемая выше книга, писалась в конце 1940-х годов, когда официальная наука признавала славянофилов консерваторами, он не рассматривал их социально-экономические взгляды. Следует, однако, указать, что хотя Никитин и вынужден был называть их

⁶⁶² Никитин С.А. Славянские комитеты России в 1858–1876 годах. М., 1960. С. 343–346.

⁶⁶³ Там же.

консерваторами, он все же старался в некоторых местах подчеркнуть их либеральность и оппозиционность.

Исследование Никитиным деятельности славянофилов по оказанию помощи славянам высоко оценивается современными учеными. Так Н.И. Цимбаев отмечает: «В работах С.А. Никитина раскрыта относительно прогрессивная роль Аксакова и его газет в освободительном движении балканских славян»⁶⁶⁴.

В середине 60-х годов XX в. среди советских историков возникла дискуссия о роли и значении славянофилов в истории русской общественной мысли. Первыми ее начали А.А. Галактионов и П.Ф. Никандров, опубликовавшие в журнале «Вопросы философии» статью «Славянофильство, его истоки и место в истории русской мысли». Указав, что хотя славянофилы не составили этапа в русском освободительном движении, авторы подчеркивали: «Тем не менее роль славянофильства в истории общественной мысли России достаточно велика, и о нем можно говорить как об одном из значительных явлений, давшем целый комплекс идей и теорий, которые отразили мучительные поиски ответов на самые острые вопросы русской жизни»⁶⁶⁵. Галактионов и Никандров утверждали, что западники и славянофилы – два крыла в русском либеральном дворянстве. Хотя славянофилы были полубогословскими идеалистами и защищали помещичье землевладение, они подняли вопрос о национальности, об освобождении славянских народов, «остро поставили проблему особого пути развития России, сохранения и приумножения русской культуры». Авторы ставили

⁶⁶⁴ Цимбаев Н.И. И.С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. М., 1978. С. 26.

⁶⁶⁵ Галактионов А.А., Никандров П.Ф. Славянофильство, его национальные истоки и место в истории русской мысли // Вопросы философии. 1966. № 5. С. 120.

в заслугу славянофилам борьбу против бюрократии, засилья иностранцев в государственном аппарате и армии, за свободу общественного мнения. Галактионов и Никандров указывали, что революционные демократы взяли у них три положения: община, как социально-экономическая форма народного быта; особый путь развития России; отрицание государственности у русского народа⁶⁶⁶.

Выступление Галактионова и Никандрова не осталось без ответа. В 1967 г. в журнале «Философские науки» В.А. Малинин поместил статью «О социальных и политических истоках славянофильства». В ней он решительно утверждал, что «славянофилы выступали в качестве убежденных противников освободительного движения». «Исторический факт заключается в том, – писал Малинин, – что славянофильство, несмотря на свои частные, иногда значительные разногласия с официальной идеологией, было по своим социальным источникам и общественным функциям консервативно-охранительным течением». Малинин отвергал высказанную Галактионовым и Никандровым мысль о том, что Герцен и Чернышевский переняли у славянофилов идею о сельской общине, которую и положили в основу «русского социализма»⁶⁶⁷.

Начавшуюся в научных кругах дискуссию о славянофилах подхватил журнал «Вопросы литературы». В 1969 г. на его страницах появилось несколько статей, посвященных славянофильскому движению и толкующих его с разных позиций. Статья А.Л. Янова «Загадка славянофильской критики» основывалась на разборе трудов видных славянофилов – Ю.Ф. Самарина и особенно К.С. Аксакова. Статью последнего «Опыт синонимов. Публика – народ»

⁶⁶⁶ Там же. С. 122, 124, 128.

⁶⁶⁷ Малинин В.А. О социальных и теоретических истоках славянофильства // Философская наука. 1967. № 1. С. 79–85.

Янов назвал образцом леворадикальной публицистики. Он утверждал, что славянофилы «первыми в истории русской мысли обожествовали свой народ, замордованный, нищий и поротый». Сравнивая взгляды славянофилов со взглядами тех, кто группировался вокруг журнала «Маяк современного просвещения», Янов пришел к выводу о противоположности их идеологий. «Одна из них, – писал Янов, – пыталась превратить национальное чувство в оружие укрепления деспотизма. Другая противопоставляла “публике” и ее воплощению государству мощь и самостоятельность “простого народа”». Янов подчеркивал, что раннее славянофильство было оппозиционным, а позднее – охранительным. Славянофильство для него «великая социальная утопия, межумочное идейное течение». Одновременно Янов указывал на его гипертрофированный, извращенный демократизм, который вел к религии простого народа и отрицанию роли интеллигенции. Это, по его мнению, было впоследствии использовано Черной сотней⁶⁶⁸.

Точку зрения А.Л. Янова об отрицании славянофилами роли интеллигенции опровергает теория общества, выдвинутая И.С. Аксаковым в начале 1860-х годов. Он писал в газете «День», что общество создают образованные люди всех сословий, что без общества бессилен народ и несостоятельно государство. «Общество есть та среда, – подчеркивал Аксаков, – в которой совершается сознательная умственная деятельность народа, которая создается всеми духовными силами народными, разрабатывающими народное сознание». И.С. Аксаков был убежден, что «общество есть народ в его поступательном, то есть прогрессивном движении»⁶⁶⁹.

⁶⁶⁸ Янов А. Загадка славянофильской критики // Вопросы литературы. 1969. № 5. С. 91–115.

⁶⁶⁹ Константин Сергеевич Аксаков, Иван Сергеевич Аксаков. Избранные труды. М., 2010. С. 390, 397.

Под образованным обществом, включающим представителей всех сословий, И.С. Аксаков явно подразумевал интеллигенцию. Правда, уже в 1863 г. он сокрушался, что русское общество нравственно бессильно, что оно ненародно и носит проправительственный казенный характер. «Старое общество отстранилось, – отмечал И.С. Аксаков в январе 1863 г., – нового общества еще нет, надо ждать пока оно народится [...], но когда и из каких элементов? Не пришло еще время народиться ему из элементов народных, а те элементы, какие у нас имеются в виду, могут ли они дать здоровое общество? [...] Потому что к старому обществу должны мы отнести и все наше молодое поколение, в котором нет ничего кроме более искренней и энергической силы отрицания»⁶⁷⁰. На основании этой теории И.С. Аксакова Цимбаев делает справедливый вывод: «Не самодержавная власть, не народные массы, а русская интеллигенция, вернее те ее круги, которые могли определяться понятием “общества”, стали для большинства славянофилов двигателями прогресса и просвещения». Ведущую роль в этом, подчеркивает Цимбаев, сыграл И.С. Аксаков и его теория общества⁶⁷¹.

С противоположных Янову позиций о сущности славянофильства выступил С. Покровский со статьей «Мнимая загадка». В ней он подчеркивал, что славянофильство близко правительственной доктрине, что идеология славянофилов – «одна из разновидностей помещичьей, дворянской идеологии периода кризиса крепостного строя», что их цель – спасти самодержавную власть царя, а также

⁶⁷⁰ Цит. по: *Ширинянец А.А., Мырникова А.В., Фурсова Е.Б.* Константин Сергеевич и Иван Сергеевич Аксаковы // Константин Сергеевич Аксаков, Иван Сергеевич Аксаков. Избранные труды. С. 66.

⁶⁷¹ *Цимбаев Н.И.* И.С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. С. 195–196.

доходы и власть помещиков. И хотя Покровский отметил требование славянофилами свободы мысли и высказываний, вывод его был однозначен: славянофильство реакционное течение, хотя у ранних славянофилов имелись и прогрессивные черты⁶⁷².

В том же номере журнала «Вопросы литературы» выступил Б. Егоров со статьей «Проблема, которую необходимо решить». Он отметил, что таких разнообразных мнений, как о славянофилах, не было высказано ни об одном общественном явлении. На первый взгляд, точка зрения Янова ему была ближе. Егоров писал, что в России в конце 30-х годов XIX в. появилось два течения, которые вобрали в себя лучшие интеллектуальные силы страны, – западники и славянофилы. Оба эти течения требовали уничтожения крепостного права, всеобщего просвещения, освобождения людей от пут бюрократического госаппарата. Несмотря на то, что Егоров приводил положительные высказывания Чернышевского о славянофилах, он все же полагал, что «славянофилы хотели не ломки устоев, а удержания, укрепления и расширения патриархально-феодальных порядков [...] Их концепции объективно не только не расшатывали самодержавно-крепостнический режим, а наоборот – содействовали его сохранению»⁶⁷³.

Дискуссия о славянофилах подтолкнула исследователей к серьезному изучению славянофильства, опираясь не только на их отдельные статьи, но и привлекая их частную переписку, материалы Третьего отделения и цензурных комитетов, высказывания о них прессы и т.д. Особой фундаментальностью отличаются работы о славянофилах Е.А. Дудзинской и Н.И. Цимбаева.

⁶⁷² *Покровский С.* Мнимая загадка // Вопросы литературы. 1969. № 5.

⁶⁷³ *Егоров Б.* Проблема, которую необходимо решить // Вопросы литературы. 1869. № 5. С. 128–134.

Первая книга Дудзинской посвящена деятельности славянофилов в 1856–1861 гг., когда совместно со всеми прогрессивными деятелями они боролись за проведение в России крестьянской и других либеральных реформ. Особый интерес представляют материалы, приведенные Дудзинской, о встречах и сотрудничестве славянофилов В.А. Черкасского, Ю.Ф. Самарина, А.И. Кошелева и других с А.И. Герценом.

Дудзинская подчеркивала значительную роль славянофилов при подготовке крестьянской реформы, указывая, что их позиции в это время сближались с позициями западников, определила общие черты их программ: борьба за отмену крепостного права с наделением крестьян земель, буржуазные преобразования в экономике, социальной и политической сферах, сохранение монархии, враждебность по отношению к революции. «Буржуазный элемент присутствовал в их славянофильских проектах преобразования России, – утверждает Дудзинская, – ничуть не менее, чем в западных». И далее: «Породившая их переломная эпоха соединила в славянофильстве интересы господствующего класса феодального общества – помещиков и интересы формирующейся грядущей капиталистической формации – буржуазии»⁶⁷⁴.

В своей второй монографии, посвященной пореформенному славянофильству, Дудзинская отмечает, что славянофилы «остались верны основам славянофильства, применяя их с учетом изменившихся условий капиталистической России». Рассматривая их отношение к самодержавию, в преданности которому их обвиняли западники, Дудзинская на основании источников приходит к выводу: «Личной преданности самодержавию славянофилы никогда не испытывали». Столь же отрицательно они относились

⁶⁷⁴ Дудзинская Е.А. Славянофилы в общественной борьбе. С. 6, 241.

к дворянству, считая его самым гнилым сословием. Уже эти выводы исследовательницы показывают, что она отошла от распространенного среди историографов мнения, что славянофилы выражали интересы передового дворянства. Наоборот, Дудзинская подчеркивает, что славянофильская пресса «не только отражала интересы буржуазии, но и восполняла недостаток ее экономической и политической образованности, а также способствовала ее консолидации в класс буржуазного общества»⁶⁷⁵.

То, что славянофилы по своим взглядам стояли ближе к буржуазии, чем к дворянству, являлось новым в историографии славянофильства. Но и эта точка зрения кажется недостаточно точной.

Интересна позиция Н.И. Цимбаева, который на страницах своих исследований о славянофилах на огромном новом материале изучил их идеологию. Монографию «Славянофильство» он начал с определения термина «славянофил», поскольку в XIX–XX вв. журналисты и социологи так называли всех, кто с сочувствием относился к зарубежным славянам. В этот круг «славянолюбцев», как их называл западник Т.Н. Грановский, входили А.С. Шишков со своим окружением, часть русской интеллигенции, сочувствующей М.П. Погодину и его изданиям, некоторые представители царского двора, группировавшиеся вокруг графини А.Д. Блудовой, неослависты начала XX в. и др. Все они придерживались разных взглядов на социально-экономические отношения в России, по-разному относились к самодержавию, крестьянскому вопросу, буржуазным реформам.

Цимбаева, как и большинство российских историков, интересовал круг лиц, сочувствующих идеям А.С. Хомякова, И.В. Киреевского, К.С. и И.С. Аксаковых. Для них

⁶⁷⁵ Она же. Славянофилы в пореформенной России. М., 1994. С. 266–269.

Цимбаев вводит новый термин «истинные славянофилы», впервые употребленный Н.Г. Чернышевским. Время их деятельности он определил: 1839 – середина 1870-х годов. Первая дата признана отечественной историографией, вторая вызывает споры.

Рассматривая социально-экономические взгляды славянофилов, Цимбаев останавливается на статье Хомякова «О старом и новом», которая и положила начало славянофильскому движению. Требования Хомякова, к которым примкнули впоследствии все славянофилы, Цимбаев оценивает как выражение настроений русской либеральной общественности⁶⁷⁶.

Важной заслугой Цимбаева является рассмотрение тех постулатов учения славянофилов, которые кажутся прогрессивным политикам наиболее одиозными. Это вопрос о поддержке ими самодержавия и выступление против конституции, а также их стремление не допустить, чтобы Россия пошла по пути Западной Европы. Цимбаев, Дудзинская и некоторые другие современные ученые приводят ряд малоизвестных высказываний славянофилов, которые показывают, что их взгляды на эти вопросы были вполне оправданы теми условиями, которые сложились в то время в России.

Так, Цимбаев считает, что выступление славянофилов против конституции было связано с тем, что в России в 1850–1860-е годы развернулось дворянское конституционное движение, целью которого являлось ограничение власти царя в свою пользу. По мнению Цимбаева, с которым согласен автор данного очерка, дворяне видели в конституции возможность помешать проведению буржуазных реформ. Об этом А.И. Кошелев откровенно писал Герцену 30 августа 1859 г.: «Мы за самодержавие, потому что освободить

⁶⁷⁶ Цимбаев Н.И. Славянофильство. С. 73.

крестьян (дело самое важное для нас) может только одно самодержавие. Представительство теперь у нас невозможно, ибо в нем будет играть роль дворянство, самое гнилое у нас сословие, и всякая вымышленная конституция есть для государства величайшее зло [...], самодержавие возможно, пока нет другой силы, могущей его ограничить. Этой силы еще нет, ей надобно возникнуть, развиться и окрепнуть. Освобождение крестьян должно быть к этому первым шагом»⁶⁷⁷. Ю.Ф. Самарин в письме к И.С. Аксакову в октябре 1861 г. выдвигал два довода против поддержки идеи конституции: народ верит намерениям царя и не верит никому из сословий и кружков, а также – безграмотный народ не способен принять участие в государственном управлении. «Настоящей конституции у нас пока еще быть не может, – заключал Самарин, – а конституция не народная, то есть господство меньшинства без доверенности от имени большинства, есть ложь и обман»⁶⁷⁸. Еще ранее, в апреле 1861 г., Самарин писал И.С. Аксакову, что народ никому не верит, кроме царя. «Но это вовсе не тот царь, – добавлял он, – который назначает губернаторов, издает высочайшие повеления и передвигает войска. А какой-то другой самозданный, мифический образ»⁶⁷⁹. В неопубликованной статье, написанной в 1850-е годы, Самарин высказывал мысль о том, что мировая история не знает какой-либо истинной формы правления, что и монархия, и олигархия, и демократия имеют право на существование в зависимости от конкретных исторических условий. Он полагал, что для современной ему России наиболее правильной формой правления является самодержавие, которое Самарин считал надсословным органом,

⁶⁷⁷ Дудзинская Е.А. Славянофилы в пореформенной России. С. 225.

⁶⁷⁸ Цимбаев Н.И. Славянофильство. Из истории русской общественно-политической мысли XIX века. С. 211, 216.

⁶⁷⁹ Там же. С. 236.

отвечающим интересам всего русского народа⁶⁸⁰. С ним был полностью согласен И.С. Аксаков. В письме к А.Д. Блудовой от 1862 г. он отмечал: «Вы никогда не докажете, что самодержавие хорошо: это только одно из меньших зол, или меньшее из зол»⁶⁸¹.

Славянофилы относились к дворянству как сословию отрицательно. Еще в 1849 г., отвечая на вопросы жандармов, И.С. Аксаков писал: «Дворянство совершенно оторвалось от народа, присвоив своей жалкой цивилизации право не верить, когда он верит, не соблюдать уставы церкви, им соблюдаемые; не знать языка, которым он говорит, забыть свою историю и предания и глядеть на него только как удобный материал к извлечению из него доходов»⁶⁸². Отрицательно характеризовал дворянство и К.С. Аксаков в уже упоминавшейся статье «Опыт синонимов. Публика – народ». Именно поэтому славянофилы стремились ликвидировать превалирование в обществе дворянства. В январе 1862 г. во время московских дворянских выборов И.С. Аксаков выступил с предложением самоупразднения дворянства. В проекте обращения дворянства к правительству И.С. Аксаков предлагал записать: «Чтобы дворянству было позволено торжественно перед лицом всей России совершить акт уничтожения себя как сословия. Чтобы дворянские привилегии были видоизменены и распространены на все сословия России». Аксаков предлагал, чтобы место дворян в обществе определялось по роду их настоящих занятий. Дворяне, имеющие земли, должны примкнуть к другим землевладельцам, а те, которые не имеют земли, вступят в ряды тех лиц, которые занимаются тем же делом, что и они. Дворяне,

⁶⁸⁰ Там же. С. 190–191.

⁶⁸¹ Там же. С. 237.

⁶⁸² Константин Сергеевич Аксаков, Иван Сергеевич Аксаков. Избранные труды. С. 332.

которые не занимаются никакой деятельностью, будут причислены к городам или селам в качестве простых обывателей⁶⁸³. Против предложения И.С. Аксакова выступили влиятельные публицисты, в том числе и западники, такие как Б.Н. Чичерин, К.Д. Кавелин, М.Н. Катков и др. Царское правительство официально отвергло это предложение. Идея введения равенства сословий не являлась личным мнением И.С. Аксакова – она принадлежала всем славянофилам. Еще в 1839 г. ее сформулировал Хомяков в статье «О старом и новом». Спустя почти 20 лет в одной из передовиц газеты «Молва» К.С. Аксаков, подчеркивая, что только русский народ хранит русские основы, призывал «верхние классы» «забыть о своих отличиях и преимуществах, почувствовать себя только человеком и христианином»⁶⁸⁴. Правда, спустя некоторое время после выступления перед дворянским собранием И.С. Аксаков принял компромиссный вариант отмены дворянского сословия, предложенный А.И. Кошелевым. Он предусматривал сохранение дворянами своего звания в качестве почетного титула при одновременном вхождении их в сословие землевладельцев, в котором будут состоять и другие собственники земли, вышедшие из общины⁶⁸⁵. И.С. Аксаков выступал также против введения имущественного ценза при выборах: «Почему меньшинство “имущих” имеет право решать участь громадного большинства “неимущих”?»⁶⁸⁶.

При таком отношении к дворянству вряд ли можно считать славянофилов выразителями их интересов. Цимбаев, оценивая их взгляды, как и большинство современных

⁶⁸³ Там же. С. 214–215.

⁶⁸⁴ Шириняц А.А., Мырникова А.В., Фурсова Е.Б. Константин Сергеевич Аксаков и Иван Сергеевич Аксаков. С. 52.

⁶⁸⁵ Дудзинская Е.А. Славянофилы в пореформенной России. С. 282.

⁶⁸⁶ День. 28.12.1861.

ученых, считает славянофилов либералами. В самом начале своей монографии «Славянофильство» он указывал, что задача его труда – показать особенности славянофильского либерализма⁶⁸⁷. Как и Дудзинская, он подчеркивает, что славянофилы отстаивали интересы своего сословия, хотя требование отмены крепостного права буржуазно по своей сущности⁶⁸⁸. Вместе с тем, рассматривая взгляды одного из наиболее радикальных славянофилов К.С. Аксакова, Цимбаев делает вывод: «Идеализация прошлого, наивный цезаризм, вера в “доброту” царя и объявление под различными предложениями действительного царя “неистинным”, “неприродным”, враждебность к “верхним классам” (“публике”, “изменникам-боярам”), культ замкнутой общины и боязнь правительственных чиновников – вот положения, общие представлениям К.С. Аксакова и патриархального крестьянства»⁶⁸⁹. Здесь Цимбаев прямо указывает, что взгляды К.С. Аксакова во многом отражали мировоззрение патриархального крестьянства. Надо отметить, что близкими к идеям К.С. Аксакова были представления его брата И.С. Аксакова. «Освобождение крестьян? – писал он М.Ф. Раевскому 5 мая 1861 г. по поводу крестьянской реформы. – Но манифест хорош только как брешь в крепостной стене. Другого жизненного приложения “Положение” иметь не будет, ибо оно противоречит всем естественным и законным требованиям народа. И хотя умные люди занимались этим делом, но они должны были образоваться не с народными требованиями, а с требованиями петербургских умалишенных. Крестьяне “Положением” более недовольны, чем помещики. Вместо того, чтобы развязать

⁶⁸⁷ Цимбаев Н.И. Славянофильство. Из истории русской общественно-политической мысли XIX века. С. 4.

⁶⁸⁸ Там же. С. 200.

⁶⁸⁹ Там же. С. 197.

их друг с другом окончательно, их связали. Крестьяне не работают. Их энергические генерал и флигель-адъютанты секут, ссылают, застреливают. А у помещиков дай бог, если половина доходов наберется нынешнею зимою»⁶⁹⁰.

Указывая, что в пореформенной России славянофилы являлись идеологами либеральных помещиков, Цимбаев подчеркивает, что «славянофильство – система взглядов антикрепостнических, либеральных»⁶⁹¹.

Чиновничество и дворянство славянофилы считали одним и тем же классом. В 1864 г. Самарин, несколько лет проработавший в Редакционных комиссиях, подготовлявших крестьянскую реформу, писал: «Дворянство и чиновничество – это не два сословия, не две среды, а одно и то же, один общественный орган, одно юридическое лицо. Пожалуй, можно различать в нем две стороны, но они неразрывно связаны, что на практике не отделяются одна от другой, даже в частном быту». Приводя эти высказывания, Цимбаев все-таки утверждал, что «подлинного демократизма в славянофильстве не было»⁶⁹². И в выводах он снова подчеркивал: «Славянофильство возникло и развивалось как направление раннего русского либерализма»⁶⁹³. В другом месте Цимбаев отмечает, что славянофильство выражало взгляды наиболее левых представителей раннего российского либерализма первого поколения.

В оценках Цимбаева странным кажется упорное подчеркивание, что славянофилы являлись выразителями взглядов помещного дворянства. Факты, представленные в его книгах, говорят об отрицательном отношении славянофилов к этому классу. Надо еще иметь в виду, что подавляющее

⁶⁹⁰ Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. СПб., 1895. Т. IV. С. 55.

⁶⁹¹ Цимбаев Н.И. Славянофильство. Из истории русской общественно-политической мысли XIX века. С. 231.

⁶⁹² Там же.

⁶⁹³ Там же. С. 71.

большинство поместного дворянства накануне отмены крепостного права выступало против освобождения крестьян. Об обстановке в России после окончания Крымской войны очень точно писал Самарин: «Итак, триста тысяч помещиков, не без основания встревоженных ожиданием страшного переворота, одиннадцать миллионов крепостных людей, твердо уверенных в существовании глухого, давнишнего заговора дворянства против царя и народа и в то же время считающих себя заодно с царем в оборонительном заговоре против общего врага дворянства, законы в которых народ не признает подлинного выражения царской воли, правительство, заподозренное народом в предательстве и не внушающее ему никакого доверия, – вот, чем мы обязаны крепостному праву в отношении политическом»⁶⁹⁴.

Так каким же образом славянофилы выражали интересы дворянства? Ведь славянофилы выступали не только за ликвидацию крепостного права при наделении крестьян землей, они были за отмену сословий и за распространение привилегий дворянства на все население России, в чем не все западники их поддерживали. Все это доказывает, что они не выражали точку зрения дворянства на крестьянский вопрос и дальнейшее переустройство России.

Вызывают не меньшее сомнение выводы Дудзинской, пытающейся связать интересы славянофилов с купечеством, т.е. с нарождающимся классом капиталистов. «Помещики-славянофилы, – пишет она, – [...] выполняли на данном этапе роль идеологов буржуазной эпохи»⁶⁹⁵.

Для того, чтобы определить сущность славянофильского движения, надо кратко охарактеризовать их взгляды на будущее России. Выше уже говорилось, что капиталистические отношения их симпатий не вызывали.

⁶⁹⁴ Там же. С. 185.

⁶⁹⁵ Дудзинская Е.А. Славянофилы. С. 247.

Главную надежду на переустройство России, на превращение ее в могучую державу славянофилы возлагали на простой народ, т.е. на крестьянство. Об этом прямо писал И.С. Аксаков: «Что было бы с Россией, если б у нее не было устоя в русском народе! [...] Поблагодарим бога, что у нас есть простой народ, есть такое зерно, которого не удалось нам раздробить дворянской заемной цивилизацией»⁶⁹⁶. Ю.Ф. Самарин прямо отвечал на вопрос, к какой политической партии он принадлежит, в книге «Окраины России», вышедшей в свет в 1867 г. за границей: «Как русский, желающий посильно служить моей Родине и в мое время, я не принадлежу ни к какой политической партии [...] Я не революционер и не консерватор, не демократ и не аристократ, не коммунист и не конституционалист»⁶⁹⁷. Этими словами Самарин как бы хотел подчеркнуть, что к нему и его взглядам не подходит ни одно определение из политической терминологии, выработанной западной историографией.

Приведя эти высказывания крупнейших идеологов славянофильства, Н.И. Цимбаев, на протяжении всей монографии писавший о том, что славянофилы являются представителями раннего либерализма, оканчивает свой труд выводом, который кажется наиболее приемлемым. «Славянофилы, – пишет он, – выдвинули такие политические теории, которые призваны были отразить настроения не только дворянства, но и купечества, мещанства, патриархального крестьянства»⁶⁹⁸. Практически перечисленные здесь слои российского общества и составляли в то время русский народ.

Российский исследователь В.А. Дьяков, много лет изучавший славянофильство, считает, что с точки зрения

⁶⁹⁶ Цит. по: Цимбаев Н.И. Славянофильство. Из истории русской общественно-политической мысли XIX века. С. 225.

⁶⁹⁷ Там же. С. 226.

⁶⁹⁸ Там же. С. 240.

социальной программы оппозиционность славянофилов мало отличалась от оппозиционности западников, что их оппозиционность «была ограниченной и не выходила за рамки российского варианта либерализма»⁶⁹⁹. Вместе с тем, признавая славянофилов либералами, Дьяков все-таки не рискует определить, интересы какого класса они выражали.

Ближе других подошел к пониманию сути славянофильства А.С. Курилов. Он совершенно справедливо, не отклоняясь от точки зрения современных историков, пишет: «Славянофилы входили в единую со всеми передовыми и прогрессивными силами России того времени оппозицию царскому правительству». Вместе с тем Курилов считает славянофильство не только антикрепостническим, но и антибуржуазным течением⁷⁰⁰. То, что славянофилы являлись врагами капиталистического строя, показывает их отрицательное отношение к европейскому пути развития для России. Они объясняли это тем, что данный путь приведет к возникновению резкого неравенства в стране, появлению в ней пролетариата. Примером осуществления этого пути они считали Конфедеративные штаты Америки (США). И.В. Киреевский в статье, написанной в 1845 г., отмечал, что в США, где сложились отношения по западному образцу, наблюдается явное неуважение всех нравственных начал, а в основе всех умственных достижений «лежит самая мелкая жизнь, отрезанная от всего, что поднимает сердце над личной корыстью, утонувшая в деятельности эгоизма и признающая своею высшей целью материальный комфорт»⁷⁰¹. Такой судьбы славяно-

⁶⁹⁹ Дьяков В.А. Славянский вопрос в общественной жизни дореволюционной России. М., 1993. С. 49, 40.

⁷⁰⁰ Курилов А.С. Константин и Иван Аксаковы // К.С. Аксаков. И.С. Аксаков. Литературная критика. М., 1982. С. 7, 11.

⁷⁰¹ Цимбаев Н.И. Славянофильство. Из истории русской общественно-политической мысли XIX века. С. 239.

филы для России не желали. И я полностью согласна с мнением А.С. Курилова, который в статье «Константин и Иван Аксаковы», предваряющей публикацию важнейших трудов этих деятелей, указывал, что главной причиной нежелания славянофилами европеизации России, начавшейся со времен Петра I, являлось их убеждение, что в конце этого пути ее ждут «мещанская бездуховность, состояние полускотского равнодушия ко всему, что выше чувственных интересов и торговых расчетов»⁷⁰².

Отошли от принятого в советское время определения славянофилов как выразителей интересов передового дворянства или нарождавшейся буржуазии и А.А. Ширинянц, А.В. Мырникова и Е.Б. Фурсова. Отметив, что И.С. Аксаков – «политический мыслитель консервативного типа» (утверждение спорное. – И.Ч.), они так характеризуют его: он «выступал последовательным сторонником служения собственному народу как составной части служения общечеловеческим интересам»⁷⁰³. Стоит добавить, что в капиталистических странах Западной Европы славянофилы после Крымской войны не видели возможных союзников России. Об этом откровенно писал в «Молве» К.С. Аксаков, отмечая, что война показала лживость и коварство прежних друзей России. «Наши верные друзья, – утверждал он, – это народы славянские и вообще народы угнетенные, они понимают, быть может неясно, что одно из внутренних коренных убеждений Русской земли есть оправдание и признание всякой народности»⁷⁰⁴.

⁷⁰² Курилов А.С. Константин и Иван Аксаковы. С. 7.

⁷⁰³ Ширинянц А.А., Мырникова А.В., Фурсова Е.Б. Константин Сергеевич и Иван Сергеевич Аксаковы. С. 74, 80.

⁷⁰⁴ Константин Сергеевич Аксаков, Иван Сергеевич Аксаков. Избранные труды. С. 297.

Данная монография не претендует на то, чтобы дать полную и всестороннюю оценку деятельности славянофилов. Автору хотелось обратить внимание будущих исследователей этой проблемы на два момента. Во-первых, круг славянофилов был гораздо шире, чем это принято считать. К нему принадлежат такие крупные культурные деятели России, как Н.Я. Данилевский, Ф.М. Достоевский, А.К. Толстой, Ф.И. Тютчев, В.С. Соловьев, Н.М. Петровский, А.И. Харузин и др. Все они считали себя славянофилами и выступали в печати со своими взглядами. Во-вторых, их мнения имели определенные отличия. Вместе с тем славянофилов объединяли общие убеждения: безграничная любовь к родине и ее народу, под которым они подразумевали прежде всего трудящиеся слои населения, главным образом крестьянство. Славянофилы, несмотря на свою принадлежность к дворянскому сословию, стремились защищать интересы крестьян.

И еще одно убеждение характеризовало их: они полагали, что у России не может быть постоянных союзников среди колониальных стран, под которыми подразумевали великие державы того времени: Англию, Францию, Германию, Соединенные Штаты Америки. Они всегда будут стремиться унижить Россию, и если и не уничтожить ее, то отобрать часть территорий и низвести ее до уровня второсортного государства. Верных союзников себе Россия должна искать среди угнетенных народов и государств.

Встает вопрос: хотели ли славянофилы, чтобы Россия присоединила к себе все славянские народы? Отвечали на него славянофилы по-разному. Большинство из них исходило из того, что славяне являются одним народом. С конца XVIII в. в европейских научных и политических кругах существовало убеждение, что славянские, германские, романские племена являются едиными

народами – германским, романским, славянским. И осуществить их объединение в единые государства – прогрессивное дело. В XIX в. произошло слияние мелких независимых государств Европы в крупные Италию и Германию. Так что славянофильские теории соединения славян не были оригинальными. Помимо этого многие славянофилы были уверены в невозможности существования независимых мелких государств, поскольку их сразу же подчинят себе крупные государства.

Славянофилов интересовал еще один важный вопрос – объединение православной, католической и других христианских церквей в единую христианскую церковь. В этом они видели возможность установления мирных отношений между разными народами Европы. Этот вопрос, хотя и затрагивается в монографии, но несомненно требует более квалифицированного освещения.

Ответила ли монография на вопрос, к какому течению общественной мысли можно отнести славянофилов? И так ли важно, назвать ли славянофилов либералами, консерваторами или демократами. Эта терминология, созданная социологами конца XVIII – XX в. и принятая наукой как буржуазной, так и марксистской, требует серьезного уточнения. Последние события XX–XXI вв. показали, что самым страшным для народов Земли являются не формы государства, не различие социально-экономических порядков, а попытки глобализации, которые проводятся фашистами, коммунистами, демократами, исламистами и другими. Каждый народ имеет право строить свою жизнь согласно своей истории, своим обычаям, своему менталитету, за что и выступали славянофилы.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
1. Русское общество и славянофилы	7
2. Попытка организации восстания славян во время Крымской войны	34
3. Первые русские идеологи панславизма М.П. Погодин и К.С. Аксаков	65
4. Русское правительство и славянофилы (1850-е – 1870-е годы)	81
5. Славянофилы и М.П. Погодин о польском вопросе (1840–1870-е годы XIX в.)	112
6. Этнографическая выставка и Славянский съезд в Москве в 1867 г.	139
7. Русские панслависты 1860-х – 1890-х годов	179
8. Славянофилы и русское правительство во время Восточного кризиса 1875–1878 гг.	217
9. Славянофилы Киреевы	239
10. Й.Ю. Штротсмайер и русское общество	271
11. Сергей Александрович Никитин. Ученый и педагог	318
12. Отечественная историография славянофильского движения	341
Заключение	365

Churkina I.

Russia, Slavophiles and foreign Slavs. –

Moscow: Indrik Publishers, 2020. – 368 pp., ill.

ISBN 978-5-91674-589-4

DOI 10.31168/91674-589-4

I. V. Churkina's monograph is devoted to the Slavophile movement in Russia. It examines various versions of the Slavophile ideology and the main aspects of their activities. The relations of Slavophiles with representatives of foreign Slavs are particularly studied and the distinctive features of their interaction in the second half of the XIX – early XX centuries are highlighted. The author was able to identify new ideologists of Slavophilism, the analysis of whose views allows us to expand the understanding of the essence and specifics of this current of thought and its influence on the future fate of Russia.

The book is intended for a wide range of readers interested in Slavophiles in Russia and their relationship with the national movements of foreign Slavs.

Научное издание

И.В. Чуркина

РОССИЯ, СЛАВЯНОФИЛЫ И ЗАРУБЕЖНЫЕ СЛАВЯНЕ

Очерки истории

Оригинал-макет А.С. Старчеус

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИНДРИК»

По вопросу
приобретения книг
издательства «Индрик»
обращайтесь по тел.:
+7 (495) 938-01-00
www.indrik.ru
market@indrik.ru

INDRIK Publishers has the exceptional right to sell this book outside Russia and CIS countries. This book as well as other **INDRIK** publications may be ordered by **www.indrik.ru**

Налоговая льгота —
общероссийский классификатор продукции (ОКП) — 95 3800 5

ЛР № 070644, выдан 19 декабря 1997 г.

Формат 60×90 1/16. Печать офсетная.

23,0 п. л. Тираж 500 экз.

Отпечатано в ОАО «Первая Образцовая типография»

Филиал «Чеховский печатный двор»

142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1

www.chpd.ru, sales@chpk.ru, 8(495)988-63-87